

— — — — — ЗАГАДКИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА — — — — —

ДИНАСТИЯ ПТОЛЕМЕЕВ

Эдвин Бивен

После смерти Александра Македонского
его империя была разделена между полководцами.
Египет достался Птолемею, впоследствии
прозванному Сотером — спасителем

Эдвин Бивен
Династия Птолемеев. История Египта в
эпоху эллинизма

Edwyn Bevan
THE HOUSE OF PTOLEMY
a history of egypt under the ptolemaic dynasty

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2011

Предисловие

С тех пор как вышли книги Магаффи «История Египта при династии Птолемеев», исследования и наука не стояли на месте, был обнаружен ряд новых источников (папирусы и надписи). Труд Магаффи уже недостаточно для того, чтобы дать читателю представление об известных фактах истории эллинистического Египта и точках зрения различных авторитетных исследователей на различные ее аспекты. Поэтому господа из издательства «Метуэн» сочли целесообразным исправить или переписать том IV «Истории Египта», написанной сэром Флиндерсом Питри, таким образом, чтобы он больше соответствовал теперешнему уровню знаний. Так как доктора Магаффи больше нет с нами и он не может переделать свою работу, они вручили его книгу мне с просьбой либо внести в нее изменения и дополнения, либо написать другую книгу, которая заменила бы ее в этой исторической серии. Почти сразу же стало понятно, что и речи быть не может о том, чтобы вставлять написанные мной фрагменты в текст Магаффи. Стиль Магаффи настолько свеж и своеобразен, что внесение в него дополнений будет подобно вживлению в тело инородных тканей, которые будут им отторжены. Я не видел иной возможности, как только заново написать всю историю по-своему, время от времени приводя фразы и абзацы из книги Магаффи там, где они представляются уместными; эти цитаты стоят в кавычках и подписаны литерой М в скобках. Одним из преимуществ этого варианта было то, что таким образом мой новый том не будет выглядеть так, будто с его помощью я старался отодвинуть Магаффи на второй план. Труд Магаффи по-прежнему сохраняет самостоятельную ценность для изучающих историю державы Птолемеев. Если в свете недавних открытий его утверждения и предположения часто можно отвергнуть, то замечания его энергичного и здравого ума, живая манера представления, пожалуй, и еще через двенадцать лет, когда и мой труд будет таким же устаревшим, как труд Магаффи сейчас, побудят интересующихся обратиться к его «Истории», и не напрасно. При написании своей книги я посчитал нужным отметить те пункты, в которых Магаффи явно ошибался. Из-

за этого у некоторых читателей может сложиться впечатление, что автор настоящего труда стремится поймать своего предшественника на слове, чего у меня и в мыслях не было. Если я чаще ссылаюсь на работу Магаффи для ее исправления, чем для выражения признательности, то только потому, что верю в способность читателя самостоятельно определить, где Магаффи прав, и предупреждаю его лишь в тех случаях, где, как показали новейшие исследования, Магаффи ошибался. Ни один человек, занимающийся этой темой, не может не понимать, насколько весь ученый мир сегодня должен быть обязан тому стимулу, который поколение назад придали изучению эллинистической эпохи яркий ум Магаффи и его обширная эрудиция в разнообразных областях.

Те, кого в наши дни привлекает история эллинистического Египта, могут взять за основу своих изысканий великолепный труд Буше-Леклерка «История Лагидов» (*Histoire des Lagides*) в четырех томах (1903–1906), который по некоторым пунктам дополняет его же изданная позднее «История Селевкидов» (*Histoire des Séleucides*) (1913–1914). В незаменимой работе Буше-Леклерка собраны данные о результатах исследований двух великих эллинистических держав, которые проводились вплоть до времени написания его книги. Автор сопровождает их прекрасными критическими рассуждениями, а кроме того, будучи литератором, унаследовавшим традиции французской исторической прозы, он рассказывает историю так, что читать его труд – не тяжкая обязанность, а истинное наслаждение. Что же касается такой отдельной области, как папирусы и те сведения, которые они дают нам о жизни и государственном строе Египта при Птолемах, то основным руководством для знатоков данной темы являются «Основы и хрестоматия» (*Grundzüge und Chrestomathie*) Вилькена и Миттейса – в первом томе, написанном Вилькеном, содержится общий обзор папирологии и рассказ о государственном управлении при Птолемах, во втором томе Миттейс рассматривает законодательство и судопроизводство. Ульрих Вилькен, один из великих ученых, подаренных миру Германией в наше время, рассуждает обо всем, что касается папирологических исследований, обладая при этом авторитетом, которого удостоены лишь немногие. В настоящее время он публикует многотомное издание египетских папирусов, датированных периодом эллинизма и сгруппированных в

хронологическом порядке (Urkunde der Ptolemäerzeit), представляющее собой труд всей его жизни, посвященной изучению этой темы. В книге Макса Л. Штрака «Династия Птолемеев» (Die Dynastie der Ptolemäer, 1897) собраны данные по хронологии этого периода, насколько они были исследованы двадцать девять лет назад. Подробное рассмотрение хронологии эпохи эллинизма по-прежнему не обходится без ссылок на эту книгу. Штрак является одним из европейских ученых, погибших в Первой мировой войне. Все важнейшие греческие надписи эллинистического Египта, известные двадцать один год назад, собраны Диттенбергером в «Восточных греческих надписях» (Orientis Graecae Inscriptiones). Один из самых заметных вкладов, внесенных в папирологические исследования в последние годы, – это «Введение в папиологию» (Einführung in die Papyruskunde) Шубарта (1918); его же «История Египта от Александра до Мухаммеда» (Geschichte Ägyptens von Alexander bis Mohammed, 1922) представляет собой хорошо написанный и красочный рассказ для широкой публики, лишенный ссылок и примечаний. Бессмысленно пытаться перечислить здесь всех остальных ученых, живущих в наше время, которые занимались изданием найденных недавно папирусов и изучали различные аспекты истории эллинистического Египта; читатели, желающие получить полный обзор папирологической литературы, могут посмотреть библиографию в «Основах» или «Введении» Шубарта, а также пополнить список более поздними публикациями из обзоров мистера Х.И. Белла в «Журнале египетской археологии». В дополнение можно отметить, что активная работа ведется в рамках итальянской школы папирологических исследований, с которой связаны имена многих известных молодых ученых, притом что Италия лишь недавно потеряла маститого автора Джакомо Лумброзо, чья книга «Исследования политической экономики Египта при Лагидах» (Recherches sur l'économie politique de l'Égypte sous les Lagides) опубликована еще в 1870 году; что Россия представлена выдающимся ученым Михаилом Ростовцевым, изгнанником, живущим вдали от родины, поскольку страна, где всем заправляют большевики, не может быть домом для людей такого рода; что Америка достойно представлена издателем папирусов Зенона К.К. Эдгаром и что, наконец, никем не превзойден вклад Англии в папиологию в виде

подробных изданий папирусов, выполненных сэром Фредериком Кеньоном, Б.П. Гренфеллом, С. Хантом, Дж. Г. Смайли и Х.И. Беллом.

Следует также обратить внимание на нумерацию поздних Птолемеев. В древности царей одной династии с одинаковыми именами обычно не называли по номерам, как это делаем мы: Эдуард VII и т. п. Приписанные разным Птолемеям римские цифры являются изобретением ученых Новейшего времени, и вы увидите, что моя нумерация отличается от принятой Магаффи. Предполагаемого старшего брата Птолемея Филометора Магаффи называет Птолемеем VI, а сына Птолемея Филометора – Птолемеем VIII. Однако место в династии двух неправивших мальчиков-царей – Птолемея Евпатора и Филопатора Неоса – очень спорно; и я согласен с Буше-Леклерком в том, что целесообразно не включать их в нумерацию и вернуться к прежнему порядку, где Филометор был Птолемеем VI, а Эвер-гет II – Птолемеем VII. Между прочим, это согласуется и с древней нумерацией; ибо, хотя греки обычно и не называли Эвергета II «седьмым», греческие авторы иногда действительно упоминают о нем как о седьмом из Птолемеев (*Страбон*. XVII. С. 795; *Афиней*, IV.184B; V.252E; XII.549D).

Мне остается только выразить признательность всем, кто мне помогал, и в первую очередь главному редактору «Истории Египта» сэру Флиндерсу Питри за те исчерпывающие ответы, которые он давал мне, когда я обращался к нему за консультацией, и внимание, с которым он прочел мою довольно беспорядочную рукопись. Сделанные им предложения и критические замечания можно проследить во множестве сносок. В своих трудах, на которые я буду ссылаться, сэр Флиндерс Питри привел ценные сведения об организации общества и управления в фараоновском Египте. Детальное рассмотрение вопроса о том, насколько птолемеевская система соответствовала древней фараоновской, а там, где сходство очевидно, насколько оно обусловлено заимствованием, а насколько потребностями жизни Египта либо деспотическим режимом, в рамках которого независимо друг от друга формируются одинаковые институты, лежит за пределами этого небольшого труда. Будет достаточно отослать тех, кто желает разобраться в этой теме, к работе сэра Флиндерса Питри, который авторитетно изложил обычаи и установления Египта во времена фараонов. Историю Египта на

протяжении тысячелетий, в течение которых он сохранял самобытную культуру под властью фараонов туземных династий, и его последующей борьбы за независимость с Персией, тщетной в конечном итоге, сэр Флиндерс Питри изложил в трех предыдущих томах этой серии. Мой том является продолжением написанных им и начинается с рассказа о том, как персы отступили перед македонцами. Повествование в нем доводится до момента, когда македонцы потерпели поражение от римлян. По некоторым вопросам, связанным с иероглифическими надписями, неоценимую помощь мне оказал мистер С.Р.К. Глэнвилл, с которым я советовался во время отсутствия сэра Флиндерса Питри. Мистеру Х.И. Беллу я признателен за предоставленные мне разнообразные новейшие публикации, которые еще недоступны в читальном зале Британского музея. Я особенно благодарен мистеру Г.Ф. Хиллу не только за советы касательно монет, но и за то, что специально для меня были изготовлены новые гипсовые отливки некоторых из них, чтобы улучшить качество фотографий. И наконец, я не могу не поблагодарить мою дочь за ее помощь в подготовке алфавитного указателя.

Э. Б.

Глава 1

Александр Великий

Осенью 332 года до н. э. армия македонян и греков числом около 40 тысяч воинов вторглась в Египет. Ее вел молодой царь Македонии Александр, который за два года до того выступил в поход на громадную Персидскую империю в качестве главнокомандующего войсками эллинских государств. Прежде чем достигнуть Египта, он разбил собранную персидскими сатрапами армию у реки Граник в Малой Азии и войско самого великого царя Дария при Иссе на сирийском побережье. К осени 332 года до н. э. персидская держава исчезла с приморских земель Восточного Средиземноморья, за исключением Египта. Там еще правил сатрап Мазак от имени великого царя (вероятно, в качестве заместителя сатрапа Савака, оставившего Египет, чтобы соединиться с царем Дарием на Иссе). Александр должен был овладеть Египтом и, возможно, расположенной западнее Киреной, прежде чем отправиться в страны Востока, так как его враги были еще сильны на море, а у Александра не было флота, чтобы противостоять им. Единственный способ для него обеспечить себе базу состоял в том, чтобы овладеть всеми портами Восточного Средиземноморья и оставить вражеские флоты без возможности где-либо встать на ремонт или запастись провизией. Так и вышло, что армия ионийцев, как египтяне называли греков (на древнегреческом *iaones*, на персидском *yavana*, на иврите *yavan*), вступила на древнюю землю фараонов.

Греческие воины не были совершенно незнакомы египтянам. Во времена Геродота, за век до вторжения Александра, египтяне смотрели на греков сверху вниз как на нечистых чужеземцев, но тем временем они начали освободительную борьбу против персов, в которой египетские цари получили в помощь войска, присланные греческими государствами; египтяне и греки сражались плечом к плечу с общим врагом. Всего за десять лет до прихода Александра последний фараон, чье египетское имя греки восприняли как Нектанеб, был свергнут, и персидское правление было восстановлено. Поэтому египтяне увидели в войске Александра, слава об удивительных победах которого

опережала его, могущественных друзей и освободителей^[1]. Борьба с Персией продолжалась; египтяне с греками по-прежнему оставались союзниками. В то время едва ли египтяне могли понимать, что на этот раз ионийцы пришли в Египет не союзниками, а хозяевами. Они прибыли в Египет, чтобы утвердиться там более прочно и править им дольше, чем персы. После предыдущих иноземных вторжений гиксосов и прочих Египет раз за разом в конце концов возвращал себе свободу и устанавливал новые династии фараонов из своего народа, сохранив с незапамятных времен древние народные традиции в государственном строе, культуре и языке; но теперь уже никогда, до окончания времен, на берегах Нила не будет править фараон египетской крови. С приходом Александра Египет на тысячу лет покорится чужеземным правителям эллинистической цивилизации, македонянам и римлянам, а в конце тысячелетия Египет, ставший частью исламского мира, будет совсем другой страной, с другим языком, другим общественным строем, другой религией. Боги, которым тысячелетиями поклонялись жившие на египетской земле, будут навсегда забыты и занесены пылью.

Египтяне, приветствовавшие в 332 году до н. э. Александра как освободителя, не предполагали, что такой исход возможен. Персидская власть в стране рухнула без сопротивления. Персидский гарнизон был достаточно силен, чтобы сокрушить греческого авантюриста Аминту, который сражался на стороне персов при Иссе и после битвы вторгся в Египет с 8 тысячами человек; возможно, египтяне в конечном счете обернулись против него из-за грабежей^[2]. Но и речи не могло быть о том, чтобы сопротивляться армии Александра. Тогдашний сатрап Мазак приказал городам Египта, начиная с Пелусия, открыть ворота перед завоевателем. Оставив в Пелусии гарнизон, Александр двинулся по восточному рукаву Нила сначала в Гелиополь, потом в Мемфис. Согласно Курцию Руфу, Мазак доставил Александру в Мемфис 800 талантов и ценности из царского дома. Македонец вошел во дворец фараонов как царь. Согласно «Истории Александра Великого», написанной в Египте, вероятно, в III веке н. э., Александр даже был коронован в мемфисском храме Птаха по примеру древних фараонов. Магаффи полагал, что это утверждение – та из немногочисленных составляющих легенды, в которых отразился исторический факт. Возможно, оно и верно, но нужно помнить, что целью «Истории»

отчасти было польстить национальным чувствам египтян и представить Александра истинным наследником исконных царей страны. Автор придумал или пересказал историю о том, что на самом деле Александр приходился сыном Нектанебу, который, будучи магом, принял форму змеи, чтобы вступить в связь с женой царя Филиппа Македонского. Похоже что его рассказ о ритуале восшествия на трон в Мемфисе придуман с той же целью.

Однако есть серьезные основания полагать, что Александр действительно оказывал явные почести местным богам. Его поведение коренным образом отличалось от характерного для персидских завоевателей, вызвавших всенародное негодование убийством священного быка Аписа. По прибытии в Мемфис Александр приказал принести жертвы священному быку и другим местным божествам. Религия персов, как и религия евреев, заставляла их с презрением смотреть на идолопоклонство иных народов; но греки, как бы высоко они ни ставили свою культуру в сравнении с варварской, испытывали странное благоговение перед лицом такой древней традиции, как египетская. Греки всегда считали Египет страной чудес. Поэмы Гомера, знакомые с детства, связывали Египет с давно прошедшей эпохой героев. Немыслимая древность, грандиозные памятники и храмы исполинских размеров, исстари сохраняемый уклад жизни, загадочный и дикий во многих своих чертах, необычность и очарование страны, питаемой таинственным Нилом, – все это формировало в сознании греков уникальный образ Египта. И вот они оказались в этой чудесной стране, среди колонн и пальмовых рощ, в земле, которая для их отцов всегда была чем-то странным и далеким, как и сами ее обитатели. Александр принес жертвы египетским богам, но не забыл, что является поборником эллинской культуры. Он также устроил в Мемфисе гимнастическое и музыкальное празднество по греческому обычаю. В соревнованиях приняли участие некоторые прославленные музыканты и актеры греческого мира. Как они оказались в нужный момент в этом месте, во многих милях вверх по течению Нила? Низе, защищавший точку зрения, согласно которой их наверняка пригласили заранее, предположил: их присутствие в Египте служило доказательством того, что Александр договорился с Мазаксом о капитуляции Египта еще до начала вторжения. Магаффи же полагал: греческие актеры приехали в Египет на всякий случай и, может быть,

устроили «небольшой артистический сезон в Навкратисе среди греческих друзей», чтобы быть готовыми к тому, что они могут понадобиться Александру. Можно строить какие угодно предположения, но наверняка мы этого никогда не узнаем.

Одно из важнейших свершений Александра в Египте – основание Александрии. Летом 332 года до н. э. Александр занял и разрушил Тир, крупный портовый город Восточного Средиземноморья. Возможно, он хотел заложить в Египте новый город-порт – «македонский Тир», – который занял бы место захваченного Тира^[3]. Он выбрал место примерно в сорока милях от старого греческого города Навкратиса, сообщавшегося с внутренними землями через канопский рукав Нила.

«Что касается местонахождения города, то внимание часто обращалось на то, почему на роль мировой столицы был выбран никудышный египетский городишко Ракотис. Канопское устье Нила давно обслуживало сравнительно небольшой объем морской торговли с чужестранным Левантом, которую до той поры вел Египет. Из других устьев только Пелусийское могло пропустить судно крупнее рыбацкой лодки. Даже Канопское устье преграждала опасная отмель. Если торговые корабли могли войти в него, тем не менее оно не было удобной гаванью для македонских военных эскадр, которым предстояло отныне удерживать Левант. Вход, выход, условия на берегу, не способствовавшие ни здоровью, ни безопасности, – все говорило против этого устья. Но в Ракотисе, на несколько миль западнее, Александр нашел сухой известковый участок, возвышающийся над уровнем дельты, недалеко от ответвлявшегося от Нила судоходного канала, являвшегося в то же время источником питьевой воды, куда лишь в незначительных количествах попадал канопский ил, который от мыса Абукир вода несет в море. Кроме того, он прикрыт островом, который, если соединить его с материком при помощи дамбы, создал бы дублирующие гавани на случай морских ветров, откуда бы они ни подули. Это было одно из мест в Египте, подходящих для безопасного открытого порта, куда могли бы входить македонские морские суда и особенно боевые корабли, у которых в ту эпоху уже начали увеличиваться грузоподъемность и осадка»^[4].

Страбон дает нам понять, что на месте основания города, когда туда прибыл Александр, находился только рыбацкий поселок. «Впрочем, прежние цари египтян, довольствуясь тем, что они имели, и

совершенно не нуждаясь во ввозных товарах, были враждебно настроены против всех мореплавателей, в особенности же против греков (потому что те в силу скудости своей земли были грабителями, алчными на чужое добро); они установили охрану на этом месте, приказав ей задерживать всех, кто приближался к острову. Местопребыванием этой стражи цари назначили так называемую Ракотиду, которая в настоящее время представляет часть города Александрии, расположенную над верфями, но в те времена это было селение; окрестности этого селения они отдали пастухам, которые также могли воспрепятствовать нападению чужеземцев»^[5]. «Пастухи» (βοῦκόλοι) – дикое и грозное племя, сами разбойники в своем роде, если верить сочинению Гелиодора.

Примерно в миле перед участком, на котором остановил выбор Александр, лежал остров, называемый греками Фаросом, длиной около трех миль, составленный из остатков былой гряды отдельных островов. Гомер говорил, что в это место приплывают тюлени полежать на берегу, и утверждал, что это хорошая гавань. Высказывалось предположение, что в то время, когда Александр осматривал побережье, Фарос был всего лишь обиталищем местных рыбаков, и именно Александр и его преемники из династии Птолемеев первыми создали там крупный порт мировой торговли. Однако недавние изыскания Гастона Жонде, главного инженера управления портов и маяков Египта, поставили перед исторической наукой новую задачу. Он обнаружил под водой остатки крупных и массивных портовых построек, молов и причалов, в отдельных местах выступающих на четверть мили за пределы того, что в древности было островом Фа-рос; и вопрос о том, были ли они частью греческой Александрии или сооружениями более древней эпохи, заброшенными и обратившимися в руины задолго до того, как этим путем прошел Александр, до сих пор не снят. Сам господин Жонде склонен думать, что затонувшую гавань построил великий Рамсес для обороны от морских пиратов. «Использована колоссальная масса материала, как и во всех сооружениях фараонов; наверняка его транспортировка и сами работы представляли бульшую трудность, чем доставка камней для строительства великих пирамид»^[6]. Французский ученый Реймон Вайль выдвинул теорию о том, что упомянутые сооружения – это остатки сооружений, построенных по приказу правителя критской

морской державы второго тысячелетия до н. э., которая в то или иное время, как он полагает, владела этим участком египетского побережья^[7]. Мне представляется, что разумнее всего не торопиться с выводами до тех пор, пока они не будут изучены подробнее. Как бы то ни было, затопление этих построек произошло из-за внезапного затопления почвы в этом районе, причиной которого стала либо сейсмическая активность, либо простое оседание аллювиальной почвы^[8].

За время, истекшее с греко-римской эпохи, уровень александрийской почвы понизился в среднем как минимум на 7 1/2 фута, и, видимо, остатки города Александра и Птолемеев теперь в основном похоронены под слоем воды^[9]. Из-за этого археологам труднее, чем когда-либо, реконструировать картину древней Александрии. Мы знаем, что Александр спроектировал город по регулярному прямоугольному плану, который за столетие до того вошел в моду при строительстве городов с подачи Гипподама Милетского. Александр пригласил архитектора Динократа, который, согласно «Истории Александра Великого», был родосцем^[10]. Город в том виде, как он его спланировал, тянулся вдоль перешейка между озером Мареотида (Марьют) и морем. Праздник основания города отмечался в 25-й день месяца тиби, то есть настоящая церемония основания должна была состояться примерно 20 января 331 года до н. э. Впоследствии сложилось предание о том, что архитекторы разметили на земле план города белой мукой, взятой из довольствия воинов, и в том, что случилось потом, увидели предзнаменование будущего величия города; правда, до нас дошли две противоречащие друг другу версии этой истории^[11].

Первоначально население Александрии, видимо, состояло из македонцев и греков; нам неизвестно, каким образом Александр собрал семьи, образовавшие первое ядро. Позднее большую часть городских жителей составили коренные египтяне, хотя они и не принадлежали к привилегированным гражданам. История, о которой мы поговорим чуть ниже, рассказывает, что множеству египтян из соседнего Канопы пришлось переселиться в новый город. Несколько поколений спустя значительную долю населения Александрии составил еврейский элемент, однако утверждение Иосифа Флавия, будто бы Александр особенно поощрял переселение евреев в

Александрию и давал им права граждан, весьма сомнительно. У Александра не было причин интересоваться евреями больше других. В те дни они не были тем, чем стали впоследствии, – народом, который теснейшим образом связан с торговлей и финансами. «Мы не народ торговцев», – мог еще написать Иосиф Флавий в I веке н. э. (Против Апиона. I. § 60).

Еще одно примечательное событие, помимо основания Александрии, связанное с зимним пребыванием Александра в Египте, – это его поездка в храм Аммона – так греки называли Амона – в оазисе, который теперь носит название Сива. Во-первых, с этим связана одна проблема: почему Александр решил предпринять дальнейшее путешествие через пустыню «к одинокому и далекому храму в пальмовых рощах Сивы» на расстоянии пятнадцати–двадцати дней пути от долины Нила, когда в самом Египте были великолепные древние храмы Амона? То, что оракул Амона в оазисе в течение многих поколений пользовался особым престижем в греческом мире, представляется достаточной причиной. К этому оракулу обращался Крез, как и к другим главнейшим греческим оракулам VI века до н. э. Пиндар сочинил гимн Аммону. Мы слышим о том, как греки – элейцы, спартанцы, афиняне – отправляли посольства в святилище, чтобы испросить совета оракула, еще до Александра. Еврипид говорит о «безводном обиталище Аммона» как о знакомом для греков месте, куда естественно было отправиться тому, кто нуждался в божественном наставлении.

Греческая легенда гласит, что Персей и Геракл приходили советоваться с Аммоном перед своими великими подвигами. Каллисфен, входивший в окружение Александра позднее (или в то же время), подтверждает, что именно мысль об этих двух героях была одним из главных мотивов, подтолкнувших Александра к путешествию^[12]. Быть может, для современного практичного человека такой мотив звучит наивно, но он полностью согласуется с характером Александра. Перед нами определенно загадка, но она состоит не в том, почему Александр хотел посоветоваться с бараньеголовым богом, а в том, почему греки вообще стали обращаться к этому святилищу, столь отдаленному от внешнего мира и такому труднодоступному.

Картуши Александра Великого

Очевидно, что престиж Амона у греков был связан с усилением влияния Кирены, греческой колонии на африканском побережье. Поскольку Кирена поддерживала постоянные торговые отношения с остальными греческими государствами Средиземноморья, отсюда корабли легко добирались вдоль берега до Паретония, расположенного примерно в 345 милях восточнее, а из Паретония шел сравнительно легкий караванный путь от побережья через пустыню до Сивы, который верблюды проходили примерно за семь дней. Киренцы, таким образом, были промежуточным звеном между святилищем Аммона и греческим миром, а дорога из Паретония – обычным путем, которым греки добирались до святилища. Надо отметить, что Геродот получил свои сведения о Сиве от киренцев, которые там бывали^[13]. И это может разрешить еще одну проблему, связанную с путешествием Александра, а именно почему он отправился в Сиву через Паретоний, а не через Нитрийскую пустыню – более прямым путем из Египта, как указывает Магаффи. Хогарт предполагает, что Александр оказался в Паретонии, так как шел из Египта, чтобы овладеть Киреной, но, когда его встретили киренские послы, доставившие Александру несколько сотен великолепных лошадей в знак покорности их города, он решил не продолжать путь и вместо этого отправился в глубь страны в святилище Аммона. Однако ни один античный автор не упоминает о походе на Кирену. Даже рассказа о киренских послых нельзя найти у Арриана, и возможно, он восходит к Клитарху, у которого Диодор и

Курций Руф в основном черпали информацию, а это недостоверный источник. Магаффи до такой степени поверил в это утверждение, что предположил, будто киренские послы действительно встретили Александра; однако он полагал, что они предложили ему не лошадей, а проводников до Сивы^[14].

Как повествуют все античные авторы, поход в Сиву через пустынные пески сопровождался различными чудесными событиями. Прошел необычный в тех местах ливень, облегчив жажду, мучившую спутников Александра. Два ворона летели перед караваном, показывая им дорогу, скрытую сыпучими песками. Две змеи проползли перед ними и «издали возглас». Доподлинно известно, что об этих происшествиях рассказывали люди, действительно бывшие с Александром на Востоке. Самое поразительное – с двумя змеями – было описано Птолемеем, сыном Лага, который, если сам и не участвовал в походе (нам неизвестно, сопровождал он Александра или нет), то, во всяком случае, на протяжении многих лет должен был находиться в ежедневном контакте с людьми, которые там были; и мы знаем, что рассказы Птолемея об Александре, как правило, отличаются здравомыслием и достоверностью. У этих историй на самом деле есть очень простое разумное объяснение. Дожди еще случаются в этом районе, хотя и редко. Воронов и змей не так уж сложно встретить в пустыне; а группа всадников, бредущих по безлюдным местам, испугает любое встречное животное – естественно, что те бежали перед наступающим караваном^[15].

Более-менее верную картину того, что представлял собой оазис оракула Аммона в те дни, можно составить из сопоставления рассказов древних авторов (самый полный отчет можно найти у Диодора, XVII.50) с данными о современной Сиве^[16]. В двух милях друг от друга две главные деревни – Сива и Агхурми, – жмутся на двух одиноких каменистых холмах, которые возвышаются над окружающей гладью пальмовых рощ и оливковых садов. Остатки храма Амона находятся в Агхурми. Под холмом, в нескольких сотнях метров южнее, расположены развалины другого храма, поменьше (местные жители в наши дни называют это место Умм-Убейда). Как говорят, развалины свидетельствуют о том, что оба храма были перестроены в правление персов в Египте. Что касается храма Амона, то «рядом с древним Источником Солнца еще можно различить линию стены из квадратных

камней, образующую прямоугольный двор примерно 50 на 48 ярдов. Сам храм состоял из нескольких дворов и залов с колоннами и без них, теперь полностью разрушенных; дальше, в конце главного четырехугольного двора, находилось святилище. Два помещения, прилегавшие когда-то к нему, исчезли, и едва-едва можно разглядеть место, где находились врата, которые вели в него; но от входа в само святилище и от передней его части остались значительные фрагменты. Это был зал длиной примерно 30 футов, шириной от 10 до 13 футов, выложенный огромными блоками, из которых несколько до сих пор стоят на своих местах, украшенные не меньше чем тремя рядами надписей и рисунков... Там, во тьме, обитал Амон, и его священная барка покоилась на алтаре или, скорее, на кубе из камня или дерева в центре зала. Античные историки рассказывают, что барка была сделана из «золота»; это значит, что она была из дерева, обшитого золотыми листами. По-видимому, в длину она была короче святилища примерно на 7–8 футов. Можно представить ее себе, глядя на рельефы Луксора и Карнака, где изображены барки фиванского Амона с тонким и высоким силуэтом, носом и кормой, украшенными бараньей головой, экипажем из богов, грузами из фигур, их *наосами* под белыми вуалями, хранящими изображение бога в своих непрочных стенах. Как сообщает Каллисфен, изображение украшала масса изумрудов и других драгоценных камней. Надо представить его себе в виде такого составного идола, какие упоминаются, например, в Дендере, тело которого изготавливалось из разных материалов и обычно скреплялось воедино на каркасе из дерева или бронзы. Вышеупомянутые изумруды конечно же не то, что мы называем изумрудами, а те или иные из многочисленных камней, которые египтяне называли общим термином *мафкат*, – в основном зеленый полевой шпат, предок изумруда, активно использовавшийся в Саисский период^[17]. Как и все статуи оракулов, эта тоже была сконструирована таким образом, чтобы иметь возможность совершать ограниченное количество жестов, двигать головой, взмахивать руками. Жрец тянул за веревку, заставляя изваяние двигаться, и изрекал пророчество. Все знали об этом, но никто не обвинял его в мошенничестве. Жрец был орудием в руках бога – бессознательным орудием. В какой-то миг дух охватывал его; он шевелил статуей и собственными губами; он отдавал свои руки и

голос, но именно бог повелевал его действиями и вдохновлял его речи»^[18].

Что же касается пребывания Александра в святилище Амона, то Каллисфен рассказывает следующее: «Жрецы разрешили только одному царю войти в храм в обычной одежде; остальные же должны были переодеться (кроме Александра) и слушать изречения оракула, находясь вне храма, и только он – из храма. Ответы оракула давались не словами, как в Дельфах и у Бранхидов, но большей частью кивками и знаками... причем прорицатель принимал на себя роль Зевса (то есть Амона. – *Авт.*). Однако прорицатель в точных выражениях сказал царю, что он – сын Зевса»^[19].

В более поздних вариантах рассказа, дошедших до нас через Клитарха, он был расширен и приукрашен. В них Александр спрашивает, дарует ли ему бог, его отец, всю землю во владение, и получает ответ, что бог непременно так и сделает. Затем он спрашивает, понесли ли наказание замешанные в убийстве его отца Филиппа, и оракул восклицает, что вопрос этот нечестив, потому что его отцу, богу, невозможно навредить. Эти новые подробности могут быть следствием развития мифа об Александре, возникшего еще до его смерти. С другой стороны, когда Александр объяснял полученными от Амона указаниями причину того, что в Индии он принес жертвы отдельной группе богов^[20], кажется вполне определенным, что такое повеление ему действительно дал оракул. По-прежнему остается неразрешенным вопрос, когда были получены указания: во время того исторического визита Александра в святилище или позднее через посланцев, так как мы знаем в связи с обожествлением Гефестиона, что Александр и впоследствии продолжал советоваться с богом через посланцев.

У нас нет причин сомневаться, что жрецы Амона действительно приветствовали Александра как сына верховного божества. Однако теперь считается, что это было общепринятым обычаем для всех царей Египта^[21]. Каждый фараон со второго тысячелетия до н. э. официально был сыном Амона-Ра. Согласно установленной формуле, Амон даровал своим царственным сыновьям «головы всех живущих», «все страны, все народы», «все земли до самого круговращения солнца». Возможно, Тарн прав, считая, что Александр не проходил «ритуала», если под этим понимать конкретную церемонию коронации, обычную

для фараонов, но он, очевидно, не мог советоваться с оракулом, не пройдя через тот или иной обряд; и такой ритуал, во время которого жрецы Амона приветствовали того, кто приходил к ним в качестве царя Египта, почти наверняка должен был включать в себя объявление царствующего фараона происходящим от божественного отца и обладающим всемирным господством.

Примечательно не то, что египетские жрецы называли Александра сыном Амона, а то, что именно за это высказывание ухватились греки и, вероятно, сам Александр, который со всей серьезностью утверждал это перед всем миром. Александр «продолжал», как пишет Хогарт^[22], быть сыном Амона «в странах, к которым Амон не имел никакого отношения... Неясно, имелись ли в обычной практике центральноазиатских религий какие-либо средства или прецеденты, почти такие же буквальные и убедительные, как в практике египетской религии, установления сыновне-отцовской связи между смертным правителем и верховным божеством^[23]. Но достоверно известно одно: все время, пока приверженцам Александра его божественное происхождение служило для оказания ему почестей во время похода, а его критикам из греков и других народов – для осмеяния, его отцом неизменно выступал Амон. После смерти Александра его обожествление, поддерживаемое его преемниками в собственных же целях, и в Малой Азии, и в Сирии, и в Вавилоне от начала до конца было связано с египетским, а не каким-либо иным азиатским пантеоном. В интересах греков и проэллинских правителей он иногда появлялся на монетах с атрибутами героя, например Геракла; но если его изображали в виде полноценного бога, то бараньи рога Амона обязательно выглядывали среди его прекрасных волос... Именно в роли Зуль Карнейна, Двурогого, он попал из доисламского фольклора в Коран и оттуда снова в псевдоисторию половины Азии и большей части Африки. Эти-то факты, более чем какие-либо иные свидетельства, склоняют меня к мысли, что Александр сам настаивал на своем происхождении от Амона после отъезда из Египта и с большим или меньшим успехом устанавливал свой культ везде, куда бы ни шел».

По словам Птолемея, из Сивы Александр со спутниками вернулся в Египет, направившись прямым путем через Нитрийскую пустыню в Мемфис. Аристокл утверждает, что он вернулся, как и шел, через

Паретоний, но Птолемей в этом вопросе обладает большим авторитетом. В Мемфисе Александр принял посольства от греческих государств и подкрепления из Македонии. Дети египетской земли снова увидели проявление культуры ее новых господ в великом музыкально-гимнастическом празднестве. Приносились жертвы Зевсу-царю, конечно же по эллинскому обычаю. Однако мы знаем, что этот бог с греческим именем и греческими ритуалами в некотором роде отождествлялся греками с египетским Амоном, сыном которого Александр только что был объявлен.

Весной 331 года до н. э. – с возвращения Александра из Сивы не могло пройти больше месяца или двух – он покинул Египет, отправившись в поход против персидского царя, находившегося в Месопотамии. Мертвому телу Александра суждено было однажды вернуться в Египет, но сам он уже туда не возвратился. По всей вероятности, он почти не видел нильской долины выше Мемфиса, хотя македонцам удалось занять территорию по крайней мере до первого порога, ибо мы читаем о том, как Александр приказывает доставить Аполлонида Хиосского (грека, перешедшего на сторону персов и захваченного войском Александра) в Элефантину для содержания под стражей^[24].

Александр оставил Египет четко организованной провинцией новой македонской империи. «Египет он устроил таким образом: назначил в Египте двух номархов^[25] египтян, Долоаспа и Петисия^[26], и между ними и поделил египетскую землю. Когда Петисий отказался от своей должности, Долоасп принял всю власть. Фрурархами он назначил «друзей» (*phrūrarchoi tōn hetairōn*): в Мемфисе Панталеонта из Пидны, в Пелусии Полемона, Мегаклова сына, из Пеллы. Командовать чужеземцами он поставил этолийца Ликида, «писцом» (*grammateus*) у них Эвгноста, Ксенофантова сына, одного из «друзей» (*hetairoi*), а «наблюдателями» (*episkopoi*) Эхила и Ефиппа, сына Халкидея. Правление соседней Ливией он поручил Аполлонию, сыну Харина, а управление Аравией, прилегающей к Героополю, Клеомену из Навкратиса. Ему было приказано оставить (местных) номархов управлять их номами по их собственным обычаям, как установлено исстари; ему же собирать с них подати, которые им велено было вносить. Стратегами в войске, которое оставалось в Египте, он назначил Певкеста, сына Макартата, и Балакра, сына Аминты (двух

своих самых знатных македонян), навархом же Полемона, сына Ферамена... Говорят, что Александр разделил власть над Египтом между многими людьми, восхищаясь природой этой страны, которая представляла собой естественную крепость: поэтому он и счел небезопасным вручить управление всем Египтом одному человеку»^[27].

Перед нами краткий очерк организации, описать которую подробно у нас нет возможности. Ей суждено было просуществовать очень недолго. Еще в дни Александра эффективное управление страной, видимо, вскоре было сосредоточено в руках одного человека, грека Клеомена из Навкратиса, ставшего гражданином новой Александрии, и, по всей вероятности, введенная Александром система перестала действовать, если даже не была полностью отменена. Когда преемники Александра из династии Птолемеев изобрели новую систему, она была основана на других принципах. Насколько можно видеть по короткому изложению у Арриана, установленный Александром принцип устройства подразумевал тщательный контроль. Даже верховное военное командование разделено между Певкестом и Балакром. Клеомен принимает налоги, но их сбором занимаются местные номархи. Высокое положение, отведенное в Александровой системе двум коренным египтянам, – деталь, которая вновь появилась в правление последних Птолемеев. Видимо, Клеомену не хватило ума использовать свои возможности управления финансами, чтобы добиться для себя реальной власти. Такое впечатление, что в греческом мире он вскоре приобрел репутацию человека бесчестного и лихоимца. В Афинах он стал непопулярен из-за того, что вследствие принятых им мер взлетели цены на зерно^[28]. Примеры его крутых мер при сборе налогов можно найти в труде по экономике, который (ошибочно) приписывают Аристотелю.

«Александриец Клеомен, будучи сатрапом Египта, когда возник голод, в других местах сильный, в Египте умеренный, запретил вывоз хлеба. Так как номархи заявляли, что нельзя будет внести платежей из-за запрета вывозить хлеб, вывоз он разрешил, но обложил хлеб большой пошлиной, таким образом и ему удалось получать – если не те же платежи от номархов, то от хлеба, вывозимого в небольшом количестве, – большую пошлину, и у них [номархов] не было уже оснований для отговорок. Когда он переплывал тот ном, божеством которого является крокодил, был похищен один из его рабов. Тогда он,

созвав жрецов, заявил, что, подвергшись нападению первым, он намерен покарать крокодилов, и дал предписание охотиться на них. Жрецы, чтобы божество их не подвергалось оскорблению, собрав сколько смогли золота, отдали ему, и тогда он отступился. Когда царь Александр поручил ему заселить город около Фароса (Александрию. – *Авт.*), а торговый порт, находившийся прежде в Канобе, сделать там, он, прибыв в Каноб, заявил жрецам и тем, кто владел там имуществом, что явился с тем, чтобы переселить их. Жрецы и жители, внеся деньги, отдали ему, чтобы он оставил торговый порт у них на месте. Получив их, он тогда уехал, но потом, вернувшись, когда у него уже было готово все, что касалось устройства, стал требовать у них денег в чрезмерном размере: эта сумма, по его словам, составляет для него разницу в том, чтобы торговый порт был здесь, а не там. Так как они сказали, что едва ли смогут дать, он переселил их... Когда хлеб в стране продавался по десяти драхм, он созвал поставщиков (τοὺς ἐργαζομένους) и спросил их, как они желают поставлять ему; они ответили, что за меньшую цену, чем продавали купцам. Тогда он велел купцам передать ему за столько, за сколько они продавали другим, а сам, установив цену на хлеб в тридцать две драхмы, так и продавал. (Видимо, это означает, что он избавился от посредников, и таким образом всю прибыль государству принес сам. – *М.*) Созвав жрецов, он заявил, что в стране делаются большие расходы на храмы, поэтому необходимо закрыть некоторые храмы и распустить большую часть жрецов. Тогда жрецы, каждый лично и все сообща, отдали храмовые деньги, так как думали, что он действительно собирается сделать это, а каждый хотел, чтобы и храм его оставался у них, и сам он оставался жрецом»^[29]. (Если этот довод означал, что они либо должны были пожертвовать частью своих владений, либо отдать большую сумму правительству, тогда едва ли кто из тех, кому было известно громадное богатство египетских жрецов, стал бы спорить с Клеоменом. – *М.*)

Насколько Клеомен заслужил дурную репутацию, сказать невозможно. Очень просто путем незначительного искажения фактов представить любые решительные действия фискальной власти как несправедливые и деспотичные, к тому же очевидно, что позднее очернение памяти Клеомена было в интересах Птолемеев. Александр, как мы знаем, не хотел его смещать. Арриан приводит цитату из предполагаемого письма Александра Клеомену, в котором первый

сообщает: «Если я найду, что и храмы Гефестиону выстроены хорошо, и жертвы в них совершаются как следует, то я прощу тебе все прежние проступки и в дальнейшем, чтобы ты ни натворил, тебе от меня худого не будет». Но Магаффи указывает, что письмо не может быть подлинным, так как в нем упоминается Фаросский маяк, построенный лишь через много лет после смерти Александра. Конечно, возможно, что Клеомен действительно ухитрился сохранить милость Александра, выказывая рвение в делах, особо заботивших Александра, как, например, развитие Александрии и отправление культа Гефестииона. Стоит заметить, что три-четыре века спустя считалось, что Клеомен тесно связан с основанием Александрии, о чем сказано в «Истории Александра Великого», то есть в местной александрийской традиции.

Глава 2

Птолемей I Сотер

**(сатрап Египта, 323–305 годы до н. э.,
царь Египта, 305–283/82 годы до н. э.)**

В июне 323 года до н. э. Александр, создав Македонскую империю на всей территории прежней Персидской державы и за ее границами, внезапно скончался в Вавилоне. Примерно через пять месяцев Птолемей, сын Лага, один из его стратегов, прибыл в Египет в качестве сатрапа, назначенный новым македонским царем Филиппом Арридеем. Новый царь, единокровный брат Александра, был слабоумен, и реальную власть осуществляли великие македонские полководцы, служившие Александру, и главным образом Пердикка, конкретные функции которого, до сих пор неясные современным ученым, вероятно, уже были предметом споров среди самих вождей в запутанной борьбе, начавшейся после внезапной кончины великого завоевателя. Ясно, что Пердикка твердо вознамерился занять место верховного регента империи и что, когда военачальники Александра Македонского собрались в Вавилоне, чтобы распределить между собой сатрапии, он был там самым влиятельным человеком. В тот миг сомнения и смятения Птолемей быстро и уверенно понял, что хочет получить для себя – Египет. Пердикка или совет вождей, выступающий от имени слабоумного царя, дал ему желанное назначение, и Птолемей как можно быстрее постарался убраться на безопасное расстояние от будущей схватки, которую он предвидел. «Должно быть, там не обошлось без сделки между Пердиккой и Птолемеем; ценой Птолемея за признание Пердикки был Египет и наделение Арридея (македонского вождя, а не царя. – *Авт.*) правом организовать похороны»^[30].

Как утверждает Диодор^[31], среди прочего македонские вожди в Вавилоне договорились о том, что тело Александра должно быть погребено в храме его божественного отца в оазисе Сива. Во всяком случае, Арридею, одному из их числа, было поручено соорудить

погребальную повозку и организовать кортеж с беспрецедентным великолепием, и, видимо, Птолемей тут же осознал, что престиж его государства, которое он уже мысленно создал себе в Египте, возрастет безгранично, если оно будет владеть телом великого македонского героя, которое как предмет культа обладало необычайным влиянием на умы людей. Самым естественным местом для погребения Александра были Эги, исконный город македонских царей на родине его династии, и возможно, что сначала возник именно этот вариант, а не погребение в оазисе. Во всяком случае, рано или поздно это стало намерением Пердикки. Но Птолемей его опередил. Когда Пердикка находился в Малой Азии, Арридей, действуя в сговоре с Птолемеем, отправился с погребальным кортежем из Вавилона в Египет. Если перевозить тело в Сиву, то в любом случае пришлось бы (если только не доставлять его в Паретоний по морю) сначала отправиться в Мемфис; видимо, Арридей объявил о том, что направляется в оазис, уже выехав из Вавилона. Птолемей в сопровождении внушительного военного эскорта встретил кортеж в Сирии и завладел телом Александра. Достигнув Мемфиса, он не продолжил путь в оазис. Нам неизвестно, решил ли к тому времени Птолемей, что последним приютом Александра должна стать Александрия. Павсаний сообщает, что тело оставалось в Мемфисе, пока сын Птолемея не переправил его в Александрию примерно сорок лет спустя^[32].

Диодор^[33], Страбон^[34] и другие античные авторы говорят, что именно первый Птолемей положил тело Александра в *Семе* (Соме) в Александрии, где оно еще находилось и в римские времена. Возможно, это правда, и утверждение Павсания в таком случае объяснялось бы просто тем, что тело несколько лет находилось в Мемфисе, пока гробница в Александрии не была готова его принять. Обычная дорога из Сирии в Александрию, как указывал Магаффи, идет не через дельту, а через Мемфис. Но Павсаний настолько уверенно называет перевозку тела из места его упокоения в Александрию одним из *злodeяний* Птолемея II, что у него должны были иметься для этого веские основания. Как бы то ни было, в нашем распоряжении имеются источники, свидетельствующие о существовании государственного культа, а имена отправлявших его жрецов служили для датировки документов во всему царству при Птолемеи I. В двух документах жрецом называется брат царя Менелай, а так как впоследствии

эпонимный жрец государственного культа являлся жрецом Александра, то есть вероятность (хотя это и не утверждается), что Мене-лай был жрецом Александра. Если так, то центром культа первоначально мог быть храм-усыпальница Александра в Мемфисе, а затем он был перенесен Птолемеем II в александрийскую Сему^[35].

Македонский вождь с греческим именем Ptolemaios^[36], прибывший в Египет в 323 году до н. э. в качестве его нового правителя, был сыном Лага (Лага или Лаага: удлиненная форма имени содержится в папирусе того времени из Элефантины, и, вероятно, это всего лишь греческое La-agos, «вождь народа»)^[37]. Когда династия Птолемея приобрела значительный авторитет во всем мире, его происхождение от непонятного Лаага стало считаться довольно постыдным^[38]. Есть одна злая история о том, как Птолемей спросил у грамматика, кто был отцом Пелопса, – туманное, как всем было известно, место в мифологии, – грамматик ответил так: «Я скажу, если ты сначала скажешь мне, кто был отцом Лага». Юстин в своей живописной манере преувеличивает контраст между сравнительно скромным происхождением Птолемея и его дальнейшим величием, говоря, что Александр возвысил его из рядовых. Это чепуха. Мы, во всяком случае, знаем, что мальчиком Птолемей принадлежал к своего рода пажам (*basilikoi paides*) при дворе Филиппа и был близким другом Александра до его восшествия на престол. Лаг, должно быть, принадлежал к мелкой аристократии Македонии. Мать Птолемея звали Арсиной: официальная генеалогия позднее представляла ее связанной с царским родом, и возможно, не без оснований. В кампаниях Александра Птолемей отличился в качестве командира. Он стал одним из семи телохранителей царя. В Индии он играл особо выдающуюся роль. Насколько нам видна личность Птолемея сквозь туман времени, это был крепкий, чистокровный македонянин с практическим умом, который часто отличает предводителей земледельцев, трезвой осмотрительностью. Он предпочитал заглядывать далеко вперед и действовать наверняка, обеспечив себе надежные преимущества. Для него были характерны нечеловеческая сила, которая заставила его искать наслаждений со многими женщинами, сердечное добродушие, привлекавшее наемников под его знамена со всех греческих земель, – то есть он был человеком скорее крепкой, чем тонкой, телесной и умственной конституции. Однако он не без интереса относился к

греческой литературе; молодые македонцы, принадлежавшие к высшему сословию, уже в течение одного или двух поколений учились говорить и читать по-гречески, и Птолемей не только активно старался привлечь к своему двору греческих литераторов, философов и художников, но и сам в качестве автора внес весьма похвальный вклад в греческую историческую литературу. Его перу принадлежит повествование о кампаниях Александра, которое характеризует безыскусная приверженность к фактам и отсутствие риторического краснобайства. Таков был этот человек, который прибыл в Египет в качестве сатрапа при царе Филиппе Арридее и его соправителе Александре, младенце, сыне Александра Великого, родившемся уже после его смерти. Птолемею в то время было около сорока четырех лет.

Согласно вавилонским договоренностям, Клеомен должен был остаться у власти в Египте как помощник Птолемея (*gynarch*)^[39]. Клеомен был предан интересам Пердикки, и потому была надежда, что он будет действовать в качестве сдерживающей силы при новом сатрапе. Но как только Птолемей в неподчинение Пердикке завладел телом Александра, между сатрапом и будущим регентом началась открытая война. Клеомен мог сдерживать Птолемея только до тех пор, пока тот боялся открыто порвать с Пердиккой. Теперь разрыв *произошел*; и Птолемей добился того, чтобы Клеомена обвинили в чем-то, осудили на смерть и казнили. Конечно, теперь ему следовало ожидать полномасштабного нападения Пердикки, как только у того будут развязаны руки. Тем временем Птолемей расширил свои владения вдоль африканского побережья, овладев древней греческой колонией Киреной и ее дочерними городами. В дни смуты после смерти Александра в тех местах разразилась гражданская война; одну сторону возглавлял спартанский наемник Фиброн, другую – критянин Мнаsikл. Беженцы, принадлежавшие к побежденной стороне, отправились в Египет, чтобы упросить сатрапа вмешаться. Птолемей отправил сухопутные и морские силы под началом олинфянина Офелла, состоявшего у него на службе, которые должны были занять страну, и оба наемника объединили силы для борьбы против него. Офелл разбил их, захватил Фиброна и распял его. Затем, в конце 322 года до н. э., Птолемей лично явился в Кирену, чтобы овладеть ею. Покорение государства столь выдающегося, имевшего более чем

вековую традицию республиканской свободы, начиная с падения былой греческой династии ее правителей, македонским вождем произвело громадное впечатление на греческий мир. Киренцы так и не согласились на роль зависимой провинции. В будущем они часто будут не подспорьем македонских царей Египта, а колючкой у них в боку. И все-таки Кирена подарила эллинистическому Египту, как Ирландия Англии, целый перечень блестящих личностей, таких как поэт Каллимах, географ Эратосфен, а также множество воинов. Судя по папирусам, среди воинов-колонистов Фаюма и Верхнего Египта была значительная доля киренцев. А тем временем Птолемей оставил Офелла в Кирене в качестве правителя.

Пердикка напал весной 321 года до н. э. Тогда ясно стала видна вся дальновидность Птолемея, обеспечившего для своей власти хорошо защищенный территориальный базис. Пердикке не удалось перебраться через восточный рукав Нила, и он был убит в собственном же лагере. Птолемей мог бы заступить на его место. Но он знал, что безопаснее быть правителем Египта, чем регентом империи. Осенью 321 года до н. э. победившие вожди, принадлежавшие к партии противников Пердикки, встретились в Трипарадесе, городе где-то на севере Сирии, чтобы снова договориться о разделении власти в империи. Право Птолемея владеть Египтом и Киренаикой было подтверждено.

На протяжении сорока лет следовавшей борьбы между великими македонскими вождями – людьми, научившимися воевать под началом Александра, Птолемей, сын Лага, оставался у себя в африканской провинции в безопасности, как черепаха в панцире, пока армии отправлялись в походы во все концы Азии и флоты соперников бились в Эгейском море. Однако в какой-то степени он все же высовывался из панциря и вмешивался в схватку, ибо правившая Египтом власть теперь была эллинской по характеру и имела разнообразные политические, экономические и культурные связи с другими государствами греческого мира. Из Александрии она смотрела на север, в сторону моря, с интересом, которого не мог испытывать ни один прежний египетский фараон. И Птолемей, желая сохранить безопасное место и средоточие власти в стране у Нила, одновременно стремился завладеть некоторыми другими соседними странами, которые словно придатки прилегали к его сатрапии, а также

заполучить базу для своих морских сил на островах и левантийском побережье. Эллинистический Египет был державой более средиземноморской и менее африканской, чем старый Египет фараонов, которые иногда расширяли свои владения до Судана и дальше. Птолемеи никогда не заботились о завоеваниях в верховьях Нила дальше первого порога. Но Птолемей стремился удержать Южную Сирию, как и фараоны-завоеватели до него, – дополнение к подвластным ему землям на востоке, как Киренаика на западе. Он также хотел овладеть Кипром, как Амасис II в VI веке до н. э., а кроме этого, расширить сферу влияния на греческие Эгейские острова, города на побережье Малой Азии и некоторые области даже в самой Греции. Для этого он должен был вылезти из панциря и рискнуть. Чтобы Египет в новые дни мировой политики и мировой торговли стал сильным и процветающим государством, он не мог оставаться изолированным и самодостаточным. Например, на нильской земле не произрастал высокий корабельный лес, но его доставляли из Ливана и с кипрских холмов. Торговый путь, который шел по Нилу в Александрию и обратно, имел соперника – путь из Персидского залива через Аравию в Газу, и правителю Египта необходимо было контролировать оба.

Поскольку эта книга посвящена больше истории Египта, чем династии Птолемеи, то в ней не будут рассматриваться действия Птолемея и его наследников в войнах и дипломатии как одной из сил греческого мира. Однако следует отметить, насколько превратности мировой политики повлияли на внутреннюю историю Египта. За два года^[40], последовавшие за заключением в Трипарадисе договора, Птолемей овладел Сирией южнее Ливана, страной, которую мы теперь зовем Палестиной, а греки в те дни обычно звали Келесирией («Полой Сирией» – из-за впадины Иорданской долины). Правителем в этой области, согласно договоренностям Трипарадиса, был грек из Амфиполя по имени Лаомедонт. Птолемей попытался сначала выкупить у него страну, а после отказа Лаомедонта занял ее силой. Именно в тот раз, согласно общепринятому мнению, Птолемей захватил Иерусалим в день субботний, когда религия запрещала иудеям оказывать сопротивление^[41]. Буше-Леклерк считает более вероятным, что это произошло в 312 году до н. э. Однако едва ли возможно, что Птолемей не захватил города этого странного народа

(каким они казались грекам), когда расширял владения в Палестине в 320–318 годах до н. э. Когда сатрап Фригии Антигон вернулся из восточных провинций в 316 году до н. э., одержав победу над оставшимися сторонниками Пердикки, он, в свою очередь, стал представлять для своих старых союзников ту же опасность, которую представлял Пердикка. Селевк, сатрап Вавилона, бежал в Египет, и против Антигона был создан новый союз вождей. Тем, что Птолемей занял Келесирию, он, очевидно, дал основание для недовольства любому, кто желал быть хозяином всей империи. В 315 году до н. э. Антигон вторгся в Келесирию, и Птолемей благоразумно отступил – черепаха заползла в панцирь. Антигон захватил города сирийского побережья до самой Газы. Но морской флот Птолемея под командованием Селевка тем временем продолжил войну с Антигоном на море. Птолемей бросил войско на Кипр. Этот остров с его смешанным греко-финикийским населением не был единым. Несколькими областями Кипра управляли независимые царьки. Некоторые из них стояли на стороне Антигона; династы же Сол, Саламина, Пафоса и Китр поддерживали Птолемея. С прибытием войска Птолемея начала устанавливаться его власть на всем острове^[42]. Кипр мог пригодиться Птолемею в качестве военноморской базы в борьбе против Антигона, который теперь владел финикийскими портами на сирийском побережье. В 313 году до н. э. Птолемей, потеряв Келесирию, временно утратил и Кирену. Через девять лет подчинения чужеземному македонскому правителю город взбунтовался и осадил цитадель с египетским гарнизоном. Однако Птолемей сумел послать новое экспедиционное войско, которое подавило восстание в Кирене и снова установило в городе власть египетского наместника Офелла. В тот же год Птолемей лично отправился на Кипр и довершил завоевание острова. Финикийский царевич Кития Пумаййтон (*Pûmayyaton*, Пигмалион), поддерживавший Антигона, был казнен. В 312 году до н. э. Птолемей снова отправился из Египта в Палестину, чтобы нанести удар и вернуть ее под свою власть. Антигон оставил командовать там своего сына Деметрия, в то время юношу двадцати лет. Деметрию суждено было пройти блестящий и полный приключений жизненный путь и прославиться в истории под прозвищем Полиоркет (*Poliorkētēs*, Осаждающий), но при встрече весной 312 года до н. э. у границ

Палестины с бывалым воином, который сражался под началом Александра, Деметрий потерпел сокрушительное поражение. Битва при Газе отмечает целую эпоху в истории, ибо именно после этого разгрома Деметрия Селевк увидел, что перед ним открылась дорога для возвращения в Вавилон, и зарождение империи Селевкидов в Азии датируется этим годом (312 до н. э.). Во второй раз Птолемей оккупировал Палестину и овладел финикийскими городами^[43].

Затем судьба совершила неожиданный поворот, как часто бывало в те бурные дни. В 311 году до н. э. Деметрий разбил войско Птолемея в Северной Сирии, и Антигон с севера отправился походом в Палестину. Во второй раз Птолемею пришлось убраться из Палестины в свой черепаший панцирь. Одновременно снова взбунтовалась Кирена, на этот раз не против Офелла, а под его предводительством. Для Птолемея настали нелегкие времена. В 311 году до н. э. он и остальные македонские вожди, его союзники, – правитель Македонии Кассандр и правитель Фракии Лисимах – заключили мир с Антигоном, по условиям которого Птолемей оставлял Келесирию. Это была лишь краткая передышка в длительной борьбе, и вскоре война продолжилась, как прежде. Теперь усилия Птолемея были в основном направлены на установление господства на море. Он потерял Палестину и Финикию, но все еще владел Кипром. Все македонские вожди признавали свою приверженность принципам, выраженным фразой «автономия эллинов», и под этим предлогом каждый из них мог выгнать гарнизон своего противника из любого греческого города, который удерживал противник, и поставить вместо него собственный гарнизон в качестве хранителя свободы этого города. Морской флот Птолемея активно действовал после 311 года до н. э. на побережье Малой Азии, вырывая, где мог, города из-под власти Антигона. Агенты Антигона, с другой стороны, пытались переманить на его сторону династов Кипра. С одним из них им это удалось – или, во всяком случае, Птолемей считал, что удалось, – но неясно^[44], то ли это был Никокл, царь Пафоса (как пишет Диодор), то ли Никокреонт, династ Саламина, выполнявший роль губернатора провинции при Птолемеях, – и правитель был принужден Птолемеем к самоубийству. Несмотря на вражеские происки, Птолемею пока удалось сохранить власть над Кипром. В 308 году до н. э.^[45] он даже высадился с войском в самой Греции и поставил свои гарнизоны в Мегаре, Коринфе и Сикионе. В

том же году, изгнав из Андроса гарнизон противника, он сделал первый шаг к установлению своего протектората над Кикладскими островами в Эгейском море, который в последующие годы должен был стать важным фактором в Средиземноморском регионе. Делос, являвшийся политическим центром Кикладского архипелага, очевидно по причине его религиозного значения, Птолемей также вырвал примерно в то же время из-под власти Афин, которым Делос подчинялся почти два века. В найденной на Делосе описи храмового имущества упоминается ваза с посвящением: «От Птолемея, сына Лага, Афродите». Также вероятно, что в 308 году до н. э. армия под командованием пасынка Птолемея Мага вернула Киренаику: Маг был водворен там в качестве наместника^[46].

В 306 году до н. э. самая основа морской силы Птолемея рухнула под новым ударом. Деметрий со своим флотом напал на Кипр и в морском бою у киприотского Саламина нанес Птолемею столь же суровое поражение, какое Птолемей нанес ему в Газе шестью годами раньше. Брат Птолемея Мене-лай, бывший его наместником на острове, и сын Птолемея Леонтиск – от одной из его многочисленных любовниц – вместе со многими главнокомандующими попали в руки победителя. Деметрий с показным благородством, которое подобало македонским аристократам во время их распрей друг с другом, отправил всех своих знатных пленников к Птолемею без выкупа. Но власти Птолемея на Кипре и его господству на море пришел конец. Шестнадцать лет стремился Птолемей заполучить земли за пределами Африки – Палестину и Кипр – и теперь утратил все. Но у него остались Египет и Кирена. Птолемей по-прежнему оставался полновластным владыкой богатой и густонаселенной страны на Ниле, отрезанной от остального мира пустынными приграничными областями и побережьем, на котором почти не было гаваней. Здесь, несмотря на все невзгоды, он мог ждать, пока судьба повернется снова, надежно укрытый от внешних бурь. Прозорливость Птолемея, с которой он впервые сделал выбор, стала как никогда очевидной.

Теперь его положение в Египте отличалось от того, в котором он находился сразу после прибытия туда в 323 году до н. э. Официально он был сатрапом царей Филиппа Арридея и Александра. Филипп Арридей был убит в 317 году до н. э. по приказу матери Александра Великого, а маленького Александра в 311 году до н. э. убил Кассандр.

После этого уже нельзя было делать вид, что существует единая македонская империя. Но соперничающие македонские вожди не стали сразу же после смерти мальчика-царя называть себя царями. Впервые это сделал Антигон в 306 году до н. э. после победы при Саламине. Известные нам письменные источники говорят о том, что Птолемей тут же последовал его примеру, чтобы показать, что поражение не заставило его склонить голову. Однако согласно Александрийскому царскому списку, правление Птолемея как царя началось не раньше ноября 305 года до н. э., и это подтверждается множеством демотических папирусов^[47]. До того времени официальные документы в Египте все еще датировались годами правления юного Александра даже после его смерти^[48]. Вымысел послужил для того, чтобы заполнить период междуцарствия, пока Птолемей ожидал развития событий, прежде чем определиться, в какой форме он будет править Египтом в этом беспрецедентном международном положении.

Греко-египетский колосс Александра IV (Карнак), изображение в виде взрослого мужчины, хотя на момент убийства Александру было не больше 11 лет!

Когда сатрапа стали называть царем, возможно, это считалось формальным изменением, не имеющим особой важности. Однако,

если верховная власть мальчика в далекой Македонии была вымыслом даже при его жизни, этот вымысел вполне мог оказывать воздействие на умы множества людей, населявших берега Нила. Где-то за правительственным механизмом, который был у них перед глазами, стоял божественный человек, которого по-прежнему наделяли старинными титулами, издавна применявшимися в отношении фараонов: «молодой Хор», «Господин венцов», «Господин всего мира», «Царь Верхнего и Нижнего Египта», «Восторг Амонова сердца», «Избранный Солнцем». А непосредственный правитель, – вероятно, египтяне произносили его имя как Птлумис – был в их глазах могущественным наместником, правившим от имени фараона, как Уна в старину.

Стела с иероглифами, открытая в 1871 году в Каире и датированная летом 311 года до н. э., проливает свет на отношения Птолемея с местным жречеством, в то время когда он еще номинально числился сатрапом при малолетнем царе Александре^[49].

«В год 7-й (то есть в седьмой год мальчика-царя Александра IV, чье царствование формально началось после смерти Филиппа Арридея), в начале разлива, при святости Хора, молодого, богатого силой, Господина Венцов, любящего богов, давших ему достоинство его отца, Хора золотого, Господина всего мира, царя Верхнего и Нижнего Египта, Господина обеих земель, Восторга Амонова сердца, избранного Солнцем, Александра вечно живущего, дружественного богам городов Пе и Теп, пока его Величество, бывший также царем в мире чужеземцев, находился в пределах Азии, в Египте правил великий наместник, и Птолемей было его имя.

Он был человеком с пылом юноши, крепкими руками, мудрым духом, сильным среди людей, крепким смелостью, твердо стоявшим на ногах, отражающим яростных, не обращающим спину, нападающим на противника в лицо посреди битвы. Когда он хватал лук, то не для того, чтобы стрелять (издалека) в нападающего, он сражался мечом; среди битвы никто не мог устоять против него, рука его была столь крепка, что никто не мог отразить ее; слова, вышедшие из его уст, не возвращались назад, не было подобного ему в мире чужеземцев. Он вернул образы богов, найденные в Азии; всю утварь и книги из всех храмов Северного и Южного Египта он вернул на свои места. Он поселился в крепости царя Александра, избранного Солнцем, сына

Солнца: Александрией зовется она и стоит на берегу Великого моря ионийцев, Ракоти звалась она прежде. Он собрал многих ионийцев, и конницу, и множество кораблей с их гребцами, и пошел со своим войском на землю сирийцев, которые воевали с ним. Он проник в их землю с великой храбростью, подобный ястребу среди мелких птиц. Захватив их всех вместе, он привез тамошних князей, коней, корабли, предметы искусства в Египет. Потом, вторгшись в область Мермерти (Кирены), он завладел ими всеми сразу и увел в плен мужчин, женщин, лошадей, в отместку за то, что они причинили Египту.

По возвращении в Египет с радостью в сердце от того, что он сделал, он отметил великий день, и этот великий наместник искал наилучшего для богов Верхнего и Нижнего Египта. Затем заговорил с ним тот, кто был на его стороне, и старейшины земли Нижнего Египта сказали так: «Морская земля, земля Патанут ее зовут, была дарована царем, сыном Солнца, Хабабашем^[50], вечно живущим, богам Пе и Тепа после того, как Его Величество отбыл в Пе и Теп, чтобы проверить все тамошние морские земли, чтобы отправиться во внутреннюю часть болот и проверить все рукава Нила, который течет в великое море, чтобы отразить флот Азии от Египта. Затем обратился Его Величество (Хабабаш) к тому, который был рядом с ним: «Эта морская земля, дай мне ее узнать». Они сказали пред Его Величеством: «Эта морская земля (зовется она земля Патанут) принадлежала богам Пе и Тепа с незапамятных времен. Враг Ксеркс опрокинул ее и ничего от нее не оставил богам Пе и Тепа». Его Величество велел привести перед ним жрецов и начальников Пе и Тепа. Их поспешно привели к нему. Тогда сказал Его Величество: «Сообщите мне о достоинствах богов Пе и Тепа, что они причинили злодею из-за его злодеяний, видя, что подлый Ксеркс причинил зло Пе и Тепу и забрал их имущество».

Они сказали пред Его Величеством: «Царь наш, владыка Хор, сын Исиды, сын Осириса, царь царей Нижнего Египта, мститель за отца, господин Пе, начало и конец богов, после которого нет царя, изгнал злодея Ксеркса вместе с его старшим сыном, явив себя в городе Нейт, в самом Саисе, в тот день рядом со святой Матерью». Сказал Его Величество: «Этот могущественный бог среди богов, после которого нет царя, он будет путем и законом Моего Величества; в этом я клянусь». Тогда сказали жрецы и начальники Пе и Тепа: «Тогда пусть Твое Величество прикажет даровать морскую землю (зovuщуюся

землей Патанут) богам Пе и Тепа вместе с хлебом, питьем, быками, птицами и всем добром. Пусть же возобновление дара будет запечатлено во имя тебя из-за твоей щедрости к богам Пе и Тепа в награду за совершенство твоих деяний».

«Этот великий Наместник сказал: «Пусть будет издан следующий декрет, писанный в канцелярии царского писца по финансам:

«Я, Птолемей, сатрап, возвращаю Хору, мстителю за отца, господину Пе и Буто, госпоже Пе и Тепа, землю Патанут, отныне и навсегда, со всеми ее деревнями, городами и жителями, полями, водами, быками, птицами, стадами, и всем, что в ней производится, как было прежде, вместе со всем, что прибавилось с тех пор, как был сделан дар господином обеих земель, Хабабашем, вечно живущим. Да пройдет ее южная граница по земле города Буто и северному Гермополю до самого места, называемого Наунебу. Да пройдет его северная граница по дюнам на берегу Великого моря. Да пройдет его западная граница по извилинам судоходной реки до самых дюн. Да пройдет его восточная граница по ному Себенниту. Ее телята будут <запасом> для великих Ястребов, быки для спокойствия богини Небтауи, волы для живущих Ястребов, молоко для августейшего Дитяти, птица для Того, кто в Ша-т, чья жизнь в нем самом. Все, производящееся на ее земле, отдается для алтаря самого Хора, господина Пе и Буто, главы Ра-Хармахиса, навеки».

Земля до края ее, данная царем, господином обеих земель, воплощением Татенена, избранным Птахом, сыном Солнца, Хабабашем вечно живущим, пожалование это было возобновлено великим наместником Египта Птолемеем богам Пе и Тепа навечно. В награду за то, что он сделал, пусть будет дана ему победа и сила, как ему пожелается, чтобы в страхе пред ним и впредь пребывали все чужеземные народы, которые живут на сей день. Относительно же земли Патанут, кто бы ни отважился захватить ее, пусть падет на него опала Тех, которые в Пе, и проклятие Тех, которые в Тепе, пусть его коснется огненное дыхание богини Аптауи в день ее ужасов и пусть никогда его сын или дочь не подадут ему воды».

Начиная с 305 года до н. э. сам Птолемей стал царем, верховным божественным властителем египетской земли. Именно его египетские жрецы и писцы теперь наделили титулами древних фараонов. И людей стали постепенно приучать к мысли о том, что именно он был

истинным царем с самой смерти Александра Великого. В официальной датировке документов годы его правления после 305 года до н. э. начали отсчитываться не с того момента, когда он впервые принял имя и титул царя, а с 324–323 годов до н. э. ^[51] Можно представить себе, как греки, жившие в то необычайное время, впервые увидели в Судьбе непредсказуемое божество, способное сыграть самую странную роль в делах людских и сделать так, чтобы человек, в детстве, вероятно, не предвидевший никакой иной жизни, кроме самой естественной для македонского сельского аристократа среди родных ему полей и холмов, в возрасте шестидесяти четырех лет стал египетским фараоном!

После того как в 306 году до н. э. Птолемей утратил все свои владения за пределами Египта, удача снова отвернулась от Антигона. В течение последовавших двух лет его армии натолкнулись на два серьезных препятствия. Во-первых, отобрав у Птолемея Палестину и Кипр, Антигон оказался настолько неблагоприятен, что повторил попытку Пердикки и сам напал на Египет. Для этого он не забыл собрать большое войско из сухопутных и морских сил, которое, как он надеялся, должно было дать ему возможность преодолеть хорошо известные преграды – пустыню между Палестиной и Египтом и Нил, «бессмертную стену» Египта ^[52]. Сначала армия сосредоточилась в Антигонее в Северной Сирии (после этого Антигонею вытеснила Антиохия) и затем двинулась на Газу (в ноябре 306 года до н. э.) на границе пустыни. По Диодору, она насчитывала более 80 тысяч пехоты, 8 тысяч всадников и 83 индийских слона, и сопровождал ее флот в 150 военных кораблей и 100 грузовых судов под началом Деметрия. (Как показал Магаффи, не стоит слишком доверять цифрам, которые приводят в такой связи древние историки.) В Газе, перед тем как пересечь пустыню, армия взяла запасов на десять дней, кроме того, для сопровождения армии был обеспечен отряд бедуинов на верблюдах со 130 тысячами медимнов хлеба и фуража для лошадей. С точки зрения физических условий Антигону было бы лучше отложить наступление до лета. Зимой Нил разливается, и навигация вдоль берега становится трудной и опасной из-за сильных северо-западных ветров ^[53]. Но наличие борьбы за мировое господство, сознание необходимости нанести удар по Птолемею, пока он еще слаб из-за потерь на Кипре, безусловно, не позволили Антигону тянуть с его

предприятием. Лучше всего, если Антигон не мог его отложить, было бы вообще отказаться от попытки. В тех обстоятельствах все пошло не так, как было задумано. Флот Деметрия не смог двигаться против ветра; несколько кораблей выбросило на берег у Рафии; сухопутное войско и флот оказались не способны осуществлять взаимодействие, как планировалось.

«Когда объединенные силы прибыли в Пелусий^[54], они увидели, что он защищен со всех сторон; вход с реки блокирован лодками, выше по течению стояли небольшие вооруженные суда, которые должны были помешать любым попыткам переправиться, более того, город был готов посулить захватчикам крупные взятки и хорошие условия службы, если они дезертируют и примкнут к Птолемею. Так как эти обещания свелись к двум минам на рядового и таланту на офицера, то Антигону с трудом и лишь за счет устрашения, когда захваченных дезертиров карали мучительной смертью, удалось избежать конца, подобного тому, который постиг Пердикку. Деметрий, увидев, что войти в Пелусий с любой стороны невозможно, попытался высадиться западнее: сначала в так называемом *pseudostomos*, или ложном устье, где, вероятно, теперь находится озеро Манзала, а затем в Дамьеттском (Фатнитском) устье. В обоих местах он был отбит, после чего его настигла новая буря, разрушившая еще три его самых крупных корабля; с трудом он добрался в лагерь отца, расположенный восточнее входа в Пелусий». (М.)

Антигону не осталось ничего иного, как только отступить от границ Египта как можно скорее. Миру явилась истинная сила Птолемея даже после всех его поражений и потерь. Антигона ожидало второе препятствие. Деметрий напал на Родос в начале 305 года до н. э. Родос, великое морское и торговое государство, где дух республиканской свободы жил еще несколько веков после Александра, несомненно, имел множество связей с новым крупным торговым центром – Александрией. Родосцы были союзниками Птолемея.

Деметрий осаждал Родос около пятнадцати месяцев в 305–304 годах до н. э., но потерпел неудачу и вынужден был согласиться на компромиссный мир. Своей успешной обороной Родос в большой степени был обязан снабжению и подкреплениям, которые Птолемею время от времени удавалось доставлять в осажденный город.

В 303–302 годах до н. э. Кассандр, Лисимах, Птолемей и Селевк заключили новый союз против Антигона. Селевк ушел в глубь Востока и покорял дальние провинции империи вплоть до самой Индии. Зимой 302/01 года до н. э. он двинулся на запад, чтобы привести на помощь союзникам большой отряд индийских слонов. Птолемей вел осторожную и не отличающуюся блистательностью игру. Единственное, что он сделал, – это снова, в третий раз, оккупировал Келесирию, пока три других царя сосредоточивали силы против Антигона в Малой Азии. Затем пришло известие, что Антигон одержал решающую победу и идет на Сирию. Птолемей тут же, в третий раз, удалился из Келесирии. Но известие оказалось ложным. Победа осталась за тремя царями, именно они нанесли противнику сокрушительное поражение в битве при Ипсе летом 301 года до н. э. Мертвое тело старого Антигона рухнуло на землю.

Победа союзников при Ипсе поставила новый спорный вопрос на политическом поле – палестинский, который не будет снят на протяжении всей последующей истории эллинистического Египта. Согласно договору, заключенному союзниками перед последним боем с Антигоном, Палестина (Келесирия), по-видимому, предназначалась Птолемею в случае победы. Но вполне естественно, что цари, фактически принявшие на себя основную тяжесть битвы при Ипсе, решили, что египетский царь, не явившийся на решающее сражение и поспешно бежавший из Келесирии из-за ложного слуха, лишился права претендовать на что-либо. По новому договору, заключенному царями-победителями после Ипса, Келесирия присоединялась к азиатской империи Селевка. Птолемей отказался признать новый договор; Селевк отказался соблюдать первоначальный договор, считая, что он утратил силу. Так возникла причина для спора между династиями Птолемеев и Селевкидов, который останется нерешенным в течение многих последующих поколений. Как во времена древних фараонов Палестина была спорной областью между владыками, правившими в Месопотамии, и владыками, правившими на Ниле, так будет и дальше, когда место прежних египетских царей займут две македонские династии.

После битвы при Ипсе Птолемей снова занял Келесирию, уже в четвертый раз. «Когда Селевк после раздела Антигонова царства прибыл со своим войском в Финикию и попытался, согласно

заключенной договоренности, занять Келесирию, оказалось, что Птолемей уже овладел ее городами. Птолемей жаловался, что Селевк в нарушение старой дружбы согласился на договор, по которому область, находившаяся под властью Птолемея, отходила под его начало. Хотя он [Птолемей] принимал участие в войне против Антигона, цари, возражал он, не дали ему ни единой доли завоеванной земли. На эти упреки Селевк ответил, что вполне справедливо, что землю распределили между собой те, кто бился в бою. Что же до Келесирии, то пока он ради их дружбы не будет предпринимать никаких действий; а позднее он подумает, как лучше всего поступить с друзьями, которые попытались ухватить больше, чем имели на то право»^[55].

В годы относительного мира, последовавшего за битвой при Ипсе, три старика, три еще остававшихся в живых спутника Александра – Птолемей, Селевк и Лисимах – вместе с царями второго поколения – Кассандром в Македонии, Пирром в Эпире и Деметрием, пока что скитавшимся, лишенным трона, – вели между собой сложную игру дипломатических интриг, которую теперь невозможно проследить и в которой напряжение между сторонами, дружба и вражда то и дело сменялись друг другом в зависимости от сиюминутных обстоятельств. Напряжение всегда выливалось в новую войну, как, например, когда Деметрий захватил македонский трон в 294 году до н. э. после смерти Кассандра, когда он напал на царство Лисимаха (287 год до н. э.), или во время последнего великого сражения между Селевком и Лисимахом, которое разразилось уже после смерти Птолемея. Сам Птолемей после Ипса уже не вел войн ни с одним из царей-соперников. Он лишь принимал участие в дипломатической игре и поддерживал то одного, то другого, согласно изменчивым обстоятельствам. Династические браки время от времени дают нам указание на положение дел. Сразу же после битвы на Ипсе отношения между Птолемеем и Селевком, как мы видели, становятся натянутыми из-за возникшего спора о Келесирии, и затем происходит сближение Селевка и Деметрия, Птолемея и Лисимаха; Селевк женится на Стратонике, дочери Деметрия, а Лисимах (примерно между 300 и 298 годами до н. э.) – на Арсиное, дочери Птолемея. Затем Александр, сын Кассандра, женится на другой дочери Птолемея, Лисандре, Деметрий женится на третьей дочери, Птолемаиде (обручение около 300 года до

н. э.; свадьба в 286 году до н. э.); Антигона, дочь жены Птолемея Береники в первом браке, обручается с Пирром (298–295 годы до н. э.); другая дочь Береники, Феоксена, выходит за Агафокла, правителя Сиракуз (около 300 года до н. э.); и, наконец, другой Агафокл, сын Лисимаха, берет в жены дочь Птолемея^[56].

Когда Деметрий осадил Афины (296–294 годы до н. э.), Птолемей не оказал действенной помощи своим друзьям-афинянам; его флот стоял у Эгины, но не предпринял ничего, чтобы предотвратить падение города. В 287 году до н. э., когда Афины восстали против Деметрия, Птолемей прислал им 50 талантов и некоторое количество монет; но его флот снова ничего не сделал, чтобы помешать Деметрию.

Те владения за пределами Египта, которые Птолемея действительно интересовали, он возвратил себе после Ипса. Как мы видели выше, Селевк снова узнал, что Птолемей овладел Келесирией, когда явился за сирийской частью царства Антигона. Видимо, к тому времени оккупация Птолемеем Палестины была далеко не закончена. Гарнизоны Деметрия^[57] еще удерживали города финикийского побережья, и, согласно одному косвенному источнику, Деметрий захватил Самарию в 296–295 годах до н. э.^[58] Буше-Леклерк считает (или считал в 1903 году, когда писал том I), что владения Деметрия в Финикии и Палестине перешли в руки Селевка, а не Птолемея. Династия Птолемеев в таком случае смогла бы овладеть Палестиной окончательно (вернее, на восемьдесят лет) раньше смерти Селевка в 281 году до н. э. Буше-Леклерк основывается на заявлениях селевкидских дипломатов, сделанных в 219 году до н. э., которые заявляли о том, что на «эти области» распространяется господство (δυνάσταια) Селевка. Мне, как и большинству ученых, представляется более вероятным, что Птолемей владел Палестиной начиная со времени после битвы на Ипсе, за исключением тех мест, которые временно оставались во власти Деметрия, и что они тоже отошли к Птолемею, когда Деметрий не мог уже больше их удерживать. «Династия» Селевка в Палестине, к которой апеллировали дипломаты Селевкидов, вполне могла быть господством, которое он фактически не осуществлял, но на которое по праву претендовал в силу раздела территорий, совершенного царями-победителями.

В 295–294 годах до н. э. Птолемей вернул себе Кипр. Кипр тоже оставался под властью Деметрия в течение шести лет после битвы на

Ипсе. Оборону острова от Птолемея возглавляла отважная жена Деметрия Фила, дочь Антипатра, но в конце концов на Саламине ей пришлось сдаться. Птолемей ответил с тем же благородством, которое выказал Деметрий в 306 году до н. э., и отослал Филу и ее детей к Деметрию в Македонию «с подарками и почестями».

Примерно к 287 году до н. э. египетский флот снова стал господствовать в Эгейском море и вернул Птолемею протекторат над лигой Кикладских островов^[59]. Какое-то время (между 294 и 287 годами до н. э.?) Птолемей поддерживал близкие дружественные отношения с Милетом, который перешел под власть Лисимаха; видимо, Птолемей использовал свое влияние на союзника, чтобы обеспечить городу освобождение от уплаты налогов^[60].

Античные авторы рассказывают нам кое-что о том, какую роль играл Птолемей в борьбе между мировыми державами в течение сорока лет после смерти Александра. Но когда мы задаемся вопросом, что же все это время происходило в самом Египте, наши документы не дают материала для связного повествования. Можно только делать выводы о происходивших событиях по условиям, которые впоследствии складываются в стране.

Обращаясь к этому периоду истории Египта в целом, мы видим, что главным образом его характеризует то, что теперь в Египте, вместо сравнительно однородного коренного населения, существовавшего при прежних фараонах, образуются два слоя, которые вместе населяют его землю, – верхний, состоящий из правящей европейской расы, и нижний, к которому относилась огромная масса подчиненных египтян. Таково было положение дел, встречающееся и в наши дни, ибо правивший в эллинистическом Египте народ принадлежал к греческой цивилизации, которая породила современную цивилизацию Европы, и чувство превосходства над местными жителями страны, испытываемое греками, не отличалось от того, которое «белые люди» наших дней питают к «туземцам». Между прочим, говоря о египтянах, греки обычно и употребляли слово «туземцы» (ἑγχώριοι).

Этот греко-македонский слой в Египте сложился не просто потому, что греки и македонцы спонтанно переселялись туда, влекомые природными условиями страны, как относительно недавно произошло с европейскими переселенцами, иммигрировавшими в Америку и Австралию. В Египте сознательно создавалась македонская правящая

династия. Когда Птолемей после смерти Александра Великого выбрал Египет в качестве своей базы, эта страна дала ему очень многое. Он получил легко защищаемую территорию; огромные материальные богатства, как продукты местного производства, так и ввозимые по Нилу товары; Египет придал его правлению долю блеска, присущего полной чудес традиции древней страны. Но он не снабдил Птолемея всем, что ему было нужно. Он не дал Птолемею одну крайне необходимую вещь – человеческий ресурс. Да, население Египта было многочисленным, но все это были люди не той породы, люди, из которых нельзя было сделать армию, способную выстоять против войск македонских и греческих воинов, таких, какие могли выставить на поле боя Антигон и Селевк. Также Птолемею был нужен постоянный приток македонцев. Он помнил, что ядро армии, завоевавшей полмира под началом Александра, набиралось из жителей старой Македонии, всаднической аристократии, крепких копейщиков, которые в мирное время были фермерами или батраками в балканских деревнях. Теперь Птолемей был отрезан от Македонии, своей былой родины. Он задумал искусственно создать новую Македонию в этой странной и ни на что не похожей египетской земле – слой из тысяч македонских и греческих крестьян, распределенных по всему Египту, людей, которые в мирное время будут выращивать хлеб и разводить скот на земельных участках, орошаемых Нилом, но, когда придет нужда, смогут взять в руки *сариссу* или сесть на боевого коня, составить *илу* или *фалангу* и отправиться с Птолемеем или одним из его стратегов в Палестину или Кирену. Эта система европейских военных колонистов, характерная черта эллинистического Египта, безусловно, была сформирована в правление первого Птолемея.

И для новых греческих городов Александрии и Птолемаиды, и для того, чтобы военные колонисты обосновались в его стране, Птолемей должен был привлечь тысячи греков и македонцев в Египет. Он не мог переселить их гуртом из Македонии и Греции, как прежние ассирийские цари, переселявшие жителей из одной части царства в другую, так как эти страны лежали вне сферы его влияния. План Птолемея мог бы оказаться невыполнимым, если бы население Македонии и Греции на тот момент уже не было в большой степени разбросано по всему Ближнему Востоку в результате завоеваний Александра, рассеянное по лагерям и гарнизонам под началом того

или иного великого македонского вождя. Когда Птолемей прибыл в Египет в 323 году до н. э., он наверняка нашел там некоторое количество македонцев и греков, уже находившихся там в качестве местного гарнизона. Других он мог привезти с собой из Вавилона. Когда один македонский вождь в те дни побеждал другого в битве, воины разгромленной стороны часто были готовы в массовом порядке перейти на службу к победителю. В конечном итоге для македонцев победитель тоже был национальным вождем. Часть побежденной армии Пердикки в 321 году до н. э., возможно, нашла новый дом в эллинистическом Египте. Диодор сообщает, что после битвы при Газе в 312 году до н. э. Птолемей отправил в Египет больше 8 тысяч воинов разгромленной армии и распределил их по определенным областям страны^[61]. По всей вероятности, обещанный участок египетской земли вскоре привлек в Египет множество македонских воинов, связав их с этой страной такими узами, разорвать которые не могло даже поражение в бою. Мы читаем, что когда в 306 году до н. э. Деметрий захватил армию Птолемея на Кипре, то множество воинов, вместо того чтобы перейти на службу к Деметрию, старалось вернуться в Египет, где у них остались семьи и имущество^[62].

Помимо массово свозившихся в Египет воинов, многие представители греческого мира могли индивидуально поступить на службу к Птолемею в качестве наемников и затем принять предложение и поселиться в стране постоянно. Таких армий, которые можно было создать из обосновавшихся в Египте македонцев, самих по себе было недостаточно. В дополнение к ним необходимы были греческие и балканские наемники. В те дни существенным отличием наемных войск было то, что их нанимали отдельно, обычно на каком-либо из солдатских рынков – в Тенароне на Пелопоннесе или Аспенде в Малой Азии, – где встречались и перемешивались солдаты удачи со всех сторон греческого мира и поступали на службу к тому начальнику, который предлагал самую заманчивую перспективу с точки зрения платы, азарта и славы. Затем начальник с набранным отрядом продавал свои услуги какому-либо царю или государству по своему усмотрению. Отдельные рода войск в армиях того времени почти всегда состояли не из воинов македонской регулярной армии, а из наемников из той или иной местности, обладавшей своей специализацией, – лучников с Крита, метателей дротиков из Фракии.

Вероятно, многие из критян, фракийцев, афинян, спартанцев, беотийцев, сицилийцев, попавших таким образом в Египет, там и осели. Птолемей, по всей видимости, старался прослыть во всем греческом мире своего рода добродушным, щедрым, доблестным и благородным человеком, на службу к которому мог поступить любой юноша, согласный пересечь море и склонный к воинскому поприщу. Огромные ресурсы Египта дали Птолемею возможность проявлять щедрость с таким размахом, с которым не могли тягаться многие его соперники.

Правление в Египте Птолемея, сына Лага, ознаменовалось также одним нововведением, которому суждено было иметь продолжение в греческом мире, – созданием нового культа. Серапис, божество, чье имя до сих пор было неизвестно грекам, жившим за пределами Египта, стал одним из великих богов позднего язычества. Происхождение культа Сераписа является предметом многих научных споров, однако великолепное издание папируса, датированного периодом эллинизма, под редакцией Вилькена, которое в настоящее время находится в процессе опубликования, смогло представить его в более ясном свете. Для начала взглянем на древний египетский храм в окрестностях Мемфиса, с той поры известный грекам как Серапеум, храм Сераписа. Он находился примерно в четырех милях от Мемфиса западнее Нила, неподалеку от бесплодных холмов, ограждающих долину Нила с этой стороны. Вилькен показывает, что некоторые предположения о Серапеуме, сделанные Мариеттом и впоследствии кочевавшие из одной работы в другую, являются ошибочными. Не было «греческого Серапеума», стоявшего отдельно от «египетского Серапеума». Был единственный Серапеум, крупный комплекс зданий на возвышенности позади возделанных угодий. В непосредственной близости от реки проходила и проходит полоса возделанной земли, затем чуть выше узкая полоска пустыни и за ней холмы. На границе пустыни, неподалеку от возделанной земли, стоял храм Анубиса, окруженный храмовым участком. (На храмовой территории впоследствии располагался своего рода государственный полицейский участок с прилегавшей к нему тюрьмой, правительственное бюро (*grapheion*) и казармы для уполномоченного представителя *стратега* мемфисского нома. Сам стратег посещал тамошний Серапеум, а однажды, при Птолемеи VI, стратег, как сказано в источниках, провел два дня в храме

Анубиса и «пил».) Из храма Анубиса через пустыню в Серапеум вела мощеная дорога, обрамленная сфинксами.

Серапеум – храм, возведенный при усыпальнице мертвых быков Аписа, чьи мумии помещались там в подземных коридорах. Живые быки содержались в Мемфисе в храме Аписа, примыкавшем к великому храму Птаха, на возделанной земле в четырех милях оттуда. При жизни бык считался воплощением божества Нила, а иногда его идентифицировали с Птахом^[63]. Однако, как человек при смерти становился Осирисом, так и мертвый бык становился Осирисом-Аписом (Osir-Hapi). Согласно бытовавшему в римские времена, а может быть, и раньше мнению, божественность священного животного возникала после его смерти. Погребение быка было всеегипетским событием. Повсюду царил траур в течение семидесяти дней, пока продолжался процесс мумификации. Каждый храм присылал виссон для обертывания мумии. Две женщины-жрицы оплакивали его в Мемфисе, находясь рядом с телом. После окончания мумификации мумию торжественной процессией во главе с писцом в маске, который изображал бога Тота, приносили в храм Анубиса на краю пустыни. Здесь мумию принимал другой жрец в маске шакала Анубиса, проводника мертвых, и сопровождал по мощеной дороге в Серапеум. Там быка водружали покоиться в подготовленном для него зале в одном из подземных коридоров. По завершении подготовительных работ, возможно за много лет до погребения, зал закрывался, коридоры запирались, и ни один жрец не имел права туда входить. Сразу же после того, как божественная мумия отправлялась на покой, коридоры снова запирались до погребения нового быка, за исключением того времени, которое требовалось для подготовки зала к принятию очередной мумии^[64].

Теория Вилькена состоит в том, что, в то время как рабочие вытесывали залы под Серапеумом, предназначенные для принятия быка, который пока был жив и находился в Мемфисе, культ этого живого быка начинал отправляться в подземных коридорах, где он отождествлялся с Осирисом, богом мертвых, но не таким же образом, каким любой мертвый человек становился «Осирисом», но отличным, более персонализированным. В качестве такового живого быка называли Апис-Осирис, тогда как мертвый он был Осирис-Апис. Поклонение в храме над землей, считает Вилькен, было обращено к

Осирису-Апису, однако не какому-либо одному из множества умерших и погребенных ниже быков; оно было обращено к одному божеству, Осирису, воплощенному во всех них. В уме тех, кто ему поклонялся, этот Осирис-Апис был не столько мертвым быком, сколько самим богом загробного мира, принявшим определенное обличье, а в облике человека его, вероятно, представляли сидящим на троне, хотя, быть может, с бычьей головой.

Самый древний сохранившийся до нашего времени греческий папирус содержит проклятие, написанное гречанкой из Египта по имени Артемисия, в котором она призывает месть «Господа (*despotes*) Осераписа» на человека, от которого она родила дочь^[65]. Возможно, что Артемисия положила этот кусок папируса, которому много веков спустя суждено было привлечь заинтересованные взгляды чужеземцев в Венской императорской библиотеке, у ног бога в правление Александра Великого, еще до восшествия на египетский трон царя Птолемея. Он доказывает, что еще до того, как Птолемей I ввел культ Сераписа в Александрии, Осир-Хапи из мемфисского Серапеума уже был почитаемым божеством для живших в Египте греков.

Согласно общепринятому взгляду, птолемеевский двор сознательно ввел поклонение Серапису; Шубарт ставит эту точку зрения под сомнение и полагает, что этот культ самостоятельно возник в качестве новой религии среди египетских греков, однако, как мне кажется, выдвигаемые Вилькеном аргументы доказывают, что при первых Птолемеях культ Сераписа продвигался под царским патронажем. Следующий вопрос заключается в том, был ли Серапис египетским богом Осир-Хапи. Леманн-Гаупт попытался доказать, что это вавилонский бог Шар-апси, но эта теория, по всей видимости, не нашла одобрения у остальных ассириологов. Вилькен одно время был склонен отрицать какую-либо связь между именем Серапис и египетским именем Осир-Хапи, которое в транскрипции Артемисии приобрело вид Осерапис. Однако теперь он утверждает, что имя Серапис первоначально было неточной народной передачей египетского Осир-Хапи в речи египетских греков. Серапис, которому поклонялись в Александрии, считает он, отождествлялся с богом загробного мира, которому поклонялись в расположенном рядом с Мемфисом храме над гробницами мумифицированных быков: в этом смысле Серапис действительно был египетским богом. Однако не

может быть никаких сомнений в том, что иконография александрийского Сераписа была греческой, а не египетской, – бородатый бог, напоминающий Зевса, Аида или Асклепия, восседающий на троне с трехговым Цербером, псом из загробного мира, в ногах и в высоком головном уборе, который из-за своего внешнего вида назывался *kalathos*, «корзина». В зафиксированной Тацитом^[66] легенде говорится о том, как Птолемей по указанию из вещего сна добыл изваяние Сераписа из храма греческого города Синопа на Черном море. В самой истории нет ничего невероятного, но тень сомнения бросает на нее тот факт, что храм мумифицированных быков возле Мемфиса или район пустынных холмов, где стоял храм, назывался Синопионом – так греки транскрибировали какое-то египетское название, установить которое теперь уже нельзя. Если культ Сераписа в Александрии с самого начала был культом божества мемфисского Синопиона, тогда можно считать ошибочной легенду о том, что изображение Сераписа было доставлено из черноморского Синопа. То, что бог Серапис случайно мог оказаться связан с двумя одноименными местами, столь далеко отстоящими друг от друга, как мне кажется, выходит за рамки вероятности. Однако возможно, что эта связь не случайна. Предположим, это правда, что статуя Сераписа была доставлена из Синопа по указанию из вещего сна – а примеров из папирусов и надписей достаточно, чтобы засвидетельствовать факт, что в древности люди действительно руководствовались в таких вопросах снами, – и вполне могло быть так, что сновидец, обдумывая, как вернее представить божество из Синопиона грекам, мысленно унесся в Синоп из-за простого сходства звучания. То ли изваяние было первоначально изготовлено для храма в Синопе, то ли уже для Александрии, так или иначе представляется вероятным, что предание, которое называет его создателем известного скульптора IV века до н. э. Бриаксиса, правдиво.

Насколько нам сегодня известен ход событий, Птолемей, еще будучи сатрапом Египта, уже видел его своим вечным владением и решил, что было бы неплохо ввести в стране религию, которая объединила бы греков и египтян. Рядом с ним в качестве советников были афинянин Тимофей из жреческого рода Эвмолпидов, прекрасно разбиравшийся в греческой религиозной практике, и египетский жрец Мане-фон, который со знанием мог говорить о египетской религии. И вдруг

оказалось, что существует египетский бог, мемфисский Осирис-Апис, которому греки уже поклонялись в Египте под именем Сераписа. Это Птолемей и положил в основание своей новой религии.

Возможно, египтянам она вряд ли показалась новой. Говоря о Сераписе на своем языке, они звали его Осир-Хапи, как в старину. Макробий рассказывает, что египтяне соглашались служить Серапису только по принуждению: можно заметить, пишет он, что храмы Сераписа, хотя и не в Александрии, а в туземных египетских городах, всегда находились вне городских стен. Как утверждает Вилькен, вероятно, мысль о том, что египтяне противились культу Сераписа, – всего лишь ложный вывод из отмеченного Макробием или каким-то более древним греческим автором факта, что Серапеумы в Египте обычно располагались вне городов, на краю пустыни. На самом деле этот факт объясняется тем, что эти храмы, имея отношение к богу мертвых, возводились рядом с местами погребения.

Когда Птолемей установил в Александрии культ Сераписа в качестве главного бога египетских греков, приказал изобразить его как любого другого греческого бога, Серапис стал приобретать атрибуты, схожие с характерными для того или иного древнегреческого бога. Особенно тесно он отождествлялся с Асклепием как бог врачевания. Больные проводили ночь в его храме и во сне получали указания относительно своей болезни. Насколько нам известно, мемфисскому Осир-Хапи не было свойственно ничего подобного. Но греки, видимо, очень рано стали приписывать эти свойства Серапису. В развалинах небольшого греческого храма у мощеной дороги, соединяющей мемфисский Серапеум с Анубеумом, была найдена надпись, которая, судя по эпиграфическим особенностям, едва ли может относиться ко времени позднее 300 года до н. э. В ней некий грек благодарит Сераписа за исцеление.

Но хотя греки сделали Сераписа внешне похожим на греческого бога и ввели в его культ эллинистические элементы, его египетская половина всегда оставалась заметной, даже когда его культ переносился через греческие земли за море, в частности его тесные связи с несомненно египетскими божествами: Исидой, Анубисом, Хором и быком Аписом. Первоначально будучи сам ипостасью Осириса, в греческом мире он совершенно вытесняет Осириса рядом с Исидой, но время от времени появляется и сам Осирис. Вилькен

указывает, что связанные с Сераписом египетские божества – это те, которые, по всей видимости, почитались вместе с Осир-Хапи в мемфисском Серапеуме. Кроме того, в жертву Серапису приносили гусей, в отличие от всех остальных истинно греческих богов^[67].

Начало культу Сераписа было положено в новом храме, еще одном и более грандиозном Серапеуме, построенном в Ракотисе, туземном районе Александрии, где он сменил храм Исиды, воздвигнутый на этом месте Александром. Обелиски того старого храма так и оставались стоять за пределами новой храмовой территории. Его архитектором был грек Пар-мениск, а его стиль (насколько можно судить по описаниям и монетам) – греческим, и его внушительный фасад с колоннадой возвышался на вершине длинной лестницы. Он считался одним из самых величественных храмов Средиземноморья; лишь Капитолий в Риме, как говорит Аммиан Марцеллин, можно поставить выше его. Серапис стал великим богом для Александрии и для Египта в целом. При Птолемее III мы находим «царскую клятву» – клятву, которую официально приносили в судах и при заключении юридических сделок. Произносящий ее клялся царями, «Сераписом и Исидой и всеми другими богами и богинями», то есть Серапис и Исида единственные из богов названы по имени. Однако о том, что александрийский двор выказывал особый интерес к культу нового бога с самого начала, еще с того времени, когда Птолемей был всего лишь сатрапом Египта, может свидетельствовать надпись, оставленная Арсиной в Галикарнасе: «На добрую удачу Птолемею Богу-Спасителю Арсиной возвела святилище Серапису и Исиде»^[68]. Надпись, по-видимому, относится ко времени до того, как Птолемей принял титул царя. Также и папирусы из архива Зенона свидетельствуют о том, что культ Сераписа отправлялся в окружении царя при Птолемее II^[69].

А затем из Александрии культ распространился и по другим городам греческого мира. В последующие века храмы Сераписа или Сераписа и Исиды строились то в одном, то в другом месте по всему Средиземноморью^[70]. В I веке до н. э. культ получил новый толчок, когда римские императоры, начиная с императоров династии Флавиев, стали использовать свое влияние, чтобы способствовать культу Сераписа и Исиды в Риме и Римской империи^[71].

Серапис был не единственным новым богом, которому поклонялись македонцы и греки, жившие в эллинистическом Египте, помимо богов своих предков. Обожествление недавно умерших или еще живых людей стало отличительной чертой греческого мира после кончины Александра. Это было эллинское изобретение, не заимствованное (как иногда полагают) из восточной традиции. Даже в Афинах V века до н. э. мысль об оказании божественных почестей людям как выражении восторженного преклонения или благодарности уже встречается в качестве фигуры речи^[72], а в век, когда рационализм начал подрывать былое религиозное благоговение, когда повсюду распространились теории, объяснявшие, что традиционные боги – это лишь древние люди, обожествленные человеческой фантазией, было легко перейти от мысли к практике и начать использовать формы религиозного поклонения в качестве лестии, обращенной к выдающимся людям эпохи. Религиозные люди консервативных взглядов протестовали против нововведения, считая его нечестивым, но вскоре оно стало общепринятым. Так оно возникло в греческом мире еще до Александра.

Сам Александр, как мы видели, был обожествлен, и, вероятно, по собственному желанию. И когда его полководцы после смерти Александра стали владыками мировых держав, чьим благоволением стремились заручиться греческие города или к кому они испытывали искреннюю благодарность за какую-либо оказанную им милость, они спешили приписать им божественность, принести жертвы и воскурять благовония, назначить жрецов. Следующим шагом для новых эллинских правительств было введение государственного культа умерших и живых членов царского рода, чтобы их подданные со всего царства могли таким образом выказать свою верность.

Для египетских греков Александр Великий с самого начала был богом. Цари и царицы династии Птолемеев вскоре тоже стали богами и богинями. Образованные греки, несомненно, считали официальный культ не более чем символической формой. В ту эпоху было очень просто назвать человека богом, не вкладывая в эти слова никакого особого смысла.

Поклонение мертвым гораздо больше согласовывалось с греческим культом предков, чем новообретенный культ еще живых. Душа мертвого человека все равно уже перешла в потусторонний мир, а еще

с очень древних времен греки считали, что душа великого человека могла действовать во благо или во зло живущим, совсем как это делали боги. Поклонение такого рода, несколько отличавшееся от почитания богов, оказывалось множеству могущественных духов умерших людей, которых называли *героями*. Особенно часто в греческих городах совершалось ритуальное поклонение или «прислуживание» основателю города как герою. Следовательно, поклонение жителей Александрии Александру в определенной степени согласовывалось с греческими обычаями^[73], и от поклонения умершему человеку как герою до поклонения ему же как богу нужно было сделать лишь небольшой шаг. Однако в те дни греки поклонялись не только покойному Александру, но и живому Птолемею.

Важно различать четыре разных типа культа, объектами которых были цари и царицы дома Птолемеев. Это, во-первых, поклонение им по египетскому обряду, в египетских храмах, ничем не отличавшееся от отправления культа египетских фараонов. Такого рода религиозные обряды часто проводились египетскими жрецами в честь Александра, как, несомненно, и в честь Птолемея с того момента, когда он стал царем. Греки не имели никакого отношения к этому египетскому культу: все происходившее в египетских храмах, записанное иероглифами, находилось вне их ведения, хотя царский двор наверняка время от времени удостоверился с помощью агентов из туземного населения в том, что египетские жрецы по-прежнему верно выражают свою преданность. Во-вторых, существовали греческие культы, отправлявшиеся греками частным образом – либо отдельными людьми, которые возводили святилище или алтарь царю и царице, либо добровольными ассоциациями, выбиравшими царя или царицу в качестве божества или одного из божеств, которым члены этого объединения особо поклонялись. Такое личное поклонение, разумеется, могло принимать любые формы по усмотрению верующего, и он был волен награждать царя или царицу любыми эпитетами: «спаситель», «благодетель» и тому подобными, – выражавшими его почтение, независимо от того, было ли это официальное именование или нет. В-третьих, существовали установленные городские культы – культы номинально свободных греческих городов-государств в Египте – Александрии и Птолемаиды, либо греческих городов за пределами Египта, находившихся в сфере

влияния Птолемеев, либо тех, которые, подобно Афинам и Родосу, желали оказать честь греческим правителям Египта. И наконец, поклонение Александру, введенное птолемеевским правительством в качестве государственного всеегипетского культа с ежегодно назначавшимся жрецом, по имени которого датировались годы в официальных документах, о чем мы подробнее скажем ниже. В правление Птолемея I культ правящего царя еще не был официально учрежден – то есть не был установлен для греков, хотя отдельные греки и греческие города поклонялись Птолемею как богу. Родосцы, как мы читаем у Диодора, после провалившейся попытки Де-метрия овладеть городом на Родосе в 304 году до н. э., выказали благодарность Птолемею следующим образом. Они отправили посольство в оазис Сива, «чтобы спросить оракула Аммона, советует ли он родосцам оказывать Птолемею честь как богу. Оракул ответил утвердительно, и они освятили у себя в городе прямоугольный участок и построили по всему периметру колоннаду длиной в *стадию*; этот участок они называли Птолемеийон»^[74].

Павсаний сообщает, что именно тогда родосцы и дали обожествленному Птолемею прозвище, под которым он прославился в истории, – Сотер, «Спаситель»^[75]. Однако в надписи на звание первых, кто стал поклоняться Птолемею как богу, претендует лига Кикладских островов^[76], где Птолемея, как мы видели, в 308 году до н. э. установил своего рода протекторат. И если посвятельная надпись, составленная от имени Арсиной, о которой говорилось на с. 65, действительно относится к промежутку между 308 и 306 годами до н. э., то Птолемея уже должен был называться «Спасителем» и «Богом», до того как он потерял контроль над Эгейским морем из-за поражения при Саламине и принял титул царя. Если божественные почести оказывал ему член его же семьи, то александрийские придворные, несомненно, поступали так же. В недавно опубликованной надписи три грека, спасшиеся от какой-то опасности, исполняя обет, выражают благодарность царю Птолемею и царице Беренике как «Богам-Спасителям»^[77].

В 285 году до н. э. Птолемея почувствовал, что пришла пора назвать своего преемника на троне. В то время он был восьмидесятидвухлетним стариком, чья жизнь с тех самых пор, как он юношей покинул свой балканский дом, была полна невероятных

приключений. Он водил войска на битвы в Центральной Азии среди холмов Афганистана и у рек Индии, он женился на персидской принцессе в Сузах, а в конце концов стал фараоном для египтян и богом для греков. У него было много детей от разных жен и наложниц. Его первая известная нам из источников супруга – персидская принцесса Артакама, на которой он женился во время того странного свадебного празднества в Сузах в 324 году до н. э., когда по желанию Александра множество его македонских и греческих офицеров взяли себе персидских жен. Больше мы ни разу не слышим об Артакаме. Вероятно, Птолемея тихо избавился от нее после смерти Александра, когда уехал из Вавилона в Египет. Если так, то его поступок был противоположен поступку его друга Селевка, чья жена-персиянка Апама, брак с которой он заключил тогда же, осталась с ним до конца жизни и стала родоначальницей царской династии Селевкидов, а также через будущий династический брак прародительницей последних Птолемеев и Клеопатр. Вскоре после смерти Александра (возможно, не раньше договора в Трипарадисе в 321 году до н. э.) Птолемея заключил политический брак с Эвридикой, дочерью старого Антипатра, владевшего тогда Македонией. Эвридика родила ему двух сыновей, один из которых (вероятно, старший) звался Птолемеем, и по меньшей мере двух дочерей – Птолемаиду и Лисандру^[78]. Если Птолемея женился на ней не раньше 321 года до н. э., как предполагает Магаффи, то едва ли она могла родить ему больше четырех детей, так как Птолемея, скорее всего, женился на Беренике до 316 года до н. э. – если только Эвридика не продолжала рожать Птолемею детей уже после его женитьбы на Беренике. Не позже 316 года до н. э. он женился на Беренике – на этот раз по любви. Это была македонская аристократка, которая приехала в Египет в свите Эвридики и уже имела трех детей от прежнего мужа^[79]. Мы знаем о двух детях, рожденных Птолемею Береникой, – Арсиное, родившейся, самое позднее, в 315 году до н. э., так как ее отдали в жены Лисимаху около 300 года до н. э., и сыне, тезке его старшего сводного брата, Птолемея, рожденном в 308 году до н. э. на Косе, когда флот его отца господствовал в Эгейском море. Судя по тому положению, которое позже занимала Филотера, представляется вероятным, что она тоже была дочерью Птолемея и Береники. У Птолемея не было законных жен в Египте, кроме Эвридики и Береники. Развелся ли он с

Эвридикой до того, как жениться на Беренике, или после 315 года до н. э. у него было одновременно две жены, наши источники умалчивают. Впоследствии цари этой династии никогда не имели больше одной законной жены в одно и то же время, как это было принято в греческом мире. Но, по-видимому, македонские цари до Александра были полигамны, и среди его преемников Деметрий и Пирр имели больше одной жены; поэтому можно предположить, что первый Птолемей в этом отношении был больше македонцем, чем греком.

Вероятно, у Птолемея было множество наложниц, не считая законных жен. В одно время он состоял в связи со знаменитой Таис Афинской, звездой греческого полусвета, которая, согласно одной весьма сомнительной легенде, присутствовала на знаменитом пиру в Персеполе в 330 году до н. э., когда по ее наущению был подожжен дворец^[80]. Таис родила Птолемею детей: Леонтиска^[81], Лага и Ирину. Возможно, текст нужно читать как «Леонтиск, также называемый Лагом». Ирина вышла за Эвнота, династа (или наследного властителя) кипрских Сол. Кроме упомянутых детей, было еще два сына, которых звали Мелеагр и Аргей, чьих матерей мы не знаем. Так как Мелеагр позднее присоединяется к Птолемею Керавну в Македонии, можно предположить, что он был сыном Эвридики. В таком случае либо он был близнецом одного из четверых детей Эвридики, либо Эвридика вышла замуж за Птолемея до 321 года до н. э., либо рожала ему детей после 316 года до н. э.

Если бы Птолемей последовал примеру Александра и древнеегипетских царей, основывавших новые династии, то он женился бы на египтянке царских кровей, чтобы узаконить свое правление в глазах туземных подданных. Он этого не сделал. Мы лишь однажды слышим о том, что среди любовниц Птолемея была египтянка^[82].

В возрасте восьмидесяти двух лет Птолемей решил передать власть преемнику, скорее всего, не столько из-за того, что желал уйти на отдых, сколько потому, что хотел увидеть, как его любимый сын успешно займет трон, прежде чем он умрет. Птолемей любил Беренику больше Эвридики, и, хотя сын Эвридики Птолемей был старшим из двух, именно сына Береники Птолемея отец твердо решил сделать царем^[83]. Возможно, Эвридика подала повод для ненависти к себе,

когда женщина из ее свиты Береника возвысилась и заняла ее место. Мы читаем, что в 286 году до н. э. Эвридика уезжает из Египта и поселяется в Милете вместе с дочерью Птолемаидой. Именно туда Деметрий, изгнанный с македонского трона, явился на этот раз со своим флотом и женился на Птолемаиде, которую Птолемей обещал ему примерно за тринадцать лет до того.

Сын Эвридики Птолемей остался в Египте, все еще надеясь стать преемником отца. Прославленный беглец из Афин Де-метрий Фалерский использовал влияние, которое он имел на старого царя, чтобы склонить его в пользу старшего сына. Нет сомнений, что влиятельная македонская партия предпочитала внука старого Антипатра сыну Береники. Но царь был привязан к Беренике и ее детям, даже если сама Береника, вероятно, в то время уже умерла^[84], и не поддавался ни на какие уговоры. В начале 284 года до н. э. молодой Птолемей, сын Береники, был провозглашен царем в Александрии. Кажется более вероятным, что старый Птолемей скорее сделал сына соправителем, чем добровольно отказался от власти^[85]. Сын Эвридики Птолемей, позже получивший прозвище Керавн («Удар грома»), отныне считал Египет небезопасным местом для себя и укрылся при дворе Лисимаха, ставшего царем Македонии. Царицей, женой Лисимаха, была Арсиноя, дочь старого Птолемея и Береники, полнокровная сестра молодого царя Египта. Но родная сестра Птолемея Керавна Лисандра, дочь Птолемея и Эвридики, была супругой Агафокла, старшего сына Лисимаха от предыдущей жены и прямого наследника македонского трона. Чтобы заполучить трон для своего сына, Арсиноя, тогда молодая женщина примерно двадцати одного года, одна из македонских царевен, для которых были свойственны властность и отважный дух, не чуравшихся насилия, если оно могло послужить их целям, принадлежавших к тому типу, последним образцом которого была Клеопатра, подстроила так, чтобы Агафокл был казнен по ложному обвинению вскоре после прибытия Птолемея Керавна в Македонию. Овдовевшая Лисандра бежала ко двору Селевка, и ее брат Керавн поехал вместе с ней или присоединился к ней уже там. Стремление старого Селевка сделаться владыкой всей империи Александра на этот раз свело вместе македонский и египетский двор. Возможно, именно в то время родная или единокровная сестра Агафокла, во всяком случае, дочь Лисимаха,

тезка ее мачехи Арсиной, прибыла из Македонии в Египет, чтобы выйти замуж за молодого царя^[86].

В мире собиралась новая буря. Но старый Птолемей не дожил до того момента, когда она разразилась. Он скончался в возрасте восьмидесяти четырех лет в 283 или 282 году до н. э.^[87] – единственный из всех великих македонских вождей, боровшихся за империю Александра, который умер своей смертью в постели. Так он доказал, что за сорок лет до этого в Вавилоне он был прав, когда просил себе Египет.

Глава 3

Птолемей II Филадельф

(283–245 годы до н. э.)

Молодой человек двадцати пяти лет, который стал единоличным правителем Египта в 283 или 282 году до н. э., известен в истории под именем Птолемея Филадельфа. Это прозвище он никогда не носил при жизни. Он был известен современникам как просто Птолемей, сын Птолемея. Имя Птолемей еще не звучало для них как династическое, которое будет носить множество царей. Им случайно оказался назван македонский полководец, которому выпала необычайная удача сделаться царем Египта, и затем оно стало именем его сына. Возможно, в то время никто не думал, что все цари этой династии, если она продолжит править Египтом, должны обязательно зваться Птолемеями. В династии Антигона использовалось несколько царских имен – Антигон, Деметрий, Филипп; Селевка – сначала два имени: Селевк и Антиох, потом прибавились Деметрий и Филипп, чтобы показать, что в жилах селевкидских царей тоже течет кровь Антигона. Вполне может быть, что все первые цари династии Птолемеев назывались по имени основателя по чистой случайности, и лишь потом это превратилось в неизменное правило^[88].

Птолемей-сын по характеру весьма отличался от Птолемея-отца. Смягчение нрава, которое заметнее проявилось в некоторых царях более позднего времени, уже обнаружилось в сыне старого македонского полководца, для которого был характерен крутой нрав. Это напоминало контраст между Давидом и Соломоном, между блистательным сластолюбцем с интеллектуальными интересами и художественным вкусом и воином, которому он пришел на смену. Образованием Птолемея руководил Стратон, один из главных представителей школы Аристотеля, и, несомненно, внимание, которое уделяли Аристотель и его ученики научным занятиям, способствовало живому интересу Птолемея II к географии и зоологии. Однако египетский климат, видимо, еще не успел испортить крепкую македонскую породу во втором Птолемеи, как это случилось с

последующими царями. Он был светловолос^[89], явно европейской внешности, скорее всего, полный и румяный; у царей этой династии определенно наблюдалась наследственная тенденция толстеть во второй половине жизни. Некоторая телесная слабость или, быть может, слишком внимательная забота о своем здоровье внушила ему отвращение к физическим нагрузкам^[90].

В его правление Египет часто вел войны, но воевали полководцы и флотоводцы Птолемея. Лишь во время экспедиции вверх по Нилу, как нам известно, Птолемей II сам отправляется на войну, подобно своему отцу и современникам Антиоху I и Антигону Гонату. Вскоре Птолемей в роли главы государства столкнулся с новыми потрясениями в странах Восточного Средиземноморья. В 281 году до н. э. два последних оставшихся в живых вождя из поколения Александра, оба старики за восемьдесят, Селевк и Лисимах, вступили в свою главную схватку. Лисимах пал, а между Селевком и верховной властью, которой обладал Александр, не осталось явных противников. Ситуация сложилась угрожающая для молодого Птолемея, находившегося в Египте. Его сводный брат Птолемей Керавн был на стороне Селевка, и, разумеется, Селевк мог поддержать его претензии на египетский трон. Затем, когда Птолемей Керавн убил Селевка у Дарданелл, все вдруг погрузилось в неразбериху. Это облегчило положение египетского царя. Главной опасностью был Селевк, а теперь честолюбие Птолемея отвернулось от Египта и обратилось к Македонии. Арсиноя, вдова Лисимаха, сестра Птолемея II и неполнородная сестра Птолемея Керавна, все еще находилась в Македонии и решила обеспечить пустующий трон для своего малолетнего сына. Арсиноя еще недавно вышла из детского возраста, но и она тоже, как мы видели, была македонской царевной, обладавшей многими качествами тигрицы. Однако Керавн сумел превзойти ее в коварстве и свирепости. Сначала он женился на ней, потом убил ее ребенка, сына Лисимаха. Арсиноя укрылась в самофракийском святилище. И тогда возникло новое и пугающее затруднение – вторжение толп диких галлов из-за Балкан в Македонию, Грецию и Малую Азию. Птолемей Керавн погиб во время этого варварского нашествия (280 до н. э.). В Македонии наступил период смуты, во время которого еще один сын старого Птолемея Мелеагр два месяца сидел на царском троне, но затем снова сгинул во тьме. Антипатр, другой претендент на трон Македонии, занимавший

его в течение нескольких месяцев в тот же период, после свержения нашел убежище в Александрии; там он был известен под прозвищем Этесий (ветер, который дует сорок пять дней), и из одного папируса, косвенного источника, стало известно, что он был покровителем какого-то изготовителя костяшек^[91]. В Малой Азии и Северной Сирии Антиох I, сын Селевка и персидской царевны Апамы, сумел занять царский трон отца, хотя свою власть в Малой Азии он мог утвердить только в конфликте с другими новыми державами – местными княжествами, персидскими династиями, греческим государством с центром Пергаме и кочевыми ордами галлов. В конце концов, после полувека сумятицы, последовавшей за смертью Александра, в Восточном Средиземноморье создалась относительно устойчивая группа держав – в Македонии правила династия Антигона; в Северной Сирии, большей части Малой Азии, Месопотамии, Вавилонии и Персии – династия Селевка; в других частях Малой Азии – новые местные династии; в Египте, Палестине, Кирене и на Кипре – династия Птолемея. В самой Греции, на островах и побережье Эгейского моря, Босфора и Черного моря старые греческие полисы по-прежнему сохраняли ту или иную степень свободы в зависимости от обстоятельств, которые давали им возможность отсрочить необходимость подчиниться какой-либо монархической державе.

Между всеми этими государствами велись активные политические и военные действия на протяжении всего правления Птолемея II. Македонский Египет находился в расцвете силы и славы. Однако исторические источники, которые могли бы поведать нам о том, что сделали этот древний король-солнце, его генералы и послы, не сохранились. Лишь по отрывочным упоминаниям в сочинениях более поздних авторов, случайным ссылкам и нескольким единичным надписям мы можем попытаться описать происходившие в то время события.

Из-за честолюбивого стремления Птолемеев расширить свои владения за пределы Египта до некоторых районов Азии, обладать господством на море и успешно вмешиваться в политику греческого мира они не могли остаться не втянутыми в иностранные дела. Некоторое время между 279 и 274 годами до н. э. политикой александрийского двора управляла более сильная воля, чем та, которой обладал Птолемей. Его сестра Арсиноя, лишившаяся малейших

перспектив стать царицей Македонии, прибыла в Египет, возможно с четким намерением стать царицей в доме отца. В Египте уже была царица, другая Арсиноя, дочь Лисимаха и жена Птолемея. Однако это не было препятствием для такой женщины, как Арсиноя, дочь Птолемея I. Она еще в Македонии, за несколько лет до того, смела со своего пути Агафокла, вынудив отца убить его по ложному обвинению. Другая Арсиноя успела родить мужу трех детей – двух сыновей, Птолемея и Лисимаха, и дочь Беренику. Теперь ее обвинили в заговоре и покушении на жизнь супруга. Двое из ее предполагаемых соучастников – некий Аминта и родосец по имени Хрисипп, ее врач, – были преданы смерти, а сама царица – изгнана в верхнеегипетский Коптос.

Магаффи первым указал на египетскую стелу, найденную в Коптосе, где говорится об Арсиное I. «Это поминальная стела египтянина Сеннухруда, который рассказывает о своей жизни и говорит, что был ее слугой и для нее перестроил и украсил святилище... Хотя он именует госпожу «супругой царя, великой, наполнявшей дворец своей красотой, дающей отдых сердцу Птолемея», он не называет ее *любящей брата* и, что, быть может, еще показательнее, ее имя не вписано в царский картуш, хотя имя царицы должно быть заключено в него»^[92].

Избавившись таким образом от Арсинои, дочери Лиси-маха, Арсиноя, дочь Птолемея I, взяла в мужа своего брата и стала египетской царицей. Брак единокровных брата и сестры раньше был чем-то неслыханным в греческом мире, хотя и довольно обычным среди египтян и согласным с фараоновской традицией. Многие были шокированы. Арсиное в то время было около сорока; в любом случае она была на несколько лет старше своего брата-мужа. Но греки не должны были забывать, что Птолемей и Арсиноя – боги; как свидетельствует брак Зевса и Геры, то, что для людей считалось кровосмешением, было разрешено богам.

Грек Сотад, знаменитый в то время автор неприличных стихов (едва ли, как Магаффи называет его, «похожий на Иоанна Предтечу»), в грубых выражениях отозвался об этом браке как об инцесте. Согласно одному из фрагментов сочинения Афиней, поэт бежал из Александрии сразу же после того, как прочитал свои стихи, но был схвачен

адмиралом царя Патроклом у карийского побережья и брошен в море в свинцовом гробу^[93].

Арсиноя приняла, или ей было дано прозвище Филадельфия («любящая брата»)^[94]. Вероятно, она уже не надеялась родить еще детей и, скорее всего, усыновила детей мужа от другой Арсиной^[95]. По-видимому, греческий мир понимал, что курс, которого отныне придерживался египетский двор в международной политике, направляла твердая рука Арсиной Филадельфии. Что думал обо всем этом сам Птолемей, никто никогда не узнает. После смерти Арсиной он всячески выражал ей свою преданность, но это мало что доказывает. Даже если он не испытывал любовных чувств к сестре, он мог искренне оплакивать потерю ее мощного руководящего ума. В остальном у него хватало любовниц для развлечения.

Если руководствоваться кратким изложением событий, содержащимся в труде Павсания, то именно при крутом режиме Арсиной Филадельфии неудобные члены царской семьи стали устраняться. Брат Птолемея Аргей был предан смерти по обвинению в заговоре против царя. Когда всем распоряжалась Арсиноя, никто не знал, соответствовали обвинения истине или были сфабрикованы. Потом другой сводный брат, сын Эвридики (имени его нам не сообщают), был обвинен в разжигании беспорядков на Кипре и казнен.

Проблема Келесирии теперь стала предметом практически непрекращающейся вражды между династиями Селевка и Птолемея. Вероятно, весной 276 года до н. э. дело дошло до настоящей войны, когда Птолемей, согласно вавилонской клинописной надписи, вторгся в Сирию^[96]. Современные историки называли ее «Первой сирийской войной». Ее историю составить невозможно. Неясный луч света лишь выхватывает отдельные фрагменты тут и там. Павсаний коротко сообщает, что египетские силы, ударив в разных пунктах широко раскинувшегося Селевкидского царства, помешали Антиоху атаковать Египет. В Египте явно опасались нападения. На Пифомской стеле упоминается визит Птолемея в Героонполь (Телль-эль-Масхута) на Суэцком перешейке в январе 273 года до н. э. для проверки оборонительных мероприятий. Арсиноя, как можно было ожидать, поехала вместе с ним; вероятно, она и была настоящим инспектором. В нашем распоряжении, к сожалению, есть только два упоминания о действиях, предпринятых Птолемеем: одна иероглифическая надпись,

которая сейчас находится в Лувре, в основном она состоит из традиционных фраз, унаследованных еще со времен фараоновских вторжений в Азию, а другое – отрывок из поэмы Феокрита, сочиненной ради того, чтобы заслужить благосклонность в Александрии.

В стеле, установленной жрецами в Саисе, сказано, что Птолемей «взял дань с городов Азии», что он наказал кочевников Азии, отрезал множество голов и пролил потоки крови, что его враги напрасно выстраивали против него неисчислимые боевые корабли, конницу и колесницы, «многочисленнее тех, которыми владеют князья Аравии и Финикии», что он отметил свой триумф празднествами и что венец Египта крепко возлежал на его голове. Чем бы ни обернулись военные действия за границами Египта, жрецы все равно описывали бы их примерно в таких же выражениях. А Феокрит, превознося величие Египта, главного владения Птолемея, пишет следующее: «Да, и он отрезает себе части Финикии, Аравии, Сирии, Ливии и черной Эфиопии. Он отдает приказы всем памфилиянам, киликийским копейщикам, ликийцам и воинственным карийцам и Кикладским островам, ведь его корабли – лучшие из тех, что плавают по водам, – да, Птолемей царствует над всеми морями и землей и шумными реками» (XVII.86–92).

Вавилонская надпись утверждает, что в 276 году до н. э. селевкидская армия разгромила египетскую в Сирии. Может быть, именно тогда Антиох снова отбил Дамаск у птолемеевского генерала Диона^[97]. Кажется, что Птолемею удалось прочно овладеть Финикией. В Сидоне после смерти царя Эшмуназара II (280 до н. э.?) Птолемей посадил на царский трон своего главного флотоводца Филокла, эллинизированного финикийца, по мнению Клермон-Ганно; но возможно, что Филокл умер еще до начала войны^[98].

Тир, который из-за павших на него в последние шестьдесят лет бедствий дошел до того, что попал в зависимость к Сидону, в 274–273 годах до н. э. начинает новую эпоху в качестве независимого города, что свидетельствует о некоторых переменах, произошедших вследствие финикийской политики Птолемея во время Первой сирийской войны^[99]. Птолемей захватил Триполи в 258–257 годах до н. э.^[100]

Из панегирика греческого поэта можно получить чуть больше информации, чем из стелы египетских жрецов. Когда Феокрит упоминает народы побережья Малой Азии и Эгейских островов как подчиненные Птолемею, это действительно должно означать, что военные действия египетского флота оказались успешными и многие приморские города в Киликии, Памфилии, Ликии и Карики были вынуждены признать власть Птолемея. Это были завоевания Птолемея II в регионе, где действующие с моря египетские силы могли встретиться с войсками Селевкидов, наступающими из *внутренних районов*. С другой стороны, верховенство Птолемея над конфедерацией Киклад не было чем-то новым; второй Птолемей унаследовал его от отца; только вступление Самоса в лигу около 280 года до н. э. означало расширение господства Птолемея на море. Милет, тогда еще значительный порт на побережье Малой Азии, видимо, перешел под власть Птолемея еще до Первой сирийской войны, в 279–278 годах до н. э.^[101] В святилище Дидимы, расположенной по соседству, стояла статуя сестры Птолемея Филотеры, воздвигнутая милетским *демосом*^[102]. Представляется, что Галикарнас в 258–257 годах до н. э.^[103] принадлежал Птолемею.

Птолемей прочно удерживал власть над Критом, где особенно тесные связи у него были, видимо, с городом Итаном. Патрокл упоминается в надписи как *стратег* острова^[104], возможно, в более позднее время в связи с его командованием в Хремонидовой войне или еще позже.

Неприятности, в которые ввязался Египет из-за сирийской войны, усугубились из-за нового восстания в Киренаике. На этот раз неполнородный брат Птолемея Маг, наместник Кирены с 308 года до н. э., объявил себя независимым и отправился в наступление на Египет (летом 274 года до н. э.). Ему пришлось повернуть назад, потому что ливийские кочевники мармариды восстали у него за спиной. Египетское войско не смогло воспользоваться этим обстоятельством из-за мятежа четырех тысяч диких галлов в Египте, взятых наемниками. Должно быть, в тот момент Александрию объял ужас, и ее жители, вероятно, праздновали великую победу, когда галлов удалось загнать на остров посреди Нила, отрезать там от внешнего мира и бросить умирать голодной смертью. Какую роль сыграл во всем этом невоинственный царь, нам неизвестно, но позднее

придворный поэт смог только это единственное предприятие приписать второму Птолемею в качестве блестящего военного подвига. Киренаика пока оставалась отделенной от Египта. Маг женился на дочери Антиоха I, названной Апамой в честь ее персидской бабушки, и поменял титул наместника на титул царя. Это означало заключение союза между Магом и Селевкидами против Птолемея.

В 272–271 годах до н. э. Антиох заключил мир, по которому весы победы склонились на египетскую сторону; помимо военной неудачи на его решение могла повлиять эпидемия чумы, которая, видимо, в то время поразила Вавилонию.

Арсиноя Филадельфия была той силой, искать расположения которой многие в то время считали благоразумным. «Никакой другой царице не воздвигалось такого количества памятников в разных частях греческого мира. В честь ее стояли статуи в Афинах и Олимпии... Почести, оказанные ей в Самофракии и Беотии, где есть город Арсиноя, могли быть оказаны ей еще при жизни, когда она была царицей Фракии. Но кроме этого, у нас есть сделанные в исполнение обета надписи в ее честь из Делоса, Аморгоса, Феры, Лесбоса, Кирены, Кипра, Оропа, и, несомненно, будут найдены и другие. В Египте найдены многочисленные посвящения Арсиное, и это лишь официальная часть множества исключительных почестей, которые супруг нагромождал вокруг нее. По-видимому, в греческих Феспиях была ее статуя в виде фигуры, сидящей на страусе. Хотя Арсиноя и не была соправительницей в том смысле, в каком были позднейшие царицы (как мы увидим в свое время), во всех титулах она была связана с царем. Вилькен (в «Паули-Виссова»), на основании сделанного Навиллем перевода Пифомской стелы отмечает, что египетские жрецы даже приписывали ей *тронное имя* вдобавок к обычному картушу, оказывая царице довольно редкую честь. Сохранилось много монет только с ее изображением, так же как и монет с изображением Арсинои вместе с братом-царем как Богов Адельфов. Она была обожествлена вместе с ним и со временем объявлена «почитаемой в том же храме» (*synnaos*), что и боги великих святилищ всего Египта» (М.)^[105].

В июле 269 года до н. э. Арсиноя умерла. В иероглифической надписи типичным языком жрецов сказано, что в месяц пахон пятнадцатого года царя Птолемея «богиня отправилась на небеса; она

воссоединилась с членами Ра»^[106]. Правление Птолемея II входит в новую эпоху. Примерно через два с половиной года^[107] в источниках появляется молодой Птолемей, «сын» Птолемея II, который становится соправителем отца. Можно было бы уверенно сказать, что это его сын от другой Арсиной будущий Птолемей Эвергет, который позже сменил его, если бы не случилось так, что имя этого молодого соправителя пропало из документов примерно между маем и ноябрем 258 года до н. э. Отсюда возникает проблема, которая до сих пор вызывает разногласия среди историков. Высказывались три гипотезы: 1) значащийся в папирусах соправитель – неизвестный сын Птолемея II и Арсиной Филадельфии, умерший в 258 году до н. э. Это прямо противоречит комментариям к идиллиям Феокрита, где говорится, что Арсиноя Филадельфия умерла бездетной и усыновила детей другой Арсиной, и это подтверждается письменными источниками, составленными в период правления Птолемея III, который, хотя, безусловно, был сыном другой Арсиной, всегда назывался сыном «Богов Адельфов» (θεοὶ ἀδελφοί, «брата и сестры»)^[108]; 2) соправитель был сыном Арсиной Филадельфии от ее первого мужа Лиси-маха. Он бежал, когда ее другой сын был убит Птолемеем Керавном, приехал вместе с ней в Египет и был усыновлен Птолемеем II как наследник. А исчез он в 259–258 годах до н. э., так как умер. Эту гипотезу Белох предпочитает всем другим, но она тоже совершенно несовместима с утверждением схолиаста, и даже при всей фрагментарности наших источников едва ли можно помыслить, что столь поразительное событие, как назначение сына Лисимаха наследником египетского трона, никак не было упомянуто ни у одного античного автора; 3) соправитель *был* будущим Птолемеем III, и его исчезновение в 259–258 годах до н. э. из источников произошло по какой-то неизвестной причине. Магаффи полагал, что в тот год он оставил Египет и поселился в Кирене в качестве наместника. (Этого мнения придерживается не только Магаффи, но и Буше-Леклерк, а также Гренфелл.) Однако на это можно возразить, что годы царствования Птолемея III впоследствии отсчитываются с ноября 247 года до н. э., когда он, согласно этой версии, во второй раз занимал трон вместе с отцом, хотя на примере самого Птолемея II можно было бы ожидать, что годы его царствования стали бы отсчитываться со времени его первого вступления на трон.

Можно выдвинуть и четвертую гипотезу, которая вызывает меньше всего возражений и является наиболее простым объяснением: соправитель 266–258 годов до н. э. был старшим братом Птолемея III Эвергета, сыном Птолемея II от Арсиной I, но он умер в 258 году до н. э. и соответственно не оставил следа в истории. Из любой теории, согласно которой соправитель царя – сын Арсиной II (хоть от Лисимаха, хоть от Птолемея), вытекают абсурдные следствия, о которых, видимо, ни Белох, ни остальные не подумали. Мы вынуждены предположить, что, хотя Арсиноя II до самой смерти пыталась изгнать сына Птолемея II и Арсиной I с трона в пользу своего сына и хотя в течение одиннадцати лет после ее смерти Эвергет оставался отлученным от трона из-за махинаций мачехи, он тем не менее, взойдя на престол, всегда официально называл себя сыном этой мачехи, а не своей настоящей матери! Ибо то, что он действительно всегда официально называл себя сыном Птолемея II и Арсиной II («Богов Брата и Сестры»), – это *единственный установленный факт* среди всех этих неопределенностей. Даже если бы Арсиноя II усыновила детей Арсиной I до того, как та умерла, вдобавок к собственному сыну от Лисимаха, Эвергет едва ли стал бы испытывать благодарность к своей мачехе. Вряд ли Арсиноя II усыновила бы детей Арсиной I и поддерживала бы их положение при дворе, в то время как она постоянно пыталась отодвинуть их (истинных наследников) от трона ради собственного сына (который, если его отцом был Лисимах, не имел оснований претендовать на египетское наследство), – это совершенно не похоже на Арсиною Филадельфию! Единственная гипотеза, разумно объясняющая действия Эвергета, называвшего себя сыном *Theoi Adelphoi*, состоит в том, что он действительно был усыновлен (как, по словам схолиаста, и все дети Арсиной I) Арсиной II и что Арсиноя II не делала никаких попыток обманом отстранить его от наследства. Однако никакие хронологические затруднения не мешают предположить, что у Арсиной I был еще один сын старше Эвергета, усыновленный, как и остальные ее дети, Арсиной II, который и стал соправителем своего отца с 266 по 258 год до н. э., что он затем преждевременно умер и оставил своего брата Птолемея Эвергета следующим наследником, чтобы тот, в свою очередь, стал соправителем отца в 247 году до н. э.

Следующая война, в которой участвовал Египет, называется Хремонидовой войной по имени афинянина Хремонида, который возглавил бунт Греции против Македонии. На этот раз противником Птолемея была династия Антигона в лице царя Македонии Антигона Гоната, сына Деметрия Полиоркета. Многие древние прославленные города Греции вступили в антимакедонский союз, во главе которого встали Афины и Спарта, увидевшие возможность вернуть утраченную век назад свободу. К этому союзу присоединился Птолемей, «проводя политику, – как утверждает автор аттической надписи, – своей сестры»^[109]. Даже после ее смерти разум Арсиной продолжал управлять Александрией. Войну начали Афины, сбросившие македонское иго (в конце 266 года до н. э.)^[110]. Безусловно, греки питали большие надежды, рассчитывая на поддержку Египта, чей флот господствовал в Эгейском море. Никогда в истории Египет не соответствовал настолько верно определению, которое однажды дал ему еврейский пророк: «сломанный тростник». Антигон окружил Афины и сдерживал спартанцев на Истме. И все это время египетский флот под началом египетского адмирала Патрокла плавал у островка, позднее названного островом Патрокла, неподалеку от побережья Аттики и не делал ничего полезного. Патрокл, сам по происхождению македонец, оправдывал себя, говоря, что его морские войска были набраны из одних урожденных египтян. Возможно, вторжение в Македонию Александра Эпирского (сына и наследника Пирра) в тот момент было успехом дипломатии Птолемеев; но если и так, то этот успех не принес никакой пользы, поскольку египетские силы оказались не способны им воспользоваться. Антигону удалось вернуть Македонию и разгромить Эпир, не снимая осады с Афин. Царь Спарты, пытавшийся прорваться на помощь Афинам, пал на поле боя. В конце концов Афинам пришлось сдаться (261 до н. э.). Хремонид и его брат Главкон укрылись в Египте, где Главкон был эпонимным жрецом Александра и Богов Адельфов в 255–254 годах до н. э., как стало недавно известно из папируса^[111]. Хремонидова война самым жалким образом продемонстрировала несостоятельность, нерешительность или некомпетентность Птолемея. Будь Арсиноя жива, она проследила бы за тем, как брат проводит ее политику!..

Годы, прошедшие между Хремонидовой войной и восшествием Антиоха III на селевкидский трон в 223 году до н. э., – один из самых

неясных периодов греческой истории, так как не сохранилось ни одного исторического сочинения, которое бы говорило о них, и мы можем лишь по кусочкам составить некоторую общую картину происходившего из случайных упоминаний у более поздних авторов и нескольких неофициальных надписей и папирусов. В регионе Эгейского моря самым выдающимся событием лет, следовавших сразу же после Хремонидовой войны, стала борьба между Египтом и Македонией за превосходство на море. Хотя бы это известно точно. Мы также знаем, что имели место два крупных морских сражения – битвы у Коса и Андроса – и что в первой из них Антигон Гонат разгромил египетский флот. Кроме того, произошла морская битва у Эфеса, в которой египетский флот под началом Хремонида был разгромлен родосским флотом; предположительно, Родос состоял в союзе с Македонией. Но кто бился у Андроса, Антигон Гонат или его племянник и наследник Антигон Досон, и кто был царем Египта, когда произошли обе битвы, Птолемей II или Птолемей III, чем была битва при Андросе для Египта: поражением (как считал Магаффи) или победой – и когда произошла битва при Эфесе – все это вопросы, по которым нет общего мнения. В одной важной надписи, опубликованной Ремом^[112], мы видим, что Милет в какой-то момент царствования Птолемея II стойко держался на стороне Птолемея, хотя его жители испытывали лишения из-за войны и на море, и на суше; а так как надпись, по-видимому, относится к 262 году до н. э. или какому-то из двух последующих лет, трудно понять, как противник мог теснить Милет на море, если только египетские морские силы уже не были ослаблены. Рем утверждает, что битва при Косе должна была состояться либо непосредственно перед капитуляцией Афин, либо сразу же после нее. Из надписи ясно следует, что в течение определенного времени птолемеевский протекторат над федерацией Кикладских островов сменился македонским (примерно с 260 по 247 год до н. э., по мнению Кольбе)^[113], но это произошло до того, как Птолемей II умер. Вероятно, Египет восстановил свои позиции, так как в надписи, найденной в Адулисе, Киклады причислены к колониям, которые Птолемей III унаследовал от отца, а не к завоеванным им.

В только что упомянутой милетской надписи Птолемей II в письме к жителям Милета сообщает о том, что «сын, и Калликрат (командующий флотом в Эгейском море примерно с 274 по 266 год до

н. э. – *Авт.*), и другие друзья (то есть люди, приближенные ко двору Птолемея), которые с вами» представили ему благоприятный отчет о верности милетян. Кто такой этот «сын»? Те, кто верит в придуманного сына Лисимаха и Арсинои Филадельфии, усыновленного Птолемеем II и идентичного «Птолемею Незаконнорожденному», который в некий момент после 261 года до н. э. был командующим войсками Птолемея в Эфесе, естественно, склонны утверждать, что «сын» из милетской надписи – очередное появление этого же самого человека. Они заявляют, будто он был комендантом в Милете. (Можно заметить, что в надписи ни слова не сказано о том, что «сын» занимал какое-либо командное положение в Милете; исходя из употребленных в ней выражений, можно предположить, что молодой царевич просто ездил с инспекцией по зависимым от Птолемея странам и по пути посетил Милет.) Если, с другой стороны, принять выдвинутую мной гипотезу, согласно которой соправитель 266–258 годов до н. э. был старшим сыном Птолемея II и Арсинои I, то, естественно, он и будет «сыном» из милетской надписи. Хотя, конечно, возможно, что «сын» из надписи идентичен Птолемею Незаконнорожденному.

После окончания Первой сирийской войны внутренние проблемы селевкидского царства помешали ему предпринять какие-либо решительные действия в Средиземноморье. В 261 году до н. э. Антиох I Сотер пал в битве с Эвменом I Пергамским и был сменен на троне сыном Антиохом II Тео-сом. Новый селевкидский царь спустя некоторое время после восшествия на престол считал себя достаточно сильным, чтобы попытаться забрать у Птолемея то, что потеряла его династия в Первой сирийской войне. Видимо, разразилась война между Египтом и Сирией, которую современные ученые решили назвать Второй сирийской войной. О датах, ходе и длительности этой войны мы знаем еще меньше, чем о датах, ходе и длительности первой. Иероним Стридонский неопределенно говорит, что Антиох «сражался со всей военной силой Вавилона и Востока»^[114]. Но ему, безусловно, не удалось отторгнуть Келесирию от Египта; возможно, он даже не проник в вожденную провинцию. Наверняка на побережье Малой Азии, у которого египетский флот не мог уже действовать с прежним успехом, утратив превосходство на море, велась запутанная борьба, состоявшая из военных действий и дипломатических интриг.

Антигон Македонский, по всей видимости, заключил союз с Антиохом II, с которым был связан двумя династическими браками. Милет в то время оказывается в руках авантюриста по имени Тимарх, который сделался тираном города и, возможно, также захватил Самос. Очевидно, что он не был другом Антиоха, так как именно избавление города от Тимарха принесло Антиоху II прозвище «Бог» от благодарных милетян. Тимарх едва ли дружил и с Египтом, поскольку вступил в союз против Птолемея с его незаконным сыном, молодым человеком, также носившим имя Птолемей. В ходе этой войны Египет, как видно, овладел Эфесом, и царь Египта поставил тамошним командующим своего законного сына. Птолемей Незаконнорожденный выступил против отца в союзе с Тимархом, но вскоре был убит своими же наемниками из Фракии^[115].

В 253 году до н. э., вероятно после этих событий, Эфес, как следует из надписи, находился в руках Селевкидов^[116]. Очевидно, что это была одна из резиденций селевкидского двора в конце правления Антиоха II. На основании того, что Киликия и Памфилия, которые, по словам Феокрита, подчинялись Птолемею II, не упоминаются в надписи из Адулиса среди владений, унаследованных Птолемеем III от отца, был сделан вывод, что земли, завоеванные в этом регионе во время Первой сирийской войны, были потеряны во Второй.

В конечном счете Птолемей II и Антиох II заключили мир (в конце 252 года до н. э.). Вероятно, в Александрии это сочли триумфом дипломатии Птолемеев. Антиох согласился вступить в брак с дочерью Птолемея Береникой и сделать ее своей царицей. У него уже была жена Лаодика, родившая ему двоих сыновей, но он согласился дать ей развод или держать ее в малоазиатских Сардах или Эфесе, пока Береника будет царицей в Антиохии. Пожилой царь с пышностью проводил дочь до самого Пелусия^[117]. Может показаться, что этот факт, взятый сам по себе, свидетельствует о том, что Келесирия была включена в приданое Береники, поэтому Пелусий стал ее приграничным городом. Однако сейчас мы знаем, что это не так. В архиве Зенона есть письмо, отправленное дворецким *диойкета* Аполлония из Финикии весной 251 года до н. э., где говорится, что Аполлоний приближается к Сидону со свитой, «сопровождающей царицу до границы»^[118], которая, следовательно, находилась севернее Келесирии. Если в приданое и входила какая-то уступленная

территория, нам это неизвестно. Во всяком случае, из-за величины этого приданого Береника получила прозвище *Фернофора* («приносящая приданое»). Птолемей, как нам известно, после свадьбы регулярно снабжал дочь нильской водой, что, как полагали, способствовало плодovitости. Когда Береника в должное время принесла Антиоху сына, Птолемей мог считать, что династия Селевкидов прочно связана с Египтом. Будущий царь Азии будет его внуком. Сейчас представляется вероятным, что он дожил до того дня, когда трагедия сорвала его планы.

В источниках содержатся сведения и о других направлениях внешней политики в царствование Птолемея II. В 273 году до н. э., когда Рим вел войну с Пирром Эпирским, в Италию прибыло посольство из Александрии, чтобы предложить Риму дружбу с Птолемеем. Тогда впервые на египетском горизонте появляется новая сила, поднимавшаяся на Западе. Несомненно, что Александрия из-за своей обширной торговли к тому времени уже сформировала связи по всему Средиземноморью. В 273 году до н. э. у власти еще стояла Арсиноя Филадельфия. В 264 году до н. э., когда началась Первая Пуническая война между Римом и Карфагеном, Карфаген обратился к своему африканскому соседу за займом. В то время, после смерти Арсинои, на александрийский двор можно было положиться в том, что он примет верное решение, если оно заключалось в том, чтобы сидеть тихо. Возможно, в данном случае самым разумным было сохранять нейтралитет. Птолемей отказался дать карфагенянам просимый заем. Оба противника, сказал он, его друзья. Он будет счастлив предложить свои услуги в качестве посредника, если они потребуются.

Весьма примечательно, что в папирусе 252–251 годов до н. э. (если ученым удалось его правильно прочитать) упоминается «римлянин Динн (или Динний)», названный наемником, служившим в армии Птолемея^[119]. Этот римлянин отправился в заморские приключения, привлеченный перспективами службы под началом великого египетского царя.

Палестина, как мы видели, была весьма важной колонией египетского царя. Папирусы из архива Зенона свидетельствуют о широких торговых связях между греками в Египте и страной южнее Ливана, поставлявшей оливковое масло, скот и рабов. Птолемеевское правление отразилось в новых названиях, которые получили

расположенные в ней города. У западного края Галилейского моря стояла Филотера; в Ливанской долине выше Дамаска находилась Арсиноя. Стефан Византийский сообщает, что где-то в Сирии также располагались еще одна Арсиноя и Береника. Но главным городом власти Птолемеев в Палестине было старое поселение на побережье, называемое в Библии и в наше время Акко, но тогда переименованное в Птолемаиду, это же наименование город носил и в римские времена. Небольшому еврейскому государству на холмах – Иерусалиму и местности вокруг него – было дозволено жить своей жизнью, выплачивая дань Птолемею.

Папирусы из архива Зенона дают нам возможность мельком взглянуть на египетское владычество в Трансиордании, или, как ее тогда звали, стране аммонитов, по-гречески Амманитида, при Птолемее II. Мы уже знаем, что ее столица – ветхозаветный Рабат-Аммон, сегодняшний Амман – была переименована в Филадельфию в честь великой царицы. Из папирусов нам известен местный шейх Тувия – то бишь Товия на иврите, – командир конницы на службе у Птолемея. Всадники конницы наделены участками земли (*клерами*), предположительно в Амманитиде, как воины египетской регулярной армии. Из трех всадников, участвующих в сделке купли-продажи, два называются «персами», один «македонянином». Сделка заключается в Бирте Амманитиды: Bîrtâ – «крепость» по-арамейски.

Товия пишет царю Птолемею таким языком, который предполагает, что один властелин обращается к другому. Его сопроводительное письмо к партии животных, отправленных в Александрию, – возможно, для царского зверинца, – написано просто, без всяких фразеологических изысков:

«Царю Птолемею Товия, приветствия. Я посылаю тебе двух лошадей, шесть собак, одного помесного осла (дикого, скрещенного с домашним), двух белых аравийских вьючных животных, двух ослят от приплода полудикого осла, одного дикого осленка. Прощай»^[120].

Если сложить вместе упоминания в Ветхом Завете и у Иосифа Флавия, где встречается имя Товия, то кажется вероятным, что командир конницы Птолемея был главой местного влиятельного рода, происходившего из Амманитиды, и, будучи связанным со жреческой аристократией в Иерусалиме, ставшего наполовину еврейским. Товия Аммонитянин из Книги Неемии, который выдал дочь за еврейского

первосвященника и которого Неемия грубо гнал из Иерусалима, вероятно, был предком Товии. Имя Товия («Яхве благ») явно еврейское, так же и имя Анания, которое, что любопытно, носил отец одного из служивших в коннице «персов». Позднее, в дни Антиоха Епифана, «сыны Товии» играют роль в междоусобной борьбе в Иерусалиме. Один из них по имени Гиркан в 183 году до н. э. удаляется в собственную каменную крепость в стране аммонитов. В наши дни в Трансиордании еще можно увидеть высеченные в скалах галереи, которые могут служить крепостью – в них есть конюшни более чем на сотню лошадей. Над входом в одну из них можно различить имя Товии (еврейскими буквами)^[121].

Рабы, которые требовались греческим хозяйствам Египта, доставлялись из Сирии и Палестины. Один из наших папирусов – контракт, по которому Товия продает Зенону девушку-рабыню по имени Сфрагис^[122]. Другой рассказывает о том, что Товия посылает диойкету Аполлонию молодого евнуха и четверых «черноглазых» юношей-рабов^[123].

В последние годы правления второго Птолемея ситуация в Кирене изменилась^[124]. Нет сомнений, что изменения были связаны со всем, что происходило в других местах – в Македонии и Греции, в Эгее, в царстве Селевкидов. Но ответом на вопрос о том, какой была эта связь, могут быть только смелые предположения, так как сама хронология, на которой они должны основываться, весьма условна. Когда в возрасте пятидесяти лет^[125] умер Маг, старый, необыкновенно ожиревший правитель Кирены, правивший там сначала в качестве наместника, потом царя, он оставил после себя вдову, селевкидскую принцессу Апаму, и дочь, тезку бабушки и кузины, Беренику (примерно 259–258 год до н. э.). Перед смертью он договорился со своим единокровным братом царем Египта, что его дочь и наследница Береника выйдет замуж за сына Птолемея, престолонаследника Египта. Это мог быть удачный способ воссоединить Кирену и Египет. Однако после его смерти Апама, которая, естественно, склонялась больше в сторону сиро-македонского союза, чем Египта, отправила посланников в Македонию, чтобы найти мужа для дочери из тех мест. Супругом Береники стал Деметрий Красивый, неполнородный брат царя Антигона Гоната и сын неполнородной сестры Птолемея Птолемаиды. Он действительно был так красив, что после его приезда Апама не

смогла отдать его дочери. Хотя официально он был мужем Береники, на самом деле он был любовником Апамы. В том, как смело и уверенно она следовала своим страстям и амбициям, Апама не отличалась от тех ужасных македонских цареven, которых мы встречаем на протяжении всей этой истории. Но Береника, хотя и почти ребенок, тоже была македонской царевной. Она отказалась примириться с таким унижительным положением, вступила в заговор с воинами царской гвардии и убила Де-метрия в спальне матери. Она сама руководила предприятием и позаботилась о том, чтобы с Деметрием как следует расправились, но ее мать пощадили. Поэт Каллимах, знавший Беренику позднее, когда она стала царицей Египта, свидетельствует, что еще в детстве в ней действительно проявлялся этот дух ее народа^[126]. Теперь ничто не могло помешать Беренике выйти замуж за двоюродного брата, молодого Птолемея, согласно договоренности отца, и в конце концов стать египетской царицей, как она того, несомненно, желала. Однако брак Береники с Птолемеем Эвергетом состоялся лишь накануне того, как Эвергет отправился на войну в Сирию (245 до н. э.). Магаффи, как мы видели, высказал предположение, что он жил в Кирене в качестве наместника с 259–258 годов до н. э. до смерти отца. Исходя из этой гипотезы очень трудно сказать, почему брак откладывался тринадцать или четырнадцать лет! Если без нее никак нельзя сделать Эвергета загадочным соправителем с 266 по 258 год до н. э., то это аргумент против такого отождествления.

Если соправитель, исчезнувший в 258 году до н. э., был, как предполагаю я, старшим братом Эвергета, который в том году умер, то именно с ним, а не с Эвергетом была помолвлена Береника с самого начала, и смерть молодого царевича объяснила бы, почему не состоялся их брак, когда Береника заняла трон. Как бы то ни было, восшествие на престол девочки-царицы означало бы, что Киренаика отвернулась от Сирии и повернулась к Египту. Монеты с изображением Береники без покрывала – то есть в виде девственницы, – видимо, относятся к этому периоду. На них значатся имена царя Птолемея и царицы Береники. Это могло бы указывать на то, что Береника признала Египет своим «сюзереном». Однако через несколько лет города Киренаики изображены на монетах как республиканский союз. По-видимому, он был образован под

руководством двух приверженцев платоновской школы – Экдема (или Экдела) и Демофана, – прибывших в Кирену в 251 или 250 году до н. э., чтобы показать ей путь к свободе. Сколько продержался союз и что тем временем происходило с юной царицей – все это покрыто туманом. Буше-Леклерк предполагает, что Птолемей II снова подчинил Киренаику перед самой своей смертью, потому что в надписи из Адулиса «Ливия» названа одной из унаследованных, а не завоеванных Птолемеем III стран. Тарн считает, что союз существовал и в царствование Птолемея III, потому что первый доказанный случай, когда использовалось прозвище Эвергет, относится к пятому году правления царя, и его прозвище, вероятно, подразумевает блага, которые он добыл, вернув Киренаику. Но это всего лишь необоснованная догадка Буше-Леклерка, утверждавшего, что имя имело какое-то отношение к повторному завоеванию Киренаики, и мне кажется гораздо более вероятным мнение Иеремии, что оно имеет отношение к возвращению в Египет изображений богов. Возвращение кусочка отцовской земли было выгодно ему самому, более чем кому бы то ни было другому. Во всяком случае, брак Птолемея III с Береникой состоялся в начале его правления – возможно, даже до смерти отца. Может быть, именно после покорения Киренаики три киренских города получили новые имена: Евгеспериды стали Береникой, Тавхира – Арсиной, а Барка – Птолемаидой.

В дни величия старого Египта фараоны приходили с оружием далеко на юг, дальше первого порога, в местность, которую греки называли Эфиопией (Страной людей с обожженными лицами) и которую теперь мы знаем как Судан. В большинстве своем жители Нубии и Верхнего Египта были родственными египтянам, не чернокожими, хотя, как кажется, и с некоторой долей негритянской крови, поскольку негры из внутренних районов страны теснили жителей верховий Нила^[127]. Египетская культура стала и культурой Эфиопии, или, во всяком случае, ее правящих династий: храмы «совершенно в египетском стиле» встречаются в южных районах вплоть до Хартума. В одном из предыдущих томов этой серии сэр У. Флиндерс Питри описывал, как цари Эфиопии в VIII и VII веках до н. э. временно объединили под своим скипетром всю нильскую страну до самой Дельты, и позднее, когда сам Египет пал под натиском чужеземцев, ассирийцев и персов,

эфиопские фараоны и жрецы Амона по-прежнему продолжали править в верховьях Нила.

Когда власть персов сменилась властью греков, внешние признаки фараоновского величия исчезли из дворцов Александрии и Мемфиса, в Напате, эфиопской столице (рядом с современным Джебель-Баркалом), при дворе царя Настасена все еще жили традиции фараонов. Птолемеи не стремились, в отличие от прежних фараонов, присоединить Эфиопию к своим владениям. Будучи греками, они скорее интересовались средиземноморским миром на севере и вполне довольствовались тем, что южная граница Египта проходила в районе первого порога или чуть дальше. Мы видели, что при Александре Македонском его войско удерживает Элефантину, а греки и македонцы, бывшие в тамошнем гарнизоне в правление Птолемея I, оставили нам некоторые древнейшие из имеющихся у нас греческих папирусов. Возможно, в это время Элефантина была пограничным пунктом. Но Птолемей II, как пишет Диодор, отправился в поход в Эфиопию с греческим войском и так открыл для греков страну, до тех пор им неизвестную. Создается впечатление, что среди мотивов Птолемея II^[128] скорее были географическое любопытство и желание добыть необычных зверей, во всяком случае, мы ничего не слышим о попытках присоединить Эфиопию. Видимо, после смерти Настасена в 308 году до н. э. (по расчетам Райснера) Эфиопия была разделена на два царства. Новая династия стала править в Мероз дальше на юге (современная Бегаравия примерно в 130 милях от Хартума с этой стороны). Она была более могущественной, чем династия в Напате^[129], хотя напатская династия еще продержалась какое-то время. Греки начали путешествовать далеко на юг. Первым за пределы Мероз, как говорят, проник человек по имени Далион. Вероятно, это произошло в начале царствования Птолемея II. Он оставил книгу об Эфиопии^[130].

Фрагмент папируса на греческом языке, найденный на Элефантине, вполне вероятно, является отчетом коменданта тамошнего египетского гарнизона (судя по имени, египтянина), составленным во время войны между Египтом и Эфиопией. «Царю Птолемею, Пертей, сын Арнуфиса, приветствия... Эфиопы пришли и осадили... построили частокол, я и два моих брата... как подкрепления, и мы взяли...»^[131]

Судя по стилю письма, фрагмент относится к первой половине III века до н. э., и, возможно, он связан с эфиопской кампанией Птолемея II.

12 или 13 ноября 247 года до н. э. молодой Птолемей (Птолемей III) стал соправителем отца на египетском троне^[132]. Возможно, фактически он сам правил страной.

В 245 году до н. э. (25-го числа македонского месяца диос, то есть 27 января) Птолемей II скончался в возрасте шестидесяти трех лет. Он мог сравниться с Соломоном своим богатством, превосходившим состояния всех остальных царей того времени, своими интеллектуальными интересами, склонностью поддаваться женским чарам. Поздние греческие авторы сообщают нам имена многих его любовниц. Одна была урожденной египтянкой, хотя называется греческим именем Дидима («близнец»). Другая, которую звали Миртион, была актрисой, игравшей в пошлых комедиях; ее дом, после того как она завладела благосклонностью царя, прославился как один из самых изысканных в Александрии. Мнесида и Пофина были флейтистками и тоже были известны великолепием своих домов. Еще одной была Клино, и статуи и статуэтки, безусловно пользовавшиеся спросом в Александрии, изображали ее одетой в один хитон с рогом изобилия в руках, подобно богине Арсиное. В делосской надписи упоминаются «две серебряные свинки», которые Клино посвятила божеству^[133]. Стратоника, еще одна любовница, известна по внушительной гробнице в египетском Элевсине рядом с Александрией, где упокоилось ее тело. Самой знаменитой была Билистиха, чье имя звучит не по-гречески, хотя, по всей вероятности, оно все же греческое^[134]. Плутарх^[135] сообщает, что она была из варваров, «рыночная проститутка»; Павсаний^[136] – что она происходила с македонского побережья; по словам Афиней^[137], она происходила из благородной аргосской семьи, ведущей род от Атрея. В настоящее время невозможно сказать, какая из этих версий правдива: сплетню о низком происхождении могли сочинить из злобы, а историю о высокородстве царской любовницы – из лести. В 268 году до н. э. Билистиха управляла колесницей в Олимпии во время гонок двухлошадных колесниц и получила приз. Вероятно, это та самая «Билистиха, дочь Филона», которая была *канефорой* Арсиной в 260–259 годах до н. э.^[138] Птолемей постарался, чтобы ее объявили

богиней. Ей возводились святилища и приносились жертвы как Афродите Билистихе.

Возможно, Птолемей мог сравниться не столько с историческим, сколько с идеальным Соломоном, изображенным в Книге Екклесиаста – книге, написанной каким-то утратившим вкус к жизни евреем в эпоху, не очень отдаленную от времени правления Птолемея. Птолемей тоже был царем, который «собрал себе серебра и золота и драгоценностей от царей и областей», который «завел у себя певцов и певиц и услаждения сынов человеческих – разные музыкальные орудия», который «испытал себя весельем и наслаждался добром», который «предпринял большие дела: построил себе дома», который «предал сердце тому, чтобы исследовать и испытать мудростью все, что делается под небом»; и Птолемей тоже, согласно исторической традиции, в конце почувствовал, что все это суета сует. Мы читаем, что однажды после сильного приступа подагры он посмотрел в окно своего дворца и увидел у одного из каналов группу египтян самого бедного сословия, которые ели собранные ими объедки и беззаботно нежились на горячем песке, и заплакал в огорчении, что он не рожден одним из них^[139]. Или, быть может, эта история так же недостоверна, как и слова, которые автор Книги Екклесиаста вкладывает в уста Соломона, и в обоих случаях одаренный воображением моралист выбрал знаменитого царя, имевшего все, чего только могли желать ум или сердце, чтобы через него поведать миру о собственном опыте разочарования в жизни.

Глава 4

Люди, города, двор

Египтяне и греки

Когда Птолемей II умер, прошло уже восемьдесят шесть лет после того, как Александр пришел в Египет. Эллинистический Египет к тому времени обрел облик, который с небольшими изменениями сохранял вплоть до прихода Юлия Цезаря. Он уже не был «Египтом для египтян». В конце эпохи эллинизма население, по всей видимости, насчитывало около семи или восьми миллионов человек; пожалуй, при Птолемеях II оно было по меньшей мере столь же многочисленным. Коренные жители страны, разумеется, составляли ее основную массу, но находились в подчиненном положении и продолжали возделывать богатые поля нильской долины по своим древним обычаям для своих новых господ. Толпы чужеземцев, переселенцев и купцов со всех стран Восточного Средиземноморья наполнили страну. Крестьяне в большинстве своем были коренными египтянами, но теперь вместо сельских домов египетской знати, стоявших там в старину, возникли принадлежащие грекам большие имения. Возможно, еще оставались египетские семьи, хранившие память о своем царском происхождении, но если и так, теперь они мало что значили в мире. Каждый египтянин, который хотел возвыситься, учил греческий, надевал греческое платье и поступал на службу при греческом дворе или к какому-нибудь греку из числа правительственных чиновников. Иногда они оставляли свои египетские имена, порой брали греческие, иногда носили одновременно и египетское, и греческое имя. Мы ни разу не слышим ни об одном светском аристократе^[140] из коренных египтян при Птолемеях. Египтяне победнее по-прежнему говорили на своем языке в его поздней форме, который через 600 лет превратился в коптский язык христианского Египта. Старая военная каста египтян, которых греки звали на своем языке *махимами* («воинами»), продолжала существовать, как мы увидим, отдельно от обычных крестьян и использовалась для выполнения некоторых задач – хотя в тот момент, по-видимому, в основном не в качестве воинов – в египетском войске. У старого Египта оставался лишь один путь сохранить прежнее величие – в религиозной сфере. Многие величественные храмы, построенные фараонами древности, все так же возвышались среди

пальм, в них группы бритоголовых жрецов в белых льняных балахонах, как они изображены на памятниках фараоновских времен, все так же совершали традиционные обряды на древнем языке, в честь древних богов. Они все так же содержали божественных животных – быков, баранов и крокодилов – и поклонялись им. Именно священство, ограничивавшееся главным образом отдельными жреческими родами, теперь составляло единственную туземную аристократию Египта. Именно к ним, пользовавшимся авторитетом своего положения, богатством и священным знанием, обычные люди обращались как к национальным вождям и руководителям. Египтяне, владевшие греческим языком, вероятно, использовались в основном на нижних постах государственной администрации, но не на высших, и так было вплоть до последних Птолемеев. Возможно, высшие должности (как, например, пост *диоикета*) специально оставлялись для греков, но в I веке до н. э. египтянин мог стать своего рода генерал-губернатором (*эпистратегом*) Фиваиды. При первых Птолемах египтяне столь высокие посты не занимали. Если Рем прав, предполагая, что Тахос, сын Гонгила, который появляется в милетской надписи в роли *стефанефора* в 262–261 годах до н. э., был египтянином и представлял власть Птолемеев в Милете^[141], то перед нами еще один пример того, что автохтонный житель Египта в принципе мог занять относительно высокий пост при Птолемеях II.

Неподалеку от Гермополя находится искусно украшенная гробница египетского жреца Петосириса, который, видимо, занимал должность главного жреца в гермопольском храме Хмуну (Гермеса) в последние дни персидского правления и прожил много лет уже при Птолемеях I. Отделка гробницы интересна тем, что по ней видно, каким сильным в то время уже было греческое влияние в кругах, к которым принадлежал Петосирис. Художник попытался изобразить греческую сцену – родных, собравшихся вокруг гробницы, – в стиле греческого барельефа. Многие фигуры участников процессий, изображенные на стенах гробницы, одеты в греческое платье^[142]. На стенах этой же усыпальницы можно увидеть картины из жизни тогдашних египтян. Обычные египетские крестьяне эллинистической эпохи уже не ходили голыми, в одних набедренных повязках, как они изображены на фараоновских памятниках, но одевались в свободные, подпоясанные и доходящие до колен туники, как сегодняшние феллахи^[143].

Из чужеземцев, явившихся поселиться в Египте, самым значительным элементом были греки и македонцы. Отчасти они расселялись по Египту, вступая во владение своими участками земли, образуя социальные группы в городах и деревнях и проживая бок о бок с местным населением, отчасти сконцентрировались в трех крупных греческих городах – старом Навкратисе, основанном до 600 года до н. э. (в период независимости Египта после изгнания ассирийцев и до прихода персов) и двух новых городах: в Александрии на берегу моря и Птолемаиде в Верхнем Египте. Александр и его преемники-Селевкиды были великими основателями греческих городов во всех покоренных землях; греческая культура была так тесно связана с жизнью греческого полиса, что любой царь, желавший представляться в глазах мира истинным поборником эллинизма, обязан был что-то сделать в этом направлении, но для царя Египта, хотя он, как и все, стремился прославиться в Элладе, греческие города с их республиканскими традициями и тягой к независимости оказались бы неудобными элементами в этой стране, где как ни в одной другой царяла бюрократическая централизация. Поэтому Птолемеи ограничили количество греческих городов-государств в Египте тремя упомянутыми – Александрией, Птолемаидой и Навкратисом. За пределами Египта, как мы видели, они имели подвластные греческие города – старые города в Киренаике, на Кипре, на побережье и островах Эгейского моря, – но в Египте не больше трех. Да, там были сельские города с такими названиями, как Птолемаида, Арсиноя и Береника, где существовали и вели общественную жизнь греческие общины; похожие группы греков жили во многих старых египетских городах, но они не были политически организованы по примеру города-государства. Однако, если там и не было площади для политических собраний, они все же могли ходить в гимнасии, которые были одним из основных признаков эллинизма и в некотором роде выполняли функции университета для молодых людей. Далеко в верховьях Нила в Ком-Омбо в 136–135 годах до н. э. действовал гимнасий местных греков, который принимал резолюции и вел переписку с царем. А в 123 году до н. э., во время разразившегося в Верхнем Египте противодействия между городами Крокодилополем и Гермонтисом, из Крокодилополя посылаются переговорщики, молодые

люди, прикрепленные к гимнасию, которые, по греческой традиции, отведдали хлеба и соли с переговорицами из другого города^[144].

Различия между греками и македонцами, которые вместе образовывали привилегированный класс, как сейчас представляется, не имели практического значения. Люди македонского происхождения на протяжении всей эпохи Птолемея официально называли себя македонцами, но, судя по всему, они были греками^[145]. Еще до Александра, если у македонца было какое-то образование, то это было греческое образование; в основном они носили греческие имена, представители их царской династии утверждали, что происходят от греков. И македонцы, после Александра разбросанные по всему Ближнему Востоку, имеющие тесные связи с греческими колонистами, вероятно, вскоре забыли македонский язык и стали говорить на обычном греческом *койне*. Большое количество найденных в Египте папирусов написаны людьми, которые называли себя македонцами, но никто никогда не находил папируса, написанного на македонском языке.

В противоположность коренным египтянам, греки чувствовали себя представителями более высокой цивилизации. И тем не менее, как уже говорилось, они находились под впечатлением от древности и таинственности неизменных египетских традиций. Им интересно было узнать что-нибудь об этом. Но их любопытство было легко удовлетворить. Ни один греческий знаток, насколько нам известно, не потрудился научиться читать иероглифы или самостоятельно изучить тексты, выгравированные на камне и написанные на папирусе. Греки, жившие в Египте, иногда все же учили египетский, как следует из папируса II века до н. э. – составленного на греческом письма матери к сыну (оба они предположительно происходили из эллинской семьи), в котором она поздравляет его с тем, что он учит «египетские буквы» (Αἰγυπτία γράμματα); но его цель, как мы узнаем дальше, не историческое исследование, он надеется получить пост учителя в школе для египетских детей и таким образом обеспечить себе старость^[146]. Все, что греки знали о египетской древности, – это то, что решили рассказать им египтяне. Греческий историк Гекатей Абдерский посетил Египет при первом Птолемеи и добрался вверх по Нилу до самых Фив, чтобы собрать материал для истории Египта (Αἰγυπτιακά). Его особенно интересовала египетская религия,

поставлять ему информацию могли египетские жрецы или двуязычные местные проводники, которые обслуживали приезжих греков. То, что рассказывает нам Диодор о Египте в своей первой книге, в основном взято из сочинения Гекатея. Несомненно, от своих информаторов Гекатей узнал множество правдивых сведений, а также и множество выдумок, сочиненных с целью изобразить перед греком Древний Египет в идеализированном виде. Гекатей дал греческим читателям то, чего они хотели, – правдоподобное литературное сочинение, которое распаляло их воображение и внушало им чувство, что они понимают Египет; и их не заботили требования современных исследователей, предъявляемые к анализу исторических источников. Иногда сами египтяне брались за перо, чтобы написать о своей стране и народе для греков. Египтянин из жреческого рода Манефон написал историю Египта на греческом языке, вероятно, по просьбе первого Птолемея. Манефон действительно имел представление о древних текстах, и написанное им главным образом основывалось на них, хотя он и привнес некоторую долю народных египетских легенд. Однако к его чести надо сказать то, что, как мы видим, по крайней мере в одном случае он особо подчеркивает, что рассказанное им является легендой, а не фактом, взятым из источников^[147]. История Манефона была самой полной и самой достоверной историей Древнего Египта, когда-либо имевшейся у греков и римлян. Сейчас его труд утрачен, но значительные его фрагменты, сохранившиеся в сочинениях Иосифа Флавия и других авторов, дали европейцам почти все существенные сведения о Древнем Египте, которые они использовали вплоть до XIX века, когда ученые открыли ключ к расшифровке древнеегипетских надписей. «Если мы правильно оцениваем дух Александрии тех дней, мы без колебаний скажем, что данное Манефоном сухое перечисление первых династий богов и царей не имеет шансов сравниться по популярности с занимательным сочинением Гекатея. Возможно, верховный жрец, которого называют одним из религиозных советников Птолемея, честно попытался противодействовать той принимавшейся на веру чепухе, которую рассказывали в музее о ранней истории его страны. При жизни Манефона его труд не имел успеха, хотя века спустя иудеи и христиане в своих спорах возвратили его из забвения» (М.).

Ни одна современная страна, где европейская раса управляет более многочисленным туземным народом, не похожа на эллинистический Египет. Южная Африка напоминает его только в том смысле, что и там европейцы сделали страну своим постоянным домом, будучи меньшинством по сравнению с туземным населением, но отличие состоит в том, что коренные жители Южной Африки принадлежат к первобытным племенам, они не являются представителями древней цивилизации, как египтяне, перед которыми европейские переселенцы испытывали определенное благоговение. В этом отношении Индия представляется более схожей с эллинистическим Египтом, но и Индия не похожа на него в другом отношении – в том, что европейцы не обосновались в стране как у себя дома, но являются лишь временным сообществом чиновников, солдат и торговцев. Есть и еще два важных отличия отношений между европейцами и туземцами в эллинистическом Египте от сложившихся между европейцами и туземцами сегодня. Во-первых, хотя сами греки и македонцы считали себя людьми высшей расы, обычный греческий или македонский поселенец (возможно, в больших семьях это было по-другому) не отшатывался в ужасе от брака с египетской женщиной^[148]. Поскольку греки и македонцы в основном прибывали в страну в качестве воинов, мужчин среди них должно было быть гораздо больше, чем женщин. Многие из них, как мы знаем из папирусов, имели жен в Европе, но перевозка европейских жен едва ли могла иметь место. Множество греков и македонцев женились на египтянках. Из-за этого колониального смешивания кровей этнические различия в эллинистическом Египте становились все менее и менее заметными. Впоследствии многие из тех, кто звал себя греками, по крови в основном были египтянами. Правда, в трех греческих городах, вероятно, существовал закон, запрещающий гражданам заключать браки с туземцами, и можно считать, что их граждане сохраняли чистоту эллинской породы на протяжении эпохи эллинизма. Но большинство греческих жителей Египта, как населявших города, так и имевших дома в египетских деревнях, которые не принадлежали к числу граждан трех полисов, оказалось в совершенно иной ситуации.

Примерно с 150 года до н. э. в папирусах начинают часто появляться люди, имеющие одновременно и греческое, и египетское имя. Например, в конце II века до н. э. мы находим грека по имени Дритон,

чьи дочери (несомненно, от египетской матери) в одном папирусе называются греческими именами, в другом и египетскими, и греческими, а в третьем только египетскими^[149]. У Гермокла было три сына, из которых старшего звали Гераклидом, а двух других по-египетски – Нехутес и Псехонс. В списке греческих земледельцев (примерно 112 год до н. э.) мы находим Гармиисиса, сына Гармиисиса, Гарфаэсиса, сына Петосириса, и т. д.^[150] Вероятно, немногие чистокровные греки брали египетские имена. С другой стороны, многие египтяне могли принимать греческие имена. Так или иначе, после середины II века до н. э. уже невозможно по одному только имени делать вывод о том, кем: греком или египтянином – является тот или иной человек.

Различия между высшим слоем греков и низшим слоем туземцев не исчезли, но стали больше вопросом культуры и традиции, чем расовым. Семья с греческими именами (даже если в ней встречались и египетские), писавшая и говорившая по-гречески и знавшая хоть немного греческую литературу, следовавшая греческим традициям в поведении, считалась принадлежащей к привилегированной национальности; а та, которая говорила по-египетски и жила по туземным обычаям, приписывалась к низшему народу. Если бы правлению Птолемеев в Египте не пришел конец, то разница между греками и египтянами постепенно могла бы стереться совсем. Как мы увидим ниже, местный элемент занял более прочное положение при поздних царях, чем при первых Птолемеях. Но в римский период этот процесс прекратился, и массы туземцев, говоривших на египетском языке, снова оказались в положении слуг при греках и римлянах.

Другое существенное различие между отношением греков к египтянам в эллинистическом Египте и отношением «белого человека» к «аборигенам» сегодня лежит в сфере религии. Современная европейская цивилизация сформирована не одной только эллинской традицией; значительное влияние на нее оказало христианство, через которое в нее попал элемент, совершенно отсутствовавший в менталитете древних греков. В греческой религии нет понятия исключительности, характерного для христианства, а также его «прародителя» иудаизма, хорошо знакомого грекам, жившим в эллинистическом Египте. В греческой религии не было ничего, что заставило бы греков относиться к египетским культам как к

языческим, идолопоклонническим или существенно более низким по сравнению с эллинскими. Напротив, греки пребывали под большим впечатлением от таинственности и бесконечной древности египетской религии, хотя римлянам и, возможно, некоторым грекам поклонение божествам в виде животных или полуживотных казалось нелепым. В представлении древних греков божественная сила была чем-то столь туманным и неопределенным, что какой-нибудь варварский религиозный ритуал, даже если его основания непонятны, мог принести удачу. Считалось таким же благоразумным умиловать любого бога, в которого верили твои соседи, особенно если это происходило в местности, где ему поклонялись уже на протяжении жизни бесчисленных поколений. Смешанный греко-египетский народ, возникший из межэтнических браков, впитал большую долю народной египетской религии с молоком египетских матерей. Благоговение, которое греки испытывали по отношению к местным культам, было вполне совместимо с мнением о превосходстве греческой культуры во всех мирских делах и правильности эллинских жизненных ценностей. В папирусе из Фаюма середины III века до н. э. говорится о дочерях грека из Кирены Де-метрия и египтянки Тасис, которые посвятили алтарь египетской богине-бегемотихе Тоэрис (Тауэрт)^[151]. Девушки носили и греческие, и египетские имена. Еще раньше (285–284 до н. э.), в царствование первого Птолемея, на Элефантине жила гречанка Каллиста из Темноса, которая использовала в качестве своей печати скарабея с вырезанным на ней изображением египетского бога Тота в облике обезьяны^[152].

Египетский праздник 20-го числа месяца атира, в который после дней траура провозглашается радость богини Исиды при обретении тела Осириса, отмечался греками еще в правление Птолемея II, и даже в таких высоких кругах, как приближенные диойкета Аполлония, чья приемная закрывалась по такому случаю^[153].

Смешению религий способствовал тот факт, что греки нередко отождествляли египетских богов со своими – Амона с Зевсом, Птаха с Гефестом, Хора с Аполлоном и так далее – и часто, называя бога греческим именем, они имели в виду египетское божество. Иногда рядом приводили и египетское (в эллинизированной форме) и греческое имена^[154]. Поэтому, когда мы находим посвящение Асклепию по-гречески, на самом деле оно может быть адресовано

древнему египтянину, который был архитектором царя Джосера (примерно 4940 до н. э.) и которого египтяне звали Имхотепом^[155]. Поклонение людям древности как богам – Имхотепу, Аменхотепу (древнему мудрецу времен царя Аменхотепа III, 1414 до н. э.), царю Аменемхету III (3427–3381 до н. э.) – представляется нововведением, возникшим в египетской религии при Птолемеях, и, возможно, обязано своим появлением греческому влиянию на египтян.

То, что наиболее образованные греки узнавали о египетской религии от эллинизированных египтян, зачастую, разумеется, специально приукрашивалось так, чтобы эллины нашли в этом глубокую мудрость. Грубая древняя мифология и примитивные ритуалы толковались так, что они начинали воплощать в себе философские идеи греков^[156]; греческие и египетские представления сливались в странный сплав, очень похожий на современную теософию, которая впитала в себя некоторые элементы индуизма, адаптированные для европейцев, соединяя их с понятиями, заимствованными из христианства или современной науки. И если мы хотим разобраться, каким образом греки могли одновременно и чувствовать превосходство над египтянами, и питать уважение к египетской религии, мы можем попробовать представить себе, что изменилось бы в сегодняшней Индии, если бы англичане, вместо того чтобы в большинстве своем исповедовать христианство, стали бы сторонниками теософии, начали бы приносить жертвы индуистским богам и ставить у себя в домах *лингамы* и изображения Ганеша для поклонения^[157].

Но если жившие в Египте греки были готовы при случае поклониться египетскому богу, они не прекращали почитать собственных богов даже за стенами Александрии, Птолемаиды и Навкратиса. Там, где проживала греческая община, независимо от количества жителей ее члены имели полное право поставить в любом месте Египта маленький храм Зевса, Аполлона, Деметры или Афродиты либо любого иного божества своего народа и совершать в нем греческие ритуалы^[158]. Помимо этого, отдельные греки тоже могли свободно возводить на занимаемой ими земле святилища какого угодно божества по своему усмотрению.

Одним из нововведений для Египта, пришедшим вместе с греческими переселенцами, были добровольные сообщества, которые, по-видимому, создавались для поклонения какому-либо божеству, хотя

на самом деле выполняли функции питейного клуба или торговой гильдии. Они возникли во всех частях греческого мира после смерти Александра и назывались *фиасами* или *синодами*. Можно считать признаком эллинистического влияния на местных жителей, что среди них тоже начали появляться такие общества, возникавшие вокруг культа египетских богов – Осириса, Исиды, Анубиса, Хнубиса-Амона или какого-то местного божества. Иногда члены ассоциации поклонялись обожествленному царю, как, например, общество базилистов у Сиены (II век до н. э.) или филобазилистов (конец II века до н. э.), которые упоминаются в некоторых папирусах^[159]. Рубензон предполагает, что все наши наблюдения относятся к единственному учрежденному в царстве обществу базилистов. Мне кажется более вероятным, что название «базилисты» брало себе любое общество, которое желало выказать свою верность тем, что объектом поклонения делало царя или царя с царицей, может быть, вместе с другими избранными богами. После этого его члены могли уверенно надеяться на милость недоверчивого правительства.

Греческие города

Навкратис

Из трех греческих городов Навкратис продолжал вести размеренную жизнь греческого полиса, хотя его коммерческая важность уменьшилась после основания Александрии. В период между смертью Александра и вступлением Птолемея на египетский трон в качестве царя в Навкратисе даже чеканились собственные монеты. А число греческих авторов эллинистической и римской эпохи, которые были гражданами Навкратиса, доказывает, что в сфере эллинской культуры город не отступал от своих традиций. Птолемей II удостоил Навкратис своей заботой. «Он построил большое здание из известняка длиной около 330 футов и 60 футов шириной, чтобы возместить разрушенный вход в великий Теменос; он укрепил большую группу залов в Теменосе и восстановил их»^[160]. Когда сэр Флиндерс Питри написал только что процитированные строки, великий Теменос отождествлялся с Эллениионом. Но Эдгар недавно указал, что соединенное с ним здание было не греческим, а египетским храмом. Следовательно, в Навкратисе, несмотря на его общий эллинистический характер, имелся и египетский элемент. То, что город расцвел в эллинистическую эпоху, «мы можем видеть по количеству ввезенных амфор, ручки которых, изготовленные на Родосе и в других местах, мы находим в таком изобилии» (Питри). «Папирусы из архива Зенона свидетельствуют о том, что это был главный порт на пути от Мемфиса до Александрии, а также место остановки на сухопутной дороге из Пелусия в столицу»^[161]. В административной системе он относился к Саисскому ному.

Александрия

Строительство Александрии к концу правления Птолемея II, через восемьдесят шесть лет после основания, вероятно, уже было завершено, и в основных чертах она стала тем великим городом, который знали последующие поколения греков и римлян.

Считалось, что Александрия с относящейся к ней территорией находится не в Египте. Она считалась присоединенной к Египту – Alexandria ad Aegyptum. В папирусах люди иногда пишут о поездках из Александрии «в Египет». Как мы видели, она образовывала прямоугольник примерно 4 мили в длину на три четверти мили в ширину, с морем на севере и широким пресноводным озером Мареотида на юге. Ее главная улица – Канопская – шла от Канопских ворот на востоке к соответствующим воротам на западе; в центре города под прямым углом ее пересекала другая улица, проходившая от моря к озеру. Обе эти главные магистрали имели в ширину более 30 ярдов. Даже многие улицы поменьше, параллельные двум главным, пропускали колесные повозки, в отличие от обычных узких улочек старых греческих городов. Названия нескольких улиц Александрии содержатся в недавно опубликованном папирусе^[162]. Они названы в честь Арсинои Филадельфии, причем характерные эпитеты разных греческих богинь присоединялись к имени царицы вследствие отождествления, о котором мы уже говорили выше, когда обожествляемого человека связывали с каким-либо конкретным богом традиционной религии. Так, мы находим эпитеты Басилея (Гера), Телее (Гера), Элеемон (Афродита на Кипре), Халкиойкос (Афина в Спарте), добавленные к имени Арсинои и использованные в названиях соответствующих улиц.

По городским законам никто не имел права строить дом на расстоянии меньше одного фута от следующего, кроме как по взаимному согласию между соседями, которые, если хотят, могут иметь общую разделительную стену^[163]. Канал, более-менее соответствующий современному каналу Махмудие, доставлял пресную воду из канопского рукава Нила; он ответвлялся у Схедии (Ком-эль-Гиза) примерно в 17 милях. Согласно «Истории Александра Великого», этот канал существовал еще до Александра, и тогда участок земли, где потом была построена Александрия, занимали шестнадцать египетских деревень, в том числе Ракотис, которые снабжались водой из двенадцати вспомогательных каналов, соединенных с главным каналом. Все они, как говорится в тексте источника, кроме двух, были закопаны, и по ним прошли параллельные улицы города. «История» – малодостоверный исторический источник, но в том, что касается местной истории и

топографии, как склонны полагать современные ученые, могли сохраниться предания, основанные на фактах. Несомненно, под городом проходила сложная система водоснабжения и канализации, по которой пресная вода подводилась к частным домам^[164], – вероятно, это удобство не имело прецедента в древних городах – и данная система, вероятно, являлась частью первоначального плана, составленного для Александра. Местонахождение различных храмов, согласно Арриану^[165], было определено самим Александром, причем посвящены они были не только греческим богам – в туземном квартале был возведен храм Исиды, на месте которого, как мы видели, при первом Птолемеи построили Серапеум. Этот египетский квартал, сменивший старый египетский город Ракотис и расположенный южнее западного конца большой центральной дороги, конечно же разительно отличался от величавого и величественного греческого города с его регулярной планировкой, так же как сегодня старый Каир отличается от европейского квартала или Стамбул от Галаты.

В целом Александрия была разделена на пять кварталов, называвшихся пятью первыми буквами греческого алфавита – квартал *Альфа*, квартал *Бета* и т. д. Античные авторы перечисляют наиболее известные здания и памятники Александрии, хотя по причине, указанной на с. 19, совершенно неясно, в каких именно частях современного города они находились. К их числу относились Гимнасий, «необычайно великолепное здание с колоннадами длиной более стадия», протянувшийся вдоль Канопской улицы^[166] – центр средоточия александрийского гражданского населения, – Суд (*дикастерион*) рядом с центром города; Паней, посвященный Пану искусственный холм с прекрасным видом на весь город, открывавшимся с вершины, и парком вокруг^[167]. Там была знаменитая *Сема*, гробница-храм, в которой покоилось тело Александра Великого в золотом гробу, ее территория была закрыта от города стеной. Постепенно вокруг первоначальной Семы выросли другие храмы-гробницы обожествленных царей и цариц из династии Птолемеи. Птолемей II начал этот процесс строительством храма в честь своих родителей и, возможно, также храма-гробницы Арсиной Филадельфии, которому суждено было принять и его тело. Стадион и Ипподром, которые когда-то наполнялись возбужденными толпами александрийцев, любителей спортивных состязаний и гонок колесниц,

находились ближе к окраинам города: Стадион, видимо, за Серапеумом на юго-западе, а Ипподром на юго-востоке, недалеко от пригорода Элевсина. Театр стоял на дворцовой площади, где для зрителей, сидевших на высоких ярусах, за сценой открывался вид на море.

Настенная живопись из Помпей. Сельская вилла в александрийском стиле

«Четверть или почти треть площади города занимали царские здания, колоссальное скопление дворцов и садов»^[168]. Вероятно, в эту четверть включены Сема и казармы царской гвардии, которая должна была находиться рядом с царем. Дворцовая площадь, занимающая большую часть того, что называлось Неаполисом (Новым городом), располагалась на северо-востоке между Канопской улицей и морем. Дворец стоял фасадом к морю и был обращен к великой гавани. Музей и Библиотека близко прилегали к нему с западной стороны. На востоке от него, тоже недалеко от набережной, находился еврейский квартал *Дельта*.

Остров Фарос связывала с землей дамба, называвшаяся *Гептастадионом*. Из-за наносов по обе стороны от этого искусственного мола в течение веков теперь он превратился в перешеек шириной около трети мили, и на нем расположен один из густонаселенных кварталов современной Александрии. Когда Гептастадион был впервые построен, он разделил море между Фаросом и землей на две гавани. На востоке от него расположилась

Большая гавань, а на западе гавань Эвност, названная, вероятно, в честь Эвноста, «царя» Кипра, зятя Птолемея I, но, конечно, именно это имя было выбрано еще и потому, что *Hormos Eunostos* по-гречески означало «Гавань счастливого возвращения». Сегодня старая «Большая гавань» может принимать только мелкие рыбацьи лодки; а Эвност превратился в порт для крупных кораблей. Часть Большой гавани у дворцового фасада была отделена для личного пользования царей.

Верфи гавани с их большими складами (*apostaseis*), видимо, образовывали район, отделенный от города стеной. В этот район, называвшийся эксересис, товары можно было привозить беспошлинно. Если же, однако, их проносили в город, то нужно было платить у ворот, ведущих из эксересиса, предписанные пошлины^[169].

На острове Фарос архитектор Сострат Книдский построил знаменитый маяк, считавшийся одним из чудес света. Строительство началось, несомненно, при Птолемеи I и было закончено в начале правления Птолемея II. «В основном при его сооружении использовался нуммулитовый известняк. Скульптурные украшения, как и другая дополнительная отделка, частью изготовлялись из мрамора, частью из бронзы. Бесчисленные колонны в большинстве своем вытесывались из асуанского гранита. Фонарь маяка образовывали восемь колонн, увенчанные куполом, над которым возвышалась бронзовая статуя (вероятно, Посейдона) примерно семи метров высотой. Для получения пламени жгли смолистую древесину. Считается, что для увеличения дальности освещения использовались вогнутые металлические зеркала»^[170]. Это грандиозное сооружение теперь настолько разрушено, что можно только догадываться о том, как оно выглядело, по отдельным упоминаниям в сочинениях античных авторов, по монетам и по аналогиям с древними развалинами в других местах. Сопоставив все доступные материалы, профессор Тирш создал предположительную реконструкцию маяка, которая изображена на вклейке. Надпись с посвящением гласила: «Сострат, сын Дексифана Книдского, Богам Спасителям от имени мореходов». Точно неизвестно, кто имеется в виду под «Богам Спасителями» (*Sotēres Theoi*). Так официально назывались Птолемей I и Береника после их обожествления, и вполне естественно предположить, что в посвятельной надписи, сопровождавшей сооружение подобного рода, возведенное по приказанию царя в

Александрии, имелись в виду именно Птолемей I и Береника. С другой стороны, «Богам Спасителями» также назывались Кастор и Полидевк, покровители мореплавателей, и это были их обычные эпитеты, так что, возможно, посвящение было написано на маяке еще до официального обожествления Птолемея I и Береники. Также может быть, что эта двусмысленность была намеренной. Это, конечно, выдающийся факт, что царь позволил архитектору упомянуть в посвящении подобной постройки собственное имя. Позднее была придумана история, объяснявшая, как возникло это посвящение. Говорили, что Сострат покрыл свое имя (написанное, как и остальные слова, огромными буквами, вырезанными в камне и заполненными свинцом) тонким слоем штукатурки, с виду похожей на камень, и написал на этой штукатурке имя Птолемея. Он рассчитывал на то, что после его смерти штукатурка отвалится.

Участки земли, расположенные за стенами Александрии, с востока и запада, были отведены под некрополи, и со временем эти два «города мертвых» сильно разрослись в близком соседстве с городом живых. На востоке, рядом с главным каналом, находился пригород Элевсин неподалеку от озера Хадра, и здесь Птолемей II ввел культ Деметры с некоторыми особенностями, заимствованными из настоящего Элевсина в Аттике^[171]. Вдоль того же канала между Александрией и Канопом стояли виллы и сады богатых александрийцев. Старый египетский город Каноп стал любимым местом развлечений для александрийцев, и Страбон описывает сцены разгульных излишеств с музыкой и кутежами на лодках, днем и ночью скользивших по каналу между Александрией и Канопом.

На набережных и улицах этого великого левантийского города мы оказались бы в толпе, где собрались представители народностей из всех частей известного мира – греки из всех частей Средиземноморья, местные египтяне, италийцы, римляне, евреи, сирийцы, персы, индийцы, негры. Общая численность населения Александрии в последние годы правления династии Птолемеев чуть не достигала миллиона человек. Но кроме того, население Александрии, не считая приезжих чужеземцев, включало огромное множество людей, не принадлежавших к числу тех, кто гордо именовал себя александрийцами. Диодор сообщает, что в последние годы правления династии в городе жило 300 тысяч человек. Конечно, весь туземный

египетский элемент в Александрии не входил в число граждан города – как, возможно, и жившие там евреи, хотя еще ведутся споры по вопросу, были евреи включены в число граждан или нет. Граждане считались сообществом истинных греков, с интересами и общественной организацией, свойственной свободным гражданам греческих городов как таковым. Александрийцы называли себя греками и македонцами. В общем-то представляется маловероятным, что в александрийцах была сколько-нибудь значительная часть туземной египетской крови. В Навкратисе брак между гражданином города и египтянкой был незаконным; видимо, так же дело обстояло в Александрии и Птолемаиде. И Полибий, и Филон говорят об александрийцах как о «людях смешанной крови» (*migades*), но, скорее всего, это значило, что граждане города были представителями различных греческих полисов – ионийцами, дорийцами, эолийцами, греками из Эллады и всех отдаленных городов Востока и Запада, а не то, что они имели примесь египетской крови^[172].

Но даже не все греческое население Александрии входило в число граждан города. Более того, Шубарт считает, что граждане составляли лишь меньшинство греков, живших в Александрии. Множество людей, которые называли себя эллинами, говорили по-гречески и жили по греческим обычаям, но не имели привилегий гражданства – как метеки, жившие в Афинах и любом другом греческом городе, возможно, были не греками по крови, а отпрысками, например, браков между греками и египтянками, родившимися в Египте за пределами Александрии и затем поселившимися в городе. Вероятно, все греки как таковые обладали определенными привилегиями, в отличие от туземцев. Египтян, к примеру, можно было наказывать дубинками, но «александрийцев», по словам Филона^[173], можно было бить только плоскими палками (*spathai*). В этом отношении евреи причислялись к той же категории, что и «александрийцы», и, по всей видимости, здесь под «александрийцами» мы должны понимать всех живших там греков, а не только граждан.

В каждом городе греческого типа граждане были организованы в небольшие общественные группы. В Афинах они делились на 10 фил и на 100–190 демов. Похожая организация по филам и демам существовала и у граждан Александрии, хотя, что любопытно, она, видимо, затрагивала не всех граждан. Существовало некое число

людей, которые были «александрийцами», но не входили в демы. Члены демов составляли общественную аристократию Александрии; возможно, это в основном были потомки первых граждан начала III века до н. э. Однако браки между членами демов и греками или даже «персами», не являвшимися членами дема, по-видимому, были в порядке вещей.

Папирус из Эль-Хибы начала III века до н. э. свидетельствует, что в некоем городе, наверняка либо Александрии, либо Птолемаиде, было 5 фил, по 12 демов в каждой филе и по 12 фратрий в каждом деме^[174]. Член дема в официальных документах называется по наименованию своего дема (например, Антей, теменец, то есть принадлежащий к дему, названному в честь Темена), так же как другой человек мог называться «афинянином» или «фракийцем». В документе было не обязательно указывать «александриец», так как это подразумевалось в наличии названия дема, и вплоть до римского периода не было принято помимо дема указывать еще и филу. Названия александрийских фил эллинистической эпохи, которые нам известны, это: 1) у Сатира^[175] – фила Дионисия – названная в честь бога, от которого, по преданию, произошла династия Птолемеев, и 2) фила Птолемаида^[176]. (Известно еще несколько названий фил римского периода, происходящих от почетного обращения к императору и титулов.) Список названий демов эллинистического периода выглядит более внушительно. Обычно они образовывались от имени или эпитета бога или героя греческой мифологии или от имени кого-либо из генеалогического древа Александра, которое также по большей части было и генеалогическим древом Птолемея^[177]. В филе Дионисия названия происходили от имен персонажей мифологии, связанных с Дионисом: Алфеи, которая родила от Диониса дочь Деяниру, Фестия, отца Алфеи, самой Деяниры, Ариадны, Фоанта, Стафила, Эванфея, Марона. Нам известен александрийский дем, названный в честь Геракла, другой в честь Акака и еще один в честь Темена, праправнука Геракла. Некоторые демы позднее получили названия, происходящие от прозвищ царей: «филометорий» принадлежал к дему, названному по имени Птолемея Филометора, «епифаней» – к дему, названному по имени Елифана^[178]. Интересно отметить, что есть один дем («леоннатий», самый старший), названный по имени Леонната, старого македонского соратника Птолемея I в войнах Александра.

Некоторые жители Александрии называют себя в известных нам источниках (при Августе) «македонцами», а не «александрийцами», не упоминая дема. Это привело Шубарта и Вилькена к мысли, что на протяжении всей эллинистической эпохи в Александрии существовал многочисленный слой «македонцев», которые главным образом служили в войске и при дворе и первоначально считали себя выше граждан-«александрийцев». В связи с этим у нас есть странное утверждение Иосифа Флавия, что евреи в Александрии считались «македонцами». (Это один из доводов современных ученых, стремящихся доказать неправильность утверждения Иосифа о том, что евреи относились к гражданам.) Мы знаем, что многие евреи служили в войске и что иногда они занимали высокие посты. Может быть, утверждение Иосифа Флавия основано на некоторой ассимиляции между еврейскими и македонскими воинами^[179].

В известном фрагменте у Полибия население Александрии в поздние годы династии состояло из трех элементов: 1) туземного египетского элемента, «сообразительных и послушных гражданской жизни»^[180], 2) войск наемников, непокорных и готовых навязать свою волю правительству, и 3) «александрийцев», которые сами были в некоторой степени склонны нарушать общественный порядок, хотя и менее буйные, чем воины, – «ибо, даже будучи смешанной крови, они были греками по происхождению и не забыли общего греческого уклада жизни». Классификация явно неточна, но дает приблизительную картину того, какое впечатление производила толпа на улицах Александрии на приезжего примерно в 100 году до н. э. Полибий ничего не сообщает о регулярной армии; можно сделать вывод, что в то время наемные войска, доставленные правительством из-за границы, составляли значительную часть армии. А под словом «александрийцы» Полибий, видимо, подразумевает все свободное греческое население, как принадлежащее к числу граждан, так и нет. Он не упоминает евреев; возможно, из-за того, что те эллинизировались и в речи, и в платье, и их было нелегко отличить от греков.

Александрийцы в своей общественной жизни, интеллектуальной и художественной культуре были греками. На основании имеющихся сведений невозможно сказать с какой-либо долей уверенности, насколько политическое устройство Александрии соответствовало

характерному для греческого города-государства. В греческом городе, где также находился двор правителя, даже в тех случаях, когда в нем существовали институты, необходимые для самоуправления, им, насколько мы знаем, ничего не оставалось, кроме как находиться полностью под контролем двора, как обстояло дело в Пергаме. Но, что касается Александрии, мы не знаем, существовало ли там вообще самоуправление. В начале римского периода, как известно, в Александрии не было ни сената, ни народного собрания, но это не исключает возможности, что при Птолемах или в какой-то период эллинистической эпохи граждане сходились на собрания, чтобы принимать законы и псефизмы. Найдена одна фрагментарная надпись на камне, которая, как посчитал Плауманн, содержит часть псефизмы, принятой александрийским народом^[181]. Но есть мнение, что камень привезен с Родоса.

Папирус Халле (называемый Halensis I) представляет собой собрание выдержек из гражданских законов и правил (*astikoi nomoi*) Александрии – это документ огромной важности для изучающих греческое право, – но в нем ничего не говорится о том, кем принимались упомянутые законы: народным собранием или царем.

Главными должностными лицами Александрии «в дни царей» Страбон называет экзегета, гипомнематографа, архидикаста и командира ночной стражи (*nukterinos stratēgos*). Однако в наше время в основном считается, что он спутал гражданские власти Александрии как автономного (или полуавтономного) города-государства с царскими (а затем имперскими) чиновниками, которые заседали в Александрии и, естественно, будучи людьми высокого положения, проживающими в городе, могли привлечь внимание приезжего гостя. Единственные гипомнематографы, действовавшие в эллинистический период, были секретарями царя и диойкета.

Архидикаст – одна из основных проблем греческого и римского Египта. Уже давно считается очевидным фактом, что в римские времена, хотя архидикаст и проживал в Александрии, он был не городским чиновником, а главой судебной власти всего Египта. Высказывалось предположение, что в эллинистический период он действительно, как и представляет его Страбон, был гражданским чиновником^[182]. Однако Шубарт убедительно доказал, что это не так^[183]. Звание, которое давалось архидикасту в римские времена

(«надзиратель над хрематистами и другими судьями»), должно быть, было унаследовано от периода правления Птолемеев, потому что в римские времена хрематисты уже не существовали. Александрийские документы, которые содержат сведения о форме судопроизводства, так называемом синхорезисе, относятся к началу римского периода и, вероятно, свидетельствуют о том, что птолемеевская система тогда еще работала. Один из александрийских судов здесь называется «суд при [царском] дворе» (τὸ ἐν τῇ αὐλῇ κριτήριον)^[184]. О том, какую роль играли архидикасты, в папирусах эллинистического времени не говорится. Единственное упоминание об архидикасте, датированное периодом эллинизма, – это надпись, где жители Феры оказывают почести некоему человеку, который принадлежал к «первым друзьям» царя Птолемея и царицы Клеопатры (это может быть Птолемей V, VI или VII) и архидикаста^[185]. Но вполне вероятно, что это судебный чиновник, назначенный египетским правительством на остров Феру и не имеющий никакого отношения к Египту. Шубарт предлагает следующее объяснение странного отсутствия архидикаста в наших египетских документах: хотя в компетенцию архидикаста входил весь Египет, она ограничивалась выбором судей для различных судов, учрежденных для разбирательства конкретных дел, и он не занимался ни судопроизводством как таковым, ни апелляциями на вынесенные приговоры. В любом случае исходя из имеющихся данных кажется вероятным, что Страбон ошибся, когда отнес архидикаста эллинистической эпохи к гражданским властям Александрии.

Следовательно, из четверых представителей власти города Александрии у Страбона остаются только экзегет и командир ночной стражи. Каковы были обязанности и полномочия первого – еще один вопрос. Термин «экзегет» по-гречески обычно относился к сохранившимся в греческих городах официальным толкователям оракулов и предзнаменований, но если александрийские экзегеты первоначально выполняли те же функции, то со временем они должны были значительно расшириться. По словам Страбона, обязанностью экзегета было «надзирать за тем, что полезно для города» (ἐπιτέλειαν τῶν τῇ πόλει χρησίμων) – чрезвычайно туманное описание. На то, что экзегет был в некотором роде главным магистратом, указывает то, что он носил пурпурную мантию и «пользовался некоторыми родовыми почестями» – что бы это ни значило^[186]. Доказательство того, что

экзегет также был ежегодным эпонимным жрецом Александра, мне кажется, содержится во фрагменте из сочинения Псевдо-Каллисфена (III.33), где этот жрец описывается как «надзиратель над городом» (ἐπιμελιστὴς τῆς πόλεως) и говорится, что его знаками отличия были золотой венок и пурпурная мантия. Так как царь жаловал место эпонимного жреца в качестве персональной почести людям, которые едва ли могли исполнять обязанности городского магистрата (например, членам царской семьи и царским фаворитам), можно сделать вывод, что экзегет на самом деле был всего лишь номинальным главой городской власти, а не действующим чиновником^[187].

Что касается командира ночной стражи, то мы ничего не знаем о нем кроме того, что говорит название его должности, хотя возможно, что должность *praefectus vigilum* в Риме во времена империи была скопирована с Александрии, а также возможно, что *nukterinos strategos* – то же самое, что стратег города (*stratēgos tēs polēos*). Это название было найдено на гранитной плите, время изготовления которой неизвестно, но ее можно отнести к Александрии^[188], хотя это под вопросом. Если *stratēgos tēs polēos* аналогичен *praefectus urban* (префекту города) в Риме, то он не должностное лицо города, а чиновник, которого царь назначал надзирать за городом.

Страбон не упоминает одного очень важного городского чиновника – гимнасиарха. Так как Гимнасий был центром общественной жизни греческого города, гимнасиарх был в некотором роде общественным руководителем граждан. Когда в римские времена в Александрии неоднократно возникают всплески насилия между греками и евреями, именно гимнасиарх, представляющий греческих граждан, защищает греков в Риме перед императором и отстаивает греческую республиканскую свободу^[189]. Должно быть, при Птолемах александрийский гимнасиарх был очень важным человеком.

Определенный участок земли в районе Александрии был отделен как территория, принадлежащая александрийцам. Она была освобождена от уплаты налогов, что отличало ее от обычной египетской земли^[190]. В римские времена она образовывала ном с Гермополем в качестве административной столицы, но неизвестно, действовала ли эта система в период эллинизма.

В пределах этой территории непосредственно прилегающая к городу зона – проастион, или район *exō tou asteos* – подлежала особому регулированию в вопросах строительства зданий и рытья канав^[191].

Забота о снабжении жителей Александрии всем необходимым лежала на плечах царя. В стране, где все можно было отрегулировать с точностью по причине существовавшей в эллинистическом Египте бюрократической системы и статистики, также возможно было заранее приблизительно рассчитать, сколько зерна и масла потребуется каждый год александрийцам, и отвести для этой цели зерно и масло, которые стекались из царских хранилищ по всей стране, в верной пропорции^[192].

Птолемаида

Вторым греческим городом, основанным после завоевания Египта, стала Птолемаида, расположенная в 400 милях выше по Нилу на месте египетской деревни Псои в номе, который именовался по названию древнеегипетского города Тинис (современная Гирга)^[193]. Если Александрия увековечила имя и культ великого Александра, то Птолемаида должна была увековечить имя и культ основателя династии Птолемеев. Раскинувшись под египетским небом в окружении бесплодных холмов нильской долины, здесь вырос греческий город с его общественными зданиями, храмами и театром – конечно, построенными по обычным архитектурным образцам, – с греческой культурой, гражданами греческой крови и институтами греческого полиса. Если относительно Александрии и существуют сомнения, были ли там совет (boulē) и народное собрание, то относительно Птолемаиды таких сомнений нет. У царей было больше возможностей разрешить некую долю самоуправления гражданам, живущим на таком далеком расстоянии от обычного места пребывания двора. До нас дошли написанные в камне указы (псефизмы), принятые народным собранием Птолемаиды и составленные в обычных формулировках греческой политической традиции: «Так постановил совет и народ; предложил Гермас, сын Дореонта, из дема Мегистея; тогда как пританеи, которые были товарищами Дионисия, сына Мусея, в восьмой год» и т. д.

Имена граждан Птолемаиды – настоящие греческие имена. Разумеется, они тоже, как «александрийцы» и жители Навкратиса, не вступали в браки с египтянами. Очевидно, что деревня Псои образовала туземный квартал в Птолемаиде, подобно Ракотису в Александрии, жители которого – египтяне не входили в число граждан города.

Граждане Птолемаиды также делились на филы и демы. Шубарт с большой долей вероятности показал, что названия демов в Александрии и Птолемаиде распределялись таким образом – предположительно усилиями двора, – что одно и то же название ни разу не повторяется в обоих городах. Однако это не относится к названиям фил. В Птолемаиде, как и в Александрии, была фила

Птолемаида. Однако, хотя названия демов Птолемаиды и отличались от названий демов Александрии, они выбирались по тому же принципу. Один из демов, входивших в филу Птолемаиду, был назван Береникий. Кажется, к этой же филе принадлежали и другие демы, названные именами членов царской семьи – Клеопаторий, Филотерий. Название «Мегистей», возможно, происходит от эпитета Птолемея I в культе – Megistos Theos Soter («Величайший Бог Спаситель»). «Гиллей» и «Караней» – из царской генеалогии. «Даней» взят из того мифологического цикла, в котором видели связь между Египтом и Грецией в доисторические времена.

Формально Птолемаида была свободным греческим полисом в союзе с царем Птолемеем, куда царь присылал послов, которых город принимал с общественными почестями^[194]. Птолемаида сносилась непосредственно с двором и не подчинялась стратегу Тинисского нома и эпистратегу Фиваиды, хотя тот, возможно, часто жил в Птолемаиде. На самом деле конечно же Птолемаида полностью находилась под властью царя. Один из способов обеспечения такой власти – отдать главные городские посты царским чиновникам, как, по-видимому, и происходило в II веке до н. э. и после. Эпистратег Фиваиды Каллимах также был и главным пританом и гимнасиархом Птолемаиды^[195]. Лисимах, который появляется в одной надписи в качестве «пожизненного притана», а в другой как грамматей совета, также занимает пост гиппарха царской армии^[196].

Надписи III века до н. э. из Птолемаиды показывают нам город, который избирает собственных магистратов и судей и меняет городское устройство по собственной воле. Однако Птолемаида не имела права чеканить собственную монету. Во второй половине II века до н. э. там, по всей видимости, находился главный гарнизон царских сил в Верхнем Египте. У нас есть письмо времен правления Птолемея Авлета (март 75 г. до н. э.), направленное царским двором в город Птолемаиду (видимо, пританам) и сообщавшее им, что царь жалует привилегию асиии (неприкосновенности) храму Исиды, возведенному эпистратегом Каллимахом на территории Птолемаиды^[197]. Это показывает, что власти самого города не могли жаловать подобные привилегии храмам на своей же территории.

Птолемаида имела собственный культ, или систему культов, представителей царской династии. Самые древние имеющиеся у нас

источники по этому вопросу относятся к царствованию Птолемея IV Филопатора, и в них мы видим ежегодного «жреца Птолемея Сотера и богов Филопаторов» (то есть правящих царя и царицу). Документы в Фиваиде датируются по именам и жрецов Александра, и царей и цариц из династии Птолемеев, правивших в Александрии (как и документы во всем царстве), и этих жрецов в Птолемаиде (в отличие от других регионов). Плауманн предположил, что эпонимное жречество в Птолемаиде было нововведением Птолемея Филопатора, но вдобавок там существовал и отличный от него городской культ Птолемея I как «Бога Спасителя» или «Великого Бога Спасителя» (без упоминания его собственного имени), и этот городской культ уходил корнями к Птолемею I, когда тот еще был жив. Предположение об этом самостоятельном городском культе Плауманн построил на слишком шатких доказательствах, но представляется априори вероятным и даже точным, что в Птолемаиде с самого начала должен был существовать культ ее основателя. Если Родос еще при жизни Птолемея I ввел у себя его культ как Бога Спасителя, то собственный город Птолемея едва ли мог от него отстать. Отвечая на вопрос о том, продолжал ли существовать самостоятельный городской культ основателя и после введения эпонимного культа царем или нет, мы должны отметить, что в имеющихся в нашем распоряжении источниках содержатся сведения, благодаря которым мы можем поддержать вторую версию.

В эпонимном культе Птолемаиды происходили последующие изменения:

1. При Птолемее V Епифане эпонимный жрец называется «жрец Птолемея Сотера и Бога Епифана Евхариста».

2. Добавляется канефора (жрица) Арсинои Филадельфии в 23-й год правления Птолемея V (183–182 до н. э.) или позже.

3. При Птолемее VI Филометоре (еще в 179–178 до н. э.) «жрец царя Птолемея и Клеопатры-матери» добавляется к «жрецу Птолемея Сотера и Бога Епифана Евхариста» – теперь в отправлении культа участвуют два жреца, а не один.

4. Между 161 и 148 годами до н. э. вводится совершенно новая система. Каждый Птолемей теперь имеет собственного ежегодного жреца. Список начинается с Птолемея I, затем идет правящий царь (Филометор), потом Птолемей II и т. д.: такой-то и такой-то является жрецом Птолемея Сотера, такой-то является жрецом царя Птолемея

Бога Филометора, такой-то является жрецом Птолемея Филадельфа и т. д.; и, вероятно, такой порядок сохранялся до конца династии, причем список становился все длиннее и длиннее; но наших данных недостаточно, потому что по мере того, как список становится очень длинным, у писцов не хватает терпения записывать все целиком при датировке документов, и они начинают писать просто «те жрецы и жрицы в Птолемаиде, которые были таковыми» (τῶν ὄντων καὶ οὐσῶν).

5. При Птолемее VII Эвергете странным образом новый жрец называется «жрецом Золотого Трона царя Птолемея, Бога Благодетеля, Великого Царя, их собственного Евхариста» и следует третьим после жреца правящего царя.

6. Жрицы (иереи) Клеопатры I, Клеопатры II и Клеопатры III последовательно прибавляются к канефоре Арсинои Филадельфии.

Прежде чем мы покинем Птолемаиду, стоит заметить, что эта отдаленная греческая община активно разделяла интерес греческой культуры к театру. Уже в правление Птолемея II мы находим, что в Птолемаиде находится своего рода «штаб-квартира» гильдии актеров («артистов, приверженных Дионису») под патронажем Богов Адельфов^[198].

Мемфис

Помимо трех греческих городов, давайте взглянем на древнюю египетскую столицу, где находился царский дворец (возможно, Птолемеи все еще пользовались старым дворцом фараонов) и царские сады^[199] (ὁ βασιλικὸς κῆπος). Мемфис, хотя это был преимущественно египетский город с великим храмом Птаха (которого греки звали Гефестом), теперь носил более-менее космополитический характер. Даже до прихода Александра там уже были группы греков и карийцев – наемников или потомков наемников, – которые обосновались в Мемфисе еще при египетских царях. Они назывались эллиномемфитами и каромемфитами и, вероятно, женились на египтянках. Как и в Навкратисе, центр этого греческого или полугреческого сообщества сформировался вокруг храмового комплекса, называемого Эллениионом. При Птолемеях он, возможно, представлял собой политевму с неким общинным самоуправлением и судьями, которые назывались тимухами (хотя это основывается на довольно предположительном толковании одного письменного источника). Видимо, разные народности в Мемфисе селились по отдельным собственным кварталам. Кроме греческого и карийского квартала, в папирусах, датированных периодом эллинизма, упоминаются сиро-персидский и финикийско-египетский кварталы^[200]. Из надписи II века до н. э. нам известна политевма идумейских охранников правопорядка в Мемфисе, которая собирается для принятия резолюции «в верхнем храме Аполлона»^[201]. Несомненно, все эти разные люди принесли в Мемфис поклонение своим национальным божествам. Среди комплекса зданий на территории уже описанного Серапеума, располагавшегося рядом с Мемфисом, находилось святилище азиатской богини Астарты. Уже в V веке до н. э. Геродот рассказывал о культе Астарты («чужеземной Афродиты») в Мемфисе. Но Астарта почти перестала считаться чужеземной, так как много веков назад египтяне признали ее, отождествив с богиней Сехмет, дочерью Птаха.

Иноземцы – не греки

Греки (включая македонцев) составляли наибольший элемент в иноземном населении, хлынувшем в Египет при Птолемах, но мы видели, что в войсках Птолемея служили также многие представители других балканских народов (фракийцы, иллирийцы) и немалое количество азиатов. В Малой Азии эллинизация уже зашла так далеко, что в ту эпоху мизийцы, карийцы и ликийцы считались уже почти эллинами и обычно, разумеется, говорили и писали по-гречески. Галлы из Малой Азии, привезенные в Египет в качестве воинов, считались варварами^[202]. В своих малоазиатских поселениях они продолжали говорить на кельтском языке до римских времен.

Также существовало некоторое количество персов или людей, называвшихся персами в силу их происхождения. Общепринятыми считаются два положения: 1) что множество людей, которые называются в папирусах «персами», были таковыми лишь в воображении, хотя Прингсхайм оспаривает это мнение; 2) что в начале правления в Египте Птолемея там оставалось некоторое число настоящих персов – остатки персидского гарнизона, найденные там Александром. Большинство этих персидских воинов и их потомков могло служить в войске Птолемея и образовало категорию, в которую позднее стали фиктивно включать и неперсов. Подавляющее большинство упомянутых «персов» носили греческие и египетские имена, но у некоторых были иранские имена^[203], и, хотя негрек мог легко получить греческое имя, для неперса было бы необычно иметь персидское имя. Непропорционально большое количество «персов» среди воинов и детей воинов в эллинистическом Египте и их положение как отдельной категории в римские времена само по себе наводит на подозрение, что перед нами юридическая фикция. Мы располагаем некоторыми свидетельствами того, как в II веке до н. э. люди фиктивно относили себя к некоторым национальностям. Около 145 года до н. э. мы находим человека, который сначала называл себя «македонцем», потом «критянином»; а также у нас есть один «перс» в 115 году до н. э., который в 103 году до н. э. превращается в «мизийца». Лекье предложил объяснение, которое объединяет эти

сомнительные национальности с политевмами, существовавшими, как известно, у некоторых народов. Воины, принадлежавшие к одной и той же иноземной народности, в царстве Птолемеов иногда составляли добровольную ассоциацию, называвшуюся политевмой, которая вела некоторую общественную жизнь. Помимо политевмы идумеев, о которой уже говорилось выше, у нас есть политевма критян и политевма беотийцев^[204]. Возможно, предполагает Лекье, воины других народностей позднее стали допускаться в такие ассоциации и, пока они к ней принадлежали, фиктивно принимали национальность идумеев, критян или кого бы то ни было; возможно также, что существовала политевма персов, из-за которой и появилось новое число фиктивных персов, о чем мы говорили. Мы встречаем людей, которые определенно называются «евреями, персами из эпигонов»^[205], а также мы уже упомянули «персидского» всадника конницы, служившего при Товии в стране аммонитов, чей отец имел еврейское имя Анания. Однако, вопреки теории Лекье, у нас нет свидетельств существования персидской политевмы, и эта теория не может объяснить, почему так необычайно часто встречаются эти «персы». Более поздние исследования указывают на то, что фиктивная персидская национальность была связана с некоторыми ограничениями правоспособности персов в эллинистическом Египте. Похоже, что персидский должник не имел той же защиты от поспешного ареста, которая была у европейского переселенца. Если это так, то мужчина или женщина, вынужденные обстоятельствами взять деньги в долг, могли фиктивно принять персидскую национальность, чтобы дать кредитору дополнительные гарантии^[206]. Почему персы находились в таком ущемленном положении, это остается под вопросом. Как предполагает Весс, это происходило потому, что в дни персидского правления они осквернили храмы, и поэтому впоследствии им отказывали в привилегии убежища под защитой храма. Гораздо более вероятной мне кажется теория Прингсхайма: это объясняется желанием подчеркнуть тот факт, что бывшая правящая каста Египта уже не была таковой. В любом случае, если перс поступал на службу в войско, его статус переставал быть ущемленным; персидский воин, по всей видимости, находился в том же положении, что и македонские и греческие. Однако до сих пор неясно, как обстояло дело с этими «персами». Непонятно, почему сын

Анании уже в 259–258 годах до н. э. назван «персом». В других случаях фиктивные национальности, кажется, появляются не раньше II века до н. э.

Арабские кочевники восточной пустыни в те времена, как и сегодня, проникали небольшими группами на возделанные земли Нила. Греки называли всю территорию восточнее Нила Аравией, и там действительно, вероятно, располагались деревни с арабскими жителями, которые променяли кочевую жизнь на оседлую жизнь земледельцев. Во всяком случае, одна такая деревня под названием Поис, находившаяся в мемфисском номе, упоминается в письме от 20 сентября 152 года до н. э., которое посылают двое ее жителей своему другу^[207]. Письмо написано по-гречески; для написания арабам пришлось прибегнуть к помощи молодого македонца Аполлония, так как они, по-видимому, даже не сумели его подписать. Аполлоний записывает их имена как Мирулла и Халба, первое вероятно, а второе наверняка семитское. Век спустя мы слышим об арабах уже западнее, в Фаюме, подчинявшихся собственному вождю и в основном служивших пастухами в поместье диойкета Аполлония; но эти арабы носят греческие и египетские имена.

Самым значительным чужеродным элементом после греков были евреи. В христианскую эру евреи в Египте насчитывали около миллиона среди всего населения численностью около семи с половиной миллионов душ. В нашем представлении современные евреи – главным образом финансисты и торговцы. Но в те дни они еще не приобрели никакой особой репутации в торгово-финансовой сфере. Несомненно, что александрийские евреи, как и александрийские греки, занимались разнообразными видами торговли и ремесла, но большинство евреев в Египте оказались там в качестве солдат. Восстание Маккавеев и войны хасмонеицких царей доказали, какими грозными воинами могут быть евреи. В элефантинских папирусах, написанных на арамейском языке, содержится описание еврейских воинов персидского царя, обосновавшихся у первых порогов задолго до того, как в Египет явился Александр. Возможно, полуязыческие еврейские общины подобного рода ассимилировались и прекратили существовать в качестве отдельного национального элемента еще до окончания персидского периода, но представляется вероятным, что, когда страну занял Птолемей I, еврейский элемент существовал в

Египте. Сэр Ф. Питри ссылается на еврейскую гробницу напротив Оксирина, открытую в 1922 году, на которой вырезана длинная надпись на арамейском языке, относящаяся к середине V века до н. э. (The Jews in Egypt. P. 27). Как бы то ни было, когда Птолемеи включили в свое царство Палестину, за этим естественно последовал новый приток иммигрантов из Иудеи в Египет. Это были не только добровольные переселенцы. Считая евреев хорошим материалом для армии, Птолемей I перевез их в Египет целой массой – 100 тысяч, как сообщает Псевдо-Аристей и уточняет, что Птолемей поставил 30 тысяч из них «в гарнизонах» – то есть, как понимаем мы, поселил их на земле, так же как греков и македонцев. В надписях и папирусах это еврейское население сел Египта так или иначе упоминается на протяжении всего эллинистического периода^[208]. Египетские евреи говорили по-гречески; через несколько поколений иммигранты из Палестины забывали семитский язык^[209]. Свои священные писания они знали только в греческом переводе, который мы называем Септуагинтой, так как, по преданию, его сделали семьдесят переводчиков при Птолемеи II. Поскольку считалось, что семьдесят переводчиков были вдохновлены свыше, то у египетских евреев не было необходимости учить оригинальный древнееврейский язык. На самом деле Ветхий Завет переводился в Египте небольшими фрагментами в последние три века до начала христианской эры. По первому варианту легенды, семьдесят переводчиков перевели не весь Ветхий Завет, а только пять книг Торы, и, вероятно, греческий вариант Торы потребовался египетским евреям еще в правление Птолемея II. В правление более поздних представителей династии для любого правителя или претендента на власть в Египте имело большое значение, удалось ли ему привлечь на свою сторону евреев.

Были ли александрийские евреи включены в число граждан Александрии или нет, это, как уже говорилось выше, вопрос спорный^[210]. Кажется, на самом деле он упирается в терминологию – что имеется в виду под словом «граждане». Евреи определенно имели некоторые особые привилегии, в силу которых они могли претендовать на то, чтобы считаться гражданами Александрии, хотя при этом у них отсутствовали обычные характеристики граждан, и это отсутствие могло дать греческим александрийцам основание отказать им в праве именоваться гражданами. Будучи общиной, они имели в Александрии

такую долю самоуправления, которой не было даровано ни одной другой общине греческого полиса. Их глава в римские времена (возможно, и в период эллинизма тоже) носил титул генарха^[211] или этнарха^[212]. В римскую эпоху руководство общины было представлено в сенате (герусия), и это также, возможно, уходит корнями в более ранний период. Видимо, архонты представляли их в сенате. Однако единственный титул предводителей общины, о котором у нас есть документальные свидетельства, относящиеся к эллинистическому периоду, – это старейшины (пресвитеры)^[213].

Еврейский район Дельта примыкал к дворцовому кварталу на северо-востоке и спускался к морю. Так как он находился за гаванью, то недоброжелатели евреев могли презрительно звать его жалким захолустьем, а евреи в ответ могли возразить, что набережная и близость к царскому дворцу делают место приятным и почетным^[214]. Это не было гетто, так как евреев никто не принуждал селиться в квартале Дельта; многие, кстати говоря, жили в других частях города. Но Дельту в основном населяли евреи, которые собирались там по собственной воле, как, например, сегодня в некоторых районах Лондона.

Естественно, для столь многочисленной общины в Александрии действовало несколько синагог. Главная александрийская синагога в римские времена была одной из самых грандиозных в империи. Она представляла собой великолепное здание в стиле греческой базилики, с гордостью описанное в Талмуде и столь огромное, что голос чтеца не достигал дальних рядов зала, так что посередине него приходилось ставить человека с флажком, чтобы подавать знак, когда пора говорить «аминь». Но у нас есть упоминание о синагоге в Александрии в эпоху эллинизма – построенной от имени знаменитой Клеопатры и Птолемея Цезаря «великому богу, который слышит» неким Алипом, несомненно богатым членом еврейской общины^[215].

Все эти народы должны были принести с собой в Египет культы своих национальных богов. В папирусах упоминается культ сирийской богини^[216] и культ финикийского Адониса^[217]. Одна из надписей была сделана по заказу жреца, который посвящает святилище фригийскому Агдистису^[218]. В Фаюме III века до н. э. находится храм Митры, безусловно построенный персами^[219]. Кроме того, там отправлялся

культ фракийского бога-всадника Герона, ставший наполовину египетским^{[\[220\]](#)}.

Фаюм

Одним из величайших достижений в правление второго Птолемея было отвоевание новых больших территорий земли для обработки и заселения в Фаюме. Это современное арабское название низины шириной около 30 миль с севера на юг и длиной 40 миль с запада на восток, которая лежит на западе от нильской долины, отделенная от нее пограничными холмами. Однако между этими холмами есть проход рядом с современным Иллахуном, через который рукав Нила, ответвляющийся на запад у Асьюта, может попасть в низину и заполнить ее до уровня Нила. Поэтому в период правления первых египетских династий большая часть низины внешне представляла собой естественное озеро, уровень воды в котором поднимался и опускался вместе с рекой и по берегам которого теснились поселки египетских рыбаков. Фараоны 12-й династии очень заинтересовались этим озерным краем; он стал излюбленной царской резиденцией, и, вероятно, царь этой же династии, названный в сочинении Геродота именем Моэрис, построил большую дамбу с мощными шлюзами поперек прохода в холмах, через который река впадала в низину, и таким образом отрегулировал приток и отток воды, чтобы уберечь жителей низины от разрушительных наводнений, а стране дать водохранилище на то время, когда уровень воды в Ниле понижается. В V веке до н. э. Геродот посетил эти места и увидел обширную водную гладь – озеро Моэрис, как назвали его греки впоследствии. В те дни оно наполняло низину примерно до того места, где теперь находится столица провинции Мединет-эль-Фаюм, а тогда стоял египетский город Шедет. Жители приозерья поклонялись своему божеству – богу-крокодилу Себеку, который в иероглифике изображался с крокодильей головой. Крокодилы были для них священными, и одного крокодила держали в Шедете в качестве воплощения Себека. Жрецы украшали его драгоценными камнями и кормили, как и священного быка Аписа, который содержался в Мемфисе как воплощение Хапи. Когда Птолемеи заняли Египет, великое озеро все еще было на своем месте. Шедет греки переименовали в Крокодилополь, «город Крокодилов». Но когда греки увидели, что это прекрасная плодородная земля по ту сторону от окружающих Нил бесплодных холмов, они сочли

возможным осушить большую часть воды в низине и отвести обнажившиеся широкие участки новой удобренной почвы под сельскохозяйственную обработку. Это был подвиг, достойный великого царя. Кроме того, Птолемей, как мы видели, следуя своему плану создания искусственной Македонии в Египте, получил бы здесь свободную землю для своих греко-македонских военных поселенцев, где они могли бы сформировать ядро жителей и где не нужно было бы для этого выселять египтян. Греческие инженеры при Птолемеях I и Птолемеях II взялись за работу над проектом, и через несколько лет там, где лишь недавно была водная гладь, раскинулись хлебные поля с новыми деревнями и поселками. Площадь озера уменьшилась более чем в два раза, и теперь оно покрывало только северную, самую глубокую часть низины, где и по сей день стоит вода в Биркет-эль-Карун, хотя она стала солоноватой и непригодной для питья, так как начала усиленно испаряться из-за уменьшения объема. На земле, отвоеванной Птолемеями II у озера, до сих пор простираются поля и стоят деревни египетской провинции Эль-Фаюм.

Слово «Фаюм» – это арабская транскрипция египетского (коптского) названия, означающего «озеро», и первое название, которое греки дали этому отдаленному ному, было простым переводом египетского названия – Лимне, что означает по-гречески «озеро»^[221]. Хотя рабочие, как и везде, в основном были коренными египтянами, «Озеро» представляло собой более греческую провинцию, чем все остальные провинции Египта. Греческим поселенцам она даже казалась больше похожей на их родину, поскольку там хорошо прижились оливковые деревья, не принявшиеся в остальных частях страны. Ни одна другая провинция Египта не дала современному археологу более богатого урожая греческих папирусов, чем Фаюм. И не только потому, что большая часть тамошнего населения писала по-гречески, но и потому, что города на границе пустыни довольно быстро оказались заброшены, как только во время упадка римской империи прекратилась ирригация и началось наступление пустыни, и все отходы были быстро засыпаны слоем нанесенного песка.

Названия приозерных городов в основном были греческими, и некоторые из них были явно даны в честь представителей царской фамилии при Птолемеях II. Собственное имя царя сохранилось в Птолемаиде-Гормос (Гавань), располагавшейся на берегу отходящего

на запад рукава Нила непосредственно перед тем, как он впадает через холмы в низину, вероятно в районе современного Иллахуна. Это был порт, через который провинция сообщалась с водными путями Нила: зерно из «Озера» там грузилось на суда и перевозилось в Александрию. Прозвище царицы Арсиной Филадельфии снова появляется в Филадельфии (современный Рубайят), а родственные отношения божественных царя и царицы отразились в Теадельфии (Харит). Сестра царя Филотера дала свое имя Филотериде (Вадфа); особая связь царского рода с Дионисом отражена в Вакхии (Умм-эль-Атль) и Дионисии (Каср-Курун?). В конце царствования Птолемея II весь ном был переименован в честь великой царицы. Вместо «Озера» он превратился в Арсиноитский ном. Его столица, город Крокодилов, была переименована, вероятно, в период позднего эллинизма, в Птолемаиду-Эвергетиду (в честь Эверге-та II)^[222], но в римские времена обычно звалась «городом Арсиноитского нома». Кроме уже упомянутых городов, чье местонахождение установлено, в провинции были и другие с такими же или похожими названиями. Там было по меньшей мере пять деревень, называвшихся Птолемаидами. Была еще одна Филотерида; две деревни Арсиной; две деревни Береникиды; деревня, называвшаяся «город Афродиты Береники», две деревни с названием Филопатор; Лисимахис; Магаис. Некоторым местам даны названия, образованные от имен греческих богов – Гефестия, город Латоны, Афинас, город Гермеса, Ареос, Гераклея, Полидевкия, или от имен греков – селение Евкрат, селение Филоксен, Андрوماхида, Архелаида, или просто греческие названия на добрую удачу – Эвемерия (современный Каср-эль-Банат). Множество населенных пунктов имеют египетские названия (которые мы знаем в греческой транскрипции) – Керкесуха, Керкеосирис, Псеуарион и т. д., – некоторые из них соответствуют названиям великих египетских городов за пределами Фаюма – Мемфис, Атрибис, Мендес, Бубастис, Танис (названный, как предполагает Ростовцев, в честь родного города переселившихся туда крестьян); а несколько названий указывает на семитских поселенцев – Магдола (еврейское слово «мигдол», «крепость»), Ханаанис, деревня Самария. Арсиноитский ном в целом делился на три мериды (области) – мериду Полемон на юге, мериду Фемист на западе и мериду Гераклида на севере и северо-востоке. Четвертая область меньшей величины, называвшаяся «Малым озером»

и упоминавшаяся в ранние времена, в поздние, видимо, вошла в мериду Гераклиду.

Уже отмечалось, что Птолемей видел в отвоеванной территории землю, на которой он мог поселить своих греческих и македонских воинов. Как интерпретирует имеющиеся данные Ростовцев, сначала грекам и македонцам давали надел, который состоял из части поля, уже приведенного в состояние, пригодное для посева зерновых, египетскими крестьянами («царскими земледельцами»), и части земли, еще неорошаемой, которую при дополнительном вложении сил можно было превратить в виноградник, фруктовый сад и огород.

Среди найденных папирусов есть множество фрагментов официальной переписки и документов двух главных инженеров, руководивших новыми ирригационными сооружениями в Фаюме при Птолемеях II и Птолемеях III. Первый из них – Клеон, второй – Феодор, они носили звание архитектонов, что в данном случае означает не архитектора в современном смысле, а инженера. Архитектон получал инструкции непосредственно от диойкета – к примеру, Клеон получал их от Аполлония. Вероятно, Клеон спроектировал обширную систему каналов, которая впоследствии стала питать новые угодья в Фаюме. Но его жизнь складывалась не очень гладко. По-видимому, он враждовал с неким Клеархом, скорее всего одним из своих подчиненных^[223]. У нас есть письмо от управляющего большим поместьем Аполлония, в котором содержатся угрозы в адрес Клеона, так как его работы в другой части провинции помешали ему побывать на каких-то ремонтных работах на канале в поместье великого диойкета^[224]. Когда Птолемей II сам посетил Фаюм, возможно, в 32-й год правления, Клеону пришлось выдержать царский гнев (πικρῶς σοι ἐχρήσατο)^[225]. Но он не потерял своего поста. Он по-прежнему оставался архитектоном в последний год правления Птолемея II. Однако у нас есть письмо, написанное, видимо, новым диойкетом сразу же после падения Аполлония, где он объявляет чиновникам Арсиноитского нома, что отныне архитектоном нома назначается Феодор^[226].

Двор

Двор Птолемея II едва ли уступал какому-либо иному в великолепии. Он, как любой другой монархический двор, представлял собой организованную иерархию должностных лиц от занимающих самые высокие посты, таких как главный егерь (архикинег), главный сенешаль (архедеатр), главный лекарь (архиатр), главные виночерпии (архиэнохи), до конюхов, привратников и подметальщиков. Однако великолепие двора сдерживали греческие художественные традиции; дворец Птолемея наверняка был домом не султана варваров, а великого грека, похожим на дома богатых афинян, только более пышным и просторным. Даже когда его внутреннее убранство с появлением евнухов приобрело восточные черты, его внешний вид остался греческим^[227]. В костюмах птолемеевского двора не было искусственной экстравагантности ни прежних восточных дворов, египетских или персидских, ни версальского двора XVIII века – никаких удушающих одеяний, скроенных по капризу моды и фантастически искажающих пропорции человеческого тела, а только простота греческого платья, либо не скрывающая формы тела в их натуральном виде, либо облегающая его покровами, которые легко облегали тело, позволяя наслаждаться красотой естественных складок ткани. Мужчины, во всяком случае, не носили никаких замысловатых головных уборов, ни тиар, ни тюрбанов, ни светских париков, но разве что повязку (диадему), которую греки – победители Игр повязывали себе на голову, или золотой венец в виде венка из листьев. Даже особые головные уборы, которые отличали царей, правивших этими эллинистическими дворами после Александра, не были коронами в современном смысле, а скорее лентой – этакой «диадемой». Только богатством ткани, цветом – первоклассным тирским пурпуром, – изысканностью вышивки платье царя или вельможи отличалось от костюма обычного греческого горожанина. Однако по торжественным случаям государственного значения царь облачался в македонский военный костюм, видоизмененную униформу, которую носили офицеры эллинистических армий: войлочную шляпу с широкими полями под названием каусия, небольшую удлиненную хламиду и

высокую обувь на шнуровке – крепиды. Это была всего лишь идеализированная одежда сельского помещика родом из Македонии, и более того, это был настоящий костюм, который греки обычно надевали для сельских занятий, охоты или путешествий. Конечно, официальная хламида царя должна была отличаться особым великолепием; в источниках сказано, что хламида Деметрия Полиоркета была вышита солнцем, луной и главными звездами. Когда царь надевал каусию, диадему повязывали вокруг ее тульи, так что концы свисали сзади. Безусловно, и сами Птолемеи, и александрийские вельможи все были чисто выбриты. Таков был общий обычай греческого мира после Александра, и его переняла римская аристократия в последнем веке до нашей эры – до тех пор, пока бороды снова не вошли в моду при императоре Адриане.

Архитектуру и обстановку дворца нужно представлять себе греческими. Следует ориентироваться на настенную живопись из Помпей, идиллические барельефы эллинистической эпохи, когда мы представляем их себе, а не на развалины фараоновских зданий. Колоннады, из которых Птолемеи смотрели на александрийскую гавань с лесом мачт под сверкающим египетским солнцем, почти наверняка были составлены из классических колонн, коринфских или ионических, а не из массивных колонн с капителями в виде цветков лотосов или верхушек пальм, характерными для Древнего Египта. Разумеется, при дворе говорили на греческом языке. Когда последняя Клеопатра выучила язык своих туземных подданных^[228], это считалось чем-то столь же выдающимся, как если бы королева Виктория выучила хиндустани. Такое впечатление, что в ближайшем окружении царской семьи македонский язык сохранился в некоторой степени в качестве национальной гордости – что-то вроде австрийского диалекта императоров Австрии, которые пользовались им в семейных разговорах между собой, хотя официальным языком австрийского государства был верхненемецкий. Богами, от которых, по преданию, дом Птолемеев вел происхождение, были Геракл и Дионис^[229]. Египетские жрецы, описывая царя Египта в иероглифических храмовых надписях, могли, как и раньше, называть его сыном Ра, но Птолемеи не понимали египетского или, если даже и знали египетские формулировки в переводе, довольствовались тем, что позволяли египтянам отдавать им обычные для фараонов почести.

Неужели в александрийском дворце не было ничего египетского, ничего, что помогло бы нам понять, если бы мы вдруг перенеслись туда, что мы находимся в Египте, а не во дворце одного из первых цезарей Рима? Вероятно, там все-таки были вещи, которые могли бы показать нам, что мы попали в Египет. Среди толпы придворных в греческом платье, солдат в македонской форме, несомненно, часто встречалась бы фигура египетского жреца в белом льняном одеянии и с бритой головой. Они приезжали в Александрию, чтобы испросить милость Птолемея к своему храму или пожаловаться на какое-нибудь ущемление привилегий жрецов со стороны греческих чиновников. Помимо жрецов, богатые египтяне, скорее всего, наверняка одевались бы как греки – во всяком случае, те, кто занимал должность при дворе или на государственной службе – и были бы неотличимы от греков, если бы не смуглое лицо. И хотя интерьер дворца и других греческих домов Александрии был преимущественно греческим, несомненно, тут и там в него были бы включены египетские мотивы. Мы встречаем их в более позднем греческом искусстве, и они могли проникнуть туда через Александрию: сфинксы, не совсем те древние египетские, но преобразованные более реалистическим эллинским искусством; фигуры Исиды с систрами, но больше уже не подчиняющиеся строгим египетским условностям – более естественные, а порой, надо сказать, и довольно вульгарные^[230].

Когда был основан птолемеевский двор – иноземное заведение в среде, с которой у него не было родовых связей, – он не мог опираться, в отличие от других монархических дворов, на наследственную аристократию. Знатность при таком дворе определялась по официальному званию, пожалованному царской милостью отдельным людям. Старая помещичья знать Македонии, из которой Александр выбрал своих военачальников, слишком перемешалась с разнообразными иными элементами в тех странах, где правили преемники Александра, чтобы по-прежнему существовать там как отдельное сословие. Возможно, при дворе первого Птолемея члены знатных македонских родов все еще пользовались особым влиянием и престижем, но он должен был в кратчайшие сроки создать бюрократическую иерархию Египта из любых подручных греческих элементов – ловких авантюристов со всех греческих городов, эллинизированных карийцев и ликийцев. Несомненно, что со

временем некоторые греческие семьи, обустроившиеся в Египте, стали бы пользоваться особым влиянием, когда сановники на высоких постах обеспечили бы эти посты своим сыновьям, а сыновья – внукам.

Ростовцев приводит в пример род Хрисерма^[231]. Хрисерм, сын Гераклита, гражданин Александрии, был экзегетом, главой лекарей, и эпистатом Музея при Птолемеях III. Его сын по имени Птолемей состоял на дипломатической службе при Птолемеях IV. Сыновья этого Птолемея и один из его внуков отправились послами в Дельфы в 188 и 185 годах до н. э. при Птолемеях V.

Птолемеи сохранили в Египте один из институтов прежнего македонского царства, существовавший в те дни и при других эллинистических дворах, а именно обычай воспитывать избранных мальчиков при царском дворе под покровительством монарха вместе с отпрысками самого царского рода^[232], который, вероятно, поднимал престиж некоторых семей в обществе. Их называли *paides basilikoi*, и в дальнейшей своей жизни уже взрослый мужчина, который в детстве был одним из этих мальчиков и товарищем человека, теперь сидевшего на троне, мог назвать себя царским синтрофом – сотрапезником. Видимо, такое же число девочек воспитывалось вместе с маленькими царевнами. Возможно, титул трофея (кормильца) царя, который, как мы видим в источниках, носили некоторые люди при птолемеевском дворе (как и при других эллинистических дворах), означает, что упомянутое лицо занималось воспитанием этих детей вместе с наставлением маленького царевича, который впоследствии становился царем^[233].

Обычно двор пребывал в Александрии, но, когда царь отправлялся в поездку по Египту, двор переезжал вместе с ним. Резиденция Птолемеях позднего периода какое-то время находилась в Мемфисе. Иногда, по случаю праздников, двор, по-видимому, перебирался из Александрии в Каноп. В папирусе из архива Зенона упоминается, что двор находился в Канопе в день рождения царя, и Вилькен указывает, что собрание египетских жрецов в Канопе, на котором они приняли Канопский декрет (237 год до н. э.), могло быть связано с тем, что они были обязаны ежегодно являться на побережье и отдавать почести царю в день его рождения^[234].

Музей и библиотека

По всей видимости, первый Птолемей заложил знаменитый Музей недалеко от александрийского дворца. Конечно, в те времена слово «музей» означало не то, что означает теперь; оно еще имело первоначальное значение – храм муз. Обычно философские школы были организованы в некотором роде по модели религиозного братства, сплачивал их членов культ какого-либо божества. В пифагорейских школах им был культ муз. В Афинах существовал «Музей», связанный со школой перипатетиков, где сохранялась библиотека Аристотеля. Идея организовать в Александрии «Музей» с прикрепленной к нему библиотекой вполне могла появиться сначала у Деметрия Фалерского. Это должен был быть своего рода университет, построенный по образцу афинских философских школ. Литераторы и эрудиты, носившие звание «товарищей Музея», получали бесплатное питание и освобождались от уплаты налогов^[235]. Таким образом Птолемеи надеялись привлечь в Александрию выдающихся людей со всего остального греческого мира. При втором и третьем Птолемеях блестящее общество ученых и поэтов действительно собралось при александрийском дворе. В III веке до н. э. первенство в философии и социальной комедии все так же принадлежало Афинам, но главным центром филологии, науки (медицины, географии, математики) и поэзии была Александрия.

В тесной связи с Музеем была создана крупнейшая из существовавших в мире библиотека, в которой хранились произведения, написанные на греческом языке. Отдельные люди или тираны, например Клеарх из Гераклеи, еще до Александра собирали свитки, посвященные интересующим их темам. Еврипид собрал библиотеку, которая в Афинах своего времени считалась значительной, и у Аристотеля была библиотека, насчитывавшая, возможно, несколько сотен папирусных свитков. Но ни у одного не было таких ресурсов для создания библиотеки, которые имелись у греческого царя Египта. В Александрию свозились рукописи со всего греческого мира. В историях, которые потом рассказывали об этой масштабной книгодобыче, даже если они и неправдивы, определенно сохранилась

память о том рвении, с которым первые Птолемеи занялись этим делом. Согласно одному преданию, Птолемеи III попросил у Афин дать ему на время свитки, находившиеся в государственной собственности и содержавшие официальные тексты пьес Эсхила, Софокла и Еврипида, под предлогом копирования для Александрийской библиотеки. Птолемею пришлось оставить залог в 15 талантов в качестве гарантии, что драгоценные свитки будут возвращены. Однако он не вернул афинских свитков, а в Афины отослал копии. Конечно же 15 талантов он лишился^[236].

Цец приписывает самому Каллимаху утверждение, что во времена Птолемея III Александрийская библиотека насчитывала 400 тысяч «смешанных» свитков и 90 тысяч «несмешанных». Под «несмешанными», вероятно, понимались свитки, содержавшие единственное сочинение (или одну «книгу» сочинения, разделенного на несколько «книг»); а под «смешанными» свитками понимались папирусы, на которых были записаны два и больше сочинений. В Серапеуме была создана (Цец сообщает, что ее основал Птолемей II) вспомогательная библиотека (называвшаяся «дочерней» или «внешней» библиотекой), в которой хранилось 42 800 свитков. Берт утверждает, что многие из этого полумиллиона свитков наверняка были копиями одних и тех же рукописей, так как общее количество трудов, написанных к тому времени греческими авторами, не достигло бы такого количества. (Жившие в то же время философы Эпикур и Хрисипп, как говорят, оставили после себя сочинений один на 300 свитков, а другой на 705; но, видимо, это считалось из ряда вон выходящим.) Поэтому представляется вероятным, что Александрийская библиотека служила не только справочной библиотекой для ученых и учащихся, но местом, где изготовлялись и хранились копии свитков на продажу^[237]. Поэтому главный библиотекарь, носивший греческий титул «поставленный над великой библиотекой Александрии» (τεταγμένος ἐπὶ τῆς ἐν Ἀλεξανδρείᾳ μεγάλης βιβλιοθήκης), также совмещал обязанности редактора и издателя. Первым библиотекарем был Зенодот Эфесский, великий филолог того времени, и занимал он эту должность с конца правления Птолемея I до 245 года до н. э. или еще дольше. Главным его трудом была работа над текстом Гомера. Организовывать и каталогизировать сочинения поэтов-драматургов Зенодоту помогали два современных ему поэта –

Александр Этолийский и Ликофрон Халкидский; Александр занимался трагедиями, а Ликофрон комедиями. (До нас дошла поэма Ликофрона «Александра», на редкость непонятная.) Вторым руководителем библиотеки, вероятно, был поэт Каллимах Киренский; но хотя точно известно, что одним из трудов Каллимаха был большой аннотированный каталог книг библиотеки под названием «Таблицы (Pinakes) тех, кто прославился во всех областях знания», насчитывающий до 120 папирусных свитков, тем не менее то, что он действительно занимал пост главного библиотекаря, вызывает сомнения. Примерно в 253 году до н. э. библиотекарем стал Эратосфен Киренский, человек выдающихся знаний, литературных и научных, особенно в сфере географии и хронологии. Птолемей III поручил ему образование наследного царевича, которому суждено было обесчестить своего старого учителя после восшествия на трон под именем Птолемея Филадельфа. Эратосфен пережил Филадельфа и умер около 195 года до н. э. в возрасте более восьмидесяти лет. На посту библиотекаря его сменил Аристофан Византийский, который продолжил работу Зенодота по изучению Гомера. В основном Аристофан занимался греческими поэтами, также он дополнил «Таблицы» Каллимаха. Затем, около 180 года до н. э., Аристофана сменил еще один великий специалист по Гомеру Аристарх Самофракийский. Как и его предшественнику Эратосфену, Аристарху было поручено образованием царских отпрысков – возможно, молодого Птолемея Филадельфа и его брата, будущего Эвергета II, а позднее сына Филадельфа. Видимо, он относился к числу тех греческих литераторов, которые после смерти Филадельфа были вынуждены покинуть Александрию, так как они были сторонниками покойного царя, и потому Эвергет считал их врагами. Аристарх умер на Кипре в 145 году до н. э. или вскоре после того. После Аристарха, в дни упадка, великую библиотеку уже не возглавляли люди равного достоинства. Надпись сохранила для нас имя одного из библиотекарей – Онесандр, вероятно, он был киприотом и жил при Птолемеях VIII (Сотере II) ^[238].

В связи с интересом Птолемея к эллинской культуре, который проявился в учреждении Музея, можно отметить факт, известный нам из папируса ^[239], что учителя и педотрибы (гимнастические тренеры

юношей) освобождались от уплаты некоторых налогов — так же, как победители эллинских игр в Александрии.

Государственный культ царя и царицы

При втором Птолемеи государственный культ правителей получил дальнейшее развитие. Одним из первых действий Птолемея II было объявление отца и матери богами и строительство храмов для поклонения им. Как мы уже видели, некоторые греческие государства и отдельные люди поклонялись Птолемею I как «Спасителю» еще при его жизни. Нововведение заключалось в том, что его культ теперь был официально установлен в Египте царским указом. По распоряжению царя были построены святилища, где поклонялись Птолемею I и Беренике, осуществляя воскурения и совершая жертвоприношения быков. Располагались они, вероятно, неподалеку от места, где рядом с гробницей Александра Семой покоились тела царя и царицы. Прозвище, данное Птолемею родосцами, навечно стало его эпитетом как бессмертного божества. Он и Береника были объединены вместе как «Боги Спасители» (Θεοὶ Σωτῆρες). Мы знаем, что поклонение умершим как «героям» не было чем-то новым для греков; обожествление недавно умершего человека мы видели в случае Александра Македонского; но Феокрит утверждает, что Птолемей II был первым, кто обожествил и учредил культ своих покойных родителей.

В честь обожествленного Птолемея Сотера в Александрии проходило празднество с играми – Птолемеи. Оно отмечалось каждые четыре года, как Олимпийские игры; и так же, как на великие греческие игры, греческие города-государства присылали из-за моря своих феоров (посланцев) и атлеты съезжались на состязания из многих греческих стран. Вероятно, впервые празднество было учреждено в июне или июле 278 года до н. э., в четвертую годовщину со дня смерти первого Птолемея. Знаменитое описание праздничной процессии в Александрии^[240], сделанное Калликсеном, почти наверняка относится ко второму празднеству в 274 году до н. э., когда обожествленная Береника была связана со своим супругом. «Подробности столь многочисленны и столь часто описаны в других местах^[241], что здесь достаточно лишь оценить общий характер зрелища... В целом празднество отличается явно вакхический характер.

Оно весьма напоминает нам поэтическую историю триумфального возвращения Александра через Карманию в Вавилон после того, как он спасся от ужасов Гедросийской пустыни... В общем во всей этой пышности не чувствуется египетского духа, за исключением мелких деталей, как то, что у некоторых позолоченных колонн банкетного зала были цветочные капители, но и это вполне может соответствовать дионисийским мотивам в орнаменте. Если исключить экзотические вещи, ввезенные из Нубии и Эфиопии, слоновую кость, жирафов, антилоп, бегемотов и тому подобное, то во всем мероприятии не останется ничего египетского. Такое впечатление, что перед нами эллинский царь, который потратил миллионы на эллинский праздник» (М.). Калликсен пишет, что празднество «в тот раз» (τότε) состоялось в середине зимы. Чтобы согласовать это утверждение с версией, по которой обычно праздник отмечался в июне–июле, Эрнст Мейер высказывает предположение, что в 274 году до н. э. он был отложен до середины зимы из-за проблем, возникших вследствие нападения Мага летом 274 года до н. э. [\[242\]](#)

Папирус Halensis сообщает нам название еще одного празднества с играми, отмечавшегося в Александрии при Птолемее II в честь Птолемея I, – Басилеи, – которое, вероятно, знаменовало принятие Птолемеем царского титула. Это празднество известно из аттической надписи в честь атлета Никокла, который на нем победил [\[243\]](#). Фрагмент с названием третьих Александрийских игр, упомянутых в папирусе Halensis, оторван; редакторы полагают, что они были устроены в честь Александра, обожествленного основателя города.

В последние годы жизни Арсиной египетский двор сделал еще один шаг к учреждению культа правящих царя и царицы. Правда, Птолемей II был обожествлен только через связь с богиней Арсиной, которая господствовала над ним при его жизни и чье прозвище Филадельфия народ позднее распространил и на него во II веке до н. э., когда понадобился какой-то способ выделить в перечне царей второго Птолемея, единственного представителя династии, не имевшего собственного прозвища. Птолемею II и Арсиное поклонялись вместе как «Божественным Брату и Сестре», «Богам Адельфам» (θεοὶ ἀδελφοί). Видимо, культ был учрежден еще до смерти Арсиной, так как самый древний найденный папирус, упоминающий ее, относится к июню 270 года до н. э. [\[244\]](#), а Арсиноя умерла не раньше июля 269 года

до н. э. Этот культ «Богов Адельфов» был связан с культом Александра в Александрии, и один и тот же жрец носил звание «жрец Александра и Богов Адельфов». Любопытно, что культ Богов Спасителей (Птолемея I и Береники) пока оставался отдельным, и до поры его жрец не упоминается в датировочных формулах. Геродот (I.30) сообщает, что Богам Адельфам в Александрии был воздвигнут особый храм.

Когда Арсиноя Филадельфия умерла в 269 году до н. э., ее культ как «богини Филадельфии» стал государственным и ей была назначена особая жрица, носившая звание канефоры (от слова *kaneon*, «корзина», которую жрица несла в ритуальной процессии). Имя канефоры Арсинои появляется в датировочных формулах текстов вместе с именем жреца Александра и Богов Адельфов с января 266 года до н. э. и позже. У Арсинои был отдельный храм в Александрии, в котором она отождествлялась с Афродитой под именем Арсинои Афродиты. Это первый известный нам в эллинистическом Египте случай, многочисленные аналоги которого мы находим не только в Египте эпохи эллинизма, но и в государстве Селевкидов и в Риме эпохи империи, – обычай отождествлять некоторых обожествленных людей со старыми античными богами^[245]. Что касается Арсинои Филадельфии, то, возможно, эта честь несколько теряет свое значение из-за того, что царская любовница Библистиха тоже отождествлялась в Александрии с Афродитой, о чем говорится в последней главе. Вероятно, Плиний имел в виду государственный храм Арсинои в Александрии, указывая, что в нем есть изображение Арсинои высотой в 4 локтя, вырезанное из топаза, и древний фараоновский обелиск на храмовой территории, который Птолемей специально привез из каменоломни, где тот лежал со времен Нектанеба^[246]. Схолиаст сообщает нам, что Птолемей также учредил культ своей второй сестры Филотеры^[247], но маловероятно, что он имел такую же важность, поскольку никогда не использовался при официальной датировке документов.

Должно быть, в Александрии были многочисленные Арсиноэи, то есть святилища Арсинои^[248]. Страбон упоминает небольшое святилище (наиск) Арсинои на мысе Зефирион (рядом с современным Абукиром)^[249]. Надпись на плите из храма в Фиваиде гласит: «Сатир Арсиное, богине Филадельфии»^[250]. Вероятно, поклонение Арсиное

среди отдельных греков было особенно распространено в Фаюме, который носил имя Арсиноитского нома. В царствование следующего представителя династии мы встречаем воина, эллинизированного ливийца, который в своей последней воле завещает выстроить святилище, посвященное Беренике и Афродите Арсиное^[251].

Помимо греческого культа Арсинои, по приказу царя она почиталась во всех египетских храмах страны в качестве ассоциированного божества (*synnaos*). Иероглифические свидетельства существования этого египетского культа были найдены в Мендесе, Фивах, Саисе, Мемфисе, Гермонтисе и Фаюме^[252].

С официальным обожествлением правителей было связано произнесение их имен в царской клятве – присяге, обязательной при судопроизводстве во всем царстве. Позднее в царской клятве перечислялись все цари династии, начиная с царствующего: «Клянусь царем Птолемеем, сыном Птолемея и Арсинои, Отцелюбивых Богов, и Отцелюбивыми Богами, Богами Адельфами, Богами Благодетелями, Богами Спасителями, Сераписом и Исидой и всеми остальными богами»^[253]. Но при Птолемее II форма была проще: «Клянусь царем Птолемеем и Арсиноей Филадельфией, Богами Адельфами». Древнейший вариант клятвы из найденных до сих пор относится к 251–250 годам до н. э., он не является официальной клятвой и гласит: «Клянусь тебе деймоном царя и деймоном Арсинои»^[254].

Что касается обожествления Птолемеев, то пока остается неясным происхождение их официальных прозвищ, которыми они назывались в качестве богов (Боги Спасители и т. д.). Едва ли можно сомневаться, что сами правители решали, какое принять прозвище; однако такое впечатление, что в отдельных случаях царь официально принимал именование, которым его уже называли. Например, как мы уже знаем, Птолемея I первыми называли Сотером родосцы в качестве добровольного знака почтения. Иероним сообщает, что подданные восславили Птолемея III как Эвергета (Благодетеля) после того, как он привез в Египет захваченные изображения богов. Относительно Птолемея IV есть сведения, что он носил имя Филопатор еще до своего восшествия на престол, будучи наследником трона, хотя это кажется не слишком достоверным^[255].

Как уже говорилось, поклонение царям и царицам из династии Птолемеев, совершаемое греками в греческой форме, нужно отличать

от египетского культа, отправлявшегося в египетских храмах. Обожествление Арсинои повлияло на египетский культ главным образом в вопросе *аномойры*, о которой мы будем говорить подробнее в следующей главе.

Глава 5

Государственный строй

Бюрократия

Период эллинизма является промежуточным между эпохой правления в Египте фараонов и периодом, когда он был превращен в провинцию Римской империи. Вспомнив, что в Египте царствовали *иноземные* носители эллинистической культуры, мы будем вынуждены признать: восшествие на престол первого из Птолемеев положило начало новой эпохи, эпохи, в которую древний египетский народ окончательно утратил свою свободу – если свобода означает, что народом правят деспоты одной с ним национальности. С другой стороны, правившие в Египте монархи жили в этой же стране, а значит, египетское царство было свободным – оно не зависело от какой-либо внешней силы, и в этом смысле период эллинизма представляет собой последнюю главу истории Египта как суверенного государства.

Как видно из папирусов, в целом система управления, функционировавшая в Египте при Птолемах, несомненно, была уже установлена основными указами Птолемея II к концу его жизни. До некоторой степени она была связана с прежней фараоновской системой, хотя к тому времени, когда Птолемей I овладел страной, после многолетнего периода персидского правления, борьбы и восстаний в ней оставались лишь руины той древней системы. Египет уже не был тем, чем был в дни своего величия. «Его сельское хозяйство годами страдало от нерегулярной работы на берегах и каналах, от которых зависела жизнь и смерть Египта; его торговля почти целиком находилась в руках иноземцев, греков и финикийцев; его производство в основном монополизировали храмы и жрецы, доминировавшие в политической, общественной и экономической жизни страны»^[256].

При Птолемах греческие умы были вынуждены столкнуться с проблемой того, как заставить всю нильскую страну приносить прибыль. И система в том виде, в котором они ее постепенно сформировали, оказалась столь успешна, что не только римляне переняли ее в основных чертах, но некоторые ее остатки дошли через позднюю Римскую империю до исламского периода. То

обстоятельство, что греческие папирусы первых пятидесяти лет правления Птолемеев встречаются чрезвычайно редко, возможно, свидетельствует о том, что бюрократическая система была разработана уже при Птолемеях II; Птолемей I, старый полководец Александра Македонского, быть может, больше занимался международной политикой, чем созданием системы администрации для Египта, в котором его потомки будут жить в течение долгого времени.

Царя из династии Птолемеев нужно представлять себе очень крупным землевладельцем, во владении которого находилась вся египетская страна. Чиновники были его личными слугами, армия — орудием его воли; она была набрана из людей, которые проживали на участках земли из его владений, переданных им в пользование на условии предоставления ему военной службы, или из наемников, привезенных из Греции, Балкан и Азии, которых привлекла служба под его личным руководством. При первых Птолемеях «не было резкого разграничения между военной и гражданской карьерой, и в царской администрации служили исключительно военные»^[257].

Поскольку главной целью Птолемеев было сделать царские владения как можно более прибыльными, понятно, что первостепенную важность приобрели финансовые вопросы. Человек, который при царе стоял во главе всего правительства и, можно сказать, занимал примерно то же положение, что и визирь в мусульманской монархии, носил титул, свидетельствующий о том, что он является управляющим хозяйственными делами царства, — диойкет. Этим же греческим словом назывался управляющий частным имением.

Личность одного из выдающихся диойкетов при втором Птолемеях удалось частично восстановить по папирусам из архива Зенона. Его звали Аполлоний, и он, разумеется, был греком или, быть может, эллинизированным карийцем, как и его доверенное лицо Зенон. Он получил назначение на свой высокий пост около 268–267 годов до н. э. и занимал его до конца правления Птолемея II. Есть основания полагать, что после прихода к власти Птолемея III он был немедленно отправлен в отставку и лишен состояния^[258]. Из папирусов видно, что Аполлоний обладал почти царским богатством и у него был небольшой двор или «дом» (οἰκία), подобный царскому двору в миниатюре. Он обзавелся собственным главным управляющим (экономом), который находился с ним примерно в таких же

отношениях, в каких он состоял с царем; собственным казначеем и управляющим домашним хозяйством (ὁ ἐπὶ τῆς οἰκίας); секретарем и столархом (командующим флотом); эдеатром (распорядителем стола) и огромным количеством рабов. Он ездил по стране со своим экономом Зеноном и наблюдал за тем, как работает новая административная система. Но странно то, что Аполлоний играл двойную роль. Являясь главным агентом царя в его египетском «имении», он в то же время был крупным торговцем, хлебобобом, скотоводом, предпринимателем и дельцом. Он вел коммерческие дела по всей Палестине, Трансиордании и берегам Малой Азии. У него был собственный торговый флот, речной и морской. Его агенты действовали в Акке (Птолемаида), Тире, Сидоне, Яффе, Газе, Ливане, Рабтаммане (Рабат-Аммон, современный Амман), Кавне, Милете, Галикарнасе. Среди прочего, он торговал тканями, сирийским маслом и рабами. И кажется, что невозможно четко разграничить его частную предпринимательскую деятельность и дела, которые он вел как управляющий царским хозяйством. В некоторых отношениях его личные интересы сталкивались с интересами царя. При ввозе сирийского масла и рабов, которые в Египте были контрабандой, он, по-видимому, обманывал царскую казну, и его агенты считали своими злейшими врагами чиновников таможни, которые находились в подчинении у него же как у царского диойкета. Ростовцев предполагает, что царь Птолемей хотя и неохотно, но мирился с этой аномальной путаницей, потому что в конечном итоге он получал больше выгоды и меньше забот от своего хозяйства, если хозяйством управлял коммерчески одаренный и предприимчивый грек, даже если управляющий при этом извлекал кое-какой незаконный доход лично для себя.

Но Аполлоний занимался не только иностранной торговлей – в его собственности находились большие участки египетской земли, пожалованные ему царем «в дар» (ἐν δωρεᾷ) – и к этому понятию мы еще вернемся. Одним из них был участок в 10 тысяч арур в Фаюме, к которому была прикреплена новая деревня Филадельфия со всей ее территорией; другой располагался в окрестностях Мемфиса. Ростовцев считает, что сам Мемфис был назначен «в дар» Аполлонию, хотя в это трудно поверить. Развитие этих «даров» и управление ими само по себе было огромным предприятием, требовавшим множества

разнообразных агентов. В 256 году до н. э. кариец Зенон, по всей видимости, поменял свою должность эконома – главного управляющего внешними и внутренними делами Аполлония – на должность управляющего имением в Филадельфии и оставался безвыездно в Фаюме до конца своих дней. В этих поместьях Аполлония его управляющие выращивали хлеб, возделывали виноградники и разводили скот – видимо, в мемфисском имении у него были большие стада – или надзирали за изготовлением всевозможной ремесленной продукции. В Мемфисе было крупное производство шерсти, где на Аполлония работали девочки-рабыни, «привезенные, вероятно, из Сирии и Малой Азии» (Large Estate. P. 116). Мы также читаем, что в Филадельфии велось гончарное производство. А на виноградниках и в оливковых садах, разумеется, производились вино и масло.

Диойкет обладал практически неограниченными полномочиями, когда требовалось отдать приказ из его александрийской конторы, необходимый для функционирования громадной бюрократической машины всего Египта. К нему в контору ежедневно стекались бесчисленные листы и свитки папируса с прошениями, запросами, отчетами со всех сторон царства, и оттуда же непрерывно вытекали бесчисленные свитки с приказами, указаниями, выговорами. Официальным языком, разумеется, был греческий – все высшие посты в администрации занимали греки; но должен был существовать и определенный штат клерков, знающих и греческий, и египетский, чтобы вести дела коренного населения, и, вероятно, он набирался из эллинизированных туземцев. Скорее всего, вся громада дел в конторе диойкета распределялась по разным департаментам, у которых были свои начальники, подчинявшиеся руководителю всей системы^[259]. Нам известно, что существовали чиновники гиподиойкеты (заместители управляющего)^[260], и Буше-Леклерк предполагает, что дела классифицировались по территории – каждый гиподиойкет занимался конкретной группой номов, и его контора находилась в одной из провинциальных столиц^[261]. С верховным диойкетом был связан чиновник, называвшийся эклогистом (бухгалтером), непосредственно ему подчиненный, и его обязанности состояли в том, чтобы проверять статистику и отчеты, он также имел в подчинении территориальных бухгалтеров по всей стране.

Большинство поступающих в Александрию петиций, даже из далеких номов от самых ничтожных просителей об их мелких бедах^[262], было адресовано лично царю, и большинство исходящих распоряжений имело форму законов, диаграмм или простагм, составлено от его же имени. У Птолемея, который занимался общественными делами, возможно, большая часть дня уходила на разбор этой обширной корреспонденции, и мы видим, что должность «письмописателя» (эпистологафа), личного секретаря царя, была одной из наиболее высоких при дворе. Также с II века до н. э. мы слышим о другом царском секретаре, который назывался гипомнематографом, «писателем памятных записок», но чем его функции отличались от функций эпистологафа, понять из имеющихся данных невозможно. Несомненно, если какой-нибудь из Птолемеев желал облегчить себе жизнь, как, например, Птолемей IV, то обученный персонал мог снять с него эту тяжелую обязанность. На каждом прошении, которое перед царем выкладывали начальники соответствующих бюро, если его предполагалось утвердить, царь должен был только написать одно слово Γινέσθω («Да будет сделано»); а на каждом царском рескрипте, составленном для него министрами, прибавить в конце приветствие Εὐρῶσθε^[263] («Будь здрав»), после чего документы передавались дежурным письмоводителям. Однако, как говорят, Селевк I сказал: «Если бы люди знали, как утомительно писать и читать столько писем, они бы даже не подняли царский венец с земли»^[264]. Писем, приходивших в александрийский дворец и исходивших из него, конечно, не могло быть меньше, чем посланий, с которыми приходилось разбираться Селевку в Антиохии. По-видимому, в правление последних представителей династии Птолемеев доля обращений к царю по сравнению с обращениями к местным властям уменьшилась. Из семнадцати петиций из Тебтуниса, отправленных в конце царствования Птолемея VII (Эвергета II), лишь одна адресована царю.

Колоссальную сложность бюрократической машины при Птолемеях и режим ее работы ясно иллюстрирует папирус, рассказывающий нам о том, как молодой македонец при Птолемеях Филометоре получил возделенное назначение в войско эпигонов в Мемфисе^[265]. Его звали Аполлоний, и, будучи сыном каток, он имел право служить в эпигонах. Первым делом его старший брат Птолемайос, отшельник в

мемфисском Серапеуме, составляет прошение к царю Птолемею, чтобы передать его во время царского визита в Серапеум 3 октября 158 года до н. э. Аполлоний бросает прошение в окно для петиций. Царь пишет на нем: «Сделать так, но сообщить, во сколько обойдется» (иными словами, сколько новый эпигон будет стоить государству). Простение возвращается к Аполлонию с царской печатью, и здесь четко проявляется одна особенность птолемеевской системы, которая сегодня может показаться нам странной. Осуществление коммуникации между чиновниками, если дело касается интересов просителя, обратившегося к правительству, производится заинтересованной стороной, а не государственным органом. Аполлоний сам несет петицию с написанным на ней царским указанием к Деметрию, «генерал-квартирмейстеру» армии Птолемеев (*grammateus tōn dynameōn*), чтобы получить информацию о стоимости, которую запросил царь. (Царь в этот момент находится в Мемфисе, и высшие главы правительственных департаментов тоже временно присутствуют там.) Деметрий ставит на прошении резолюцию, приказывая своему служащему Аристону предоставить сведения. Аполлоний несет прошение от Деметрия к Аристону. Аристон направляет запрос в местное управление (эклогистериион) начальника финансовой службы (эклогиста), и Аполлоний несет петицию к Диоскуриду, грамматию (писцу), заседающему в конторе. Диоскурид предоставляет требуемые сведения, и Аполлоний снова относит петицию в контору Деметрия и отдает ее служащему по имени Херемон. Теперь дело за тем, чтобы передать информацию царю, после чего Аполлоний несет прошение с приложенной информацией к некоему Аполлодору, видимо кому-то из придворных, который и передает ее царю (25 января 157 года до н. э.). Царь издает две простагмы (приказа) о том, чтобы Аполлония зачислили в желаемые войска, которые отдадут в руки Аполлонию, чтобы он отнес их соответственно Деметрию и диойкету по имени Диоскурид, но не путайте его с Диоскуридом-писцом. Аполлоний доставляет одну простагму Деметрию 7 февраля, и Деметрий пишет своему подчиненному Сострату, грамматию (квартирмейстеру) войск, расквартированных в Мемфисе, с указанием выполнить приказ царя, и прикладывает к этому приказу описание всех обстоятельств дела, составленное писцами. Вы, может быть, думаете, что этим дело, такое

простое само по себе, и закончилось. Отнюдь. 12 февраля Деметрий пишет письмо Диоскуриду-диойкету, прилагая к нему копию своей переписки с Состратом и описание, составленное писцами. Цель этого письма к диойкету, по-видимому, состоит в том, чтобы Аполлоний получил из конторы диойкета письменные документы (символы), которые должен представить солдат для получения жалованья, и они выдаются диойкетом. Это письмо Деметрия Диоскуриду Аполлоний доставляет 17 февраля, в тот же день, когда относит и три других написанных Деметрием послания относительно его зачисления в войска: одно Посидонию, стратегу мемфисского нома, другое Аммонию, главному казначею (архиперету), а третье Каллистрату, возможно писцу в управлении Сострата. В контору диойкета Аполлоний доставляет не только письмо Деметрия, но и простагму, которую издал царь для диойкета. Как и у царя, у диойкета есть свои секретари, эпистолограф и гипомнематограф. Гипомнематограф Диоскурида звался Птолемеем, а эпистолограф (вероятно) Эпименидом. Аполлоний доставляет царскую простагму Птолемею, а письмо Деметрия Эпимениду. О следующем шаге лучше рассказать словами самого Аполлония: «Доставив их для прочтения диойкету, я получил назад простагму от Птолемея-гипомнематографа и письмо от Эпименида. Я доставил их автотелу Исидору, и от него принес их Филоксену, а от него Артемону, а от него Лику, и он составил черновик, и я отнес его Серапиону в контору эпистолографа, а от него Эвбию, а от него Дориону, и он составил черновик, а потом опять Серапиону, и их передали на прочтение диойкету, и я получил назад письмо от Эпименида и отнес назад Серапиону, и он написал Никанору, и Никанор написал два письма – одно Дориону-эпимелету, а другое Посидонию – стратегу Мемфисского нома». Мы можем только предполагать, какое положение все эти люди занимали в громадной бюрократической машине рядом с диойкетом, но на основании этого рассказа хотя бы можно представить себе гигантские объемы писанины, циркулирующих документов, бегающих взад-вперед просителей, которые никогда не прекращались в эллинистическом Египте. Мы даже не знаем, чем закончилась история Аполлония. Вилькен высказал догадку, что Никанор был каллиграфом, в обязанности которого входило набело переписывать письма к Дориону и Посидонию, и кое-что указывает на то, что чистовые копии нужно

было снова относить к Серапиону на проверку, прежде чем отдать их Аполлонию для доставки по адресу. О том, какие еще действия требовалось произвести Аполлонию, прежде чем он смог бы наконец занять свое место в войсках эпигонов, мы не знаем.

Номы и их чиновники

В предыдущих томах этой серии говорилось о том, что разные районы дельты и долины Нила, каждый со своей столицей и особым божеством, бывшие когда-то, в далеком прошлом, прежде чем из них сформировалось царство фараонов, независимыми поселениями, при фараонах сохранили свое самостоятельное существование. На этом разделении царства на несколько четко различаемых регионов была основана древнеегипетская административная система. Еще во времена Геродота греки знали об этих административных единицах Египта. Они переводили обозначавшее их египетское слово («хесепу») греческим словом «ном», которое также подразумевало распределение и которым мы в слегка видоизмененной форме пользуемся в настоящее время. Когда страну заняли Птолемеи, они также основали свое управление на системе номов, которая уже фактически существовала.

Названия и количество номов, приведенные в египетских надписях и в трудах греческих и латинских авторов, разнятся. Очевидно, в разное время они были организованы по-разному; сначала город мог подчиняться столице нома, а потом сам мог стать столицей своего собственного нома. По Страбону, в древности в Дельте было десять номов, в Фиваиде десять и в центральной части шестнадцать – всего тридцать шесть ^[266], и он не уточняет, как они были организованы в его время. Но он между прочим упоминает названия семнадцати номов в Дельте и прилегающих к ним, и, сличая их с двумя имеющимися в нашем распоряжении списками, первый из которых содержится в Податном уставе Птолемея II, а второй содержится в сочинении Плиния (V, § 49), мы получаем для Дельты следующие 12 столиц номов во всех источниках; старые египетские названия дает Масперо в «Атласе исторической географии» Шрадера:

	Греческое название столицы нома	Египетское название столицы нома	Современное название города на древнем месте или рядом
1	Саис	Саи	Са-эль-Хагар
2	Бусирис	Пусири	Абу-Сир
3	Себеннит	Заб-нутир	Саманну
4	Мендес	Пи-бинибдиди	Телль-эр-Руба
5	Танис	Зани	Сан-эль-Хагар
6	Леонтополь		Телль-эль-Мукдам (рядом с Мит-Гамром)
7	Фарбаит	Шодну	Хурбейт
8	Бубастис	Пу-бастит	Телль-Баста (рядом с Загазигом)
9	Атрибис	Хатриби	Телль-Атриб
10	Просопис	Зак-аи	(?)
11	Летополь	Схмит	Ауссим
12	Гелиополь (= Дельта в Податном уставе, столбец 31, л. 6)	Ону	Араб-эль-Хисн

Помимо этих двенадцати, Страбон упоминает в дельте или прилегающих районах: 1) Менелайтский ном, названный по городу Менелаю, получившему свое наименование в честь брата Птолемея I, в северо-западной оконечности Дельты у Канопа; 2) Гинекопольский ном, столица Гинекополь («Город женщин»), видимо где-то на юго-западе от современного Даманхура между Навкратисом и Саисом; 3) Момемфитский ном, столица Момемфис, прилегающий к предпоследнему ному; 4) Нитриотский ном, куда входила Натронская долина (современный Вади-Натрун), также упомянутый в Податном уставе, столбец 61; 5) Фагрориопольский ном, столица Фагрориополь («Город лещей»), на востоке от дельты, рядом с ветхозаветным Пифомом и Горькими озерами. В двух списках из Податного устава упоминаются два нома, которых нет у Страбона, но есть у Плиния, они

примыкают к дельте с внешней стороны – Ливийский ном на западе (на древнеегипетском Аментит, «Запад») и Арабский ном на востоке (на древнеегипетском Суп-ти, «Коронованный ястреб»), а также Сетроитский ном, который тоже есть в списке Плиния, и на карте Фонда египетских исследований он предположительно помещен на побережье между Танисом и Пелусием.

Во всех источниках упоминаются следующие шесть столиц номов долины Нила, расположенные между дельтой и Фиваидой (включая Фаюм):

	Греческое название столицы нома	Египетское название столицы нома	Современное название города на древнем месте или рядом
1	Мемфис	Миннофиру	Мит-Рахина
2	Афродитополь	Пнебтефа	Атфих
3	Крокодилополь	Шетет	Мединет-эль-Фаюм
4	Гераклеополь	Хининсутон	Ихнасья-эль-Мадина
5	Оксиринх	Пимазит	Эль-Бахнаса
6	Кинополь («Собачий город»)	Кайса	Эль-Кес

До Кинополя Страбон не указывает, являются ли упомянутые им города столицами номов или нет, но если отнести к их числу те, которые соответствуют столицам, упомянутым в древнеегипетских документах и у Плиния (первый упомянут как столица нома в обоих списках Податного устава), и включить названный Агафархидом Тинисский ном, то мы получим:

	Греческое название столицы нома	Египетское название столицы нома	Современное название города на древнем месте или рядом
7	Гермополь Магна («Великий»)	Хмуну	Эль-Ашмунейн
8	Ликополь («Волчий город»)	Сиаут	Асьют
9	Афродитополь	Зобуи	Эдфа
10	Панополь	Хемми	Ахмим
11	Тинис	Тини	Гирга
12	Диосполь («Малый»)	Хаит	Ху
13	Тентира	Танторит	Дендера
14	Коптос	Кубти	Куфт

Коптос находился менее чем в 25 милях от Фив, и есть основания полагать, что уже при ранних Птолемах долиной Нила отсюда до границы управлял как единой провинцией губернатор, проживающий в Фивах, и что древняя система номов в целях управления не была принята. В двух списках номов из Податного устава просто указывается, что «Фиваида» включает в себя Верхний Египет; в качестве самого южного нома там назван Гермополь Магна. Однако в Элефантинском папирусе сказано об Аполлонопольском номе южнее Фив (столицей которого был Эдфу)^[267].

Мы видели, что в соответствии с административной системой, перенятой Александром, во главе нескольких номов стояли туземные номархи. При Птолемах пост правителя нома стал занимать военный – стратег, генерал; и при первых Птолемах, по-видимому, правители номов неизменно были греками. Его титул свидетельствует о том, что правление Птолемея в Египте было оккупацией страны иностранными военными силами. Стратег объединял в своих руках всю военную и гражданскую власть в номе, и в обычное мирное время управление гражданскими делами отнимало у него больше времени, чем выполнение военных обязанностей^[268]. Чиновник со званием номарха время от времени упоминается в источниках, датированных

временем правления Птолемеев, но он подчинен стратегу и, видимо, главным образом занимается общественными работами и царскими владениями; более того, номарх обычно был греком, а не египтянином. В Фаюме, с его, несомненно, исключительными условиями, было несколько номархов, и каждый из них надзирал над отдельной административной единицей нома, называвшейся номархией. Эти номархии получили постоянные названия по именам номархов, занимавших должность в начале эллинистической эпохи: «номархия Никона», «номархия Филиппа» и так далее. Из семи из этих первых номархов, которых мы знаем, пять носили греческие имена и двое египетские^[269]. В двух старых египетских столицах – Мемфисе и Фивах – существовали (не раньше II века до н. э.) люди, занимавшие должности гипостратегов («заместителей военачальника»). Все они, судя по их именам, были греками.

Другими чиновниками нома, подчиненными стратегу, были эпистат (комендант) нома, в чьи функции входило отправление правосудия, эпистат филакиты («начальник полиции»), эпимелет («судебный пристав»), главный представитель финансовой администрации в номе^[270], в подчинении которого находился казначейский чиновник, называвшийся экономом. Часто упоминается еще один чиновник – антиграфей («контролер»), а также царский грамматей («царский писец», греческий перевод древнеегипетского звания), «правая рука» (по Вилькену) стратега, чьей обязанностью было надзирать за работой механизма управления в целом, но особенно за статистической отчетностью и документацией и всеми финансовыми транзакциями^[271].

Номы (согласно Страбону, «большинство номов») делились на несколько районов (топов, или топархий), а топы – на комы, «деревни», или «поселки». В каждой из этих единиц работали собственные чиновники; всеми топами руководил топарх, а комами – комарх. В Фаюме между номом и топархией находилась крупная территориальная единица – мериды, и время от времени мериды встречаются и в других номах. Административный штат топархии в миниатюре воспроизводил штат нома, которому она подчинялась, а штат комы – штат топархии. Как при стратеге служил царский грамматей, так и при топархе был топограмматей («окружной писец»), а при комархе – комограмматей («деревенский писец»). В топархиях и

комах работали свой эконо́м, э́пистат топархии и э́пистат ко́мы (деревенский начальник полиции).

Государственные ведомства

Как мы только что говорили, главной целью египетской администрации было сделать Египет государством, приносящим царю доход. Это было грандиозное деловое предприятие. Аллювиальная почва, плодородная, как никакая другая, год за годом должна была приносить на склады хозяина огромное количество производимого ею зерна, не считая всего того, что требовалось для прокорма семи или восьми миллионов ее жителей, чтобы затем оно употреблялось по усмотрению царя или посредством торговли превращалось в деньги для его казны; греки, азиаты и египтяне, работавшие на царских предприятиях, обращали все остальные ее плоды в товары, которые царь мог продать с прибылью своим подданным или чужеземцам: виноград в вино, кунжут и клещевину в масло, кудель в льняное полотно, тростник в папирус для письма; ее река, несущая на волнах товары из внутренних стран Африки, из Сабейского царства и Индии в Александрию, бесчисленные торговые корабли, свозившие в великую александрийскую гавань изделия со всех берегов Средиземноморья, должны были умножать богатство Птолемея таможенными и портовыми сборами. Сам греческий царь Египта был крупнейшим землевладельцем, предпринимателем, купцом. Мы рассмотрим главные особенности работы этого громадного предприятия, насколько они известны из папирусов; но, конечно, чтобы оно успешно продолжало действовать, царь из династии Птолемеев должен был обеспечить массам работавших на него подданных две вещи – внутреннюю и внешнюю безопасность. Он должен был подавлять преступность и регулировать распри в царстве посредством судебной и полицейской системы, также он должен был обеспечить защиту царства от внешних врагов посредством имевшихся у него войск и флота. И наконец, он должен был наладить отношения с представителями власти, с которой, независимо от того, думал ли сам греческий царь, что она основана на иллюзии или реальности, он вынужден был считаться как с силой, действительно управляющей мыслями и поступками египтян, – религии. Он нашел в стране сложившееся местное жречество, сильное в своих традиционных привилегиях и влиянии на людские умы. Итак, на данном этапе мы

рассмотрим: 1) экономическую систему царства Птолемеев, 2) судебные и полицейские меры, 3) армию и флот, а также 4) положение туземного духовенства.

1. Экономическая система

а) *Земля*. Вся земля в Египте принадлежала царю^[272]. На его управляющих лежала обязанность заботиться о том, чтобы каждый участок пашни производил максимум продукции и чтобы везде, где это возможно, отвоевывались новые земли с помощью создания ирригационных систем или осушения. Но возделыванием некоторых участков – *basilikē gē*, «царской земли» – руководили царские чиновники. Другие он «отпускал» или «уступал» земледельцам, и они обрабатывали ее по собственному усмотрению как царские арендаторы. Это *gē en arhesei*, «уступленная земля». Фактически работали на царской земле «царские земледельцы», *basilikoī geōrgoi*, в основном туземные крестьяне, однако их работа не оплачивалась. Земля делилась на небольшие участки, и чиновники предоставляли право возделывать каждый участок тому, кто предлагал наибольшую цену, человеку или группе людей, на долгий или короткий период, согласно обстоятельствам. В некоторых случаях аренда могла переходить по наследству (*eis to patrikon*), и земледелец становился почти что собственником своего надела; в таком случае арендатор должен был предоставить значительное обеспечение^[273]. Государство само определяло, какую культуру следует сеять, и оно же поставляло семена; взамен земледелец обязывался во время жатвы доставить царским чиновникам на гумно определенное количество артаб (оно называлось экфорион) и сделать другие мелкие выплаты^[274]; то, что оставалось (эпигенема) земледелец мог оставить себе в качестве прибыли от этой сделки.

Теоретически «царские земледельцы» были свободными людьми. Хотя рабы использовались в домашнем хозяйстве, рабский труд на земле (столь частый в некоторых странах той эпохи) был практически неизвестен в эллинистическом Египте. Однако свободные крестьяне в некоторых отношениях находились едва ли в лучшем положении, чем рабы. Во время сельскохозяйственных работ «царскому земледельцу» грозило наказание, если он оставит свой участок. В исключительных

обстоятельствах, когда не находилось добровольцев на участок «царской земли», государство могло прибегнуть к принуждению. Государство не было связано с земледельцем никаким контрактом; если в какой-то момент оно пожелало бы отправить одного земледельца в отставку и заменить его другим, оно имело на это право. Принадлежащий земледельцу скот мог быть в любое время реквизирован государством. К методу принудительного труда на плотинах и каналах («барщина»), обычному для Египта при хедивах, пока он не был отменен при англичанах, часто прибегали в эллинистическом Египте. Жизнь страны поистине зависела от правильного распределения и управления нильской водой, и правительство Птолемеев не стеснялось призывать туземное население – в особенности царских земледельцев – на все необходимые работы, которые заставляли сельское хозяйство страны работать в полную силу: копать и чинить каналы, сажать деревья, из которых потом изготавливалась древесина, засеивать заброшенные земли и собирать с них урожай. Как правило, к подобным принудительным работам не принуждались ни греки, ни чиновники, хотя они должны были выплачивать эквивалент в виде налога (который назывался навбион)^[275]. У нас нет точных сведений о площади «царской земли» в эллинистическом Египте по сравнению с площадью «отказной земли»; мы только знаем, что в одной файюмской деревне в 120 году до н. э. из 4700 арур 2427 были «царской землей»^[276].

«Уступленная земля» делилась на несколько категорий: 1) «священная земля», то есть земля, отданная храмам; 2) земля клерухов, то есть земля, занятая военными поселенцами, в основном греками; 3) земля «в дар» (ἐν δωρεᾷ), то есть земля, отданная царской милостью какому-либо высокопоставленному придворному или чиновнику; 4) земля в частном владении (gē idioktētos). Нужно отметить, что ни одна из этих категорий не означает частную собственность на землю в строгом смысле слова; земля не находилась в полноправном владении у тех, кто ее занимал. Это были всего лишь надель, «пожалованные отдельным людям в продолжительное, а иногда вечное пользование». Это право пользования и можно было продать, подарить, заложить, передать от отца сыну, поэтому на практике вечное пользование часто почти приравнивалось к собственности; возможно, что в разных

районах условия отличались^[277]. К полям, на которых выращивалось зерно, правительство, видимо, относилось более внимательно. Земли, пожалованные в виде идиоكتета, в основном, по-видимому, засаживались садами, пальмовыми плантациями и виноградниками, и это может объяснить, почему слово «ктема» («владение») в эллинистическом Египте стало обозначать именно землю такого рода; данный термин никогда не применялся для обозначения зерновой земли. Что касается территорий, прилегающих к Александрии и Птолемаиде, то там могли применяться законы собственности, более похожие на обычные греческие.

Даже «дарованной землей» владелец не обладал в полной мере, хотя эти крупные поместья – мы видели, насколько обширными были владения Аполлония, – имели определенные привилегии, не распространяющиеся на обычную «землю в частном владении». Они не облагались налогом и включали зерновые земли. Работали на них крестьяне, которые по контракту приобретали право возделывать небольшие участки, как и «царские земледельцы» на «царской земле», и в каждую жатву доставляли оговоренное количество продукции владельцу «дара». Но они не входили в его личную юрисдикцию. В случае если один крестьянин хотел подать в суд на другого, он обращался к царю, а не к владельцу «дара»^[278].

Египетская земля должна была производить не только растения и плоды, но и определенное количество животных – крупного рогатого скота, овец, свиней^[279], гусей для употребления в пищу, овец для производства шерсти, быков и ослов для сельскохозяйственных работ и перевозок, лошадей для войны, животных для жертвоприношений. И здесь тоже все находилось в руках царя. Он не только был владельцем всех пастбищ (nomai) в Египте, но и занимал их. Никакой частный владелец скота не имел права пасти свои стада на этой земле, не выплачивая царю налог за ее использование (налог назывался энномион). У царя были собственные большие стада, а «гусеводы» и «свиноводы» разводили гусей и свиней для употребления в пищу двором аналогично царским земледельцам, выращивавшим хлеб. Даже если арендатор какого-либо участка зерновой земли после жатвы сажал на ней траву (как это обычно делается в современном Египте), он не имел права использовать сено для своего скота, если только не

уплатит налог царю, и даже при этом он мог использовать не больше сена, чем требовалось для его скота: все остальное забирал царь.

О «священной земле» лучше всего говорить, когда мы будем рассматривать положение жрецов, а о земле клерухов в связи с армией. Помимо этих категорий земли и «дарованной земли», именно от «царской земли» царь получал львиную долю производившегося в Египте зерна. Но и в тех случаях, когда частные арендаторы ктем использовали их для производства определенных продуктов – вина, масла, льна, меда или воска, – царь взыскивал с них значительную часть прибылей.

Если человек превращал находящуюся у него в пользовании землю в виноградник и производил вино, он в первую очередь должен был выплатить царю определенное число драхм в качестве денежного налога, при этом аруры (*phoros tōn ampelōnōn*) отличались в зависимости от качества земли и последнего разлива Нила; а когда вино было готово, он должен был передать шестую часть откупщикам государственных налогов – так называемую апомойру (удерживаемую долю). Однако, поскольку этот налог выплачивался храмам, лучше будет поговорить о нем, когда мы дойдем до раздела о жрецах.

б) ***Налоги и монополии.*** Как уже говорилось, любой, кто производил на египетской земле плоды или корм для скота, должен был отдавать часть всей продукции царю. Но, по всей видимости, в Египте не было универсального земельного налога, подобного десятине, существовавшей в селевкидском царстве; благодаря бюрократической системе Египта появилась возможность определить разного рода сборы, обязательные к уплате с разных видов земли в соответствии с подробной правительственной оценкой, которая классифицировала участки согласно их качеству и связи с ежегодным разливом Нила. Налоги, помимо налогов на землю, составляли внушительную сумму в огромном имении царя Птолемея. Туземное население (только мужчины) должно было выплачивать подушный налог, от которого местные жрецы были освобождены. Видимо, существовал также общий налог на недвижимое имущество и на рабов^[280].

Что касается ремесел, которыми занимались в Египте, то Птолемей получал с них доход двумя способами. Некоторые промыслы были

монополизированы царем. По мнению Вилькена, в эллинистический период в Египте существовали следующие виды монополий: 1) на некоторые сорта масла; 2) на ткани (лен, шерсть, конопля); 3) на окрашивание; 4) на валяние; 5) на изделия из золота; 6) на пивоварение (пиво было обычным напитком местных жителей); 7) на производство бумаги из папируса, *вероятно* царская монополия; 8) на ростовщичество; 9) на соль; 10) на специи и благовония; 11) на натр; 12) на лес (рубка деревьев на арендуемой земле без разрешения правительства считалась незаконной); 13) на шахты и каменоломни. Помимо этих промыслов, безусловных монополий, были и другие, где царь имел большую долю наряду с частными предприятиями. Видимо, в эту категорию входит кожевенное дело. Наверняка к ней относилось пчеловодство: в Египте были и царские, и частные пасеки. Нужно помнить, что тогда пчеловодство было гораздо более важной отраслью, чем сейчас. В повседневной жизни мед занимал то место, какое сейчас занимает сахар, а воск требовался в самых разных областях — в медицине, производстве, искусстве. Охота и рыбная ловля относились к царским прерогативам. Можно было арендовать у царя право на рыбную ловлю, обязавшись уплачивать 25 процентов с прибыли^[281].

Добыча камня, золота и изумрудов были важными царскими монополиями. Золото и изумруды добывались в Верхнем Египте в холмах восточнее Нила. В одном *вади* в этом районе все еще можно видеть остатки 1320 хижин, где жили люди, работавшие там при Птолемеях III. Золото также найдено в холмах Нубии выше первых порогов. У нас есть отрывок из сочинения Агафархида, который в II веке до н. э. пугающе описал жизнь осужденных преступников и военнопленных, использовавшихся правительством для работы на золотых рудниках далекого юга^[282].

Монополия, о которой мы знаем больше всего, — это монополия на производство масла. О ней мы узнаем из одного важного источника — большого Податного устава Птолемея II, изданного Б.П. Гренфеллом в 1896 году. В долине Нила и Дельте производилось не оливковое масло — оно изготавливалось из кунжута, кротона, шафрана, тыкв и льняного семени^[283]. Правительство определяло, сколько арур в каждом номе полагалось отдать под культивацию этих растений в расчете на количество, требуемое для греческих городов и номов.

Все, кто выращивал растения, были обязаны продавать их царю по цене, установленной правительством. Царские чиновники пристально наблюдали и за севом, и за уборкой. Затем масло изготавливали на царских маслодавильнях, и занимались этим такие же «свободные люди», как и «царские земледельцы», но им не разрешалось оставлять работу в течение сезона. Вдобавок к оплате рабочие получали процент от прибыли, оговоренный в контракте на каждый год. Право заниматься производством и продавать готовый товар розничным торговцам правительство предоставляло тому, кто предлагал наибольшую цену в каждом номе; затем по цене, назначенной правительством, торговцы продавали его в розницу обычным людям и сверх реализованного от продажи выплачивали часть эконому нома, по-видимому оставляя себе некий процент в качестве вознаграждения. Вся эта система монополий стала бы бессмысленной, если бы иностранное масло имело возможность конкурировать на египетском рынке с производимым на царских предприятиях. Поэтому ввоз иностранного масла был запрещен или облагался большими пошлинами. Трудно сказать, в чем могла состоять компенсация труда подрядчика. Некоторые сведения привели Вилькена к мысли, что те, кто покупал масло у торговцев, уплачивали дополнительный налог на масло, и он высказывает сомнительное предположение, что подрядчики, заключавшие контракт на производство масла для правительства, также имели право собирать этот масляный налог с покупателей и таким образом в качестве откупщиков получить вознаграждение за свою работу в качестве производителей масла, которая приносила им небольшой доход или не приносила никакого.

Еще одна монополия, о которой нам известно больше всего после масляной, — это производство текстиля: в основном льна, но также изделий из шерсти и пеньки. Видимо, она была организована почти так же, как масляная монополия, но с некоторыми отличиями. Храмы имели право и дальше производить тонкую льняную ткань (виссон), согласно древней традиции, не на продажу, а для собственных нужд, в частности для облачения идолов, с обязательством ежегодно поставлять определенное количество льняной ткани (офония) царю. Кроме того, доля (возможно, весь) текстиля для продажи обычным людям производилась не на царских предприятиях, как масло, а на частных, и изделия продавались царю по фиксированным ценам.

Податной устав Птолемея II также проливает неясный свет на банковскую монополию. Помимо «царского банка», в столице каждого нома был местный банк и аффилированные банки во многих мелких городах и некоторых деревнях нома. В эллинистическом Египте никто, кроме лица, взявшего банк в аренду у царя, не имел права покупать, продавать или обменивать монеты. Нужно помнить, что греческое правление принесло в Египет одно важное экономическое нововведение – деньги в монетах, которые стали средством обмена и стандартом богатства в стране, чьи экономические условия до тех пор находились на гораздо более низком уровне, чем в греческом мире.

Из немонополизированных промыслов царь извлекал доход за счет налогообложения – и тоже, как видно, двумя способами. Если человек желал заняться каким-либо ремеслом – производством грубой ткани (кассиопий), крашением, кожевенным делом, переноской грузов, ювелирным делом, – он должен был в первую очередь приобрести лицензию у правительства. По всей видимости, иногда ремеслом одновременно занималось и правительство, и частные лица, купившие лицензию; есть свидетельства того, что в красильном деле именно так и было. Во-вторых, затем ремесленник должен был уплатить налог с выручки от своего ремесла.

Сделки с передачей имущества, продажей, дележом или дарением, осуществленным одним человеком другому, требовали уплаты налога, установленного в размере 10 процентов от цены или стоимости имущества (налог был временно уменьшен до 5 процентов примерно с 200 года до н. э. до какого-то момента в период правления Эвергета II). Греки называли его энкиклион (налог на «обращение»). Это был древний налог, введенный Псамметихом I в VII веке до н. э., сохранившийся в Египте на протяжении эллинистического и затем римского периодов.

Что касается таможи, то нужно было не только уплачивать пошлину в портах и пограничных городах на ввозимые и вывозимые товары, но также мы узнаем от Агафархида, что таможня была в Гермополе между Верхним и Нижним Египтом, а из одного папируса следует, что пошлинами обременялось даже внутреннее движение грузов между номами^[284].

Чтобы царь мог извлекать доходы из египетской земли столь детально продуманным образом, чиновничьим конторам приходилось

заполнять записями бесчисленные кипы папирусов – реестры населения, земель, недвижимости, храмового имущества – и постоянно обновлять сведения свежими данными и результатами новых проверок. Найденные в последнее время фрагменты этой громадной массы записей дают нам представление о том, каков был их объем и какой грандиозной бюрократической работы требовало греческое правление в Египте. Ни в одной другой стране, как уже говорилось, нет более благоприятных географических условий для бюрократии; а кроме того, Египет был страной, поставлявшей античному миру «бумагу».

Что касается сбора налогов, то нужно различать натуральные – налоги на зерновые земли уплачивались зерном – и денежные – практически все налоги, кроме налогов на зерновые земли. Для приема налогов обоих видов царь имел конторы по всей стране. Зерно принимали царские амбары (тесавры) в городах и деревнях, куда его свозили после молотбы и откуда его посылали на кораблях в Александрию. Начальниками над этими амбарами стояли чиновники, называвшиеся сборщиками зерна (ситологами). Найдено множество глиняных черепков с записанными на них счетами, их ситологи отдавали налогоплательщикам, в срок доставившим хлеб в тесавр. Принадлежащие царю корабли и шаланды обеспечивали транспортировку зерна в Александрию по Нилу и каналам^[285]. Приемом денежных выплат занимались царские банки (трапезы). Главный банк в Александрии – главная приемная контора в Египте – имел региональное отделение в столице каждого нома и отделения в селениях и деревнях. Над каждым банком стоял чиновник – «банкир» (трапезит). На этой банковской системе держалась вся финансовая администрация государства. Они служили не только для получения финансовых средств государством, но также и для выплаты им средств на любые местные цели, если банкир имел полномочия от компетентного органа власти на то, чтобы производить выплаты на царской службе. Из текстов, написанных на папирусах и остраконах, видно, что все подобные дела тщательно проверялись и контролировались.

Прочие налоги, кроме тех, что выплачивались зерном, не собирали и не вносили в царские банки состоящие на жалованье чиновники, как в современных государствах. Птолемеи прибегли к способу, который уже

видели в работе в старых греческих полисах, – каждый год они выставляли на аукцион право собирать налоги и одновременно получали суммы от подрядчиков, которым приходилось надеяться на компенсацию в виде сальдо (эпигенемы), остающегося у них в конце года. Однако, хотя этот метод Птолемеи переняли у свободных греческих государств, в бюрократическом Египте он принял новый характер благодаря пристальному надзору и контролю царских чиновников над откупщиками при каждой сдаче налогов. Откуп распределялся по номам, и эконо каждого нома действовал как агент правительства. Он назначал контролера (антиграфей), который наблюдал за всеми делами откупщика; откупщик должен был ежемесячно вносить суммы в царский банк и ежемесячно разбирать свою отчетность с экономом. В той степени, в какой система работала нормально и в нее не вмешивалась коррупция, налогоплательщик был хорошо защищен от незаконных требований со стороны откупщика. *Nomos telōnikos* – законы, содержащие официальные нормы по каждому налогу, – вывешивались на всеобщее обозрение в конторе откупщика на десять дней после его назначения, причем и не только по-гречески, но и на египетском языке. Однако с точки зрения откупщика, его дело – если не рассматривать коррупцию – не могло быть очень привлекательным. Правительству было все труднее находить людей, которые желали бы заняться откупом. В III веке до н. э. оно было вынуждено предложить откупщику вознаграждение в 5 процентов (оно называлось опсонион) сверх эпигенемы, а в II веке оно повысилось до 10 процентов. Обычно откупщиками становились не отдельные люди, а образованные с этой целью партнерские компании (койноны).

в) ***Чрезвычайные сборы.*** В число чрезвычайных дополнительных доходов государства входила оплата штрафов за различного рода нарушения. Их взымали эконоы номов через специального чиновника, который назывался практором. Одной из форм чрезвычайных расходов, которые могли тяжелым бременем лечь на плечи жителей, была обязанность принимать царя и сановников в любом месте, где им случалось останавливаться во время поездки по стране^[286]. Когда диойкет Птолемея III Хрисипп приезжал в Фаюм, ему по принудительной цене поставляли целое судно с хлебом,

множество гусей и другой птицы для его стола и свиты и сорок ослов для перевозки багажа^[287]. В 112 году население было обязано принять за свой счет одного римского аристократа, приехавшего посетить египетские достопримечательности^[288]. Даже жрецы Исида увековечили на обелиске на острове Филэ свое горькое сетование о том, какое бремя возложено на них в виде приема чиновников и войск, миновавших Верхний Египет.

г) **Торговля.** Источником богатств династии Птолемеев были не только изделия, произведенные в Египте, но и огромный поток товаров, наводнявший страну и протекавший через нее. Главные экспортные товары Египта – зерно, «бумага», стекло и лен – производились в стране, но Египет также был главным каналом, через который в Средиземноморье попадали товары из Индии и Южной Аравии. Товаров, которые Египет ввозил из Средиземноморья (лес, медь, пурпур, мрамор, вино), было значительно меньше, чем экспортировавшихся из Египта в Средиземноморье^[289]. Из продуктов юга, вывозившихся из Александрии в средиземноморские страны, главными были пряности и ароматические вещества (мирра, ладан, нард, корица и т. п.), и в основном они экспортировались не в виде сырья, но уже после обработки в виде мазей и духов^[290]. Взамен Египет посылал свои ткани, масло, металлические изделия (доспехи и оружие), стекло и средиземноморское вино народам Индии и Южной Аравии, Абиссинии и Судана, и мы видим, что Египет в производстве товаров на самом деле ориентировался на вкусы «варваров». Можно предположить, что торговля с Индией и Аравией была одной из причин, внушавших Птолемеям такое сильное желание овладеть Палестиной; ведь сухопутный торговый путь между Сирией и Персидским заливом мог стать соперником морскому пути по Красному морю и Нилу, если он окажется в чужих руках, и действительно, мы видим, что после того, как Птолемии навсегда распрощались с Палестиной, этот альтернативный путь приобрел важное значение, попав в руки набатеев Петры.

Товары, привозимые по Красному морю, могли достичь Александрии двумя способами^[291]. Их доставляли на кораблях вплоть до края Красного моря у Геронполя, а затем также на кораблях перевозили по каналу, вырытому при Птолемеи II, который соединял

Красное море с Нилом^[292]; либо их выгружали в одном из более южных портов – в Беренике, Миос-Гормосе или Филотере – и на верблюдах доставляли через пустынные холмы в Коптос, где погружали на речные суда и по Нилу привозили в Александрию. Из этих двух путей, по-видимому, второй стал традиционным, так как есть сведения, что канал между Нилом и Красным морем перестал использоваться еще до упадка династии. Караванный путь между Береникой и Коптосом также был проложен или восстановлен вторым Птолемеем, как и стоянки, построенные вдоль него через соответствующие интервалы. Позднее цари продолжали о нем заботиться. Там рыли колодцы и строили резервуары для дождевой воды. Кроме того что путь служил целям индийской и арабской торговли, он также шел по изумрудным копям, которые разрабатывались для царя. В нашем распоряжении имеется надпись некоего человека, которого в 130 году до н. э. стратег Фиваиды поставил наблюдать за копиями и охранять караваны, идущие с холмов в Коптос^[293].

Мы знаем о греке по имени Дионисий, которого Птолемей II отправил послом в Индию; он написал книгу об этой стране, из которой до нас дошли две довольно большие цитаты^[294]. Мы точно не знаем, осуществлялись ли постоянные путешествия в Индии из красноморских гаваней и обратно, или греко-египетские корабли ограничивались Красным морем и забирали индийские товары в Южной Аравии. Страбон сообщает, что «прежде не двадцать кораблей [в год?] отваживались выходить из Красного моря»^[295], и это «прежде» в данном отрывке, по-видимому, означает то же, что «при царях Птолемейх» в другом фрагменте^[296]. Однако возможно, что он говорит лишь о последних днях династии во время ее упадка. Совершенно невозможно установить момент, когда морской капитан Гиппал открыл муссон и таким образом облегчил прямой путь в Индию^[297]. Человек, оставивший посвятельную надпись, датированную периодом позднего эллинизма и найденную в Фиваиде, называет себя «Софон-индиец»^[298], что свидетельствует о существовании прямого сообщения между Египтом и Индией еще в те далекие годы, а на основании находки индийских скульптур и лепных голов иностранцев, обнаруженных в Мемфисе, сэр Флиндерс Питри делает вывод, что уже

в середине III века до н. э. в Египте отмечались буддийские праздники^[299].

Два недавно опубликованных папируса из архива Зенона^[300] дали новые сведения о таможенных пошлинах, которые взимались с импортируемых товаров при Птолемеях II в Пелусии и Александрии. Товары делятся на четыре категории, которые облагаются пошлиной в 50, 33,5, 25 и 20 процентов соответственно. К первой категории относится масло: всякий торговец, ввозящий иностранное масло, должен, помимо уплаты пошлины в 50 процентов, немедленно продать его царю по 46 драхм за метрет, после чего царь продает его покупателям по 52 драхмы за метрет. (Иными словами, импортер, чтобы заработать, должен был купить масло в Сирии по цене меньше 23 драхм за метрет.) Вторая категория включает греческие вина с Хиоса и Фасоса и свежие фиги. Третья – мед (аттический, родосский, ликийский и т. д.), кабанину, оленину, маринованные овощи, орехи с Черного моря, губки. Четвертая – шерсть. Взимаются также дополнительные мелкие пошлины: одна в Александрии под названием эвплёя, которая, как предполагает Эдгар, шла на содержание Фаросского маяка.

д) **Финансы и деньги.** Центральная казна, в которую стекались доходы царства, называлась базиликоном. Но наряду с нею мы находим «частный счет» (Idios Logos) царя, которым управлял специальный чиновник (ὁ πρὸς τῷ ἰδίῳ λόγῳ), и местные царские банки, получая выплаты для него, рассматривали его отдельно от других. Два случая, когда в папирусах упоминаются выплаты для Idios Logos, – это штраф за вторжение на царскую землю^[301] и предварительный платеж арендатора за участок земли, конфискованный царем^[302].

В экономическом смысле начало греческого правления в Египте было огромным шагом вперед – и не обязательно шагом к счастливой жизни, поскольку централизованный контроль государства за всеми ремеслами, безусловно, являет собой безотрадную картину, которую великий русский археолог Ростовцев описывает, явно оглядываясь на современное положение вещей в стране, откуда ему пришлось эмигрировать. Но это все же был шаг вперед в том смысле, что во всем Египте произошло оживление производства и товарного обмена. Оно

сопровождалось введением чеканных монет, сменивших более примитивные методы обмена, существовавшие в фараоновском Египте. Эта смена произошла не сразу и не повсюду; на самом деле натуральный обмен и плата натурой никогда не исчезали полностью (особенно в сельских районах); но постепенно металлические деньги эллинистической эпохи стали общепринятым средством платы и обмена. Налоги, как мы видели, выплачивались и деньгами, и натурой, хотя денежные выплаты преобладали. Мы можем проследить, как расширяется денежная система, по выплате воинского жалованья. В II веке до н. э. мы находим мемфисских эпигонов, чье жалованье было установлено в размере 150 медных драхм и 3 артаб пшеницы в месяц, но на самом деле они получали только одну артабу пшеницы, а две остальные артабы ежемесячно обменивали на дополнительные 200 драхм (это называлось ситонионом – деньгами, уплаченными в счет зерна, *sitos*).

Птолемей I, в отличие от Александра и других его преемников, чеканил для своего царства монеты не по аттическому стандарту, но сначала по родосскому, а затем по финикийскому. Они изготавливались из двух металлов, при этом золотая монета достоинством 8 драхм считалась эквивалентом серебряной мины (то есть золото шло к серебру как 12,5 к 1). Вероятно, Птолемей выбрал финикийский стандарт для упрощения торговых операций с древними финикийскими городами (Тиром, Сидоном и т. д.) и соседним Карфагеном^[303].

2. Организация правосудия и охраны порядка

Египет, в который пришли греки, был страной со своей системой законов и обычаев, уходящих в глубокую древность^[304]; греки принесли с собой другую систему собственных законов и обычаев. Египтяне и греки подчинялись деспотическому владыке, который мог по собственному усмотрению рассылать из Александрии законы (номы), то есть общие указы для вечного исполнения до тех пор, пока они не будут отменены, или рескрипты (диаграммы) и эдикты (простагмы), которые объявляли царскую волю по какому-либо конкретному поводу либо вносили какое-то частное изменение в уже существующий закон. Политика Птолемеев состояла в том, чтобы дать египтянам возможность, насколько это было совместимо с новым режимом, и дальше жить по своим традиционным законам и обычаям – что греки называли «законами страны» (οἱ τῆς χώρας νόμοι), в отличие от «гражданских законов» (politikoi nomoi), которые устанавливались царем для лиц со статусом гражданина, то есть греков^[305]. В отношениях греков друг с другом значение имели исключительно «гражданские законы» царя; и при составлении их новый правитель главным образом руководствовался греческими представлениями.

Таким образом, в эллинистическом Египте бок о бок действовали две системы законов. Естественным образом постепенно обе в некоторой степени влияли друг на друга, особенно когда кровь обоих народов стала смешиваться, и во многих спорах одна сторона была греческой, а другая египетской. Такое взаимное воздействие можно проследить, например, в законах о браке. Египетский закон о браке противоречил греческому в следующих положениях: 1) разрешались браки между братьями и сестрами^[306]; 2) женщина обладала большей независимостью и могла свободно выбирать себе мужа как дееспособное лицо (а не с разрешения официального опекуна по нормам греческого закона) и разойтись с ним по собственному желанию или, в случае если муж разводился с ней, могла потребовать для себя сумму, оговоренную в качестве ее приданого по брачному контракту; 3) существовали разные виды брака, один из них представлял собой пробный союз (как ни странно, названный греками

agraphos gamos, «брак без контракта»), в котором супруги устанавливали в контракте условия, на которых они соглашались жить вместе в течение ограниченного периода времени.

Вероятно, браки между братьями и сестрами в некоторой степени распространились и среди египетских греков (помимо царской семьи), но узнать что-либо достоверно об этом из папирусов довольно трудно по двум причинам: 1) потому что греческие имена, как мы уже видели, с II века до н. э. уже не могут считаться точным указанием на греческую национальность; 2) потому что термин «сестра» в имеющихся у нас документах мог применяться в официальной речи к жене, которая в действительности не являлась сестрой своего мужа. Во всяком случае, подобная формулировка была заимствована у египтян^[307]. С другой стороны, простагама, изданная Птолемеем IV, лишала египетских женщин независимого юридического статуса; как и греческие женщины, во всех законных операциях они должны были находиться под опекой мужа, если были замужем, или иного опекуна (kyrios), если были не замужем^[308]. При Птолемеи Филометоре македонская семья, жившая в городке в Гераклеопольском номе, все еще соблюдает греческие нормы брака по контракту, а не египетские; при этом в одном документе^[309] мы находим греческий контракт на пробный брак сроком на год, что может свидетельствовать о влиянии египетских обычаев на греческие^[310].

Что касается других правовых отношений, то египтянам по-прежнему приходилось составлять необходимые документы (контракты и тому подобное) на египетском языке (демотическим письмом) с громоздкими египетскими формулировками. Составление таких документов относилось к обязанностям профессиональных жрецов-писцов, которых греки звали (неизвестно, почему) монографами. Было найдено немало записанных демотическим письмом сделок, которые сообщают важные сведения о жизни коренных египтян при греческой власти, хотя разобрать их смысл зачастую значительно труднее – во всяком случае, при теперешнем уровне знаний демотического письма, – чем прочесть греческие папирусы. На протяжении первого века правления Птолемеев греки в своих правовых отношениях друг с другом, видимо, не прибегали к услугам профессиональных нотариусов. Один из свидетелей,

подписывающих документ, вероятно, должен был хранить его (как синграфофилакс) и предоставлять при необходимости.

Если в Египте была двойная система законов, египетская и греческая, то существовала и двойная система правосудия. Египтяне могли обратиться за разрешением гражданских споров к туземным судьям (которых греки звали лаокритами, «судьями народа»), принимавшим решение в соответствии с фараоновской традицией. Но что касается уголовного судопроизводства и исков греков к грекам, то судебную власть представляли чиновники, назначенные царем выступать от его имени, или, как последнее средство, сам царь. Нужно сказать, что ни один другой компонент птолемеевской системы в Египте – насколько можно судить по папирусам – не сравнится с юридическим механизмом, представляющим собой тщательно продуманный хаос. Обычно греческий глагол *chrēmatisizein* понимают в смысле вынесения решения от лица царя, и теоретически каждый его подданный имел возможность обратиться непосредственно к царю, чтобы тот рассудил дело. (Ходатайство к царю называлось *энтевксис*^[311].) Один из порталов дворца в Александрии имел особое название *χρηματιστικὸς πύλων*^[312], «вход к царю для суда». Когда царь посещал мемфисский Серапеум, мы видим, что в зале, который он занимал, было специальное окно (фирис), через которое люди могли бросать письменные прошения о правосудии и получать ответы. Однако поскольку семь или восемь миллионов жителей Египта физически не могли вступить в непосредственное общение с самодержцем, в стране появился греческий судебный орган для отдельных номов или групп номов^[313], чиновники которого назывались хрематистами и ездили по населенным пунктам для рассмотрения дел, вынося решения от имени царя. Впервые эти хрематисты описываются в письме Аристия к Птолемею II. Однако если попытаться определить полномочия этого выездного суда по сравнению с полномочиями других официальных властей, дело выглядит крайне запутанным. Такое впечатление, что на практике любой человек, ищущий правосудия, имел право обратиться к любому ближайшему представителю власти, к стратегу нома, эпистату (начальнику полицейских органов). «Мы видим, что хрематисты вступают в дело одновременно с чиновниками, иногда раньше их, иногда после них, иногда заседают вместе с ними; мы видим, что они

вызывают в суд, но им не подчиняются, и выносят постановления, которые оставляют представленное на их рассмотрение дело в таком же неустроенном виде»^[314]. Можно предположить, что в большинстве их решений по делам, которые мы можем проследить лишь по случайным упоминаниям в письменных документах, большую роль играли бакшиш (по-гречески *stephanoi*, «венцы») и личный интерес. Комограмматей и практор посадили в тюрьму египтянина по имени Хор. Чиновник дал понять, что Хор находится под покровительством важного человека и должен быть освобожден^[315] (примерно в 100 году до н. э.). Грабитель, пойманный с поличным, выходит сухим из воды, уплатив 200 драхм полицейскому агенту^[316].

В середине III века до н. э. мы встречаем случай, когда один хрематист действует самостоятельно, его посылает диойкет рассматривать дела, на которые у него самого нет времени. По отчету хрематиста диойкет выносит приговор^[317]. Как ни странно, у хрематиста египетское имя.

Наш главный источник информации о том, как функционировала судебная система в эллинистическом Египте, – это папирусы по делу Гермия, хорошо известного тем, кто изучает этот вопрос. Оно относится к Фиваиде времен Птолемея VII (125–117 до н. э.), и конечно же процедура могла существенно отличаться в других частях Египта и при первых Птолемеях. Папирусы сообщают нам о ряде шагов, которые предпринимал офицер конницы Гермий, сын Птолемея, называемый «персом», против корпорации местных хоахитов (занимавшихся погребальными обрядами), чтобы вернуть у них участок земли с выстроенным на нем домом в окрестностях Фив, так как, по его утверждению, он имеет право получить участок по наследству. Эту запутанную историю хорошо пересказал Буше-Леклерк (IV. Р. 218–233), и едва ли ее можно сжать в несколько слов. Последнее и, видимо, окончательное решение, которое значит в деле, принимает эпистат не в пользу Гермия (11 декабря 117 года до н. э.). «Факт, который следует всего яснее из дела Гермия, состоит в том, что по крайней мере в Фиваиде – районе с военной властью и, так сказать, постоянно находившейся под осадой – хрематисты, по-видимому, ограничивались ролью юрисконсультов. Исполнительные решения отдает эпистат, решающий дело вместе с заседателями» (Буше-Леклерк).

По вопросу разграничения компетенции местных лаокритов и греческих властей важным документом является закон Птолемея VII (118 до н. э.), пересказанный в одном папирусе^[318]. Закон гласит, что те дела, где одна сторона греческая, а другая египетская, должны разрешаться соответствующим судом на языке документов, относительно которых идет спор. Если они написаны демотическим письмом, то дело рассматривается лаокритами в соответствии с египетскими законами; если же греческим, то дело представляется на суд хрематистов. В случаях, где обе стороны египетские, дело должно рассматриваться лаокритами. Хрематисты не должны вмешиваться в такие дела – это свидетельствует о том, что на самом деле греческие судьи порой вторгались в сферу своих туземных коллег. Сэр Флиндерс Питри указывает, что в фараоновском Египте ответчик имел право выбрать кодекс, по которому он желал судиться (Social Life in Ancient Egypt. P. 90).

Исключительный феномен в Фаюме при Птолемеях III – это комиссия дикастов, в основном рассматривавших дела между воинами. Одно из этих дел – иск еврея из эпигонов к еврейке, опекуном (кирием) которой был афинянин. Буше-Леклерк полагает, что это была «особая комиссия, более-менее аналогичная военному совету, решения которого не подлежат обжалованию», и она назначалась для разбирательства накопившихся споров о долгах местных воинов. Во всяком случае, он высказывает предположение, что птолемеевская система юстиции могла иметь всевозможные временные и региональные разновидности, о которых мы ничего не знаем.

Обычно, как мы видели, те, кто хотел добиться правосудия, обращались к какому-либо официальному лицу, чьи функции не были в первую очередь или главным образом юридическими, и в случае неблагоприятного вердикта могли попробовать отменить его, обратившись к еще более вышестоящему лицу. Фотортей из Фиваиды (190 до н. э.) сначала обращается к эконому, потом, когда тот выносит решение против него, к стратегу, который передает дело эпистату^[319]. Клерух из кавалерии (примерно в 86 году до н. э.) обращается к своему вышестоящему начальнику, гиппарху, так как тот, видимо, обладает властью вызвать ответчиков к себе^[320]. Царский земледелец обращается к комограмматею своей деревни^[321]. Оскорбленный и избитый человек обращается к эконому^[322] (245 до н. э.). См.

несколько превосходных замечаний Жуге по поводу неясных полномочий, которые эти чиновники могли иметь в такой стране, как Египет (*Revue Belge de Philol. et d'Histoire* (1923). Р. 433 и дальше).

Важнейший закон Птолемея II (259–258 до н. э.) установил, что в делах, касавшихся царской казны, лица, привлеченные к суду по обвинению в действиях, хоть сколько-нибудь предосудительных по отношению к доходам царя, не имели права на защитника. Любой защитник, выступающий против царских интересов, рисковал конфискацией всего имущества^[323].

В тех случаях, когда жалоба касалась притеснения или несправедливости со стороны злоупотребляющего властью чиновника, естественно было обратиться к его вышестоящей инстанции – например, стратегу; и вышестоящая инстанция могла судить и карать своих подчиненных по своему усмотрению без вмешательства какого-либо суда. Однако дела, касавшиеся сбора царских доходов, входили в особую категорию. Согласно закону, который, по всей вероятности, был введен Птолемеем I, эти дела должны были рассматриваться номархом вместе со стратегом^[324]. Позднее все обвинения в притеснении, выдвинутые против откупщиков или сборщиков налогов, по закону должны были направляться верховному диоикету, находившемуся в Александрии^[325]. Рескрипт Птолемея VIII (Сотера II) от 11 апреля 114 года до н. э. особо запрещал всем обычным судебным органам рассматривать подобные дела, которые должны были передаваться на рассмотрение исключительно диоикету^[326].

Для исполнения судебных решений и борьбы с насилием и преступностью была разработана полицейская организация. Полицейские эллинистической эпохи назывались филакитами. У нас есть сведения о нескольких видах полицейских сил. Это херсепгиппы, «конные полицейские засушливых районов», которые патрулировали пустынные области за пределами возделываемой земли, до которых не доходил разлив Нила; эрмофилаки, «пустынная охрана» низшего класса; эфоды, прикрепленные к сборщикам налогов; махерофоры («меченосцы»)^[327], рабдофоры («жезлоносцы»), мастигофоры («хлыстоносцы»), прикрепленные к высшим чиновникам. Среди полицейских сил высшего разряда, видимо, преобладали греки и македонцы; обычные филакиты набирались в основном из коренных египтян^[328]. Офицеры обычно были греками, а в III веке до н. э.,

вероятно, исключительно греками, хотя и здесь тоже при поздних царях началось проникновение туземного элемента. В каждом крупном селении был архифилакит, командующий местными полицейскими силами; над ним стоял начальник полицейских сил топархии, а над ним — эпистат, начальник полицейских сил всего нома. Этого эпистата полиции нельзя путать с эпистатом нома, который, как и первый, занимался отправлением правосудия. В основном филакиты использовались правительством в целях, не относившихся к полицейским обязанностям, как мы понимаем их сегодня: для сбора налогов, закупки ткани для государства, проверки урожая на царской земле. Вероятно, насильственные преступления были довольно часты, и порой папирусы рассказывают нам, что в стычках полиция терпела жестокое поражение. В непосредственной близости от пустыни и болотистых зарослей тростника трудно было расправиться с разбойниками, и, по всей видимости, положение лишь ухудшилось в последние годы правления династии Птолемеев, когда центральное правительство погрузилось в хаос. Мы слышим о том, как солдаты превращаются в разбойников, как жители одной деревни крадут овец у обитателей другой. Как ни странно, мы редко слышим об обычных преступниках, осужденных на смертную казнь (конечно, в правление некоторых царей в Александрии казнили направо и налево; и в большинстве своем Птолемеи шли на убийство без зазрения совести); но обычные преступники, видимо, наказывались конфискацией имущества. Однако диойкет Аполлоний заявляет, что если некий человек в Фаюме будет осужден за слова, которые ставят ему в вину обвинители (можно предположить, что это было нечто изменническое), то он будет «проведен кругом и повешен»^[329]. Смертной казнью наказывалось ложное свидетельство о своем имени и национальности^[330]. У нас нет ни одного упоминания чего-либо подобного распятию, столь ужасающе частому в Риме или Карфагене. Также в древности тюремное заключение не было обычным наказанием за преступление. В тюрьму сажали должников, и в нашем распоряжении имеется множество папирусов с горькими сетованиями неплательщиков (часто должников царя) о том, что вскоре они умрут в заключении. Мы слышим о некой малоприятной мере, называвшейся «принудительным убеждением» — *peithananke*, она применялась, чтобы принудить к признанию человека, подозреваемого в том, что он

обманул казну. О деталях этой полицейской процедуры «мы почти ничего не знаем. Едва ли мы ошибемся, если сочтем, что она была жестокой и скорой для незначительных людей и носила особо насильственный характер, если дело касалось доходов царя» (Буше-Леклерк считает вероятным, что разграничение в римском законе *honestiores* (высших слоев) и *humiliores* (низших) было подсказано римлянам тем, что они увидели в Египте, где бок о бок жили привилегированные греки и подчиненный туземный народ).

Филакиты получали вознаграждение частично в виде жалованья (опсонион), частично наделами земли, как военные клерухи. Их действительно можно было считать своего рода солдатами. Разве что клеры, которые выделялись им, были меньше, чем причитающиеся греко-македонским воинам, служившим в армии, хотя и больше, чем причитающиеся махимам. Обычный клер рядового полицейского, видимо, составлял 10 арур; эфода – 25 арур. Полицейский мог получить повышение – быть назначенным на службу в армии; мы знаем об эфоде («македонце»), который становится всадником и получает клер в 24 аруры (145 до н. э.?)^[331].

Вероятно, существовал особый орган речной полиции, патрулировавшей Нил, главный путь сообщения всего Египта выше Дельты, на сторожевых судах (филакидах), но у нас есть лишь один фрагмент папируса эллинистического периода, в котором о них говорится^[332].

3. Армия и флот^[333]

Как мы видели, египетская военная каста, членов которой греки называли махимами, все еще существовала в качестве отдельного органа в то время, когда в Египте установилось правление Птолемея. Пока неясно, в какой мере египетские воины использовались в войсках Птолемеев до Филадельфа. С одной стороны, Полибий пишет о вооружении египтян Филадельфом в 217 году до н. э., как если бы это было важнейшее нововведение; с другой стороны, у нас есть слова Диодора о том, что в битве при Газе (312 до н. э.) в армию Птолемея входил «большой отряд египтян, некоторые из них использовались в обозе, другие были вооружены и готовы к бою». Конечно, может быть так, что Птолемей Сотер сначала – или ввиду особой необходимости в 312 году до н. э. – использовал местные войска, но потом отказался от эксперимента, и век спустя, когда Филадельф вывел туземных воинов на поле боя, это представлялось абсолютным отходом от птолемеивской традиции. Либо нововведение могло состоять в том, что тогда туземным воинам впервые дали македонские доспехи и организовали в регулярную фалангу, тогда как раньше они имели лишь легкое вооружение, возможно, по старому и неэффективному египетскому обычаю и применялись только во вспомогательных службах, в разведке и т. д. Лекье высказывает предположение о том, что туземные махимы участвовали в военных действиях начиная с времени правления Птолемея I и что нововведение Филадельфа заключалось в вооружении всех египтян без разбора, а не только махимов. Но эта теория едва ли укладывается в рассказ Полибия. Как бы там ни было, даже в первые годы царствования династии махимы использовались в качестве полицейских и, видимо, морских пехотинцев на кораблях военного флота^[334].

У нас есть несколько единичных упоминаний о туземных воинах в документах, относящихся к последнему периоду династии. Они были организованы в войска, называвшиеся лаархиями, которыми командовали лаархи^[335]. (Греческое слово «народ» – λαῶ – обычно употреблялось для обозначения туземных жителей.) Махимы, жившие в качестве военных поселенцев в Фаюме при Эвергете II, носят

египетские имена^[336]. Если Лекье прав, то термин «махим» в последнем веке до нашей эры изменил свое значение. Вместо членов туземной военной касты он стал означать всех тех воинов, чьи наделы, как, например, орошаемые наделы махимов, имели размер 30 арур и меньше, – в том числе даже и греческих махимов^[337]. Это было одним из признаков процесса, который при последних Птолемах, казалось, однажды должен был сплавить греков и египтян в единый народ, – если бы Рим его не остановил.

Армии, с которыми первый Птолемей боролся против своих соперников, в основном, как мы видели, состояли из македонских войск, которые были набраны из воинов, разбросанных по Ближнему Востоку со времен Александра Македонского. Большинство их он поселил в качестве военных колонистов на египетской земле, и этот процесс военной колонизации продолжился при Птолемеях II и Птолемеях III. Даже после битвы при Рафии силу египетской армии все еще составляли воины-европейцы.

Нужно различать регулярные и наемные войска. Регулярная армия в целом номинально всегда оставалась «македонской», но по сути состояла из множества элементов, помимо македонских. Определенная часть набиралась среди греко-македонских граждан Александрии и Птолемаиды. Подавляющее большинство регулярных воинов, не считая воинов македонской крови, были греками или происходили с Балкан. Видимо, после македонского элемента крупнейшим был фракийский^[338], а из греков на первом месте стояли критяне. Также в войско входила небольшая доля азиатов, в том числе евреев^[339].

Конница стояла выше пехоты, как следует из того, что земельные наделы всадников были больше. Конные войска (гиппархии) иногда назывались порядковым числительным – Вторая гиппархия, Третья, Четвертая и т. д., – а иногда по конкретной национальности – Мизийская гиппархия, Фракийская гиппархия и т. п. Еще в первые годы правления Филадельфа в гиппархиях с этническими названиями стали принимать всадников любой национальности без разбору^[340], хотя, возможно, гиппархии сохраняли доспехи и другие особые боевые характеристики, свойственные тому народу, из которого они первоначально состояли.

Регулярная пехота (пезы, «пехотинцы»), вооруженная по-македонски длинными пиками (сариссами), составляла тяжелую фалангу в боевом

строю египетского войска. (При Рафии фаланга насчитывала 20 тысяч человек.) Она была разбита на хилиархии, которые назывались по порядковым номерам. Под греческим словом «гегемон», которым обозначились офицеры, стали подразумеваться конкретно офицеры пехоты, в отличие от офицеров конницы – гиппархов. Одна из загадок папирологии состоит в том, что означают слова *ep' andrōn* («над людьми»), которые иногда идут после звания гиппарха или гегемона. Сегодня преобладает мнение, что оно значит «на действительной службе»^[341].

Стратеги верховного командования египетских войск часто были наемниками из заморских греческих стран, однако их вряд ли можно назвать кондотьерами, поскольку командовали они не шайками, которые собрали самостоятельно и привезли с собой, а царскими войсками. В 218 году главную роль в реорганизации египетской армии сыграли греки из древних греческих земель – магнесец, беотиец, ахеец, аргивянин, фессалиец, два критянина; а в правление следующего царя мы находим, что во главе армии стоит этолиец Скопа, который, прежде чем прибыть в Египет, занимал высокий пост у себя в стране.

Помимо регулярной армии, сформированной из переселенных (македонцев, греков и т. д.) и туземных воинов, Птолемеи в большом масштабе использовали наемные войска. Наемники представляли собой отряды, набранные каким-либо командиром-кондотьером на одном из солдатских рынков греческого мира – в пелопоннесском Тенароне или малоазийском Аспенде – на свой страх и риск; сформировав отряд, он поступал на службу к любому царю или городу, который предлагал наиболее выгодные условия. Богатства династии Птолемеев дали им возможность нанимать заморских воинов подобного типа в больших количествах. Так как в те дни для военных действий в основном требовались определенные рода войск, умело владеющие каким-либо конкретным оружием, Птолемеям приходилось регулярно прибегать к помощи наемных войск, которые набирались в первую очередь из того народа, по имени которого и назывались: критские лучники, фракийцы с большими щитами и прямым обоюдоострым древковым оружием (ромфаями), галлы, высокие светловолосые воины севера с вытянутыми узкими щитами и необычайно длинными мечами, которые внушали противнику

большой страх чем кто бы то ни было, но неизменно представляли не меньшую опасность для нанимателя, чем для врага. В битве при Рафии на стороне Птолемея IV участвовали 10 тысяч наемников (конных и пеших), из них 3 тысячи критян и 6 тысяч фракийцев и галлов. В ту эпоху царь мог часто вербовать наемников на несколько лет. Из 6 тысяч наемных пехотинцев, сражавшихся за Птолемея при Рафии, не меньше 4 тысяч имели участки земли, отданные им в пользование в Египте как солдатам регулярной армии.

Несколько полков отборных воинов составляли царскую гвардию и обычно селились недалеко от самого царя – то есть, как правило, в Александрии. Гвардия, по-видимому, состояла из кавалерии – конной гвардии (οἱ περὶ τὴν αὐλὴν ἱππεῖς), 700 всадников в битве при Рафии, – и пехоты, как регулярной («македонцы»), так и наемной. Термин «агема», которым назывались в армии Александра отборные войска, состоявшие из пехоты и конницы, в царстве Птолемеев обозначал регулярную пехоту гвардии. В битве при Рафии ее численность составляла 3 тысячи человек. Позднее мы слышим об особых отрядах из местных египетских воинов в гвардейских войсках царя (ἐπίλεκτοι μάχιμοι περὶ τὴν αὐλὴν)^[342]. Несомненно, они имели такое же вооружение, как у туземной фаланги при Рафии, то есть македонское, а не древнеегипетское. Однако представляется вероятным, как считает Лекье, что туземная гвардия появилась уже после Птолемея IV. Воины, заплотившие улицы Александрии в правление первых трех Птолемеев^[343], должны были быть исключительно греками и македонцами.

Современные Птолемею II поэты изображали, как перспектива военной службы при богатом греческом царе влекла в Египет молодых мужчин авантюрного склада со всего греческого мира. Вот воображаемый разговор между двумя такими юношами на Косе. Один пережил измену любимой и говорит, что отправится на военную службу за море. Другой отвечает: «Да что это пришло тебе в голову, Эсхин! Но если уж ты и вправду решился отправиться в изгнание, то Птолемей – лучший казначей для свободного человека!» – «А в остальном что он за человек?» – «Лучший казначей для свободного человека! К тому же снисходительный, любимец муз, верный друг, душа доброй компании, знает своих друзей, но еще лучше знает своих врагов. Человек щедрый для многих, не отказывает в том, что просят у

него, если это подобает царю; однако, Эсхин, не следует нам постоянно обращаться с просьбами. Так, если ты решил приколоть верхний угол плаща над правым плечом и если у тебя достанет духу твердо стоять на обеих ногах и стойко нести бремя щитоносца, немедленно езжай в Египет!»^[344]

А здесь некто говорит молодой жене, чей муж отправился в Александрию: «С тех пор как Мандрис уехал в Египет, прошло уже десять месяцев, и он не написал тебе ни строчки. Он позабыл тебя, будь уверена, и пьет из другого источника наслаждений! Египет! Подумай, там стоит храм богини [Арсинои]. Все, что ни есть или ни может быть на свете, есть в Египте: богатства, гимнасии, власть, удобства, слава, зрелища, философы, юноши, храм Богов Адельфов, царь, свободный человек, Музей, вино, всякое добро, которого только может пожелать сердце – и женщины тоже числом больше звезд, а красотой как богини, пришедшие на суд к Парису»^[345].

Как мы видели, Птолемей I создавал в Египте искусственную Македонию, поселяя македонских и греческих солдат на его земле. Возможно, эта система арендаторов наделов (клерухов) полностью развилась не раньше царствования Птолемея III, после которого у нас более чем достаточно сведений об этом в папирусах. Само название клерухов позволяет предположить, что образцом для них могли в некоторой степени послужить афинские клерухи, получившие участки на принадлежащих Афинам заморских территориях, однако положение греческих клерухов в Египте больше походило на положение махимов во времена фараонов. В битве при Рафии регулярные войска (греко-македонские) насчитывали 28 700 человек. По расчетам Лекье на основании известного нам размера наделов, из этого следует – при условии, что все солдаты регулярной армии были клерухами, – что 2 миллиона арур египетской почвы в III веке до н. э. были переданы этим иностранным военным поселенцам. Геродот сообщает, что в V веке до н. э. махимы насчитывали 410 тысяч, и надел каждого составлял 12 арур. Таким образом, это дает в общем 4 920 тысяч арур земли, которые должны были занимать махимы. Поскольку махимы, чье число сократилось после установления греческой власти в Египте, никак не могли занимать такую площадь, то предполагаемое количество земли, отданное греко-македонским клерухам, не кажется чрезмерным. Самих туземных махимов в эллинистическом Египте,

вероятно, было меньше, чем в V веке до н. э., по сведениям Геродота; но, кроме того, обычный надел рядового махима пехоты теперь составлял лишь 5, а не 12 арур. Некоторая часть новых греко-македонских клерухов могла поселиться на землях, которые в прежние времена занимали махимы, но несомненно, что по большей части они обосновались на новых землях, отвоеванных у пустыни с помощью ирригации, главным образом в Фаюме. Порой, когда, например, Птолемей III привозил огромное количество пленных воинов из своих азиатских кампаний, должно быть, все новые клерухи получали наделы в Египте; в другое время процесс наделения участками «царской земли» того или иного воина или группы воинов был обычным элементом повседневного управления делами.

Земельный надел (клер) назначался воину пожизненно, если только из-за нарушения воинского долга царь не желал конфисковать участок, то есть вернуть его в «царскую землю». Одна из главных обязанностей клерухов состояла в том, чтобы должным образом возделывать участок. Клерух не мог оставить полученный надел в наследство; после смерти клеруха он снова отходил к царю и становился «царской землей» или опять передавался новому поселенцу. Помимо участка сельскохозяйственной земли, воин получал жилье (стафм). В Египте сельскохозяйственные земли, как правило, были слишком драгоценны, чтобы строить на них что-либо. Дома строились на возвышенностях, куда не достигал разлив. Какой-нибудь домовладелец по соседству с клером – в соседней деревне – был вынужден отдать половину своего дома в распоряжение клеруха. Естественно, подобная система расквартирования греко-македонских солдат в домах населения приводила к постоянным трениям и конфликтам. Видимо, иногда клерухи, у которых уже был стафм, пытались получить еще один в другом доме. Это было запрещено законом Птолемея II^[346]. Кроме того, этот же закон запрещал клеруху «извлекать доход» из своего стафма, то есть, вероятно, сдавать его в аренду. С другой стороны, ему разрешалось – достоверно со времени Птолемея III, а может быть, с самого начала – сдавать внаем клер; это было в интересах государства, чтобы кто-то оставался возделывать участок клеруха, когда того призывали на действительную службу.

Государство преследовало двойную цель: 1) иметь воина, которого оно могло поставить в строй, когда появлялась нужда в войске; 2)

иметь должным образом возделанный участок египетской земли. Важно было передать участок после смерти клеруха молодому воину. Самым естественным человеком, который мог бы занять место умершего, был его сын – если у него был сын. Когда после смерти клеруха участок возвращался царю, чтобы затем снова стать чьим-то наделом, царь при обычных обстоятельствах отдавал его годному к службе сыну покойного клеруха, если таковой имелся. Таким образом, хотя формально по закону участок не был наследственным, тем не менее он передавался по наследству на практике – но только при условии, что покойный клерух оставлял после себя сына, который мог сослужить царю реальную службу воином. В какой-то момент между девятым годом правления Эвергета I и пятым Филопатора правила изменились. После смерти клеруха, если он оставлял сына, сыну разрешалось немедленно получать в пользование участок отца, но до тех пор, пока он согласно закону не регистрируется в качестве нового клеруха, ему не разрешалось присваивать продукты, выращенные на клере, и все они в этот период переходили к царю. Наделы, продукты с которых таким образом «удерживались» царем, назывались *katōchimoī klēroi* (от *katechein*, «удерживать»). Третья перемена произошла, вероятно, в I веке до н. э. Отныне передача по наследству не ограничивалась отпрыском клеруха; она расширялась на его ближайшего родственника^[347].

Вопрос, что означают термины *epigonos* («рожденный после») и *epigonē*, – еще одна избитая проблема папирологии. Мне кажется, сейчас уже достоверно установлено, что множественное число *epigonoī* («эпигоны») не синонимично слову «[из] эпигонов». Эпигоны определенно были организованы в военные войска под началом армейского руководства. Видимо, общепринятым стало мнение Лекье, что обычно сыновья клерухов были обязаны отслужить несколько лет в тех или иных войсках. В интересах царя было, чтобы после смерти клеруха сын, занявший его место, имел военную подготовку, и правительство могло выбирать некоторых сыновей (если их было несколько), не обязательно старшего, но того, который, пройдя военную подготовку в эпигонах, оказывался самым способным. Один папирус времен Птолемея II рассказывает нам о людях, которые уже занимают наделы в 20 аур, еще будучи в эпигонах^[348]. С другой стороны, люди, о которых говорят, что они «из эпигонов», не связаны

ни с какими войсками. Лекье предположил, что тех, кто уже отслужил свой срок в эпигонах, затем называли «из эпигонов». Некоторое время бытовало мнение о том, что сын клеруха в ожидании передачи ему отцовского клера назывался «из эпигонов», пока сам не становился клерухом, но ее опровергает папирус^[349], в котором упоминается некто «из эпигонов», уже получивший клер в надел. Гриффит^[350] высказал предположение, что ключевой смысл термина *erigonē* состоял в противопоставлении неегиптянина урожденному египтянину. Термин «из эпигонов» переводится на египетский как «рожденный в Египте среди потомков стратиотов», то есть детей и потомков воинов – неегиптян, поселившихся в Египте: греков, персов, фракийцев и т. д. Когда человек «из эпигонов» вступал в армию, он сам становился воином и уже не был «из эпигонов».

С течением времени у клерухов появлялось чувство, что обрабатываемый ими участок и стафм, в котором они жили, на самом деле принадлежат им. Еще в царствование Птолемея III появились завещания клерухов, в которых они оставляют стафмы своим женам.

Было ли у них какое-либо законное право завещать имущество, полученное от царя, неясно. Но к концу II века до н. э. клерухи приобрели ограниченное право на завещательное распоряжение. «Если кто из них умрет без завещания, его надел должен перейти к его ближайшему родственнику», – гласит закон Птолемея VII (118 до н. э.)^[351]. Однако нет никаких сомнений в том, что выбор наследника был ограничен теми, кто мог занять место клеруха на военной службе; к примеру, он не мог оставить клер женщине.

Размер клера соответствовал рангу клеруха. Клеры командиров составляли чуть больше 100 аур; мы знаем об одном гиппархе (?), который владел клером в 1306 аур. В III веке до н. э. обычный клер всадника пронумерованной гиппархии составлял 100 аур; воина этнической гиппархии – 70 аур; рядового регулярной пехоты – 30 аур; туземного махима – 5 аур. Мы не знаем величины клеров царских гвардейцев. Положение человека можно назвать по размеру его имущества – «стоарурник» (гекатонтарур, *hekatontarūros*), «тридцатиарурник» (триаконтарур, *triakontarūros*) и т. д. Во II веке до н. э. наблюдается гораздо большая разница в размерах клеров. Всадники конницы теперь «стоарурники» или «восемьдесятарурники» (больше нет никаких

«семидесятиарурников»). Есть местные воины (*machimoi hippeis*) «двадцатиарурники», а клер туземного пехотинца в некоторых случаях увеличился с 5 до 7 арур. Но такое видимое увеличение размера клеров может ввести в заблуждение. Термины «стоарурник» и тому подобные стали обозначать определенный ранг, и ими по-прежнему продолжали называть воинов этой категории, даже если истинный размер их клеров значительно отличался от заявленного. При Птолемеи VI ни один из «стоарурников», живших в файюмской деревне Керкеосирис, не имеет больше 50 арур, ни один из «восьмидесятиарурников» не имеет больше 40. Но мы видим, что появились некоторые махимы – «тридцатиарурники», и каков бы ни был реальный размер их наделов, это означает приближение ранга туземных воинов к рангу греко-македонских – один из признаков, среди прочих, роста значения туземного египетского элемента к концу эллинистической эпохи.

С конца III века до н. э. наблюдается изменение в терминологии, которое требует объяснения. Термин «катеки» («поселенцы») начинает применяться вместо термина «клерухи» для описания греко-македонских пользователей наделов. Вероятно, в классической Греции это слово означало переселенцев, не местных жителей, и затем в Египте им стали называть греко-македонских держателей наделов, после того как в число клерухов стало входить все больше туземных египтян, которые получили в пользование клеры, будучи либо воинами, либо полицейскими. Однако уже в конце II века термин «клерухи» еще применялся для обозначения греко-македонских пользователей наделов какое-то время наряду с термином «катеки»^[352].

Наемные воины царя получали плату (опсонион) натурой – хлебом, фуражом и т. п. – так же, как и юноши на службе в качестве эпигонов. Но клерухам вместо платы полагались наделы и стафмы – кроме, возможно, того времени, когда их призывали на действительную службу^[353]. Всем воинам, регулярным и наемным, предоставляли вооружение из царских арсеналов; а кавалеристам – лошадей из царских конюшен (гиппотрофей). Но что касается клерухов, то предоставленные им вооружение и лошади переходили в их собственность; мы видим, что клерухи оставляют свои доспехи и лошадей наследникам по завещанию.

Помимо сухопутной армии, Птолемеи владели военно-морским флотом; при Птолемеях II и Птолемеях III, когда Египет в основном господствовал на море в Леванте, флот, должно быть, был весьма велик. Согласно Калликсену^[354], боевых кораблей при Птолемеях II насчитывалось 336. Но мы почти ничего не знаем об организации флота. Главный адмирал имел звание наварха, но то же звание, вероятно, носили командиры подразделений флота^[355]. В II веке до н. э. стратег (правитель) Кипра сочетает пост наварха с постом правителя. В одном папирусе 159 года до н. э. говорится о жителях греческих островов, которые служат морскими пехотинцами^[356]. Гребцы и корабельные экипажи нанимались из местных крестьян, «царских земледельцев» и т. п. Вероятно, когда жрецов освободили (согласно Розеттскому декрету) от *σύλληψις τῶν εἰς τὴν ναυτείαν*, одной из их привилегий было то, что крестьяне, работавшие на храмовых землях, не призывались на службу во флоте. Туземные египтяне, как уже говорилось, тоже служили морскими пехотинцами на боевых кораблях, но только те из них, кого причисляли к категории махимов; эти туземные морские пехотинцы иногда назывались термином, который мы находим в папирусах времен Птолемея VI^[357] – навклеро-махимы; они были «пятиарурниками». Также упоминается налог на содержание флота – триерархема^[358].

Одним из родов войск, которые использовались в эллинистических армиях после Александра Македонского, были подразделения, состоявшие из боевых слонов – впервые греки узнали о них, когда Александр вторгся в Индию. В конце IV века до н. э. Селевк привел по суше с Востока большое количество индийских слонов и поместил их в Апамее в долине Оронта. Транспортировка слонов по морю была бы неосуществимым предприятием даже для таких богатых царей, как Птолемеи. Однако для их замены правительство Птолемея II стало регулярно организовывать ловлю африканских слонов в южных районах – землях «пещерных жителей» – троглодитов, как греки называли первобытные черные племена этой части света. Экспедиции (упоминаются два их командира, жившие при Птолемеях II, Сатир и Евменид) отправлялись к дальним берегам Красного моря или в Сомали, пойманные слоны доставлялись на борт специально построенных кораблей, называвшихся элѳантегами («слоновозами»), и привозились по морю в Беренику, «Беренику Троглодитов» (в заливе

южнее мыса Рас-Банас), откуда их гнали по пустынным холмам в Коптос или Омби. Там их принимал чиновник, «надзиратель за поставкой слонов» (ὁ ἐπὶ τῇ χορηγίᾳ τῶν ἐλεφάντων)^[359]. В Фиваиде находилась временная стоянка слонов, а главная «слоновня» располагалась в Мемфисе^[360]. В адулисской надписи добыча слонов на юге упоминается среди великих деяний Птолемея III, и Агафархид сообщает, что он особенно интересовался этим вопросом. Вдоль побережья Красного моря возникают постоянные военные стоянки: укрепленная Евмедом Птолемида Ферон («Слоновья») рядом с Суакином; Береника Панхрисос, «Цельнозолотая» (Массава); Арсиноя рядом с Баб-эль-Мандебским проливом; Береника-эпи-Дирес у самого пролива, – и дальше по сомалийскому побережью пункты, названные в честь командиров, руководивших охотой на слонов во внутренних районах страны и часто оставлявших память о себе в виде стел и алтарей: охота Пифангела, охота Лихаса, мыс Пифолая, башня Леонта, гавань Пифангела. Воины, отряженные для охоты на слонов, назывались кинегами, охотниками, и мы слышим о квартирмейстере таких войск со званием «грамматей охотников». Он упоминается в приказе (223 до н. э.) царского банкира в Аполлонополе (Эдфу) передать грамматею жалование для воинов, идущих с Пифолаем на сомалийское побережье, – 4 серебряных обол в день, видимо неплохой заработок. Другой документ, связанный с охотой, – письмо (на греческом языке) от какого-то египтянина в Беренике соотечественникам в отдаленной стоянке на юге (224 до н. э.). Из него мы узнаем, что слоновоз, выгрузив слонов, обычно возвращался из Египта с грузом зерна для содержания гарнизонов на далеких береговых стоянках. На этот раз слоновоз затонул на обратном пути, и автор пишет, чтобы ободрить людей на южной стоянке, уверяя их, что новый слоновоз почти достроен в Беренике и вскоре будет отправлен к ним с новым запасом хлеба^[361].

Африканский слон зоологически весьма отличается от индийского, и недавние попытки выдрессировать африканского слона, как дрессируют индийских в Индии, не имели большого успеха. С этим вполне согласуется тот факт, что эксперимент Птолемея по применению африканских слонов против индийских соперничающей династии окончился провалом. Африканские слоны не могли выстоять в бою против индийских. После битвы при Рафии охота на слонов не

была сразу же прекращена, но, видимо, в поздний эллинистический период ее постепенно забросили. Древние авторы отмечают превосходство индийских слонов над африканскими, но ошибочно утверждают, что их недостаток заключается в меньшем размере. Это неверно. Обычно высота в холке взрослого самца индийского слона составляет от 8 до 10 футов, тогда как взрослый африканский слон часто достигает 12 футов. Может быть, африканские слоны, бежавшие перед индийскими в битве при Рафии, не были взрослыми самцами; это могло бы объяснить и распространенное мнение о том, что африканские слоны мельче индийских, и их робость. Можно сделать вывод, что из-за трудностей доставки морем предпочтительнее было привозить не достигших зрелости животных. Однако в 217 году до н. э. в царских слоноვნях должно было находиться множество слонов, которые, даже если их привезли еще детенышами, за это время успели вырасти во взрослых особей.

4. Царь и местная религия

В далекой древности жрецы, служившие египетским богам, по-видимому, не выделялись из народной массы в отдельную касту. Но за много веков до прихода греков в Египет там уже возникла такая жреческая каста, которая пополнялась обычно из детей самих жрецов^[362]. Жрецы стали носить особое облачение, а в силу того, что они владели священным знанием и богатствами, которые накопил их орден, они стали играть доминирующую роль в жизни страны. И когда греки явились править Египтом, они повсюду видели этих людей с бритыми головами и безбородыми лицами, которые в белых льняных одеждах все так же совершали в грандиозных храмах, стоявших тогда во всем своем древнем величии, старинные чудные ритуалы на непонятном эллинам языке. Высшее духовенство везде было организовано в четыре группы, или, как их называли греки, филы (племена) либо этны (нации) – из числа которых, как мы увидим ниже, греческий царь впоследствии сформирует новое пятое «племя». Мы не знаем, было ли между четырьмя (или пятью) филами какое-то отличие в достоинстве или функциях, но, по всей видимости, каждая фила по очереди исполняла жреческие обязанности в храмах в течение месяца, и, таким образом, разделение имело практический смысл. От деления жрецов на филы сильно отличается их деление на классы согласно выполняемым функциям. К высочайшему классу относились верховные жрецы, затем шли те, кого греки называли «предсказателями», хотя почему греки дали египетским жрецам, относящимся ко второй категории, это название, никто не знает, поскольку они никак не были связаны с получением предсказаний, а на египетском языке их звание просто означает «служители бога». К третьему классу относились (если опять же воспользоваться греческой терминологией) «облачателы» (столисты), чьи обязанности состояли в одевании, раздевании и украшении идолов. Затем шел четвертый класс «священных писцов» (иерограмматеев), которые, помимо прочего, надзирали за написанием новых иероглифических надписей. «Перьеносцы» (птерофоры), о которых говорится как о классе жрецов в греческой версии Канопского и Ро-зеттского декретов, вероятно, как показывал Отто, были подклассом «священных писцов», и одной из их

инсигний было перо, которое они носили на голове. Затем шли разнообразные жрецы, которые хотя и не принадлежали ни к одному из четырех высших классов, звались по-египетски *wē-‘eb*, что отмечало их принадлежность к высшему духовенству, и, следовательно, были членами одной из четырех (а позднее пяти) священных фил.

Ниже четырех фил находилось множество тех, кого можно было назвать жрецами (иереями), поскольку они выполняли функции, связанные с религией, но при этом они не были иереями, если этим словом переводить *wē-‘eb* – то есть это были служители, подобные левитам в иерусалимском храме: те, кто подметал в храмах, нес небольшие ковчеги идолов во время процессий (пастофоры), занимался мумификацией тел людей и священных животных (тарихевты), кто совершал возлияния мертвым (хоахиты). Кроме того, было еще немало жриц или женщин, прикрепленных с какой-либо целью к храмам, например знаменитые близнецы из мемфисского Серапеума, чьей обязанностью было оплакивать мертвого Аписа и совершать возлияния Имхотепу.

Придя в Египет, греки нашли этот организованный орган, духовную корпорацию, огромный круг священников, упроченный на египетской земле во всем своем древнем авторитете и силе. Трудно сказать, насколько он подчинялся какой-либо центральной духовной власти. Египетская религия отнюдь не была единообразной, религиозная теория и практика одного нома значительно отличалась от принятой в другом. Мы ни разу не слышали ни об одном председателе или главе египетского жречества, хотя в каждом из главных храмов «верховный жрец», обычно занимавший должность в течение года и выбираемый, скорее всего, самими жрецами^[363], возглавлял всю организацию жрецов и прикрепленных к ним служителей, и иногда мы видим, что группой меньших храмов руководит один жрец в ранге «предсказателя»^[364]. В управлении храмом верховному жрецу помогал совет жрецов (*boulautai hieres*), избиравшийся ежегодно по пяти человек от каждой филы и, следовательно, составлявший 20 человек или 25, когда число фил увеличилось до пяти. Иногда жрецы всего Египта присылали представителей в общий синод, который имел полномочия принимать правила, обязательные для всех египетских

храмов. Во времена Птолемея III такой всеегипетский синод собирался в Канопе. Позднее синоды заседали в Мемфисе.

Мне кажется сомнительным утверждение Отто, связывающего «ежегодный приезд в Александрию», от которого Птолемей V «освободил» жрецов, с синодами. Вилькен ставит под сомнение даже то, что синоды были добровольными и регулярными собраниями египетских жрецов, а не созывались царем по конкретным поводам, чтобы принудить их к выражению верности.

Храмы были не только местами совершения религиозных обрядов. Они являлись также крупными землевладельцами и предпринимателями. «Священная земля» (*hiera gē*), как мы видели выше, была одной из основных категорий земли в эллинистическом Египте, хотя едва ли она достигала трети от всех сельскохозяйственных площадей, как о том пишет Диодор, вероятно имея в виду времена фараонов. Большая часть «священной земли» использовалась для извлечения доходов за счет земледелия: под зерновые поля, виноградники, огороды, пальмовые рощи; часть занимали деревни и города, которые давали храмам доход от недвижимости. Далее, она включала непосредственно храмовые территории, и нужно представлять их себе местами оживленной торговли, где торговцы съестными продуктами, одеждой и домашней утварью держали прилавки и, разумеется, платили за свой бизнес то, что причиталось богу. Кажется, бордели (афродизии) тоже были элементом священных заведений и увеличивали божьи прибыли^[365]. Храмы вносили значительный вклад в заметное развитие производства, которое последовало за взятием Египта греками. Главной отраслью, которой занимались храмы, было производство льна, о чем уже говорилось выше. Возможно, произведенный лен (за исключением некоторого количества, которое они должны были поставлять царю) шел не на продажу, а на нужды храмов и их служителей. Так же дело могло обстоять и с другими храмовыми производствами – мельницами, пекарнями, пивоварнями (имевшими в Египте важное значение, так как пиво было там национальным напитком), резьбой по камню, изготовлением кирпичей. Однако даже если храмы не продавали произведенные ими вещи широким массам, все-таки они обладали большим экономическим преимуществом – у них не было необходимости покупать все упомянутое по обычным

ценам^[366]. Распределение хлебных долей между служителями храмов находилось в руках храмовых чиновников (по-гречески называвшихся экономами), которые в мемфисском Серапеуме, вероятно, сменялись ежегодно^[367].

Когда чужеземец столкнулся с этой древней религиозной системой в стране, которую он захватил, чтобы править в ней к своей выгоде, им двигало два желания. В первую очередь он хотел привлечь на свою сторону эту влиятельную силу и не дать ей стать зачинщиком национального бунта, а наоборот, использовать для усмирения порывов национализма, которые слишком легко могли всколыхнуть народ, еще лелеявший память о былом величии; во-вторых, он стремился как можно крепче держать ее под своим контролем. Он колебался между этими двумя стремлениями в зависимости от сиюминутных обстоятельств.

С одной стороны, Птолемей твердо держал египетских жрецов в руке. Они, как и любое другое сословие в Египте, подвергались пристальному надзору и контролю со стороны царских чиновников. К верховному жрецу каждого храма был прикреплен назначенный царем наблюдатель (эпистат) храма^[368]. Хотя сельскохозяйственная продукция «священной земли» сверх того, что оставляли хлеборобам, по большей части, как мы предполагаем, шла храмам, примерно с 170 года до н. э. управление священной землей оказывается в руках государства, и очень возможно, что оно обладало им еще с первых лет правления династии. «Священную землю», так же как и «царскую», сдавали в аренду мелким земледельцам, а продукцию доставляли не прямо в храмы, а в царские тесавры^[369]. Некоторое количество земли, называвшейся *gē anhierōmenē*, «посвященной землей», было, во всяком случае после 118 года до н. э., освобождено от налогов, и им распоряжались сами жрецы. Царь получал определенный доход от жрецов за счет налогов, хотя их налоговое бремя было легче, чем у массы туземного населения. Жрецы – или, быть может, как в римские времена, официально установленное число жрецов каждого храма, – были освобождены от подушного налога. Храмы должны были выплачивать царю натуральный налог на «священную землю», который был отменен Розеттским декретом (196 до н. э.), но при этом сомнительно, что его отменили навсегда, а не на время. Размер налога установлен в одну артабу с каждой аруры зерновой земли и керамион

вина с каждой аруры виноградника. Он был меньше обычного земельного налога^[370]. Кроме того, как уже говорилось, жрецы должны были ежегодно поставлять царю тонкую льняную ткань. Каждый «священник» всех четырех фил при посвящении в сан должен был заплатить «инициационный налог» (телестикон). Мы также слышим о налоге *epistatikon hierēōn*, который, по-видимому, выплачивался группами жрецов из разных храмов за привилегию выбирать своих эпистатов.

Кроме того что жрецам приходилось выплачивать чужеземному царю налоги деньгами или натурой, от них еще требовалось постоянно выражать ему преданность. Каждый год (пока Птолемей V не освободил их от этого) они должны были присылать делегации в Александрию, чтобы засвидетельствовать царю свое почтение. В каждом храме царю поклонялись как богу, связанному (*synnaos theos*) с египетскими божествами, которым был посвящен храм. Жрецы должны были вырезать на храмовых стенах изображения македонских царей и цариц в одеждах и позах египетских фараонов в роли настоящих богов и сопровождать их иероглифическими надписями, в которых содержались священные титулы древних правителей страны, и благодеяния и милости новых царей навечно запечатлевались в камне. Таким образом, изображение Птолемея на стене египетского храма – это всего лишь обычное изображение фараона в соответствии с традициями священного искусства; оно не является попыткой придать ему портретное сходство с оригиналом, и по тем памятникам мы не можем строить догадки о том, как выглядели или как одевались Птолемеи и Клеопатры в реальной жизни.

Подвергнув египетских жрецов такому контролю и возложив на них такое бремя, Птолемеи при этом были готовы осыпать их многочисленными дарами. Оказание чести местным богам было их политикой. Сразу же по прибытии в Египет в качестве сатрапа Птолемей Сотер одолжил жрецам 50 талантов на погребение быка Аписа^[371] – заем, о возврате которого, по словам Буше-Леклерка, ему «несомненно, хватило такта не просить»; а о том, что птолемеевский двор регулярно заботился о культе священных животных, можно судить по надписям времен Птолемея II (Пифомская стела), Птолемея III (Канопский декрет) и Птолемея V (Розеттский декрет). Там не говорится, выплачивал ли царь фиксированные суммы на службу в

великих храмах, помимо приношений египетским богам, которые он делал по особым случаям, но выражения, использованные в Канопском и Розеттском декретах, даже в большей степени Пифомской стеле^[372], возможно, подразумевают это.

Некоторых из представителей верховного жречества царь, хотя и был чужеземцем, лично вводил в сан с соблюдением церемоний – во всяком случае, в последний период правления династии. До нашего времени сохранилось несколько надписей, в которых говорится о великом жреческом роде, члены которого занимали пост верховного жреца Птаха в Мемфисе на протяжении всей эллинистической эпохи. Один из них по имени Петубаст прославился тем, что еще в возрасте десяти лет был введен в сан Птолемеем Александром I. «Царь Птолемеи, зовущийся Александр, бог Филометор, ввел его в дом божий. Он отпил перед царем. Царь дал ему... из золота, ленту и кожаную мантию как жрецу Птаха на... празднике. Он водрузил золотой убор на его голову, как водружали на его праотцев, в его десятый год, что равно двадцать восьмому году царя»^[373].

Иероглифическая версия Розеттского декрета, в греческой части которого говорится только «те, кто был назначен жрецами с первого года», гласит: «Жрецы, которых *царь поставил в храмах* с первого года».

Здесь мы подходим к вопросу об апомойре, по которому мнения ученых, как хорошо известно, разделились. Факты, которые можно считать достоверно установленными, таковы. Когда Птолемеи II вззошел на трон, египетские храмы имели право взимать с арендаторов виноградников, огородов и садов налог, установленный в размере доли от продукции (греки называли его апомойрой), для служения египетским богам. Вероятно, это право они получили еще с фараоновских времен. В 264 году до н. э. Птолемеи его значительно изменил. С этого года, если не раньше, апомойра, установленная в размере шестой части продукции (*hektē*), должна была выплачиваться натурой (то есть определенным количеством амфор вина) с виноградников и деньгами с парадисов (садов и огородов), и новым законом царя передавалась для отправления культа Арсинои, «Богини Филадельфии», «для жертв и возлияний»; и с 264–263 годов до н. э. налог взимали уже не жрецы, а государство. С этим согласны все; но споры вызывает смысл данной меры. Одни считают ее «лишением

государственной религии доходов ради царской выгоды», «актом грабежа» (М.). Политическая мудрость Птолемеев замаскировала это присвоение священных доходов царем под видом религиозного пожертвования. Отныне вся апомойра направлялась в царские сокровищницы, и царь лишь возмещал храмам то, что считал нужным, жалую им взамен свои милости или ежегодные субсидии. Мнения, что эта мера была невыгодна храмам и выгодна царю, придерживается не только Магаффи, но и Буше-Леклерк, Ростовцев и Шубарт. С другой стороны, Отто утверждает, что она была принята в пользу храмов. Апомойра, взимавшаяся государством, полностью передавалась храмам для отправления религиозного культа. Она действительно использовалась для «жертв и возлияний». Выгода государства состояла только в том, что таким образом, как и любой другой царской милостью, могло привлечь жрецов на сторону правящего режима, тем более что богиня, на поклонение которой шел этот конкретный доход, была покойной царицей правящего дома. Вилькен колебался во мнении. Когда он писал 158-ю страницу своей книги *Ostraka* (т. I, 1899), он соглашался с Магаффи; дойдя до 625-й страницы, он, «повторно рассмотрев» вопрос, был вынужден переменить мнение и с тех пор более-менее разделял взгляды Отто. В своем *Grundzüge* (1912) он снова высказывает мнение, что мера 264 года до н. э. стала «тяжелым ударом» для египетских жрецов; так как апомойра, которая до сих пор посвящалась египетским богам, теперь направлялась государству.

Насколько мне известно, не найдено никаких свидетельств того, что апомойра использовалась государством на какие-либо мирские цели, а так как несомненно, что Птолемеи действительно жаловали большие суммы на туземную религию, кажется, нет причин полагать, что апомойра не полностью отдавалась на отправление культа Арсиной в египетских храмах. Если так, то едва ли можно говорить, что храмы пострадали от меры 264 года до н. э. С другой стороны, она действительно означала усиление государственного контроля над египетской религией и новую попытку использовать ее в интересах династии. Мне кажется неверным называть ее актом «грабежа», хотя, пожалуй, ее можно назвать актом порабощения. Такое мнение, по моему, согласуется с тем, что мы знаем о политике царей из династии Птолемеев. Они стремились не разорить египетские храмы, а твердо

держат египетских жрецов в своей руке – не уменьшить их доходы, но превратить эти доходы в благодеяние, которое оказывают им цари. Они охотно тратили на местную религию, но только ради того, чтобы использовать ее как инструмент подчинения египетских умов царской власти.

В том же году, когда был провозглашен новый закон об апомойре (264 до н. э.), согласно Пифомской стеле, Птолемей передал в дар египетским храмам 750 тысяч дебенов (3125 серебряных талантов). Кажется, стела содержит указания на то, что до тех пор царь делал храмам ежегодные подарки в размере 150 тысяч дебенов.

Особые дары, которые цари делали храмам, не считая денежных, имели две формы: во-первых, передачи земли в пользование и, во-вторых, возведения и украшения зданий. Что касается первого, у нас есть множество иероглифических надписей, в которых говорится о сделанных Птолемеем прибавлениях к «священной земле», относящейся к тому или иному храму. Одна из них – каирская стела, на ней Птолемей изображен в виде сатрапа, который своими благодеяниями умиливает богов и жрецов Пе и Тепа. Он возвращает им землю, пожалованную им туземным царем Хабабашем в V веке до н. э. и отнятую «врагом Ксерксом». Общая память о вражде с персами по-прежнему связывала египтян и греков. Египетские жрецы любили рассказывать своим македонским правителям о дарах, которые делали им древнеегипетские фараоны, как бы намекая, что это хороший пример для подражания. Если нужного прецедента не было, то жрецы, как считается, могли его сфальсифицировать^[374]. Однако Зете полагает, что упомянутая надпись на самом деле является копией древнего текста. Против гипотезы о подделке свидетельствует то соображение, что она была бы совершенно бесполезной, ведь ни царь, ни его греческие министры не умели читать иероглифов и в любом случае были вынуждены принимать на веру то, как жрецы переводили им надписи на стенах. Если подделка и имела место, то она могла предназначаться только для обмана египтян, находившихся на службе у царя и получивших образование у жрецов, но могла ли она обмануть этих людей?

Еще одно важное свидетельство о земле, которую Птолемеи жаловали храмам, – надпись в храме Хора в Аполлонополе (Эдфу). В конце правления Эвергета II храм владел землей в четырех разных

номах, всего до 141/4 квадратной мили; и 5 1/2 квадратной мили он получил в дар от Птолемея Сотера II и Птолемея Александра I.

О том, сколько сделали Птолемеи для строительства, расширения и украшения египетских храмов, мы никогда не узнаем, потому что храмы Нижнего Египта с вырезанными в них надписями погибли. Но по тем надписям, которые еще остаются в храмах Верхнего Египта, мы можем проследить благодеяния того или иного царя этой династии. Птолемей II, великий строитель греческих храмов, видимо, мало что делал по сравнению с царями позднего периода для восстановления и строительства египетских храмов. На его счет можно отнести наос храма Исиды на острове Филэ, храм Исиды в Нижнем Египте из асуанского гранита и египетский храм в Навкратисе. О том, что в этой области совершили его преемники, будет говориться позже в связи с каждым из них. Храмы, возведенные Птолемеями в Египте, по внешнему виду неотличимы от сооружений фараоновских времен. Несомненно, что их проектированием и строительством занимались жрецы и туземные архитекторы, а роль царя-чужака ограничивалась только подписанием приказа на греческом языке из его александрийского или мемфисского дворца, где он поручал жрецам выполнить конкретную работу и обещал взять расходы на себя^[375]. Двор довольствовался сообщениями своих агентов о том, что жрецы достаточно проявили преданность и благодарность в иероглифических надписях. Время от времени надписи на греческом языке с посвящением царю или царице встречаются даже на храмах в египетском стиле.

И наконец, был еще один способ облагодетельствовать храмы, который ценился очень высоко, — даруемая им привилегия асилии, «убежища». Не все храмы обладали привилегией предоставлять убежище и спасение от ареста тому, кто совершил какое-либо преступление против государства, или беглым рабам. Никакой правитель, заботящийся об общественном порядке, не захочет иметь множество таких убежищ в своих владениях. Привилегия жаловалась храмам особым распоряжением царя, и, возможно, в первые годы династии ею владели самые крупные и важные храмы Египта. Когда она была предоставлена храму в Атрибисе в 95 году до н. э., было указано, что такой же привилегией уже владеют «храм в Мемфисе и храм в Бусирисе и многие другие храмы»^[376]. В мемфисском

Серапеуме лишь часть храмовой территории обладала правом предоставлять убежище. Примечательно, что подле крупных храмов, как правило, устраивали полицейский участок. В последние годы правления династии, когда внутренний хаос ослабил центральную власть, двор считал необходимым делать все новые и новые уступки требованиям египетских жрецов, и даже сравнительно небольшие сельские храмы получали право предоставлять убежище. Мы все еще можем прочесть вырезанную на камне копию письма, по-гречески написанного на папирусе жрецами фэйюмской деревни Теадельфии царице Беренике, правившей страной во время бегства ее отца Авлета, в котором они молили даровать асилию их храму, а также ответ царицы – распоряжение, написанное царственной рукой на петиции, с приказом стратегу нома «Диоскуриду: да будет сделано», и датой, которая соответствует 23 октября 57 года до н. э. ^[377]

Важным видом пожертвования из царской сокровищницы было регулярное пособие (синтаксис), которое ежегодно выплачивалось отдельным жрецам, служившим в египетских храмах. Синтаксис выплачивался как деньгами, так и натурой (хлебом, маслом). Он не шел непосредственно от государства каждому жрецу, но выделялся храмам, которые были обязаны распределять его между своими служителями по установленной шкале. Примечательно, что египетского термина для обозначения этого синтаксиса, кажется, не было; в египетских надписях греческое слово просто транскрибировано египетскими знаками. Возможно, это свидетельствует о том, что пособие было нововведением греко-македонского режима.

Насколько удалось чужеземным царям привлечь египтян на сторону своей власти поддержкой египетской религии, остается под вопросом. В Верхнем Египте, во всяком случае, где при поздних Птолемах постоянно случались бунты, вполне могло быть так, что фиванские жрецы Амона-Ра еще помнили дни, когда они владели верховной властью, и не находили покоя под игом, низведшим Фивы до сравнительно жалкого положения. Вероятно, фиванские жрецы играли немаловажную роль в местных восстаниях. С другой стороны, члены мемфисского рода, в котором звание верховного жреца передавалось по наследству и чью историю можно проследить по надписям на их гробницах начиная с времен Птолемея I и заканчивая Октавианом

Августом^[378], по всей видимости, поддерживали ближайшую дружбу с правящей династией, будучи своего рода князьями египетской «церкви», которые сохраняли свое богатство и высокое положение в мире тем, что удачно приспосабливались к власти имущим.

Глава 6

Птолемей III Эвергет I

(247–221 годы до н. э.)

Согласно договору между Птолемеем II и Антиохом II, последний должен был отослать свою первую супругу Лаодику с ее двумя сыновьями в Малую Азию, тогда как дочь Птолемея Береника будет править в Антиохии и рожать наследников державы Селевкидов. Но и Лаодика, и Береника были истинно македонскими царевнами. Лаодика принудила Антиоха вернуться к ней в Эфес, и затем, после его внезапной смерти в 246 году до н. э. (не без некоторых подозрений, что она приложила к этому руку), она отправила эмиссаров в Антиохию, чтобы те убили Беренику и ее малолетнего сына. Мы читаем, что Береника сражалась как тигрица, но тщетно. Двойное убийство свершилось. Сын Лаодики Селевк II (Каллиник) был провозглашен владыкой селевкидского царства. Убийство дочери и внука Птолемея II стало грубым оскорблением Египту, которое не могло не толкнуть его на новую войну. В такой международной ситуации оказался молодой египетский царь Птолемей III, названный впоследствии Эвергетом, вскоре после того как принял правление от отца в 247 году до н. э. В то время ему было чуть за тридцать, по рождению он был сыном Птолемея II и дочери Лисимаха, а в вымыслах придворных – сыном Птолемея и Арсинои Филадельфии. Вскоре все убедились, что на египетский трон снова взошел сильный человек. Будто бы в соответствии с какими-то наследственными циклами, как прежде мощного основателя династии сменил слабохарактерный дилетант, так же дилетанта теперь сменил человек, в котором воинственная македонская порода проявилась с прежним упрямством, несмотря на влияние дворцовой роскоши и египетского климата. В Птолемея III мы меньше видим сына Птолемея «Филадельфа», чем внука Птолемея и Лисимаха, непоколебимых полководцев Александра Великого.

Согласно Юстину, Птолемей III выступил из Египта во главе своего войска, когда Береника еще была жива и находилась в осажденной Дафне подле Антиохии, но опоздал и не сумел ее спасти. Перед

уходом он упрочил положение в Египте, заключив брак с Береникой Киренской, помолвка с которой состоялась за несколько лет до того. Киренаика снова присоседилась к царству Птолемеев. Место рядом с Птолемеем III заняла царица, в которой также проявилась македонская сила воли. После этого он развязал войну с династией Селевка – Третью сирийскую войну, как называют ее современные ученые; в свое время, очевидно, она называлась «Лаодикийской войной»^[379], то есть войной с убийцей Лаодикой. Сам Птолемей выступил из Египта во главе войска и вторгся в Северную Сирию. Накануне его ухода молодая царица посвятила пряди своих волос в храме Арсинои Афродиты в Александрии. Вскоре после этого придворный астроном Конон заявил, что увидел эти пряди в небе, где они превратились в созвездие, которого, как он уверял, раньше на этом месте не было. Нет сомнений, что александрийский двор воспринял эту лесть как очаровательное поэтическое сравнение, а не серьезное астрономическое открытие, – точно так же, как подобные вещи принимали при дворе Людовика XIV, который своей искусственной литературной культурой весьма походил на александрийский. Как бы там ни было, великий поэт той эпохи Каллимах Киренский написал об этом поэму, которая в древности, должно быть, вызывала восхищение, раз два столетия спустя Катулл перевел ее на латынь. Хотя оригинал не сохранился, его еще можно прочитать в римской поэтической версии – *Coma Berenices*, «Волосы Береники» (Вероники). При всей скудости наших данных об истории тех лет эта остроумная придумка приобрела значение серьезного исторического документа; и если постараться, из нее можно извлечь некоторое количество фактов.

Поход, с которым Птолемей III отправился в Азию, окончился величайшим военным триумфом, когда-либо достигнутым династией Птолемеев. К сожалению, подробная история этого похода не сохранилась до наших дней. Все, что мы о ней знаем, приходится выуживать из четырех очень коротких и малосодержательных повествований, случайного замечания у Полиэна и любопытного отрывка из письма или доклада на листе папируса, найденного в фэйюмском Гуробе. Полный перевод трех текстов приводит Магаффи в своей «Истории», и нет ничего лучшего, чем последовать его примеру.

1. Один рассказ взят из надписи, сделанной в Адулисе (у Суакина), видимо, каким-то египетским командиром, отправленным в эти места охотиться на слонов. Оригинальная надпись не сохранилась, и мы вынуждены доверять копии, сделанной монахом Козьмой (Индикоплевстом) в VIII веке н. э., или, вернее, списку со списка Козьмы, дошедшему до наших дней в рукописях. В том виде, в котором надпись сохранилась до нашего времени, она гласит: «Великий царь^[380] Птолемей, сын царя Птолемея и царицы Арсиной, Богов Адельфов, отпрысков царя Птолемея и царицы Береники, Богов Спасителей, потомок по отцовской линии Геракла, сына Зевса, а по материнской Диониса, сына Зевса^[381], унаследовав от отца царство Египта, Ливии, Сирии^[382], Финикии, Кипра, Ликий, Кари и Киклад, отправился с походом в Азию с пешими и конными войсками и боевыми кораблями и слонами, троглодитскими и эфиопскими^[383], которых его отец первым захватил в этих местах и, доставив их в Египет, обучил для применения в бою. Но, овладев всей страной по эту сторону Евфрата, а также Киликией, Памфилией, Ионией, Геллеспонтом и Фракией, и одолев все военные силы в этих странах и индийских слонов^[384], и сделав туземных династов (τοὺς μονάρχους) всех этих областей своими вассалами, он перешел реку Евфрат, и, покорив Месопотамию, Вавилонию, Сусианию, Персию и Мидию и все остальные земли до самой Бактрии, и найдя все священные предметы, увезенные из Египта персами, и привезя их назад с остальными сокровищами из этих стран в Египет, он послал войско через каналы...» Здесь надпись в том виде, в каком ее нашел Козьма, обрывается.

2. Второй рассказ содержится в трех стихах книги Даниила, написанной примерно через восемьдесят лет после произошедших событий: «Но восстанет отрасль от корня ее^[385], придет к войску и войдет в укрепления царя северного^[386], и будет действовать в них, и усилится. Даже и богов их, истуканы их с драгоценными сосудами их, серебряными и золотыми, увезет в плен в Египет и на несколько лет будет стоять выше царя северного. Хотя этот и сделает нашествие на царство южного царя^[387], но возвратится в свою землю»^[388].

3. Третий рассказ – это комментарий к этому фрагменту из Даниила, написанный святым Иеронимом, который взят из более старой работы,

где Порфирий истолковал книгу Даниила и объяснил ее историческую подоплеку; Порфирий имел перед собой сочинения греческих историков, теперь утерянные. Иероним комментирует так: «Когда Береника была убита, а ее отец Птолемей Филадельф умер в Египте, ее брат, сам также Птолемей, прозванный Эвергетом, стал преемником и третьим царем ствола от того же корня, по которому он был ее братом; и явился он с великим войском и вошел в провинцию северного царя, то есть Селевка, прозванного Каллиником, который со своей матерью Лаодикой правил в Сирии, умело разбил их и добился того, что овладел Сирией, Киликией, верхними землями по ту сторону Евфрата и почти всей Азией. И, услышав, что в Египте поднялось восстание, он взял добычу в царстве Селевка и увез 40 000 серебряных талантов, драгоценные кубки и изображения богов числом 2500, среди которых были также те, которые, взяв из Египта, Камбиз привез в страну персов. Наконец, египетский народ идолопоклонников прозвал его Эвергетом, потому что он вернул их богов через много лет. И Сирию он оставил себе, а Киликию отдал своему другу Антиоху, чтобы править там, а Ксантиппу, другому военачальнику, отдал провинции за Евфратом».

4. Наконец, в нашем распоряжении имеется рассказ Юстина, сокращенный в латинской истории Трога Помпея: «Городам Азии (*Asiae civitatibus*) было объявлено, что она [Береника] и ее малолетний сын осаждены [в Антиохии], и, зная ее знатное происхождение, они прониклись к ней жалостью из-за столь незаслуженного несчастья и все отправили ей помощь. Ее брат Птолемей, встревоженный опасным положением сестры, тоже поспешил из своего царства со всем своим войском. Но перед тем, как помощь прибыла, Береника, которую не могли захватить силой, была обманута изменой и убита. Последовало всеобщее негодование. И так, когда все восставшие города могли снарядить большой флот, тут же взволновавшись из-за такого примера жестокости [Лаодики], и, чтобы отомстить ей за ту, которую они хотели защитить, перешли к Птолемею, он, если ему не пришлось бы вернуться домой из-за внутренних волнений, овладел бы всем царством Селевка»^[389].

5. Полиэн, рассказав историю убийства Береники в Антиохии, сообщает, что прислужницы спрятали ее тело и внушали жителям Антиохии веру, что она еще жива, «пока Птолемей, отец (*sic*) убитой

царицы, не прибыл в ответ на их призывы и, послав письма от имени убитого мальчика и Береники, как если бы они еще были живы, овладел всем царством от Тавра до самой Индии, без войны и боя»^[390]. Здесь, во всяком случае, очевиден элемент неисторичного романа.

Из этих несовершенных рассказов ясно одно – что армия Птолемея III преодолела все препятствия в Азии. Безусловно, она должна была сломить любое сопротивление, которое могла встретить в Северной Сирии, поскольку до тех пор, пока Северная Сирия не была подчинена и занята гарнизонами, египетская армия не могла двинуться через Евфрат в Месопотамию. Но эти повествования оставляют много вопросов без ответа: 1) Как далеко на восток зашел Птолемей? Пересек ли он Тигр и дошел ли вместе с армией нелегкой дорогой до плоскогорья Ирана? Действительно ли он довел свои войска, как пишет Полиэн, «до самой Индии»? 2) Какова была причина, заставившая Птолемея преждевременно вернуться в Египет? Иероним и Юстин говорят, что причиной было какое-то восстание в царстве Птолемея. Что это значит? 3) Собирался ли Птолемей вечно удерживать завоеванные страны и стать царем селевкидского царства, как и египетского? Это значило бы, что и он, в свою очередь, лелеял те же честолюбивые мечты, в погоне за которыми погибли Пердикка, Антигон и Селевк, – мечты стать властелином всего наследия Александра, – теперь, когда династии соперников прочнее утвердились на своих землях, чем во времена сумятицы после смерти Александра. Можем ли мы приписать внуку Птолемея Сотера такие грандиозные замыслы?

Что касается первой партии вопросов, то, видимо, ничто не запрещает нам предположить, что египетская армия дошла до самой Бактрии и Гиндукуша. Нужно помнить, что в те дни войску было легче совершать переходы, чем в эпоху пушек, и оно могло передвигаться на большие расстояния с меньшими затратами сил. Возможно, это организованное скопление военной мощи превосходило любое войско, которое могли выставить против него в тех местах, куда оно прибывало, и таким образом оно последовательно овладевало всеми странами, пока оставалось в них. То, чего добился Александр Великий в Ближней Азии тремя поколениями раньше Птолемея III и чего там же добился Антиох III поколение спустя, показывает, что египетская армия, если допустить, что селевкидский царь не смог собрать войско,

способное разбить ее, вполне могла беспрепятственно двигаться прямо через обширное селевкидское царство. Конечно, сохранить завоеванное, когда войско перешло на новое место, – это совсем другое дело. Даже Александру Македонскому это давалось с трудом; когда Антиох III повторно установил селевкидское господство в восточных провинциях, результат оказался эфемерным; и даже если Птолемею III не пришлось бы преждевременно возвратиться домой из-за «внутреннего восстания», то понадобилось бы намного больше сил, прежде чем его восточный поход можно было бы считать реальным завоеванием Мидии и Персии. На севере и востоке Ирана Птолемей обнаружил бы новые державы – в одном месте парфян под властью их царей Аршакидов, в Бактрии государство, возглавленное греком Диодотом, который недавно отделился от Селевкидов и объявил себя независимым правителем. У нас нет никаких сведений о том, что эти молодые державы когда-либо претерпевали вторжение египетского царя. Маловероятно, что Птолемей зашел далеко на территорию Ирана, что он долго оставался на таком расстоянии от своей базы в Египте. Однако вполне возможно, что в одном из древних городов персидского царя, в Эк-батане, Персеполе или Сузах, Птолемей устроил нечто вроде дворца для торжественных приемов, куда являлись посланцы от династий Парфии, Бактрии и Гиндукуша с заверениями в верности. Одного этого было бы достаточно, чтобы придворные в Египте назвали действия царя завоеванием Востока до самой Бактрии и Индии. Очевидно, Птолемей не проник в глубь Малой Азии, где власть еще удерживал Селевк II со своей матерью; таким образом, унизив селевкидскую державу, он оставил ее ядро нетронутым, готовым к дальнейшему расширению сразу после ухода египетской армии.

Относительно вопроса, какие домашние тревоги заставили Птолемея вернуться, нам остается только гадать. Дройзен считал, что это наверняка был очередной мятеж в Киренаике, – но Магаффи категорически отверг его гипотезу. Сам Магаффи предположил, что это были волнения в Египте, которые произошли после недостаточного разлива Нила, когда создалась угроза голода. Есть сведения^[391], что в какой-то момент правления Птолемея III в Египте действительно случился недостаток хлеба.

В отношении третьего вопроса – намеревался ли вообще Птолемей удерживать свои восточные завоевания, – мы не располагаем никакими документальными данными, за исключением слов Иеронима о том, что царь оставил своего военачальника Ксантиппа командовать провинциями за Евфратом и назначил «друга» Антиоха наместником Киликии. Конечно, если он строил какие-либо планы сохранить области за Евфратом в качестве провинций своей державы, вскоре ему пришлось отказаться от этой мысли. Возможно, вышеупомянутый Ксантипп – это спартанский наемник, которого наняли карфагеняне в 256 году до н. э. «Друга» Антиоха Нибур (а вслед за ним Дройзен и другие) отождествил с младшим братом Селевка II Антиохом Иераксом, тогда мальчиком четырнадцати лет, который позднее стал врагом своего брата. Но Буше-Леклерк почти наверняка прав, утверждая, что этот Антиох был «другом» в известном смысле слова, то есть кем-то приближенным ко двору, македонцем или греком, который служил в Египте и по случайности звался Антиохом. Он упоминается в надписи в качестве простого наместника, назначенного Птолемеем в Малую Азию^[392].

Примечательно утверждение о том, что Птолемей вернул в Египет изображения египетских богов и другие священные предметы, увезенные в прежние времена персами. Оно встречается в Канопском декрете, перевод которого будет приведен ниже. Если бы оно имелось только в источниках, составленных египетскими жрецами и писцами, то мы не придавали бы ему особого значения, поскольку это одна из общепринятых формул, которая в иератических текстах обычно использовалась при описании победоносного возвращения фараона из азиатского похода. Странно в данном случае то, какое значение придается этой фразе в надписи из Адулиса и в комментарии Иеронима. В книге Даниила также говорится о том, что Птолемей привез в Египет плененных богов, которыми владели завоеванные народы, и драгоценности. Надпись из Адулиса, по всей видимости, составлена греком; в ней содержится утверждение о том, что Птолемей происходит от богов, и в ней отсутствуют египетские формулировки. Однако, когда речь заходит о завоеваниях Птолемея, в ней подчеркивается то обстоятельство, что он вернул в Египет вывезенные персами священные предметы, – обстоятельство, которое в обычном случае не представляло бы для грека никакого интереса. Мы можем

лишь предполагать, что египетские жрецы изложили перед Птолемеем, чего ждали от царя Египта, который вторгся в Азию, если он хотел походить на образцового фараона, и Птолемей решил – из политических соображений – выполнить предписанную роль, и довольно демонстративно. Должно быть, по возвращении он вернул жрецам египетских идолов и другие вещи, найденные в Вавилоне, Экбатане или Сузах, с такой помпой и торжественностью, что об этом заговорили при дворе, что греческие придворные и историки отметили поступок как примечательный и важный и что иерусалимские евреи восемьдесят лет спустя еще помнили рассказы их отцов о том, как войско египетского царя возвращалось домой через Палестину, победоносно сопровождая идолов, которых они вывезли из северных стран.

Пока египетская сухопутная армия вторгалась в Северную Сирию и Месопотамию, египетский флот действовал у берегов Сирии и Малой Азии и везде, где можно было напасть на селевкидские владения с моря. Это единственный момент истории тех дней, который необычно и ярко освещен в папирусе из Гуроба, о котором мы уже говорили. В первом столбце найденного фрагмента папируса рассказывается о захвате египетскими силами того или иного города, но свиток слишком ветхий, чтобы реконструировать из него последовательный рассказ. Затем повествование становится более связным: «Между тем Пифагор и Аристокл, [приготовив] 15 лодок, так как Сестра послала им сообщение... прибавить к их доброй службе и с рвением выполнить то, что еще осталось сделать, отплыли вдоль берега в Сола (?) в Киликии (?), где они забрали захваченные и помещенные там деньги и доставили их в Селевкию. Всего было 1500 серебряных талантов. (Эти деньги Арибаз, стратег в Киликии^[393], намеревался послать в Эфес Лаодике, но граждане Сол (?) составили заговор с воинами города, и Пифагор и Аристокл с войском явились к ним на помощь, и все выказали себя храбрецами, и в итоге деньги были захвачены, и мы овладели и городом, и цитаделью. Арибаз ускользнул и добрался до самого перехода через Тавр; там некие местные жители отрезали ему голову и принесли в Антиохию.) Когда все корабли с нашей стороны были готовы, вначале первой стражи мы вышли на стольких кораблях, сколько могла вместить гавань в Селевкии, поплыли вдоль берега в крепость, называвшуюся Посидеон, и стали там на якорь примерно в

восьмом часу дня. Оттуда мы снова отправились на рассвете и достигли Селевкии. Жрецы, магистраты, прочие граждане, командиры и воины встретили нас на дороге, ведущей в гавань, увенчанные гирляндами и... доброй воли к нам... к городу... жертвенные приношения, помещенные рядом... на алтарях, приготовленных для них... <Когда они превзошли (?)> на базаре (ἐν τῷ ἐμρорίῳ) почести <уже оказанные нам> они... Так что в этот день они... и на следующий день... насколько... возможно... <корабли...>, на которые мы взяли всех, кто приплыл с нами, и сатрапов, которые были там, и стратегов, и других начальников, кроме назначенных <на гарнизонное дежурство> в городе <Селевкии> и цитадели, которых мы оставили... Ибо они были чудесны^[394]... <Мы достигли> Антиохии... такие приготовления... мы нашли, которые ввергли нас в удивление. Ибо <вышли навстречу нам> за ворота... сатрапы и другие начальники, воины, жрецы, коллегии магистратов, все юноши из гимнасиев и большая толпа народа с ними, увенчанные гирляндами, и вынесли все священные предметы^[395] на дорогу перед воротами, и некоторые приветствовали нас правой рукой, а другие... криками и хлопками... <Без двенадцати линий>... рядом с каждым домом... они продолжали... Хотя там было так много вещей <предназначено, чтобы порадовать нас>, ничто не дало нам столько удовольствия, как большая верность (ἐκτένεια) этих людей. Когда потом мы принесли жертвы, данные нам начальниками (?) и обычными людьми, солнце клонилось к закату, мы немедленно посетили Сестру и после того занялись различными делами, которые требовали нашего усердия, выслушали начальников, воинов и других людей из того места и держали совет о том, как вести наши дела. Кроме этого в течение нескольких дней...»

Больше от папируса ничего не осталось. Безусловно, этот документ представляет огромный интерес – кусочек живой древней истории, в котором о событиях повествует не какой-то историк через вторые, третьи или десятые руки, но человек, пишущий о том, что видел и делал сам, подлинный фрагмент папируса, если даже и не написанный собственноручно рассказчиком, то, во всяком случае, копия, сделанная во времена не слишком отдаленные от периода создания оригинала. Однако, хотя читательский интерес к нему велик, его ценность как исторического источника снижает наша неспособность достоверно определить, кто был его автором, или кто такая «Сестра», или в каких

местах происходили описываемые события. Документ ясно называет Селевкию и Антиохию, но хотя в Северной Сирии действительно была великая Антиохия с главной резиденцией селевкидского царя, а также важный город Селевкия-в-Пиерии, которая охраняла подходы к Антиохии в устье Оронта, но Селевкия и Антиохия также стояли на противоположном киликийском берегу, и некоторые ученые считают, что в документе речь идет именно об этих меньших городах. Опять же, чтобы прочитать название «Солы в Киликии», мы вынуждены предположить, что автор ошибся и пропустил в слове одну из двух сигм, стоящих вместе, и слово «Киликия» – не более чем догадка, которая заполняет пропуск на месте утраченного слова. Вместо «Солы в Киликии» Олло читает «все места»^[396]. Дальше, где в нашем переводе значатся «граждане Сол», Олло читает «граждане Селевкии», хотя Вилькен утверждает, что на фотографическом факсимиле папируса ясно видно, что нужно читать «Сол». И потом, кто автор рукописи? Начальник одного из военных поселений в Фаюме, как сначала решил Магаффи. Командир корабля или эскадры, утверждал Вилькен, когда публиковал свою «Хрестоматию». Сам царь Птолемей III, счел Магаффи, когда был издан столбец IV папируса, и это мнение разделили Олло, Вильгельм, Буше-Леклерк, Виламовиц-Меллендорф, а теперь и Вилькен^[397]. И наконец, вопрос о том, кто такая «Сестра»? До обнаружения столбца IV ею считалась Лаодика; но из этого столбца стало очевидно, что это кто-то с египетской стороны, кто находился в Антиохии после того, как ее заняли египетские силы. Теперь в основном считают, что это Береника, царица Сирии, сестра Птолемея III, которая к тому моменту еще была жива.

Я думаю, сейчас едва ли можно подвергать сомнению, что упомянутые Селевкия и Антиохия являются именно великими Антиохией и Селевкией. В Антиохии автор нашел множество вельмож и военачальников, собранных вместе, что гораздо естественнее для столицы Сирии, чем для относительно незаметного городка на киликийском побережье. То, что повествователь – сам царь, тоже можно считать установленным. Его рассказ в конце фрагмента о том, как он принимал вельмож, едва ли можно согласовать с какой-либо иной гипотезой. В таком случае папирус конечно же не его послание, а копия, принадлежащая какому-нибудь ветерану, жившему в Фаюме. Оригинал скорее имел бы вид царского «меморандума» (ὕπομνημα)

отчасти сродни «запискам» Юлия Цезаря, краткого отчета главнокомандующего о кампании. Но гипотеза о том, что «Сестра» – это сирийская царица Береника, как мне кажется, имеет неустранимые противоречия. Юстин действительно сообщает, что Береника была еще жива, когда Птолемей выступил из Египта, но он утверждает, что Птолемей не успел ее спасти. Невозможно поверить в то, что Береника могла еще быть жива и находиться в Антиохии на том этапе кампании, когда в течение некоторого времени Антиохию прочно занимали египетские войска, и *после этого* ее убили агенты, подосланные Лаодикой в Антиохию. Это лишает смысла все остальные рассказы о войне, о которой известно, что она велась из мести за убийство Береники. Сам я убежден, хотя никто другой, насколько мне известно, еще не высказывал такого предположения, что «Сестра» – это *другая* Береника, царица Египта. Она, бесспорно, была не родной сестрой Птолемея, а двоюродной; однако царицы Египта официально назывались «сестрами» царя, и царь, говоря о царице, вполне мог называть ее просто «сестра». Правда, из поэмы Каллимаха ясно следует, что, когда Птолемей отправился в поход, Береника осталась в Египте. Но это не исключает предположения, что в тот момент кампании, когда Северная Сирия была оккупирована силами Птолемея, царица Береника совершила сравнительно простое путешествие из Египта в Антиохию, чтобы увидеть мужа и поле боя – этого вполне можно ожидать от женщины такого мужества, как Береника! То, что два военачальника египетского войска получили особое сообщение от египетской царицы, в котором она просила их сделать все возможное, вполне согласуется с ролью, которую играли царицы в истории Птолемеев ^[398]. Наконец, если «Сестра» – царица Египта Береника, то возражения Вилькена против того, что автором документа был царь, на основании языка, которым он написан, снимаются. Как сказал Вилькен, было бы естественнее, если бы царь, говоря о своей настоящей сестре, написал ἡ ἀδελφή μου, а не просто ἡ ἀδελφή. И Вилькен с полным правом считал невероятным, что встреча брата и сестры в Антиохии при условии, что Птолемей успел прибыть вовремя, чтобы спасти сестру от неминуемой смерти, была бы описана в таких бесцветных фразах. С другой стороны, в тогдашнем предположении Вилькена о том, что какой-то командир корабля, рассказывая о почтительном визите к царице Сирии, написал бы

εἰσελθόμεν εὐθέως πρὸς τὴν ἀδελφὴν καὶ μετὰ ταῦτα κτλ^[399], есть серьезная неувязка. Если, однако, «Сестрой» была египетская царица Береника, а автором – царь Птолемей, то все становится на свои места.

Что касается дальнейших операций египетского флота в Эгейском море, то мы можем выделить лишь несколько стычек местного масштаба. Каждый приморский город переходил на ту или другую сторону под нажимом то ли сухопутных войск Селевка II из внутренних районов страны или морских эскадр, сосредоточенных в одном из портов, еще находившихся под его контролем, то ли египетского флота с моря, то ли сами граждане поддерживали одного из противников из выгоды или сочувствия. По-видимому, Эфес был официально передан египетскому войску Софроном, который был поставлен там командовать царем Селевком. Некоторые районы фракийского побережья, включая города Энос и Маронею, принадлежали к селевкидскому царству; но египетский флот дошел и до них и овладел ими. Птолемей занял полуостров, который в настоящее время зовется Галлипольским.

Во время морского сражения у Эфеса произошел разрыв отношений между династией Птолемея и Родосом, но едва ли это продолжалось долго, поскольку, когда в конце правления Птолемея Родос пострадал от сильного землетрясения, Птолемей, как Антигон и Селевк, вызвался помочь родосцам восстановить ущерб. «Птолемей также обещал им триста талантов серебра и миллион артаб хлеба, строительного леса на десять пятипалубных и на столько же трехпалубных судов, именно сорок тысяч обыкновенных локтей четырехгранных сосновых брусьев, тысячу талантов медной монеты, три тысячи талантов пакли, три тысячи парусов, на восстановление колосса три тысячи талантов меди, сто мастеров и триста пятьдесят рабочих и на содержание их отпускал ежегодно четырнадцать талантов; сверх того на состязания и жертвы двенадцать тысяч артаб хлеба, а равно двадцать тысяч артаб на содержание десяти трирем. Большую часть этих даров он выдал им немедленно, а денег – третью часть всей суммы»^[400].

После возвращения Птолемея в Египет война продолжилась. Селевк вернул Северную Сирию со столицей своего царства Антиохией, хотя Селевкия-в-Пиерии оставалась в руках египетского гарнизона, отрезая Антиохию от сообщения с морем. Потеря Северной Сирии означала потерю и всех восточных провинций. В 242–241 годах до н. э.

селевкидское контрнаступление, по-видимому, зашло так далеко на юг, что Селевк смог освободить Дамаск и Орфосию (на финикийском берегу), осажденные египетскими силами. Но попытка Селевка проникнуть дальше на юг, в Палестину, привела к тому, что он потерпел сокрушительное поражение. Вскоре после этого две державы заключили мир (примерно в 240 году до н. э.). В оставшиеся почти двадцать лет жизни Птолемей Эвергет покоился на лаврах. Александрийский двор по-прежнему вмешивался в политику и конфликты в Средиземноморье. Обладая критским Итаном, Птолемей имел возможность владеть всем островом^[401]. В Греции, после того как Антигон Досон стал царем Македонии (229 до н. э.), возникло трехстороннее соперничество между Македонией, Ахейским союзом и Спартой. Египет сначала поддерживал ахейцев, потом Птолемей надавал обещаний «социалистическому» царю Спарты Клеомену и убедил того прислать мать и детей в Александрию в качестве заложников. Но в конечном счете Птолемей дал Антигону разбить спартанцев в битве при Селласии (222 до н. э.). Клеомен бежал в Александрию – странная фигура среди придворных, похожая на льва. Согласно одному из сомнительных текстов, Антигон в начале своего правления «подчинил Карию»^[402], то есть выгнал оттуда египетские гарнизоны и заменил их своими.

Но даже если и случались всплески военных действий между войсками Египта и какой-нибудь другой державы, сам Птолемей III больше не ходил на войну. Возможно, после энергичной молодости он располнел и разленился. На монетах его шея выглядит толстой. По сведениям некоторых более поздних источников^[403], его прозвали Трифоном («роскошествующим», «изнеженным»), и прозвище кажется странным для царя, который был или, во всяком случае, представляется трезвым и энергичным на фоне сластолюбцев – его предшественников и преемников. Буше-Леклерк высказывал весьма правдоподобную догадку, что это прозвище было дано Птолемею IV или второму Птолемею Эвергету (Птолемею VII) и затем ошибочно приписано Птолемею III каким-то бестолковым аббревиатором или писцом; но оно получило любопытное подтверждение в демотической надписи, в которой говорится о «Птлумисе, который также Трупн». По всей видимости, надпись относится к тому времени, когда Птолемей III был еще соправителем отца. Если это так, то можно предположить,

что «Трифон» – не уничижительный эпитет, данный царю на закате его правления, а личное имя мальчика еще до того, как он стал называться династическим именем Птолемей^[404]. Судя по тому, что авторы, писавшие о дворе Птолемея III, не рассказывают никаких скандальных историй, можно сделать вывод, что его жизнь была исключительным примером семейной добродетели среди царей его династии. Мы не слышим о том, что у него есть любовницы. Возможно, у отважной Береники Киренской хватило сил удержать мужа при себе. Он умер в октябре 221 года до н. э. в возрасте чуть за шестьдесят – естественной смертью, подчеркивает Полибий^[405]. Скорее всего, Птолемей IV^[406] невиновен в преступном содействии скорой смерти отца, в чем позднее обвиняли эту жалкую личность. Птолемей III оставил двух сыновей – Птолемея, который и сменил его на престоле, и Мага, а также дочь Арсиною. Вторая дочь Птолемея Береника умерла в детстве. Царица Береника и брат царя Лисимах пережили его. Видимо, оба брата жили во взаимном доверии. Согласно иероглифической надписи из Коптоса, Лисимах был правителем провинции в Верхнем Египте в 241–240 годах – «Владычица озера Ишру, даруй жизнь Лисимаху, брату правителей, стратегу».

Обратившись к внутренним делам Египта во время правления Птолемея III, мы видим, что Александрийский музей по-прежнему пользовался славой главного центра эллинской культуры. То были дни, когда библиотекой и обучением юного Птолемея, наследника престола, занимался великий ученый Эратосфен.

В Фаюме численность военных колонистов значительно возросла вследствие великого похода Птолемея в Азию. Там жили не только ветераны, которых следовало наградить земельными участками, но и множество воинов, сражавшихся в армиях Селевка, которые были взяты в плен, а затем доставлены в Египет и поселены на тамошней земле^[407]. Конечно, по большей части это были люди греческого и македонского происхождения, которые были так же рады обосноваться в Египте, как и в Азии; но среди них были и евреи, которые впоследствии увеличат свою долю в населении Египта, на этот раз значительно. В надписях и папирусах, относящихся ко времени правления Птолемея III, мы то и дело находим следы этого. В египетском храме в пустыне у верхнеегипетского Редезийе среди греческих надписей на стенах, сделанных по обету путниками и

посетителями, мы находим такие: «Птолемей, сын Дионисия, еврей, благословляет бога», «Благословение богу: Февдот, сын Дориона, еврей, спасенный на море»^[408]. Надпись, найденная в Дельте, гласит: «В честь царя Птолемея и царицы Береники, сестры и жены, и их детей евреи посвящают этот дом молитвы»^[409].

Есть указания на то, что александрийский двор при Птолемеях III проявил большой научный интерес к тому, чтобы исправить тогдашние порядки. Мы видим его в попытке реформировать календарь. Делались попытки, во-первых, ввести фиксированную эру, по которой можно было бы вести летосчисление, а не отсчитывать время по годам правления царей, что было ненаучным методом датировки, который, чем больше проходило времени и чем больше сменялось царей, неизбежно становился все более и более неудобным; и, во-вторых, разработать круглогодичный календарь с постоянными временами года. До сих пор в календаре и греки, и египтяне использовали 365-дневный египетский год, начинавшийся 1-го числа месяца тот, хотя греки при датировке документов обычно указывали еще и македонский месяц. Так как в нем не было високосных годов с дополнительным днем, египетский год каждые четыре года соскальзывал на один день вперед, что за период в 1460 лет должно было дать целый лишний год. Праздник, который отмечался в какой-нибудь день календарного года, сначала мог быть зимним, а 730 лет спустя становился летним.

Чтобы исправить первое неудобство, в качестве начала летосчисления был взят 311 год до н. э. — год смерти маленького Александра.

Этот год уже применялся в качестве начала летосчисления в Финикии и Вавилоне, позднее в селевкидском царстве годы отсчитывались от 312 года до н. э. — то есть прежний порядок был слегка изменен и в качестве точки отсчета взята не смерть маленького Александра, а возвращение Селевка в Вавилон. На монетах Птолемея III годы считаются от 311 года до н. э., а не по годам правления Птолемея III. Судя по тому, что выбранное летосчисление уже использовалось в греческой Азии, александрийский двор задумал ввести систему датировки, которая могла бы действовать во всем эллинском мире. Однако пройдет немало веков, прежде чем европейская культура признает это рациональное удобство — лишь

после принятия 1 года н. э. в качестве начальной точки универсального летосчисления.

Греческая наука в Александрии была достаточно развитой, и ее представители знали, что для исправления второго неудобства, а именно несоответствия между календарным и естественным годом, нужно было вставлять дополнительный день каждые четыре года. При Птолемее III была осуществлена попытка это сделать. Мы знаем об этом, потому что до наших дней сохранился указ египетских жрецов, устанавливающий новую систему отсчета их священного года. Маловероятно, чтобы египетские жрецы сами дошли до мысли ввести это целесообразное изменение. Я думаю, можно поверить, что оно родилось в греческих умах в Александрии и получило поддержку со стороны царя^[410]. Однако и в этом Птолемей III опередил свое время, и все из-за его недостойных наследников. Чтобы получить реформированный календарь, миру пришлось ждать Юлия Цезаря.

Государственный культ в Александрии получил дальнейшее развитие после возвращения Птолемея с Востока. Птолемей III и Береника почитались под именем Богов Благодетелей (Эвергетов, Θεοὶ Εὐεργέται) вместе с Александром и Богами Адельфами. Официальный документ от 240–239 годов до н. э. датируется так: «В правление Птолемея, сына Птолемея и Арсинои, Богов Адельфов, в 8 год, при Ономасте, сыне Пиргона, жреце Александра и Богов Адельфов и Богов Благодетелей, и Архестрате, дочери Кресида, канефоре Арсинои Филадельфии...»^[411] Культ Богов Спасителей (Птолемея Сотера и Береники I) все еще оставался отдельным, и его жрецы не упоминались в датировке документов.

Возможно, при третьем Птолемее предпринимались более систематические попытки завоевать или укрепить преданность туземцев, внушив им, что чужеземный царь не хуже фараона. По крайней мере, есть указания на то, что двор старался связать египетских жрецов со своими интересами. Важнейший источник, подтверждающий это, – Канопский декрет, который дошел до наших дней в трех вырезанных на камне копиях. Одна найдена в 1866 году среди развалин древнего храма в Танисе; сверху идет иероглифический текст декрета, под ним греческий; демотический текст вырезан сбоку. Сейчас этот камень хранится в Каире. Второй список, также с иероглифическим, греческим и демотическим текстом,

был обнаружен в 1881 году и тоже находится в Каире. Третья, сильно поврежденная копия, найденная в Каире, находится в Лувре. Этот декрет был принят всеегипетским синодом жрецов, который собирался в Канопе в марте 237 года до н. э. [\[412\]](#)

В «Истории» Магаффи дается следующий полный перевод документа:

«В правление Птолемея, сына Птолемея и Арсинои, Богов Адельфов, в 9-й год, при Аполлониде, сыне Мосхиона, жреце Александра и Богов Адельфов и Богов Благодетелей, и Менекратии, дочери Филаммона, канефоре Арсинои Филадельфии, в 7-й день [месяца] апеллая, а по-египетски в 17-й день тибиди [\[413\]](#). Декрет. Верховные жрецы и предсказатели и те, кто входит во внутреннее святилище для облачения богов, и перьяносцы, и священные писцы, и остальные жрецы, собравшись из храмов всей страны в 5-й день диоса, в который отмечается праздник рождения царя, и в 25-й день того же месяца, когда он получил власть от своего отца, на официальное собрание в тот день в храме Богов Благодетелей в Канопе [\[414\]](#), объявили, что царь Птолемей, сын Птолемея и Арсинои, Богов Адельфов, и Береника, его сестра и жена, Боги Благодетели, неустанно осыпают великими благодеяниями храмы страны, увеличивают почести богам и во всех отношениях заботятся об Аписе и Мневисе и других прославленных священных животных с большими расходами и полезными назначениями; и те священные изображения, которые увезли из страны персы, царь, совершив поход за пределы Египта, благополучно вернул в Египет и возвратил храмам, откуда они были увезены; и хранил мир в стране, защищая ее с оружием от множества народов и их правителей; и предоставляют [\[415\]](#) (sic) благое правление всем, кто живет в стране, и всем, кто подчиняется их власти; и, когда река однажды недостаточно разлилась и вся страна была в отчаянии от того, что произошло, и вспомнила о бедствиях, случившихся при некоторых прежних царях, когда бывало то, что жители земли страдали от неполного разлива; <они> заботливо и дальновидно защитили и тех, кто живет в храмах, и других жителей, отказавшись от немалой части своего дохода ради спасения жизней, послав за хлебом для страны в Сирию, Финикию, Кипр и многие другие земли по высоким ценам, спасли жителей Египта, таким

образом завещав бессмертное благодеяние и величайший пример их достоинства нынешнему и следующим поколениям, в награду за что боги даровали им прочное царское величие^[416] и даруют им всяческие милости навечно. Да сопутствует удача: жрецы всей страны постановляют: умножить почести, которые воздаются в храмах царю Птолемею и царице Беренике, Богам Благодетелям, и их родителям Богам Адельфам, и их дедам Богам Спасителям, чтобы жрецы каждого храма страны назывались также жрецами Богов Благодетелей, и чтобы имена жрецов Богов Благодетелей упоминались во всех документах и прибавлялись к надписям на кольцах, которые они носят, и чтобы, помимо существующих четырех фил жрецов, в каждом храме была учреждена другая, которая будет называться *пятой* филлой Богов Благодетелей, так как к тому же по счастью случилось, что царь Птолемей, сын Богов Адельфов, родился 5 диоса, что было началом многих добрых дел для всего человечества; и чтобы в эту филу были зачислены жрецы, рожденные^[417] с первого года, и те, которые будут введены среди них вплоть до месяца месора 9 года, и их отпрыски навсегда, но уже имеющиеся жрецы до первого года останутся в своих филах, и также их дети отныне будут вводиться в филы отцов; и чтобы вместо 20 жрецов совета, избираемых каждый год из 4 фил, по пять от каждой филы, жрецов совета было 25, и дополнительные пять избирались из пятой филы Богов Благодетелей; и чтобы члены 5-й филы Богов Благодетелей разделили священные посты и все остальное в храмах и филах, как это происходит в остальных филах. И так как ежемесячно в храмах отмечаются празднества в честь Богов Благодетелей, согласно предыдущему декрету, а именно в 5, 9 и 25-й день каждого месяца, и в честь других верховных богов ежегодно устраиваются национальные празднества и торжественные собрания; то пусть отныне ежегодно устраивается торжественное собрание в храмах и по всей земле в честь царя Птолемея и царицы Береники, Богов Благодетелей, в день первого появления звезды Исиды, который называется в священных книгах новолетием, и в нынешний 9-й год приходится на 1-й день месяца пайни, в который отмечаются Малая Бубастия и Большая Бубастия, и происходит сбор урожая и подъем реки; но так как звезда за каждые четыре года уходит на один день вперед, то праздник не будет изменен, а будет отмечаться 1-го числа месяца пайни, в который он первоначально праздновался в 9-й год, и

он будет длиться 5 дней с ношением венцов, жертвами, возлияниями и другими церемониями; и чтобы времена года правильно совпадали с устройством мира и чтобы не могло случиться так, что некоторые народные праздники, празднуемые зимой, пришлось бы на лето, поскольку солнце уходит на день вперед каждые 4 года, и чтобы другие праздники, празднуемые летом, пришлось бы в будущем на зиму, как это бывало прежде и как будет случаться, если год и впредь будет состоять из 360 и пяти добавочных дней; отныне предписывается через каждые 4 года добавлять один день, праздник Богов Благодетелей, после пяти добавочных дней и перед новым годом, дабы всякий знал, что прежние недостатки в счислении времен года и лет и знании обо всем устройстве небес были исправлены и улучшены Богами Благодетелями.

И так как так случилось, что дочь, рожденная от царя Птолемея и царицы Береники, Богов Благодетелей, и названная Береникой, также немедленно объявленная Василиссой^[418], будучи еще девой, внезапно ушла в вечный мир^[419], и пока жрецы, которые ежегодно собирались к царю со всей страны, еще были с ним, они тотчас же устроили великий траур, и, обратившись с прошением к царю и царице, убедили их ввести богиню с Осирисом в канопский храм, который принадлежит не только к храмам первого разряда, но к самым почитаемым и царем, и всей страной^[420], и процессия со священной баркой Осириса ежегодно отправляется в этот храм из храма Гераклеона 29-го числа месяца хоиаха, когда все храмы первого разряда приносят жертвы на алтарях, поставленных по обе стороны пути, и после того они совершили обряд ее обожествления и заключили траур с пышностью и всем подобающим, как по обычаю поступают с Аписом и Мневисом. Постановлено: воздавать вечные почести царице Беренике, дочери Богов Благодетелей, во всех храмах страны; и с той поры, как она ушла к богам в месяц тиб, в который также дочь Солнца^[421], в самом начале оставила жизнь, кого любящий отец порой называл своей диадемой, а порой зеницей ока, и устраивать празднество в ее честь и процессию с баркой в большинстве храмов первого разряда в этом месяце, в котором впервые совершилось ее обожествление, — [постановляется указом] устраивать в честь царицы Береники, дочери Богов Благодетелей, во всех храмах страны в месяц тиб празднество, процессию с баркой в течение четырех дней от 17-го дня, в который

процессия и завершение траура первоначально имело место; также изготовить ее священное изображение в золоте и драгоценных камнях и поставить в каждом храме первого и второго разряда и установить во (внутреннем) святилище, которое предсказатель или те жрецы, которые входят в адитон для облачения богов, будут нести в своих руках, когда совершаются путешествия и празднества другим богам, чтобы их видели все и все могли поклониться и воздать почести Беренике, Госпоже Дев; и чтобы царский венец, водруженный на ее образ, отличный от венца, водруженного на голову ее матери царицы Береники, имел вид двух колосьев и между ними венца в форме урея и за ним соответствующий жезл в форме папируса, такой, какой обычно держат в руках богини, вокруг которого также обвит хвост урея на венце, так чтобы знак имени Береники согласно знакам священного начертания был взят из устройства ее царского венца, и когда Кикеллия^[422] отмечается в месяц хойах перед вторым путешествием Осириса, девы и жрецы приготовят другой образ Береники, Госпожи Дев, которому они совершат такие же жертвоприношения и другие обряды, совершаемые при этом празднике, и это будет законно и для всех других дев, которые решат совершить обычные обряды в честь богини^[423]; и чтобы ее также воспели избранные священные девы, служащие богам, и они водрузят на себя царские венцы богов, чьими жрицами служат; и когда приблизится время раннего^[424] урожая, священные девы вознесут^[425] колосья и поставят перед образом богини; и чтобы поющие мужчины и женщины пели для нее днем во время празднеств и собраний остальных богов все гимны, которые сочинят священные писцы и отдадут главе хора, и копии их также будут положены в священные барки; и ввиду того, что жрецы получают из священного имущества порции (зерна), когда их выделяют для всей касты, дочерям жрецов будет дано из священных доходов, (считая) от любого дня, когда они родятся, содержание, определенное жрецами совета в каждом храме, соразмерно священным доходам; и хлеб, подаваемый женам жрецов, будет иметь особую форму и называться хлебом Береники. Лицо, назначенное надзирать, и верховный жрец каждого храма, и писцы храма сделают копию этого декрета в камне или на бронзовой стеле иероглифами, на египетском^[426] и греческом языке и установят на самом видном месте в храмах первого, второго и третьего разряда, чтобы жрецы во всей

стране могли засвидетельствовать, что они чтут Богов Благодетелей и их детей по справедливости».

Это стало бы важным моментом, если бы удалось доказать гипотезу некоторых ученых о том, что в Розеттском декрете (спустя сорок три года) египетский текст является оригиналом, а греческий переводом, а Канопский декрет, с другой стороны, сначала был составлен на греческом, а потом переведен на египетский. Мы получили бы свидетельство, что за этот промежуток времени авторитет египетских жрецов заметно вырос. Однако вопрос о том, какой текст является оригиналом, а какой переводом, возможно, никогда не будет решен. Магаффи утверждал, что Канопский декрет тоже первоначально составлялся по-египетски. Конечно, можно представить себе, что египетские жрецы и греческие чиновники совместно работали над текстами, и в таком случае одну фразу могли сначала предложить греки, а другую египтяне; также возможно, что жрецам предоставили греческий черновик того, что хотел сказать в указе двор, и затем они составили свой расширенный вариант на египетском языке, который был повторно переведен на греческий; или наоборот, что жрецы сначала представили двору черновик, который был расширен греческими придворными секретарями и повторно переведен на египетский. В сущности, когда есть столько правдоподобных гипотез, то обсуждать вопрос так, как если бы мы наверняка знали, какая сторона составила документ в том виде, в каком мы его знаем, а какая его перевела, с научной точки зрения совершенно бессмысленно.

Второй Птолемей, как уже говорилось, не оставил особого следа как строитель или восстановитель египетских храмов. Его сын проявил себя заметнее. Он, вероятно, построил новый храм Осириса в Канопе – по всей видимости, именно там проходил второй синод жрецов, и если жрецы заседали в нем уже в 237 году, то Птолемей III должен был основать его в начале своего правления. По традиции между камнями фундамента была заложена золотая табличка, которую впоследствии обнаружили археологи. На ней написано по-гречески: «Царь Птолемей, сын Птолемея и Арсинои, Богов Адельфов, и царица Береника, его сестра и жена, посвящают участок Осирису»^[427]. Наос храма Исиды на острове Филэ, почти законченный при Птолемеи II, был завершён при Птолемеи III. На его большом северном пилоне была греческая надпись о том, что царь Птолемей, царица Береника и

их дети посвящают наос Исиде и Гарпократу^[428]. На близлежащем острове Биггэ есть развалины храма, на которых можно найти имя Птолемея III, связанное с именами древних египетских фараонов. В Асуане на фасаде небольшого храма, посвященного Исиде-Сотис, изображены две фигуры в виде фараонов – Птолемей и Береника (согласно иероглифическим надписям). Еще один небольшой храм, построенный Птолемеем III в Эсне, был бы особенно интересен тем, что на его стенах изложено священное повествование писца об азиатском походе царя – египетский вариант греческого памятника в Аду-лисе; однако храм «был уничтожен в этом веке (то есть в XIX. – *Авт.*) неким предприимчивым пашой» (*М.*). На грандиозном пилоне в Карнаке, который сохранился до наших дней, изображен Птолемей III, и в данном случае художник необычно отклонился от священных канонов и изобразил его одетым не как древнего фараона, а в явно греческом хитоне, который Птолемей и носил на самом деле. Но самый внушительный монумент, построенный в правление третьего Птолемея, – это огромный храм в Аполлонополе Магна (Эдфу), который сохранился лучше всех египетских храмов. Он посвящен местному богу Хору, которого греки отождествляли с Аполлоном, и фундамент его был заложен 7-го числа месяца эпифи в 10-й год царя (23 августа 237 года до н. э.) в его же присутствии. Но столь масштабное сооружение не могло быть закончено за время правления одного царя. Только в правление двенадцатого Птолемея, примерно на сто восемьдесят лет позднее, закончилось строительство последних пристроек храма в Эдфу.

Глава 7

Птолемей IV Филопатор

(221–203 годы до н. э.)

Через некоторое время три великие македонские державы перешли в руки молодых людей. Антиох III унаследовал селевкидское царство в 223 году до н. э., будучи восемнадцати лет от роду; Птолемей IV взошел на египетский трон в 221 году до н. э. в возрасте около двадцати трех лет^[429]; Филипп V унаследовал Македонию в 220 году до н. э. в возрасте семнадцати лет. Учитывая разницу в характере и стремлениях этих трех молодых людей, расстановка сил в Средиземноморье не могла не измениться. Их царствование открывает новую эпоху и в ином смысле. Мир, в котором началось их правление, был греко-македонским, собранным воедино завоеваниями Александра Великого; но мир, в котором их правление подошло к концу, уже изменился, и над ним нависла тень Рима.

Антиох III унаследовал отцовское царство в состоянии хаоса и распада; Птолемей IV получил от своего отца тесно спаянное и мощное государство – вместе с надежно присоединенными Келесирией, Киреной и Кипром; его морской флот по-прежнему позволял ему господствовать на разных островах Эгейского моря, над Галлипольским полуостровом и частями Фракии в районе Эноса и Маронеи; оно все еще пользовалось престижем среди государств Греции. Однако из-за разницы в характерах обоих юношей за период в двадцать лет две династии поменялись местами. В Антиохе III, даже если он и не вполне заслужил прозвище Великий, как его стали звать в народе^[430], во всяком случае, была авантюрная жилка его народа, и благодаря довольно бесшабашной энергии, с которой он вел свои кампании в первые двадцать лет правления, он восстановил авторитет династии на большинстве старых территорий от Эгейского моря до Гиндукуша; тогда как Птолемей IV до своей смерти успел довести Египет до состояния бессилия и унижения, из которого государство уже никогда не поднялось на ту гордую высоту, которую оно занимало при первых трех македонских царях. Начиная с царствования

Птолемея IV история Египта отмечена ростом силы туземного элемента во внутренних делах и снижением роли Египта как фактора международной политики.

В истории бывали царевицы, чью натуру развращала деспотическая власть, но Птолемей IV сел на трон, уже будучи развращенным. В нем повторился дед, любитель искусств и наслаждений, но он воспроизвел пороки деда в более экстравагантной форме и не имел серьезных интеллектуальных запросов, которые придавали налет величия второму Птолемею. Внук не только искал беззаботности и удовольствия, он был безразличен к тому, какого склада люди с его попустительства управляли делами государства, при условии что они давали ему средства для жизни среди литературных и эстетических усад и освобождали его от тягот власти. Фактически управлял царством при Птолемею Филопаторе александриец Сосибий, сын Диоскурида^[431]. В 235–234 годах до н. э. он занимал один из высочайших постов в Египте – жреца Александра, Богов Адельфов и Богов Благодетелей в Александрии^[432], поэтому в тот год его именем датировались документы во всем царстве. Полибий допускает, что у него были некоторые способности, – он зовет его «хитрым и опытным старым негодяем» (σκεῦος ἀρχίνου καὶ πολυχρόνιον). Если Со-сибий хотел власти, он добился ее, когда молодой Птолемей стал царем. Зловещее честолюбие Сосибия не встретило бы никаких препятствий со стороны подобного субъекта. Но оставались и другие члены царской семьи! Среди них были дядя царя Лисимах, старая царица Береника, женщина, как нам известно из источников, содержащих сведения о ее детстве, с которой шуточки плохи; и младший брат царя Маг, отличавшийся большим мужеством, кумир солдат. Их всех нужно было убрать с дороги. Простой александриец, даже занимающий высокое служебное положение, конечно же не смел тронуть и волоска на голове кого-либо из царского рода – разве что он вынудит царя отдать этот приказ. Но при таком министре, как Сосибий, и при таком царе, как Птолемей Филопатор, и это было вполне осуществимо. Любовь к праздности, пьянство, развращенность, поверхностный интерес к литературе настолько поглотили в этом молодом дегенерате все естественные склонности, что он, по совету Сосибия, дабы избавить свою жизнь от малоприятных забот, приказал убить дядю, брата и мать. Дело подстроили так, что, когда юный Маг принимал

ванну, его обварили кипятком^[433], а старая царица Береника Киренская, чьи волосы сияют среди звезд, умерла от яда.

Другим человеком, которого Сосибий посчитал целесообразным устранить, был спартанский царь Клеомен, бежавший, как говорилось выше, в Александрию. Хотя Птолемей Эвергет оказал ему всяческие почести – как воин воину – и воздвиг ему статую в Олимпии, основание которой было найдено^[434], Клеомен стал проявлять нетерпение, поняв, что обещания отправить его назад в Грецию вместе с египетским войском охотно давали, но не исполняли. Когда на престол взошел новый царь и Клеомен увидел, что ему невозможно внушить ни малейшего интереса к международным делам, он пришел в отчаяние. Сосибий боялся его влияния на воинов-наемников, тысячи которых были расквартированы в Александрии. Многие из них были пелопоннесцами и критянами, и царь Спарты пользовался в их среде чрезвычайно высоким авторитетом. После опрометчивых слов Клеомена Сосибий приказал взять под стражу его и трех других спартиатов. Пока двор временно находился в Канопе, Клеомену и его товарищам удалось сбежать из заключения, и они мчались по улицам Александрии с кинжалами в руках и призывали жителей, чтобы они, как истинные греки, восстали во имя свободы и установили независимое государство вместо птолемеевской деспотии. Александрийцы отстраненно взирали на группу возбужденных, кричащих мужчин, видя в них чудных сумасбродов. Когда воины поняли, что только смерть поможет им избежать повторного ареста, они, как настоящие спартанцы, закололись кинжалами. Сосибий добился, чтобы жену и детей Клеомена, которые оставались в Египте, тоже предали смерти (в январе или феврале 219 года до н. э.).

Рядом с Сосибием действовала троица весьма неприглядных персонажей, которые в сговоре с коварным александрийцем правили венценосным сластолюбцем: красивый и порочный юноша Агафокл, его прекрасная сестра Агафоклея и их ужасная мать Оэнанта. Когда такого рода личности заняли положение первых людей государства, престиж Египта в Леванте быстро и заметно упал. Нам известно, что уже в 220 году до н. э. жители Кикладских островов, когда их начали грабить иллирийские пираты, обратились за помощью не к своему старому защитнику царю Египта, а к родосцам^[435].

Примерно в то же время на Крите, где Птолемеи когда-то имели большое влияние, враждующие города стали искать союзников в других местах. Однако Египет по-прежнему владел Итаном^[436], и Птолемей Филопатор предоставил Гортине средства для строительства новых фортификаций^[437]. Египетские гарнизоны в течение всего царствования Птолемея IV продолжали удерживать отдельные районы на побережье и островах Эгейского моря, а чиновники взимали дань для Александрии с приморских территорий Ликии, Карики, Фракии, крупного порта Эфес, островов Фера, Самос и Лесбос^[438]. Даже в Селевкии в устье Оронта египетский гарнизон находился еще весной 219 года до н. э. Должно быть, люди в то время надеялись, что александрийский двор проявит не столько стремление к власти, сколько готовность к действию.

Еще до того, как молодой Птолемей принял отцовское наследство, греческому миру было хорошо известно, что он за человек. Ведь похоже что именно в год смерти Птолемея Эвергета (221 до н. э.) молодой Антиох пришел к воротам крепости в Ливане, охранявшей северный вход в Келесирию; и Полибий сообщает, что Гермий, главный министр Антиоха, убедил его попытаться в первую очередь завоевать Келесирию – страну, на которую представители династии Селевка тщетно претендовали уже восемьдесят лет, – как раз из-за того, что бездействие (ῥαθυμία) нового царя Египта было широко известно^[439]. Однако египетской армией еще командовали опытные военачальники. Этолиец Феодот, главнокомандующий войсками в Келесирии, как следует наладил оборону ливанских крепостей, и первые атаки селевкидской армии провалились. Прежде чем Антиох смог добиться успеха в наступлении, ему пришлось прервать поход и поспешить со своим войском на восток, чтобы разобраться в Вавилонии с восставшим сатрапом Мидии Тимархом. Египет получил передышку.

Она длилась почти два года, в течение которых Антиох занимался восстановлением авторитета своей династии в Мидии. Между тем после нападения на Келесирию Египет и Сирия должны были находиться в состоянии если не открытой войны, то вражды. Именно в этот промежуток времени ситуация в селевкидском царстве осложнилась, и александрийский двор не мог не быть заинтересован в этом. Ахей, правивший Малой Азией от имени Селевкидов,

одновременно являвшийся и двоюродным братом, и зятем царя, отказался от своей клятвы верности и провозгласил себя независимым правителем. Можно было ожидать, что Египет после этого бунта окажет поддержку Ахею как врагу своего врага; ведь Ахей еще до своего бунта обвинялся (как считает Полибий, ложно) в тайной переписке с Александрией. Есть и еще одна причина для сношений между Ахеем и александрийским двором. В некий момент этой войны с селевкидской державой Птолемей Эвергет взял в плен Андромаха, человека очень высокого положения, отца Ахея. Сестра Андромаха Лаодика была женой Селевка II и матерью Антиоха III. Когда Птолемей Эвергет умер, Андромах все еще находился в Египте в качестве пленника. Так как Ахей давно выказывал большое желание добиться свободы для своего отца, Сосибий, естественно, считал пленного македонского аристократа очень ценной фигурой в политической игре. Возможно, он еще до восстания Ахея пытался заключить с ним сделку – свобода для Андромаха взамен отказа его сына от поддержки Селевкидов. Когда Ахей восстал против «суверена» под влиянием других обстоятельств, не заключив никакого соглашения с Египтом, осталось еще меньше причин отпускать Андромаха. Сосибий действительно очень не хотел расставаться с таким ценным приобретением. Однако теперь родосцы из всех сил ходатайствовали за Ахея, а когда Родос желал чего-то очень сильно, Александрия, как правило, давала ему это. Андромаха передали родосцам, которые проводили его назад в Малую Азию. Но александрийский двор не заключил с Ахеем никакого союза. Он предпочел подождать и посмотреть, чем окончится конфликт между двумя братьями в селевкидском царстве.

Когда Антиох вернулся с востока с победой, первым делом он обратился не против Ахея, а против Египта. Весной 219 года он возобновил наступление, от которого отказался в 221 году. Войско под началом Феодота «Полуторного»^[440], тезки этолийца, командовавшего в Келесирии силами Птолемея, отправилось в путь, чтобы расчистить проходы через Ливан, в то время как сам Антиох двинулся к стенам города предков Селевкии-в-Пиерии, чтобы вернуть его из-под власти Птолемея и смыть двадцатилетний позор. Когда Антиох подступил к его мощным укреплениям, в городе оказалось столько жителей, готовых перейти на сторону царя из династии Селевкидов, что

командир египетского гарнизона Леонтий не посмел продолжать сопротивление и сдался.

Антиох все еще находился в Селевкии, когда ему доставили письмо от другого Феодота, этолийца и правителя Келесирии, который двумя годами раньше преградил ему дорогу. Вскоре после этого Феодот узнал, что александрийский двор считает его человеком, от которого нужно избавиться. Он едва спасся от смерти и подозревал, что Сосибий приложил к этому руку. Из Александрии уже послали в Грецию за другим этолийским наемником Николаем, который должен был сменить Феодота. Александрийский двор находился в затруднении: ведь он хотел за свои деньги нанять опытных воинов, но при этом опасался любых военачальников, которые могли бы приобрести доверие и влияние в Александрии. Единственный выход двор увидел в том, чтобы приглашать опытных командиров, но быстро их менять, прежде чем они начнут предаваться опасным честолюбивым замыслам. После успешных действий Феодота в Келесирии его следовало убрать. Но Феодот опередил александрийские власти. Он вместе с доверенными людьми занял Птолемаиду и Тир и написал Антиоху, предлагая сдать ему оба города. Вскоре армия Селевкидов была уже в Палестине. Антиох прошел вдоль побережья и овладел Тиром и Птолеmaidой. Николай, прибывший в Келесирию и взявший на себя командование расположенным там египетским гарнизоном, пока еще удерживал внутренние районы и некоторые города на побережье, такие как Сидон, Арад и Дора.

Эти события в Сирии застали александрийский двор врасплох. Сосибий и дворцовая клика увидели, что, если они сейчас же не предпримут решительных шагов, царь из династии Селевкидов сможет подойти так близко, что раз и навсегда уничтожит их сладострастный рай. Корысть подстегнула их силы и предприимчивость. Отступничество Феодота внушило им лихорадочную подозрительность. Выдающемуся греческому художнику тех дней, работавшему в Александрии, чуть не отрубили голову как предполагаемому соучастнику измены ^[441].

Стало понятно, что нужно создать египетскую армию, способную противостоять опытным войскам Антиоха. Сама по себе такая задача не представляла большого труда для любой державы, обладающей

такими богатствами, как Египет. Кроме того, двор мог нанять лучших военных специалистов своего времени и поручить им как следует подготовить дезорганизованные военные силы государства и взять на себя боевое командование^[442]. Пополнить армию можно было за счет нового широкомасштабного набора. Только на все это требовалось время, а Антиох уже стоял у дверей. Поэтому задача для александрийского двора заключалась в том, чтобы вести с Антиохом переговоры до тех пор, пока не будет готова египетская армия. Первым делом надо было предотвратить его вторжение в Египет непосредственно в 219 году. Имевшиеся в наличии силы были сосредоточены в Пелусии при личном присутствии молодого царя^[443], который номинально считался командующим войском, и на каналах, соединенных с рекой таким образом, что их можно было использовать в качестве линий обороны.

Антиох еще не инициировал наступление на Египет. Когда приблизилась зима 219/18 года до н. э., он владел еще малой частью Келесирии, не считая побережья, но и там ему не удалось выгнать Николая из Доры. Тогда александрийский двор начал переговоры и внушил Антиоху уверенность, что почти готов принять любые условия Антиоха. Тот согласился на четырехмесячное перемирие и на зиму вернулся в Селевкию-в-Пиерии. Зимой переговоры между обоими правительствами продолжились, и, чтобы еще больше их запутать, александрийский двор вынудил несколько греческих государств вмешаться в них в качестве посредников. Сосибиию даже хватило ума извлечь выгоду из пресловутого бездействия Птолемея; он воспользовался им как средством создания в Антиохе чувства ложной уверенности. Зима в Александрии проходила как никогда энергично: греческие командиры, воевавшие под началом двух последних царей Македонии, муштровали воинов в лагерях, шел набор и подготовка новобранцев, свежие наемники стекались в армию из-за моря. Иностранным послам, посещавшим Египет, не разрешалось доезжать до Александрии, чтобы они не увидели все происходящее; на зиму двор обосновался в Мемфисе – через который, как всегда подчеркивал Магаффи, шел обычный путь из Сирии в Александрию – и именно там принимали иностранных послов. Среди пальмовых рощ этого древнего города в глубине страны ничто не напоминало о войне.

Полибий дает нам понять, что египетская армия была полностью реорганизована. Старые кадры распущены, войска перегруппированы в соответствии с тем, каким видом оружия они владели, исходя из своей национальной принадлежности или возраста, – сариссы использовались фалангитами, пелтастами – легкие щиты, луки, дротики, пращи.

Чрезвычайная ситуация привела к одному эпохальному нововведению. Царский двор решил создать фалангу из этнических египтян, помимо обычной фаланги из греческих и македонских воинов; двадцать тысяч крепких и если не воинственных, то послушных крестьян были вооружены по македонскому образцу, обучены владеть длинной македонской пикой (сариссой) и по команде двигаться единым строем, как македонцы. Несколько сотен египтян также были зачислены в конницу и обучены под руководством Поликрата из Аргоса, чей род пользовался почетом в великие времена свободы греков. Помимо египтян, в новую армию вошли несколько тысяч ливийцев, светлокожих жителей Киренаики, – некоторые попали в кавалерию под началом Поликрата, всего три тысячи воинов, вооруженных на македонский манер, со своим командиром, тоже киренцем и, несомненно, греком, Аммонием из Барки.

Среди призванных военных колонистов из Фаюма и других мест были четыре тысячи галлов и фракийцев, и еще две тысячи прибыли морем из Фракии под командованием фракийского военачальника Дионисия. Но основную часть армии составляли греки и македонцы. Греко-македонская фаланга под началом Андромаха из Аспенда насчитывала двадцать пять тысяч человек, тогда как в египетской фаланге было двадцать тысяч; кроме того, в войско вошли все греческие легковооруженные силы и греко-македонская конница.

Весной 218 года до н. э., так как Мемфис и Селевкия не пришли к согласию в ходе переговоров, поскольку Сосибий и не собирался ни с чем соглашаться, Антиох продолжил завоевание Келесирии. Он взял Филотеру, Скифополь (Бейт-Шеан), города Декаполиса, Филадельфию (Раббат-Аммон). Его войска штурмовали крепость на горе Табор. К концу кампании египетские силы были изгнаны из большей части Палестины. Антиох остановился на зимовку в Птолемаиде, считая, что от него не потребуется больших усилий, чтобы довести до окончательного победоносного завершения его поход против

Птолемеев. Городами Филистии, в том числе Газой, он овладел либо во время кампании 218 года до н. э., либо зимой.

Очевидно, в 218 году до н. э. египетский двор отправил против Антиоха в Палестину недостаточные силы. Мощная армия, которая формировалась в Александрии, была еще не готова, и ее не собирались прежде времени выводить на поле боя. (Во Франкфуртском папирусе говорится о том, что в тот год войска под командованием царя были переброшены в Бубастисский ном, о чем из других источников ничего не известно.) Весной 217 года до н. э. египетские власти решили, что время пришло. 13 июня армия из 70 тысяч пеших и 5 тысяч конных воинов с 73 африканскими слонами двинулась через пустыню в Палестину. С войском отправился сам Птолемей^[444], разумеется, по настоянию Сосибия и Агафокла, а также его сестра Арсиноя, тогда еще, пожалуй, почти ребенок. Ее матери Беренике было всего лишь около пятнадцати лет, когда она организовала убийство Деметрия, и Арсиноя уже была достаточно взрослая, чтобы выступить перед солдатами и воодушевить их на защиту династии Птолемея и ее самой, юной царевны, чьи прекрасные глаза будут следить за тем, как они за нее сражаются^[445].

Получив известие о приближении египетской армии, Антиох сосредоточил свои силы в Газе и вышел навстречу Птолемею. Две армии сошлись у города Рафия на краю пустыни, где ассирийский царь разгромил египетскую армию за пять веков до того. Войско Антиоха несколько уступало в численности; кроме греческих и македонских войск, в нем была большая доля азиатов, собранных со всего обширного царства Селевкидов, из Сирии, Персии и Центральной Азии, многие из них были обучены и вооружены на македонский манер. Также в распоряжении Антиоха было 102 индийских слона.

Из рассказа Полибия представляется, что Антиох мог бы одержать победу в битве, если бы не его характерная запальчивость – он, как уже говорилось, был смел и бесшабашен. День начался плохо для Птолемея. Африканские слоны, доставленные с такими невероятными трудами и расходами из далекой Сомалийской страны, оказались не то что бесполезными против индийских слонов Селевкидов, но даже вредными.

Конная атака с правого фланга, которой руководил Антиох, сломила и обратила в бегство конницу, находившуюся на левом фланге

египетских сил, где во время боя был сам Птолемей, так что царь Египта вскоре был сметен паническим бегством в арьергард. Но Антиох в ликовании погони потерял связь с остальным полем боя, и на другом фланге египетская конница врезалась в селевкидские ряды. В сумятице, возникшей между этими двумя монолитными массами, египетские воины доказали, что не зря полтора года потратили на систематическую подготовку и муштру в Александрии. Должно быть, даже крестьяне, в первый раз орудуя своими македонскими пиками в настоящем бою, отлично показали себя. Селевкидская фаланга, македонцы, греки, азиаты подались назад. К концу дня вся селевкидская армия уже бежала в Газу и дальше. Это была битва при Рафии 22 июня^[446] 217 года до н. э. Известие о ней заставило мир задуматься и засмеяться. Старая александрийская лиса преподнесла сюрприз, который увенчался полным успехом. Птолемеи снова вернули Келесирию, ведь Антиоха, разумеется, пришлось убрать с территории, расположенной к югу от Ливана. Александрийский двор, вернув Палестину и обеспечив безопасность своего райского житья, получил все, чего хотел. Дальнейшие завоевания и военные триумфы его не волновали. Египет с легкостью отпустил Антиоха, даже не требуя контрибуции.

В найденной на острове Сифнос надписи говорится о том, как послы, присланные из Египта объявить о великой победе островным городам, входившим в сферу влияния морского флота Птолемея, прибыли на остров. В то же время Сифнос посетил главный адмирал Эгейского флота Периген и выразил удовлетворение тем, какую верность династии Птолемеев проявили жители этого маленького острова^[447].

В Третьей книге Маккавейской имеется описание того, как царь Птолемей после битвы при Рафии ездил по городам возвращенной провинции и, среди прочих, прибыл в Иерусалим. Из любопытства, как сказано в источнике, он хотел войти в святая святых и очень обиделся на евреев, которые не дали ему это сделать. Магаффи считал, что этот рассказ в общих чертах правдив. Религиозный роман вроде Третьей книги Маккавейской представляет собой весьма скудное историческое свидетельство, однако, по словам Полибия, после битвы царь все же провел три месяца в Сирии и Финикии и лично надзирал за восстановлением своей власти в разных городах и селениях страны,

и если это было так, то ничего удивительного, что он посетил Иерусалим и жреческое государство евреев, которых греки считали странным и любопытным народом. И если он отправился в Иерусалим, то вполне естественно, что он захотел войти в храм и почувствовал себя оскорбленным, когда ему, тому, кто, сам будучи божеством, был связан с богами, которым поклонялись во всех египетских храмах, это запретили. Поэтому даже если рассказ из Третьей книги Маккавейской не подтверждается ни одним другим источником, быть может, он отражает правду. Но продолжение истории – о том, как Птолемей после возвращения в Египет пытался принудить египетских евреев поклоняться Дионису, о страшных гонениях, от которых они чудом спаслись, – почти наверняка это выдумка, а Птолемею IV были приписаны преследования, которым евреи впервые подверглись при Антиохе Епифане в Палестине пятьдесят лет спустя.

Я, в отличие от Магаффи, считаю, что рассказ о том, как Птолемей пытался войти в храм, – чистая выдумка. Мне кажется, что это доказывает отсутствие данного рассказа в главе XI Книги пророка Даниила, написанной, вполне возможно, непосредственным очевидцем событий 217 года до н. э. или, во всяком случае, кем-то, кто должен был знать десятки иерусалимских старожилов, которые были их свидетелями. Невозможно поверить, чтобы еврейский автор, повествуя о делах северных и южных царей в Палестине, совершенно обошел вниманием подобное событие, описанное в Третьей книге Маккавейской и имевшее прямое отношение к его теме, если бы оно действительно произошло.

12 октября Птолемей Филопатор с победой вернулся в Египет. Вскоре по возвращении он женился на своей сестре Арсиное. Он последовал примеру деда и тоже перенял этот обычай фараонов^[448]. Магаффи выдвигает смелое предположение: бракосочетание откладывалось так долго потому, что дворцовая клика надеялась: Агафоклея произведет наследника трона Птолемеев, – а брак Птолемея с Арсиноей состоялся лишь тогда, когда эта надежда рухнула. Однако в сочинениях античных авторов отсутствуют сведения, позволяющие подтвердить эту гипотезу^[449], и представляется гораздо более вероятным, что брак откладывался только потому, что Арсиноя еще не вошла в брачный возраст, когда ее брат вступил на трон. Теперь начал отправляться культ Птолемея и Арсинои, которым поклонялись под

именем Богов Фило-паторов, Theoi Philopatores, вместе с Александром, их дедами и родителями. Мы не знаем, почему Птолемей IV принял прозвище Филопатор, «отцелюбивый». Возможно, Птолемей Эвергет был особенно популярен в Египте, и правящий царь и царица стремились увеличить свою популярность, связав себя в народном сознании с покойным великим царем. Примерно в то же время культ Птолемея I и Береники I, Богов Спасителей, стал частью государственного царского культа. Его отсутствие стало заметно теперь, когда установился обычай связывать каждую царственную чету с ее предшественниками и Александром. До сих пор, как мы видели, у Богов Спасителей был отдельный культ, и его жрецы не упоминались при датировке документов. Первые папирусы, где появляется новая система, относятся к восьмому году правления Птолемея IV (215/14 до н. э.)^[450]. Жрец-эпоним теперь называется «жрец Александра и Богов Спасителей, Богов Адельфов, Богов Благодетелей и Отцелюбивых Богов». С двенадцатого года правления Птолемея IV в папирусах появляется новшество – в них упоминается отдельная сменявшаяся ежегодно жрица матери царя Береники Киренской, аналогичная канефоре Арсинои Филадельфии. Новая жрица именуется афлофорой и с этих пор упоминается вместе со жрецом Александра и канефорой в официальной датировке. Так как Птолемей Филопатор приказал отравить свою мать, установление особого культа в ее честь нельзя рассматривать как знак сыновней привязанности. Хотелось бы думать, что это было вызвано угрызениями совести, но скорее всего перед нами не более чем политический шаг. Береника тоже пользовалась популярностью, и в Александрии уже начинали поговаривать о том, как она умерла.

Недавно в Пифоме была открыта еще одна стела, где иероглифами, демотическими знаками и на греческом языке записано решение, принятое синодом египетских жрецов в Мемфисе в ноябре 217 года до н. э. ввиду недавней победы в Сирии. Из описания стелы, которое дал Анри Готье^[451], можно понять, что в ней содержится мало ценной информации о сирийской кампании. В ней повторяются обычные фразы – фараон, подобно Хору, разбил врага, захватил необозримое число пленников, золота, серебра и драгоценностей, вернул в храмы (в Сирии? – *Ред.*) изображения, которые выбросил из них Антиох, с огромными расходами восстановил те, которые были изувечены,

обрушил ливень даров на храмы царства, привез в Египет увезенных персами идолов и вернул их на место. Все это общие фразы, но в надписи все-таки содержится несколько дотоле неизвестных нам дат. Также она интересна тем, что в ней отразилась некоторая египтизация государства Птолемеев. Здесь впервые, насколько нам известно, в греческом переводе встречаются полные формулировки, использовавшиеся для описания фараона, которые отсутствуют в Канопском декрете. Кроме того, в надписи содержатся сведения о новых особенностях отправления царского культа в египетских храмах: изготовлении изображений Филопатора и Арсинои, вырезанных по древнему образцу, где фараон пронзает поверженного в бою врага, и учреждении праздника в честь годовщины битвы при Рафии и пяти последующих дней как праздника радости, а 20-го числа каждого месяца – торжества в честь Птолемея I и Береники I.

У нас есть и другие примеры употребления фараоновских формулировок применительно к Филопатору. В частности, они встречаются в папирусе, в котором, видимо, содержится царский рескрипт (обращенный, разумеется, к египтянам). Таким образом, данный источник является свидетельством того, что эти формулировки действительно использовались при дворе^[452]. Кроме того, они приведены в трехязычной надписи, хранящейся в Каирском музее^[453]. Эпитеты Птолемея Филопатора – господин венцов, весьма прославленный, благочестивый, спаситель людей и т. д. – очень похожи на те, которыми назван Птолемея Епифан в Розеттском декрете.

Брак царя с сестрой не повлек никаких перемен в столичной жизни. Несчастную девушку выдали за брата только ради того, чтобы от нее родился наследник трона царской крови. Агафокл и Агафоклея, как и прежде, управляли развратными склонностями царя^[454]. Дворец кишел самозванными литераторами, поэтами, грамматистами, проститутками, шутами, философами. Среди философов, живших в то время при дворе Птолемея Филопатора, был выдающийся стоик Сфер^[455]. До наших дней дошел один исторический анекдот о розыгрыше, который устроил ему Птолемея. Стоики учили, что мудрец никогда не поддастся на обманчивую наружность, и Птолемея велел положить за трапезой поддельный фрукт из воска и презентовал его Сферу, а когда зубы философа накрепко застряли в нем, спросил,

поддался ли теперь мудрец на обманчивую наружность. Птолемей претендовал на то, чтобы считаться поэтом, и сочинил пьесу «Адонис», судя по названию эротического характера. Агафокл последовал его примеру, написав к ней комментарий.

Помимо египетских храмов, воздвигнутых по приказу Птолемея IV, мы знаем еще о трех сооружениях, которые он велел построить. Одно из них – что характерно – храм Гомера. Два другие – суда невиданного размера. Первое – морской корабль с немыслимым количеством весельных рядов, а именно с сорока рядами, величиной в 129 метров от носа до кормы. Он мало плавал, но дал возможность Птолемею гордо заявлять, что он владеет самым крупным кораблем в мире. Второе – гигантское увеселительное судно, на котором двор совершал поездки по Нилу, с салонами, спальнями и колоннадами, выполненными из древесины драгоценных пород, слоновой кости и позолоченной бронзы и украшенный коврами и вышивками греческих мастеров.

Царь особенно пристрастился к одной форме неистовства – к дионисийским оргиям. Птолемеи заявляли, что происходят от Диониса, и, видимо, Птолемей IV стремился каким-то образом стать олицетворением божественного предка. Хотя он не принял имя Неос Дионис (Новый Дионис) в качестве официального прозвища, как сделал один из его потомков, тем не менее его часто называли Дионисом в народе и при дворе. Мы читаем, что он приказал вытатуировать лист плюща на своем теле^[456], чтобы выказать свою преданность Дионису. Говорят, что одним из прозвищ Птолемея IV в Александрии было Галл – имя, которое давали приверженцам Великой Матери, в состоянии исступления оскотлившим себя.

Берлинский папирус^[457] проливает свет на то, как рьяно царь поклонялся своему любимому богу: «По приказу царя. Все, кто в округах страны иницирует мистерии Диониса, должны явиться по реке в Александрию, те, кто живет не дальше Навкратиса, в течение 10 дней после объявления этого указа, а те, кто живет за Навкратисом, в течение 20 дней, зарегистрироваться у Аристобула в бюро записей (каталогионе) в течение 3 дней после прибытия и немедленно заявить, кто посвящал их в ритуалы в течение трех поколений, и каждый должен представить запечатанную священную Речь (Логос), написав на своем экземпляре собственное имя».

Есть некоторая неясность в интерпретации этого документа. Слова $\tau\epsilon\lambda\omicron\upsilon\tilde{\nu}\tau\alpha\varsigma\ \tau\tilde{\omega}\ \Delta\iota\omicron\nu\acute{\upsilon}\sigma\omega$ могут означать (как понимает их Вилькен), «тот, кто совершает мистические ритуалы в честь Диониса» или (как понимает их Шубарт) «тот, кто иницирует в мистические ритуалы Диониса». Последний перевод кажется мне более вероятным, поскольку обычные члены фиаса^[458] едва ли должны были доказывать, что участвовали в обрядах в течение трех поколений, или представлять священную речь, которую должен был произносить жрец во время совершения обряда. Также неясно, с какой целью телоунтов вызвали в Александрию, для синода ли, как считает Шубарт, или просто с целью регистрации, как полагает Вилькен, чтобы правительство могло контролировать проведение мистерий в каждом округе. Так или иначе, документ, по всей видимости, свидетельствует об особом интересе царя к культу Диониса.

9 октября (30 месори) 209 года до н. э. – эта дата зафиксирована на Розеттском камне – Арсиноя совершила то, ради чего ее сделали царицей, – родила сына. Скорее всего, через несколько недель он был объявлен соправителем царя, своего отца^[459]. Жизнь Арсинои, заточенной во дворце Птолемея Филадельфа, состояла из одних унижений и мук. Быть может, ей был присущ высокий дух, как и другим македонским царевнам, оставившим след в истории, но враждебные силы, которые окружали ее со всех сторон и не давали ей свободы, были слишком влиятельны для одинокой девушки. У нас есть возможность взглянуть на нее в истинном свете. Великий Эратосфен, оставшийся в Александрии, дожил до той поры, когда с печалью в сердце увидел итог своих усилий по воспитанию сына Птолемея Эвергета. Когда Птолемей IV умер, старик написал произведение под названием «Арсиноя» в память о юной царице. Там он рассказал, как однажды был с нею в тот момент, когда она со своей свитой шла по какой-то части дворца или около него. Им встретился человек, несший зеленые ветви, как бы для торжества. Царица удивилась, какой праздник мог отмечаться в тот день, – ведь эти вещи, очевидно, Птолемей и его единомышленники устраивали без ее ведома, – и спросила у человека. Тот ответил, что это Праздник Кувшинов ($\lambda\alpha\upsilon\nu\omicron\phi\omicron\rho\acute{\iota}\alpha$) и что в конце его все, и народ, и придворные, славно напились на уличной пирушке. Тогда, пишет Эратосфен, Арсиноя «обратила к нам глаза» ($\epsilon\mu\beta\lambda\acute{\epsilon}\psi\alpha\sigma\alpha\ \pi\rho\acute{o}\varsigma\ \eta\mu\acute{\alpha}\varsigma$) и разразилась горькими

сетованиями о том, какой позор пал на дом ее отца и как унижено царское достоинство^[460]. На этот единый миг Арсиноя Филопатор вырывается в яркий свет из дворцовой тьмы, чтобы затем снова скрыться во мраке.

В самом Египте правление Птолемея IV после его победоносного возвращения из Палестины не обошлось без зловещих волнений. После битвы при Рафии стало гораздо труднее регулировать туземный вопрос. Для египетского народного самосознания было важно, что двадцать тысяч египтян встретились и сразились с македонскими войсками или, по крайней мере, войсками, обученными и вооруженными по македонскому образцу. Естественно, в отдельных районах страны возникла безумная надежда, что и в самом Египте его древний народ сможет успешно противостоять господствующим грекам и македонцам, сумеет сделать с ними то же, что их предки сделали с гиксосами. Гиксосы правили Египтом в течение четырехсот лет, но в конце концов местные фараоны сумели восстановить свою власть в стране. Почему же это не должно повториться опять? Чужеземный царь по-прежнему придерживался курса своих предшественников и старался расположить египтян к себе за счет того, что строил, восстанавливал или отделявал египетские храмы. При Птолемеи Филопаторе продолжались работы над великим храмом Хора в Эдфу. «В Луксоре его картуш встречается на различных зданиях, то есть, если он и не возвел эти сооружения, он, во всяком случае, их отдал и хотел, чтобы его имя было с ними связано. На другой стороне реки, в Дейр-эль-Медине, он заложил прекрасный небольшой храм, который закончили его преемники. Кроме того, в Асуане он попытался завершить (кажется, так и не сумев) маленький храм, строительство которого было начато его отцом» (М.).

Но теперь стало слишком много египтян, которых строительство храмов по царскому приказу уже не могло убедить в том, что македонский царь не хуже египетского фараона. Армия едва успела вернуться в Египет после сражения при Рафии, как тут же начались восстания. Историю этой борьбы рассказывает Полибий в своем важном, но утерянном труде. Однако из того, что он пишет в сохранившемся фрагменте, мы видим, что это было затяжное и запутанное дело. Стремление египтян к независимости не привело к судьбоносным событиям, таким как решающие сражения между

большими армиями, морские битвы или осады, как в обычной войне. Их борьба представляла собой череду мелких стычек между отрядами повстанцев и правительственных сил, можно сказать, партизанскую войну, разгоравшуюся в той или иной местности и порождавшую, согласно Полибию, небывалый ужас, ярость и предательство^[461]. Египтяне, обычно мягкий и терпеливый народ, в возбуждении способны на чудовищную жестокость^[462]. Как справедливо указывает Магаффи, тот факт, что строительство храма Эдфу продолжалось до шестнадцатого года правления царя (207–206 до н. э.) (как сказано в иероглифической надписи), доказывает, что местные беспорядки не перерезали сообщение между двором и Верхним Египтом, во всяком случае до того года. Вероятно, Магаффи прав в том, что районы, которые восстания охватили в первую очередь, находились в Нижнем Египте – в старину заросли тростников в Дельте давали приют египетским вождям, восставшим против персов, – и что беспорядки затронули Верхний Египет (вынудив приостановить строительные работы в Эдфу) лишь в последние годы царствования Птолемея IV. Однако Магаффи ошибся, отнеся ко времени Птолемея IV победу над мятежниками, которую одержал Поликрат из Аргоса. Она была одержана в правление следующего царя. Мы не знаем, были ли повстанцы в Нижнем Египте взяты в кольцо, прежде чем восстание разразилось в Верхнем Египте, или они еще оставались на свободе. На стене храма в Эдфу все еще можно прочесть иероглифическую надпись: «Так был построен храм, закончено внутреннее святилище для золотого Хора, прежде 10-го года, 7 эпифи, во времена царя Птолемея Филадельфа. Стена в нем украшена прекрасной надписью с великим именем его величества и изображениями богов и богинь Эдфу, и его великие врата и двойные двери его просторного зала закончены до 16-го года его величества. Затем разразилось восстание, и так случилось, что банды мятежников прятались во внутренних помещениях храма...»

Строительство возобновилось лишь примерно через двадцать лет. Местные повстанцы, видимо, еще сопротивлялись, когда Птолемей Филадельф умер.

В одном любопытном источнике упоминаются надежды, которые в то время питали египтяне, – это демотический папирус, где содержится предсказание оракула, якобы полученное в дни царя

Тахоса (366–360 до н. э.), хотя на самом деле сочиненное сравнительно недавно, и его толкование. К сожалению для нас, толкование почти такое же темное, как и само предсказание. Однако, насколько можно понять, оракул рисует картину того, что случилось в Египте со времен Тахоса, в форме пророчества (очень похоже на то, как в Книге пророка Даниила описываются события от Александра до Антиоха Епифана в виде пророчества, объявленного якобы при царе Кире). И далее пророчество предвосхищает освобождение Египта, которое еще должно произойти, народного освободителя, который станет царем после изгнания чужеземцев. «Сей есть человек из Хнеса (Гераклеополя. – *Авт.*), кто после чужеземцев (персов. – *Авт.*) и ионийцев (греков. – *Авт.*) будет властвовать». «Возликуй от радости, пророк Харсафеса!» И комментарий поясняет: «Это значит: пророк Харсафеса радуется после Уинна; он становится правителем в Хнесе». Затем оракул говорит, что он соберет армию, что будут битвы, коронация и радость Исиды Афродитополя. А кончается комментарий так: «Возрадуйся о Правителе, который будет, ибо он не отвратится от Закона»^[463].

Возможно, еще в одном письменном источнике – «Оракуле горшечника», – фрагментарно сохранившемся на папирусах II и III веков н. э., отразились чаяния египетских национальных сил при поздних Птолемах. Сохранившиеся до нашего времени папирусы написаны по-гречески, но в самом сочинении утверждается, что это перевод египетского текста, и, вероятно, так и есть на самом деле, по крайней мере частично. Это якобы пророчество, которое в древности произнес перед царем Аменофисом горшечник, на которого снизошло божественное откровение. Текст слишком отрывочен, чтобы передать связную историю, однако из него можно понять, что он предсказывает Египту годы угнетения и нищеты под властью враждебных чужеземцев, которые зовутся «носящими пояса» (*zōnophoroi*), возможно, это персы. Затем поднимется царь-спаситель, который разорит город носящих пояса и возвратит священные предметы в Египет. Далее следует фрагмент, который может относиться только к вожделенному разрушению Александрии: «И город у моря станет местом, где рыбаки сушат свои сети, потому что Добрый Деймон и Кнефис отправятся в Мемфис, так чтобы некие, идущие рядом, сказали: «Этот город был общим кормильцем (пантотроф), все народы

человеческие селились в нем». И тогда Египет будет [благословен?], когда царь, который в течение сорока пяти лет будет благосклонен, придет от бога Солнца, подателя благодеяний, упроченный великой богиней Исидой, так что живые и те, кто останется, будут молить, чтобы умершие воскресли снова и получили свою долю благодеяний»^[464].

Благодаря нескольким греческим надписям, обнаруженным в разных частях страны, мы можем представить себе представителей господствующего народа, а также египтян, живших при Птолемеях Филопаторе. Некий Аполлоний, сын Аммония, его жена Тимосион и дети в Александрии посвящают изображение Деметре, Коре и Справедливости от лица царя Птолемея и царицы Арсинои, Богов Филопаторов^[465]. Другой александриец Диодот, сын Миртея, совершает посвящение от лица царя и царицы Серапису и Исиде^[466]. Между камнями фундамента древнего здания, обнаруженного в Александрии лет тридцать назад, оказались четыре таблички с иероглифическими и греческими надписями, одна из них золотая. Из греческой надписи видно, что здание когда-то было храмом Сераписа и Исиды, Богов Спасителей и царя Птолемея с царицей Арсиноей, Богов Филопаторов^[467]. Мы не знаем, кто возвел храм; судя по тому, что там нашлись надписи и иероглифами, и греческим письмом, можно предположить, что человек или люди, сделавшие посвящение, были египтянами. В Фивах эллинизированный египтянин Теос, сын Хора, «полицейский» филакит (φυλακίτης) из Аммонийского квартала в Фивах, названного так по находившемуся там великому храму Амона, делает посвящение неизвестному божеству от лица царя и царицы. Еще одна греческая надпись из Фив гласит: «От лица Птолемея, великого Бога Филопатора, спасителя и победителя, и Птолемея-сына, Комон, сын Асклепиада, управляющий [сборами и пошлинами?], около Навкратиса (οἰκόνομος τῶν κατὰ Ναύκρατιν), Исиде, Серапису, Аполлону»^[468]. Греческий чиновник, назначенный в район Навкратиса, посещает знаменитый город Фивы во время отпуска или по какому-то частному делу и пользуется случаем, чтобы совершить приношение от имени царя и его сына в знаменитом храме, показывая свою верность, и прибавляет к царскому имени несколько эпитетов по своему выбору. То, что царица не упоминается, ничего не доказывает; делая личное посвящение, человек мог выбрать, за каких членов

царского рода молить бога. Возможно, дворцовая клика из всех сил старалась упрятать Арсиною подальше от людских глаз, и поэтому чиновник, стремящийся заслужить благосклонность в высших кругах, должен был знать, что, пропустив имя царицы, он ни в коей мере себе не навредит.

ΥΤΤΕΡΒΑΣΙΛΕΩΣΤΟΥΤΟΛΕΜΑΙΟΥΚΑΙΒΑ
ΣΙΛΙΣΣΗΣΑΡΣΙΝΟΗΣΚΑΙΤΟΥΤΟΛΕΜΑΙΟΥ
ΤΟΥΥΙΟΥΘΕΩΝΦΙΛΟΤΕΑΤΟΡΩΝΤΩΝ
ΕΚΤΟΥΤΟΛΕΜΑΙΟΥΚΑΙΒΕΡΕΝΙΚΗΣΘΕ
5 ΩΝΕΥΕΡΓΕΤΩΝΑΡΗΙΝΙΚΗΦΟΡΩΕΥΑΓΓΡΩ
ΛΕΞΑΝΔΡΟΣΣΥΝΔΑΙΟΥΟΡΘΑΝΝΕΥΣ
ΟΣΥΝΑΤΤΟΣΤΑΛΕΙΣΔΙΑΔΟΧΟΣ
ΧΑΡΙΜΟΡΤΩΙΤΩΙΣΤΡΑΤΗΓΩΙΕΠΙ
ΤΗΝΘΗΡΑΝΤΩΝΕΛΕΦΑΝΤΩΝΚΑΙ
10 ΑΠΟΑΣΙΣΜΙΟΡΒΟΛΛΟΥΕΤΕΝΝΕΥΣ
ΗΓΕΜΩΝΚΑΙΟΥΥΓΓΑΥΤΟΝΤΕΤΑ
ΓΜΕΝΟΙΣΤΡΑΤΙΩΤΑΙ

Надпись охотников на слонов (Британский музей)

Несмотря на неудачное применение слонов при Рафии, египетское правительство продолжало охотиться на них в южных регионах. В Эдфу на черном мраморном пьедестале на греческом языке вырезано посвящение, которое сделал Богам Филопаторам, Серапису и Исиде Лихас, сын Пирра, акарнаниец, назначенный командиром в гарнизон в «слоновье» стране^[469]. Согласно надписи, он уже во второй раз получил это назначение. Поскольку в качестве царя и царицы в ней фигурируют Птолемей и Арсиноя, она относится ко времени после битвы при Рафии. Как мы видели выше, имя Лихаса сохранилось на сомалийском побережье^[470].

Еще один египетский командир из «слоновьей» страны, которого упоминает Страбон, – Хариморт – упоминается в надписи, которая сейчас хранится в Британском музее^[471]. Из какой части Египта она происходит, неизвестно. Должно быть, Хариморт командовал позже Лихаса. Это посвящение от имени Птолемея, Арсинои и их маленького сына, сделанное человеком, который отправляется к Хариморту в качестве заместителя командира (διάδοχος), а также нижестоящим офицером и воинами. Оба офицера родом из Писидии. Посвящение сделано в честь Ареса Никефора Евагра – бога войны, дарующего победу и добрую охоту. Так как в надписи упоминается маленький сын царя, она относится ко времени после 8 октября 209 года до н. э.

Эфиопская династия из Напаты закончилась, когда царь Мероэ Аркамани, которого греки звали Эргаменом, объединил всю Эфиопию под своей властью. По расчетам Рейснера, это произошло около 225 года до н. э., но возможно, считает он, это могло быть еще в 240 году до н. э. Согласно Диодору, государственный переворот Эргамена имел место «во времена Птолемея II». Это утверждение давно подвергалось сомнению исходя из того, что Эргамен появляется в исторических источниках как современник Птолемея IV; но это само по себе не исключает возможности, что его государственный переворот произошел еще в 250 году до н. э., во время правления Птолемея II, как предполагает Ф.Л. Гриффит^[472]. Однако в свете недавних археологических исследований в Мероэ столь раннюю дату трудно увязать с другими правлениями, которые нужно уместить между 308 годом до н. э. и временем правления Эргамена^[473]. Фрагмент сочинения Диодора об Эргамене гласит: «В предшествующие века [в Эфиопии] цари были подчинены жрецам не силой оружия, но под влиянием суеверного страха. Однако во время правления Птолемея II царь Эфиопии Эргамен, учившийся в греческой школе и получивший философское образование, первым осмелился не убояться этих предрассудков. Приняв решение, достойное царя, он вместе со своими солдатами проник в золотое святилище эфиопов и перебил всех жрецов. Упразднив этот обычай, он управлял делами по своему желанию»^[474].

Диодор не пишет, что «Эргамен получил образование при дворе Птолемея II», как произвольно предположил Рейснер, приняв небольшой художественный вымысел Магаффи за утверждение

древнего автора. Диодор даже не пишет, что Эргамен когда-либо посещал Египет, хотя, конечно, это возможно. Немало греческих учителей, несомненно, могли бы соблазниться предложением поехать в верховья Нила до самого Мероэ, чтобы учить царя или царского сына. Мы на самом деле слышим о греческом литераторе Симониде, который прожил в Мероэ пять лет и написал сочинение об Эфиопии^[475]. Мы знаем, что даже индийский царь той эпохи просил прислать ему греческого софиста. Интересно, что желание научиться греческой мудрости появилось при дворе эфиопского фараона, но именно этого и следовало ожидать. Новая культура, которая недавно воцарилась в средиземноморских странах и на землях прежней Персидской империи, приобрела авторитет, который должен был внушить окружающим царям и народам желание в ней разобраться. Великолепный двор второго Птолемея установил планку в Древнем мире, так же как двор Людовика XIV в новой Европе, и едва ли сосед Птолемея из страны, которая граничила с его государством по верховьям Нила, мог остаться к ней совершенно безучастен. Эллинистический рационализм нашел свой путь в Мероэ и превратил фараона из марионетки под властью религиозных традиций в свободного и умудренного самодержца, подобного эллинскому царю.

Однако, даже если Эргамен пристрастился к греческой философии, его двор и царство, если судить по сохранившимся памятникам, по внешности остался фараоновским. Насколько я знаю, ни в храмах и пирамидах Мероэ, ни в том, что осталось от его искусства, нет ни следа эллинистического влияния^[476]. Храм, возведенный Эргаменом в Дакке, построен в чисто египетском стиле. А после смерти Эргамена его мумия упокоилась в пирамиде возле Мероэ, украшенной сценами из Книги мертвых в соответствии с неизменной египетской традицией. Иероглифические надписи для Эргамена, как отметили исследователи, сделаны превосходно, по фараоновскому образцу, а значит, он наверняка приглашал к себе жрецов-художников из Египта. Это никак не мешает тому, что лично он мог быть сторонником греческих идей, как мы видим на примере Птолемеев: по стилю египетских храмов, построенных по царскому приказу, нельзя сделать никаких выводов о том, что они имели какую-либо связь с культурой, к которой принадлежал правитель.

Другой эфиопский царь Асехрамон (Эсехер-Амун), кажется непосредственный преемник Эргамена и, может быть, его сын (или племянник, если трон в Эфиопии переходил по материнской линии), построил святилище, которое все еще можно видеть в современном Дебоде (примерно в девяти с половиной милях выше Филэ). В иероглифических текстах он описан как идеальный египетский фараон, без признаков нубийской или негритянской крови, и делает традиционное для фараона заявление, что он «царь обеих земель» – поразительное заявление для союзника (если, конечно, он был союзником) настоящего царя Египта^[477].

Однако около 200 года до н. э. Эфиопия настолько отошла от фараоновской традиции, что египетский язык в надписях стал уступать место языку страны, для которого был изобретен новый алфавит – мероитский, – а на смену традиционной египетской системе пришла новая иероглифическая письменность (более грубая в исполнении).

По всей видимости, Птолемей IV поддерживал некие довольно тесные отношения с эфиопским фараоном Эргаменом. Выше первых порогов к Нилу сходятся пустынные холмы, лишь кое-где оставляя вдоль реки узкую полосу сельскохозяйственной земли. Через эти бесплодные возвышенности лежит путь на просторные равнины Эфиопии в верховьях Нила. Отрезок пути от Филэ до Тахомпсо (современный Дерар) египтяне называли «Земля Двенадцати Аров» (один ар равен примерно семи с половиной милям), а греки приблизительно перевели название на греческий – Додекасхен^[478]. Жрецы Филэ утверждали, что этот отрезок посвящен Исиде. Возможно, его сакральный характер имеет какое-то отношение к тому, что египетская и эфиопская власть, кажется, странным образом накладываются друг на друга при Птолемеях IV. Храм в Пселкисе (современная Дакка), согласно вырезанным в нем иероглифическим надписям, был построен Эргаменом, однако в том же храме мы находим рельеф, добавленный Птолемеями IV. По одну сторону двери изображено, как Эргамен приносит жертву Исиде, а по другую сторону другой двери Птолемей Филадельфос поклоняется богиням Анукет, Сатет, Исиде и Хатор. На притолоке написан картуш Филадельфоса вместе с картушами Арсиной, его сестры-жены, отца, матери и «дочери Амона Арсиной»^[479]. Предположение, что Додекасхен был нейтральной территорией, где оба царя могли чтить богиню, трудно

примиришь с записанным иероглифами утверждением Эргамена, что Исида отдала ему Землю Двенадцати Аров «от Сиены до Тахомпсо». Действительно, на стенах храма на острове Филэ Эргамен изображен в виде фараона, но по соседству присутствуют аналогичные изображения Птолемея IV. Однако это любопытное пересечение власти египетского и эфиопского царя легче объяснить каким-либо дружественным договором между двумя дворами, чем теорией о попеременном правлении там двух враждебных держав; ведь, если была бы верна вторая догадка, правящий царь наверняка стер бы с лица земли все памятники своего соперника, как позднее поступил Птолемей V с некоторыми памятниками Эргамена на острове Филэ.

Грецию в последние годы правления Птолемея Филадельфа разрывала вражда между Филиппом, царем Македонии, и Этолийским союзом. Египет не принимал в ней активного участия. Но, очевидно, он предпринимал различные дипломатические шаги; между александрийским двором и греческими государствами были постоянные сношения; многие в греческом мире охотно завоевали бы благосклонность власти, правившей в Александрии. Не стоило пренебрегать дарами, которые богатый царь Египта мог сделать любому городу, решив оказать ему милость^[480]. Посвящение в честь Птолемея Филадельфа найдено на Родосе^[481]; посвящение в честь Птолемея и Арсиной – в беотийских Оропе и Феспиях^[482]. Танагра и Орхомен оказывают почести Сосибью^[483]. Полибий с отвращением упоминает чрезмерные почести, которыми осыпали Птолемея Афины во главе с народными вождями Евриклеем и Микионом^[484].

Помимо этих следов египетского влияния на независимые государства Греции, мы, естественно, находим знаки почтения, которое оказывали представителям династии Птолемея и их приближенным в государствах, все еще находившихся в непосредственном подчинении у Египта. Это Фера^[485], Сест^[486], Мефимна на Лесбосе^[487], Книд (статуя Соси-бия)^[488], Галикарнасс^[489], Кипр^[490].

В войну между Антиохом III и его кузеном Ахеем в Малой Азии, которая произошла после заключения мира между Египтом и Сирией, Птолемей не вмешивался. Мы только видим, что, когда Ахей находился в осаде в Сардисе, александрийский двор сделал попытку подстроить его побег и подослал тайного агента, некоего критянина по

имени Бо-лис. Критянин оказался изменником и вместо того, чтобы спасти Ахея, доставил его к Антиоху, который его казнил.

Однако гораздо более важными для судеб Средиземноморья, чем все, что происходило в Греции и Азии при Птолемеях Филопаторе, были события в Италии и на Западе: Вторая Пуническая война, решительная схватка между Ганнибалом и Римом. Дальновидные политики уже увидели, какие тучи сгущаются над миром. На съезде в Навпакте 217 года до н. э., где присутствовали послы от Птолемея, этолиец Агелай ясно дал понять представителям македонских и греческих держав, что именно в Италии решается, кто будет властвовать миром. Если они не уладят свои ссоры и не объединятся, то вскоре окажутся под властью либо Карфагена, либо Рима. Его предостережение не осталось незамеченным, но ни к чему не привело.

Впоследствии царь Македонии вступил в союз с Ганнибалом, а этолийцы – с Римом. Египетский двор хранил строгий нейтралитет. Когда в 216 году до н. э. карфагенский корабль, идущий в Карфаген с пленником на борту – проримским италийцем Децием Магием, из-за бури был вынужден войти в киренскую гавань, Магий сбежал на берег и искал убежища у статуи царя. Его доставили в Александрию, но освободили лишь после того, как двор удостоверился, что Ганнибал взял его в плен в нарушение договора. На следующий год сицилиец Зоипп прибыл в Александрию в качестве посла от молодого сиракузского царя Иеронима, чтобы убедить Птолемея примкнуть к карфагенянам, но, разумеется, успеха не добился. Между 215 и 210 годами до н. э. римские послы явились в Александрию. Возможно, и раньше бывало, что александрийцы видели на своих улицах посланцев могущественного народа с Запада, непреклонных и замкнутых в своих просторных белых тогах, взирающих со спокойной уверенностью в собственном превосходстве на толпу греков и египтян в великом левантийском городе. Но это посольство первое, о котором у нас есть достоверные сведения. Оно прибыло с целью закупить зерно в Египте, в то время единственной стране, не участвовавшей в войне, так как Италии, где поля были разорены из-за передвижений армии, угрожал голод^[491]. Нам неизвестно, какой ответ дали ему при египетском дворе; вероятно, Птолемей не считал нарушением нейтралитета продажу хлеба Риму. Когда после битвы при Метавре в 207 году до н. э. стало ясно, что Рим не хочет заключения мира между этолийцами и

Филиппом, александрийский двор, рассылавший до того послов, как и другие греческие государства, желая быть посредником между противоборствующими силами в Греции, кажется, отступил и решил не наносить обиды Риму^[492].

Кончина Птолемея Филадельфа окутана мраком. По словам Юстина, дворцовая клика какое-то время держала его смерть в тайне. Возможно, во второй половине его правления Птолемей и Арсиноя очень мало появлялись на людях. Вероятно, разум Птолемея был окончательно притуплен пьянством и прочими излишествами, а Арсиноя жила во дворце пленницей.

Сейчас считается установленным, что Филадельф умер и Епифан наследовал его трон 28 ноября 203 года до н. э.^[493]

Магаффи утверждал, что Полибий, да и все наши античные авторы, несправедливо изобразили Птолемея Филадельфа. Он не был таким уж никчемным пьяницей, каким его рисуют. Верно, что Птолемей, сын Агесарха (Птолемей из Мегалополя) опубликовал собрание скандальных историй о Птолемеях Филадельфе. Он состоял на дипломатической службе и написал историю царствования^[494], но то, что Полибий и другие авторы могли взять что-то из его сочинения, не доказывает, что их рассказы о Филадельфе не соответствуют истине.

Как представляется мне, хотя всегда есть возможность, что рассказ о человеке, написанный его современниками, будет в том или ином отношении небеспристрастен, и хотя многие находят удовольствие в том, чтобы ниспровергать общепринятое мнение, в данном случае нет настоящих доказательств в пользу того, чтобы отвергнуть свидетельство Полибия и других авторов о личности Птолемея Филадельфа. Один из доводов Магаффи состоял в том, что, если бы мы знали о Птолемеях IV по одним только надписям, мы были бы о нем гораздо лучшего мнения. На самом деле мы вообще ничего не знали бы о нем, потому что надписи с выражением официальной верности со стороны чиновников на государственной службе или почести, которые из политических соображений оказывают царю Египта греческие полисы, являются еще менее ценными свидетельствами о личности царя, чем эпитафии о личности человека, погребенного под ними. Более основательным аргументом является то, что Антиох и Филипп после битвы при Рафии не решились напасть на Египет до самой смерти Птолемея IV. Следовательно, они должны были считать, что,

пока он жив, Египет сильнее, чем при его малолетнем сыне. Магаффи допускал, что этот факт ничего не доказывает, если предположить, что Антиох и Филипп опасались не самого Филопатора, а правительства во главе с Сосибием. Однако Магаффи считал, что Сосибий умер еще до конца правления Филопатора. Правда, в нашем распоряжении имеются свидетельства в пользу того, что Сосибий был жив, когда царем провозгласили малолетнего Птолемея.

Глава 8

Птолемей V Епифан (203–181 годы до н. э.)

Самым естественным опекуном маленького царя и регентом государства была его мать Арсиноя. При жизни Филопатора Арсиноя не могла ничего предпринять против Агафокла. Как только Филопатор умер, Арсиноя стала опасной, так как на ее стороне была народная любовь. Поэтому, прежде чем объявить о смерти царя, до того как Арсиноя появится на людях, Агафокл и Сосибий решили убить ее в укромных дворцовых покоех. Но и это было нелегко – подстроить убийство таким образом, чтобы слухи о нем не поползли за пределами дворца и не навлекли народного гнева на их головы. Если царица внезапно умрет или исчезнет, многие во дворце непременно узнают об этом – как выяснится позже, царские прислужницы были преданы Арсиное, – и потому убийство следовало совершить таким способом, который не вызвал бы подозрения у людей, не вовлеченных в заговор. Задача потребовала тщательной организации, поскольку было привлечено несколько исполнителей под предводительством некоего Филаммона, друга Агафокла, и заговорщики вели между собой переписку. Одно письмо попало в руки постороннего лица, который мог бы разоблачить заговор и спасти царицу, если бы он был ей предан. К несчастью, он не был ей предан, и убийство удалось.

Возможно, в конце 203 года до н. э. Агафокл и Сосибий посчитали момент подходящим и объявили миру о том, что Птолемей и Арсиноя, Боги Филопаторы, отправились на небеса.

По прихоти случая, который сохраняет для нас отдельные фрагменты древней исторической литературы, нет иного периода египетской истории при Птолемах – этим не могут похвастаться ни полное масштабных предприятий правление второго Птолемея, ни кампании Птолемея Эвергета за Евфратом, – события которого были бы лучше освещены в источниках, чем тот, что последовал в Александрии за объявлением Агафокла и Сосибия. Нам придется дожидаться воцарения последней великой Клеопатры, прежде чем

сцены происходящего в Александрии предстанут перед нами в такой же полноте деталей, как и та, что развернулась в 203 году до н. э. после объявления народу о смерти царей, и другие события, последовавшие за ней, которые описал Полибий, причем сделал он это так, что ему позавидовал бы любой современный репортер. Полный перевод этих глав из труда античного историка можно прочитать в «Империи Птолемеев» Магаффи. Там прекрасно описаны Агафокл и Сосибий, два злодея, стоящие на деревянном помосте в окружении грандиозной колоннады дворца; венец, водруженный на голову шестилетнего ребенка, маленького наследника великого государства Птолемеев, когда огласили волю или предполагаемую волю покойного царя, назначавшую Агафокла и Сосибия его опекунами; речь Агафокла к строю солдат в македонских доспехах; а потом две серебряные урны с прахом царя и царицы, которые, как заявил Агафокл, следует захоронить со всеми церемониями – разумеется, в Семе, где покоятся тела царей рядом с телом Александра. И наконец, читатель может даже услышать, как по толпе бежит ропот, по всему великому городу, распространяя тайну смерти Арсинои, ее волнующую историю, которая вызывает в народе сострадание и брожение.

Какое-то время Сосибий и Агафокл сохраняют свое высокое положение в Александрии. Но они понимают, что со всех сторон им грозит опасность. Ее представляют другие придворные, лелеющие собственные честолюбивые планы, причем некоторые из них, например Филаммон, были посвящены в убийство царицы; наемные войска, которые могли проникнуться народным гневом на недостойных опекунов юного царя. И наконец, существовала внешняя угроза со стороны Антиоха и Филиппа. Антиох мог снова напасть на Келесирию, Филипп – на владения Птолемеев в Эгейском море, не говоря уже о национальных восстаниях в Верхнем Египте, подавить которые пока не удавалось.

Агафокл и Сосибий приняли все меры, которые смогли. Все выдающиеся люди при дворе были изгнаны из Египта. Филаммон стал либиархом, то есть губернатором Киренаики. Птолемея, сын Агесарха, отправился послом в Рим. Скопас, этолийский военачальник, получил задание поехать в Грецию и набрать новых наемников, которые должны были занять александрийские лагеря и укомплектовать дворцовую гвардию, тогда как прежних убрали подальше от

Александрии и небольшими отрядами разбросали по гарнизонам в Верхнем Египте и отдаленных зависимых странах. Сын старого Сосибия по имени Птолемей уехал послом в Македонию, чтобы по возможности помешать Филиппу объединиться с Антиохом и ударить по владениям Птолемеев^[495], а послом к Антиоху отправился Пелопс, сын Пелопса. Еще до смерти Филадельфа Антиох начал занимать владения Птолемеев в Малой Азии. Пелопс должен был убедить его соблюдать договор, заключенный с Филадельфом. Письмо от Антиоха в Амизон подле Тралл, где он обещает его жителям привилегии, которыми они пользовались при Птолемеях, датируется маем или июнем 203 года до н. э.^[496]

Однако Агафокл вел невоздержанную жизнь. Этот выскочка не сдерживал ни гордости, ни похоти. Народный гнев ждал только подходящего вождя, чтобы прорваться. Что же до старого Сосибия, то о нем больше ничего не слышно, и, должно быть, он умер вскоре после воцарения нового правителя. Вождь нашелся в 202 году до н. э. в лице Глеполема, которого Агафокл назначил стратегом в Пелусий, чтобы подготовить оборону границы на случай, если Антиох снова завоюет Палестину. Вскоре Пелусий стал центром восстания против Агафокла. Когда македонские войска в Александрии^[497] перешли на сторону Глеполема, участь Агафокла и его сообщников была решена. Полибий снова живо и подробно описал инциденты, которые привели к взрыву в Александрии, и последовавшие за ним события, но здесь их невозможно пересказать в деталях: штурм дворца, жалкие попытки Агафокла добиться компромисса, заслужить пощаду, наконец, передача мальчика-царя македонским войскам. Мы видим растерянного ребенка семи лет на лошади среди орущих толп, которого привезли на Стадион, усадили на трон на глазах народа. Затем молодой Сосибий, сын старого интригана, командир телохранителей, дальновидно перешедший на сторону народа, проскальзывает к маленькой фигурке на престоле, наклоняется к его уху, спрашивает, отдает ли он убийц матери людскому мщению. От огуленного и испуганного мальчика легко было добиться знака согласия, и тут же по рядам воинов и городу раздался крик: «Царская воля!» Александрия предается оргии самосуда. Агафокла вытащили из дома и убили; Агафоклею, жалкую старуху мать Эннату, жену Филаммона, – всех проволокли голыми по улицам, буквально раздирая

на клочки; самого Филаммона, который случайно приехал в Александрию из Кирены, забили до смерти, его маленького сына задушили. Именно по поводу этих сцен Полибий замечает, что жители Египта (он явно имеет в виду, что все это творили не только этнические египтяне, но и греки, а возможно, виновниками зверства были только последние, которые, можно предположить, за годы жизни в египетском окружении переняли некоторые его качества) в возбуждении злобы проявляют неестественную склонность к чудовищным жестокостям.

Тлеполем заступил на место Агафокла в качестве регента^[498]. Лучше солдат у государственной власти, чем царский содомит. Но Тлеполем не преуспел; это был человек тщеславный и буйный, он пренебрегал делами государства ради попоек и игры в мяч. Антиох и Филипп заключили договор, чтобы совместно напасть на владения Птолемея: Антиох снова вторгся в Келесирию, как за семнадцать лет до того, а Филипп изгнал египетские гарнизоны из городов, которые они удерживали на островах и побережье Эгейского моря. В 202 году до н. э., через несколько месяцев после объявления о смерти Филопатора в Александрии, Филипп начал выгонять египетские гарнизоны из Фракии и с Галлипольского полуострова и укреплять собственную власть. В 201 году до н. э. его флот взял Самос и вторгся в Карию. К концу года Эфес остался практически единственным городом на восточных берегах Эгейского моря, который еще принадлежал дому Птолемея. Тем временем, вероятно в 202 году, Антиох вторгся в Келесирию и отбросил египетские силы вплоть до пустыни между Палестиной и Египтом. Город Газа пал лишь после знаменитой осады (осенью 201 года до н. э.)^[499].

Примерно в это же время в Александрию снова явились послы из Рима – Марк Эмилий Лепид и еще двое. Когда римские послы приезжали в Египет девятью годами раньше, Ганнибал сильно теснил римлян; теперь же послы прибыли из победившего Рима, чтобы официально объявить о его триумфе над Карфагеном дружественному птолемеевскому двору, а на самом деле, разумеется, чтобы получить сведения о ситуации в Леванте ввиду надвигающейся войны Рима с Филиппом. В связи с этим посольством любопытно утверждение, которое мы находим у поздних авторов^[500], что Марк Лепид стал опекуном юного царя с правом управлять царством от его имени. В

таком виде эти слова, бесспорно, являются ложными. Не говоря о том, что они отсутствуют в наиболее достоверных письменных источниках (в сочинениях Полибия и Ливия), невозможно согласовать такое положение Марка Лепида с другими фактами, которые мы знаем о его деятельности и об истории той эпохи. Однако у нас есть монета, изготовленная в Риме более поздними членами рода Лепидов, вероятно, в 54 году до н. э., на которой их предок Марк Лепид изображен возлагающим венец на мальчика-царя с надписью TVTOR REGIS. Итак, хотя вполне понятно, почему потомки распространяют легенду о своем предке, кажется маловероятным, что она могла возникнуть, не имея под собой никаких оснований. Надо думать, между римским аристократом и мальчиком – царем Египта образовалась какого-то рода связь. Магаффи остроумно предположил, что Лепид действовал в Риме в качестве официального защитника интересов Египта, в качестве царского патрона^[501]. Нам неизвестно, верно ли дальнейшее утверждение Юстина о том, что одновременно с тем, как Лепид отбыл в Египет, Рим также отправил послов к Антиоху, предостерегая его от нападения на Египет. В тот момент Рим определенно не мог сделать ничего, чтобы нажить врага в лице и Антиоха, и Филиппа. Также в этом фрагменте Юстин пишет, что «последние мольбы его отца» отдали мальчика-царя под защиту Рима в качестве «подопечного» (pupillus) республики. Кажется, это не подразумевает, что Филопатор сделал Рим опекуном сына в своем официальном завещании. Если Птолемей Филопатор всего лишь в ходе дипломатической корреспонденции с Римом выразил надежду, что сын после его смерти сможет и дальше пользоваться дружественной поддержкой римского народа, этого было бы достаточно, чтобы дать предлог римским государственным деятелям и положить начало литературной традиции, возникшей у позднейших авторов, таких как Юстин, любителей утрировать, в виде только что рассмотренного утверждения. Действительно, есть вероятность того, что, когда конец Филопатора уже приблизился, в письмах александрийского двора к Риму *могли* содержаться выражения подобного рода. Это все, что можно сказать по данному поводу.

То, как легко иноземным противникам удалось расхитить владения Птолемеев, доказало несостоятельность Тлеполема в качестве регента. Мы видим, что примерно через год его сменяет другой регент –

Аристомен, акарнанийский офицер гвардии телохранителей. К своему позору, он был другом и льстецом Агафокла, но, по словам Полибия, выказал себя прекрасным и добродетельным правителем, когда сам пришел к власти^[502]. С акарнанийским регентом был тесно связан нанятый Агафоклом этолиец Скопас, о котором мы уже слышали. Скопасу, считавшемуся хорошим воином, хотя он и питал страсть к наживе, регент, несомненно, доверил высшее руководство военными делами царства. Зимой 201/02 года до н. э. Скопасу удалось успешно очистить ряд городов Южной Палестины от войск Антиоха, и среди них Иерусалим. Он оставил в Иерусалиме гарнизон и вернулся в Египет, взяв с собой глав еврейской аристократии, которые поддерживали Птолемеев. Затем, видимо весной 200 года до н. э., он вернулся в Палестину, чтобы выступить в новый поход, и снова успешно отбросил селевкидские силы до самого Ливана.

Но какую бы славу ни заслужил Скопас этими успехами, она оказалась непрочной. Антиох отправился на юг, чтобы в третий раз завоевать Келесирию. Там, где путь через Ливан подходит к Палестине, в месте, которое греки называли Панион – по святилищу какого-то семитского бога, отождествленного греками с Паном, у истоков реки Иордан, – египетская армия под началом Скопаса встретила селевкидскую во главе с Антиохом. Селевкиды одержали полную победу. После вековой борьбы битва при Панионе решительно положила конец правлению династии Птолемеев в Палестине. Антиох восстановил свою власть в вожденной провинции, на этот раз навсегда. Сам Скопас, пережив осаду в Сидоне, вернулся в Египет^[503].

Скопас с преданными ему массами наемных войск все еще пользовался большим влиянием в Александрии. При помощи Хариморта, своего главного доверенного лица, которого мы видели в роли правителя в «слоновье» стране, он накопил такие богатства, что Полибий называет их «грабежом царства». Он замыслил совершить государственный переворот, который поставил бы его у верховной власти. Однако Аристомен опередил его, арестовал в его же доме и отправил на суд совета. Выдающихся представителей греческих государств, которые находились в тот момент в Александрии, и в том числе этолийских послов, пригласили присутствовать на суде в роли заседателей, чтобы весь греческий мир увидел доказательства того, что

Скопас осужден по закону. Скопас вместе с несколькими соучастниками был приговорен к казни и отравлен.

Видимо, вскоре после этого Аристомен решил, что настало время отпраздновать совершеннолетие юного царя. Тогда (в октябре 197 года до н. э.) ему было всего двенадцать, но, разумеется, Египту как можно скорее был нужен царь, обладающий персональной властью, пусть даже с некоторой натяжкой. В Александрии состоялась церемония вступления правителя на престол, по-гречески анаклетерия, со всей подобающей пышностью. Для пятого Птолемея выбрали прозвище Теос Епифан, Бог Проявленный, к которому иногда в официальных документах прибавлялось второе прозвище – Евхарист, Благодатный. После греческой анаклетерии последовала еще одна церемония, которая, насколько известно, была нововведением для династии Птолемеев^[504]. В древней столице Мемфисе египетские жрецы провели обряд венчания маленького царя на царствие, как приличествовало египетскому фараону. Это была очередная зрелищная мера, чтобы обеспечить верность египтян иноземным владыкам. Казалось, что без этого никак не обойтись. В течение всех этих лет безуспешно продолжались восстания египтян, начавшиеся при Филопаторе.

Враждебные группы возглавляли два человека, чьи имена (Ревийу) читаются как Анмахис и Хермахис. Возможно, это были египтяне, стремившиеся стать фараонами, или эфиопские вожди, которые воспользовались шансом сделать набег на Верхний Египет.

Так или иначе, дружественные сношения, существовавшие при Филопаторе между александрийским и мероитским двором, при Епифане сменились враждой. Поздние картуши Эргамена на острове Филэ были уничтожены^[505]. Один из сохранившихся фрагментов из сочинения Агафархида гласит: «Птолемей собрал войско в 500 всадников из Греции для войны с эфиопами»^[506]. Там не говорится, какой Птолемей имеется в виду, но в других фрагментах мы находим отрывки речи, якобы адресованной к юному царю его опекуном (эпитропа), где тот дает советы, как вести войну с эфиопами. Это согласуется с гипотезой о том, что Агафархид имел в виду молодого Птолемея Епифана^[507].

Когда мы исследуем факторы, возродившие мятежный национальный дух при поздних Птолемеях, особенно в Верхнем

Египте, то, вероятно, самым важным было сохранение фараоновской традиции в нильской стране к югу от Египта. Греческие завоеватели подчинили Египет, но не все царство древних фараонов, не всю область египетской культуры; и до тех пор, пока египетские националисты видели, что их древняя традиция еще сохраняется по ту сторону южной границы, они отказывались согласиться с тем, что в Египте она уничтожена навсегда. В конце концов, старинные легенды рассказывали о том, как египетские цари в прежние дни, когда Египет наводнили чужаки, нашли убежище у эфиопов в верховьях Нила и снова вышли оттуда, чтобы вернуть свою землю до самого моря.

У нас есть единичное упоминание об осаде Абидоса в 200–199 годах^[508]. Затем, в 197 году до н. э., в Дельте мы встречаем опасных мятежников. Они завладели городом Ликополем в Бусириском номе. Мятежные банды укрылись за его стенами, где их осадили правительственные войска, с которыми, кажется, находился и юный царь. Летом 197 года до н. э. Нил поднялся необычайно высоко и угрожал, затопив возведенные вокруг города осадные сооружения, вынудить царские войска ослабить свой нажим. Чтобы избежать этого, войска заблокировали каналы, питавшие ликопольскую область, и отвели воду в другие места. Вожди мятежников поняли, что их положение безнадежно, и капитулировали^[509]. Царь, по словам Полибия, «отнесся к ним жестоко и попал во многие опасности». Туманная фраза, возможно, возникла из-за аббревиатора Полибия. Похоже, она означает, что жестокость царской реакции спровоцировала затем еще более яростные мятежи. Другую группу повстанцев – вождей, возглавивших националистический мятеж при Птолемеи Филопаторе, – по-видимому, доставили в Мемфис, и их казнь совпала с церемонией венчания фараона 17-го числа месяца фаофи (то есть 26 ноября) 197 года до н. э. Едва ли можно возложить ответственность за произошедшее на двенадцатилетнего мальчика; даже если официально он стал совершеннолетним, все его публичные действия наверняка были продиктованы его греческими министрами.

Мы не знаем, какую долю египетского народа заразил дух национального восстания. Вероятно, основная часть оставалась тихой и покорной^[510]. Двор, во всяком случае в годы после восшествия юноши на престол, считал благоразумным совершать множество благодеяний. Некоторые налоги были отменены, другие снижены.

Большинство долгов прощено за счет царской казны. Заключенные, в том числе многие пробывшие в тюрьме долгое время в ожидании суда, освобождены. Махима и другим людям, которые участвовали в мятеже, но вернулись по домам, была гарантирована амнистия. Возможно, египтяне начали занимать более высокие посты в бюрократической системе. В папирусе второй половины III века до н. э. мы встречаем диойкета (провинции) Имонтеса^[511]. Двор особенно старался снискать расположение египетских жрецов новыми милостями, уступками и почестями, которые оказывались туземной религии. Они перечисляются на знаменитом Розеттском камне, к которому мы наконец подходим.

Эту плиту из черного базальта, которую теперь можно увидеть в Британском музее, обнаружили французы в Розетте в 1799 году, когда Наполеон оккупировал Египет, но они ее бросили, и в 1801 году ею завладели англичане. На камне написан иероглифами, по-гречески и демотическими знаками (плита разбита, и большая часть иероглифического текста утрачена) декрет, принятый 18 мехира (= 27 марта) 196 года до н. э. всеегипетским синодом жрецов, собравшимся в Мемфисе. Именно эта каменная плита впервые дала молодому Шампольону ключ к разгадке древнего языка в 1824 году, и, таким образом, является краеугольным камнем, на котором возведено здание современной египтологии. Случай, по которому собрался синод, у египтян назывался хеб-сед. Ритуалы возведения на престол, первоначально имевшие целью сообщить новому царю сверхъестественные силы и добродетели, по древнеегипетскому обычаю снова проводились через неравные промежутки времени – как бы затем, чтобы подзарядить царя божественной энергией. Сначала временные промежутки, как кажется, составляли тридцать лет, а в фараоновском Египте не бывали короче, чем два года. Поэтому довольно странно, что хеб-сед для юного Птолемея проводился всего через четыре месяца после его воцарения. Возможно, как предполагает Буше-Леклерк, церемония введения на престол в предыдущем ноябре прошла «несколько небрежно из-за обстоятельств момента», и жрецы сочли целесообразным теперь уже наверняка зарядить силой юного царя. Камень, найденный в 1884 году в Даманхуре, свидетельствует, что еще один похожий синод состоялся в Мемфисе в 182 году до н. э. Так как он проходил в месяце фар-мути (июнь в том году), очевидно,

что дата проведения хеб-седа не обязательно совпадала с годовщиной воцарения. Декрет на Розеттском камне гласит следующее:

«В царствование молодого царя и наследника отца на царстве, преславного владетеля венцов, утвердившего Египет, благочестивого перед богами, победителя над врагами, улучшившего жизнь людей, господина празднеств Тридцати лет^[512], подобного Гефесту Великому^[513]; царя, подобного Солнцу^[514], великого царя Верхнего и Нижнего Египта; отпрыска богов Филопаторов, одного из которых Гефест утвердил^[515]; которому Солнце даровало победу, живого олицетворения Зевса^[516], сына Солнца, Птолемея вечно живого, возлюбленного Птахом^[517], в 9-й год, когда Аэт, сын Аэта, был жрецом Александра и богов Сотеров, богов Адельфов, богов Эвергетов, и богов Филопаторов, и бога Епифана Евхариста; Пирра, дочь Филина, афлоторой Береники Эвергетиды, Арейя, дочь Диогена, – канефорой Арсиной Филадельфии, Ирина, дочь Птолемея, – жрицей Арсиной Филопатор, в 4-е число месяца ксандика, а по египетскому счету 18-го числа месяца мехира. Указ. Верховные жрецы, предсказатели и те, кто входит в святилища для облачения богов, перьеносцы, священные писцы и все другие священники, которые собрались в Мемфисе перед царем из храмов страны на торжество принятия верховной власти вечно живого Птолемея, возлюбленного Птахом, бога Епифана Евхариста^[518], которую он получил от своего отца, собравшись в Мемфисском храме в этот самый день, постановили: так как вечно живой царь Птолемей, возлюбленный Птахом, бог Епифан Евхарист, рожденный царем Птолемеем и царицей Арсиной, богами Филопаторами, оказал многие благодеяния храмам и тем, кто в них находится, и всем своим подданным; и, будучи богом, происходя от бога и богини (подобно Хору, сыну Исиды и Осириса, отомстившему за своего отца Осириса), <и> будучи благосклонно расположенным к богам, он пожертвовал в храмы доходы в виде денег и продовольствия и понес большие издержки с тем, чтобы привести Египет в процветание и воздвигнуть храмы, и, будучи щедрым в меру своих сил, из получаемых в Египте доходов и налогов он некоторые совершенно отменил, а другие облегчил^[519], чтобы народ и все остальные^[520] в его царствование пребывали в благоденствии; а долги перед царской казной, которые лежали на египтянах и жителях других

частей его царства и которые были очень велики, он простил; а заключенных в тюрьмах и тех, кто уже давно был обвинен, он освободил от обвинений; и приказал, чтобы доходы храмов и ежегодное пособие в виде продовольствия и денег, а также доля, надлежащая богам с виноградников, садов^[521] и других земель, которые принадлежали богам во времена его отца, оставались прежними; и приказал также в отношении жрецов, чтобы они платили налоги при посвящении (τελεστικόν) не больше, чем столько, сколько было назначено во времена его отца и до первого года <нынешнего царствования>; и он освободил членов священных «племен» от ежегодного плавания в Александрию; и приказал отменить вербовку на флот^[522]; а налог на льняную ткань, уплачиваемый храмами в царскую казну^[523], убавил до двух третей; и все, что оставалось в небрежении прежде, привел в порядок, желая, чтобы то, что традиционно совершается для богов, совершалось, как должно; и равным образом воздал по справедливости всем, как великий и великий Гермес^[524], и приказал, чтобы тем из туземных воинов, кто возвращается на родину^[525], и другим лицам, которые отступили от своей преданности в дни смуты, по возвращении было позволено владеть прежним имуществом; и позаботился о том, чтобы были посланы конные и пешие силы и корабли против врагов, шедших походом на Египет по морю и по суше, и понес при этом большие издержки деньгами и продовольствием, чтобы храмы и все население страны пребывали в безопасности^[526]; и, явившись в Ликополь в Бусириском номе, который был захвачен и укреплен с целью выдержать осаду, причем туда было доставлено и большое количество оружия и другого снаряжения (так как в этом городе собрались мятежные духом нечестивцы, которые причинили много зла храмам и жителям Египта), и окружив этот город, возвел вокруг него насыпи и сложные укрепления и вырыл рвы; но ввиду того, что Нил в 8-й год <его царствования> поднялся очень высоко и, как обычно, грозил затопить долины, предотвратил это, закрыв во многих местах устья каналов, истратив на это немалое количество денег; выставив всадников и пеших воинов для их охраны^[527], он вскоре приступом взял город и сокрушил всех находившихся в нем нечестивцев, подобно тому как прежде Гермес и Хор, сын Исиды и Осириса, подчинили

мятежников в этой же местности; а предводителей восставших при его отце, разоривших страну и творивших несправедливости по отношению к храмам, он, явившись в Мемфис и мстя за отца и за свой венец, наказал их, как они заслуживали, когда настало время для совершения церемоний, сопровождающих принятие венца; и отменил долги храмов перед казной вплоть до 8-го года в виде немалого количества продовольствия и денег, таким же образом он поступил и в отношении штрафов за не доставленные в царскую казну льняные ткани, и за доставленные стоимость их проверки^[528] за тот же срок; и также освободил храмы от <налога величиной в> артабу с аруры священной земли и горшок вина с аруры виноградника; и сделал множество подарков Апису и Мневису и другим священным животным Египта, гораздо более, чем прежние цари, заботясь обо всем, что принадлежало им [богам]; со щедростью и пышностью он давал необходимое для их погребения и средства в особо им посвященные храмы, вместе с жертвоприношениями, празднествами и всеми прочими надлежащими обычаями; и привилегии храмов и Египта сохранил в соответствии с законами; и украсил храм Аписа богатыми сооружениями, израсходовав на него немалое количество золота, серебра и драгоценных камней^[529]; и воздвиг^[530] храмы, святилища и алтари, а нуждавшиеся в том восстановил, имея ко всему, что касается религии, усердие благодетельного бога; и, разузнав о наиболее уважаемых храмах <или местах>, он восстановил их в свое царствование, как то приличествует; за все это даровали ему боги здоровье, победу, силу и все другие блага, а также вечное обладание владычеством ему и его потомкам.

Да сопутствует удача: Жрецы всех храмов страны сочли благим премного увеличить почести, воздаваемые теперь царю Птолемею вечно живому, возлюбленному Птахом, богу Епифану Евхаристу, а равно и почести его родителям богам Филопаторам и его предкам богам Эвергетам и богам Адельфам и богам Сотерам, и установить на самом видном месте в каждом храме в честь вечно живого царя Птолемея, возлюбленного Птахом, бога Епифана Евхариста, изваяние, которое будет зваться Птолемей, заступник Египта, рядом с которым должен стоять главный бог храма, подавая ему в руке символ победы, согласно <египетским> обычаям^[531]; и что жрецам надлежит три раза в день оказывать почести перед изображениями и облачать их в

священные одежды и совершать все другие обычные церемонии, которые совершаются другим богам во время египетских празднеств; и установить для царя Птолемея, бога Епифана Евхариста, отпрыска царя Птолемея и царицы Арсинои, богов Филопаторов, статую и золотой ковчег в каждом храме и поместить во внутреннем зале с другими ковчегами; и на великих празднествах, в которых ковчеги выносят во время процессий, ковчег бога Епифана Евхариста выносить в процессии вместе с ними. И чтобы его можно было легко различить теперь и вечно, на ковчег будут водружены десять золотых венцов царя, к которым будет прикреплен урей, как на венцах в форме урея, которые на других святилищах, но посреди них будет венец, зовущийся Пшент, который он принял, когда вошел в храм Мемфиса, чтобы совершить в нем церемонии принятия венца; и будут возложены на квадратное основание вокруг венцов, рядом с упомянутым венцом, золотые амулеты <на которых будет написано>, что это <ковчег> царя, который проявляется <или блистает> (ἐπιφανῆ) в Верхней и Нижней землях. И с 30-го числа месяца месора, в которое отмечается день рождения царя, а равным образом [17 фаофи]^[532], в которое он получил царскую власть от отца, они учли именные дни в храмах, так как это дни великих благословений, празднество будет отмечаться в храмах по всему Египту ежемесячно в эти дни, в которые будут совершаться жертвы и возлияния, и все положенные церемонии при других торжествах [несколько слов утеряно]. И праздник будет отмечаться для царя Птолемея, вечно живого, возлюбленного Птахом, бога Епифана Евхариста, ежегодно (также) во всех храмах страны с 1-го числа месяца тот в течение 5 дней; в которые будут носить гирлянды, и приносить жертвы, и отдавать другие обычные почести; и жрецы <других богов> будут называться жрецами бога Епифана Евхариста вдобавок к именам других богов, которым они служат; и его жрецы будут упоминаться во всех официальных документах <и выгравированы на кольцах, которые они носят>, а людям будет позволено отмечать праздник и устанавливать упомянутое святилище и держать его в своих домах, воздавая обычные почести во время празднеств, ежегодного и ежемесячного, чтобы было известно всем, что народ Египта восхваляет и воздает почести богу Епифану Евхаристу, царю, согласно закону. Этот декрет записать на стеле из твердого камня священными, обычными и греческими письменами и

установить в каждом храме первого, второго и третьего разряда возле изображения вечно живого царя».

Если сравнить декрет на Розеттском камне с Канопским декретом, принятым за сорок три года до того, становится очевидна возросшая уверенность национального египетского элемента. Во-первых, теперь синод заседает не в Канопе, а в Мемфисе. Во-вторых, все многообразие священных эпитетов, традиционно относившихся к фараону, которые отсутствовали в Канопском декрете, в декрете 196 года до н. э. представлено во всей красе.

Пока юный царь со своей армией сражался против своих же туземных подданных в Ликополе, регент Аристомен оказался не в силах удержать владения Птолемеев за границей от дальнейшего отторжения. После завоевания Келесирии Антиох не пытался вторгнуться в сам Египет. Наши данные не позволяют сказать, когда война между двумя царствами прекратилась. Мы знаем, что либо по условиям мирного договора, либо немного погодя после его заключения дочь Антиоха Клеопатра обручилась с юным Птолемеем, у которого не было сестры, чтобы на ней жениться. Мы знаем, что, беседуя с римскими послами в Лисимахии летом 196 года до н. э., Антиох уже заявлял, что Птолемею ему друг и что брачный союз между представителями двух династий уже в недалеком будущем^[533]. С другой стороны, в предыдущем году Антиох занимался тем, что захватывал приморские города Киликии и Ликии, подчиненные Птолемею^[534], и зиму провел в захваченном Эфесе. Весной 196 года до н. э. он присоединил к своему царству районы Фракии и Галлипольский полуостров, принадлежавший раньше Птолемею (хотя египетский гарнизон еще удерживал Феру), и, уже сделав вышеуказанное заявление, он в течение нескольких недель составил план (который в итоге провалился) захвата Кипра одним ударом. Это не похоже на дружественный союз. Буше-Леклерк предполагает, что слова Антиоха, сказанные в Лисимахии, всего лишь свидетельствовали о его намерении заключить мир с Египтом и выдать дочь за Птолемея. Быть может, более вероятно то, что две династии уже заключили официальный мир друг с другом и договорились о брачном союзе^[535], но при этом Антиох считал Египет в его тогдашнем положении настолько слабым, что захватил его заморские владения, не боясь, что александрийский двор посмеет разорвать с ним отношения.

Перспектива брака между молодым Птолемеем и селевкидской царевной в те дни казалась крайне желательной в Александрии, и оттого александрийский двор был готов ради нее примириться с бесцеремонным поведением селевкидского царя.

Рим после исторической победы над Филиппом при Киноскефалах (197 до н. э.) был в состоянии говорить с позиции силы с державами Восточного Средиземноморья. Однако, хотя римские послы предупредили Антиоха, что республика покровительствует юному Птолемею, Рим не мог или не хотел требовать от Антиоха вернуть захваченные владения Птолемеев. Видимо, об этом не было сказано ни слова. И в последующие годы стало очевидно, что Антиох, с радостью приняв Ганнибала, был готов разорвать отношения с Римом и побороться за господство в Восточном Средиземноморье.

Зимой 193/92 года до н. э. в Рафии, где тогда проходила граница селевкидского государства, состоялось бракосочетание Птолемея Епифана (в возрасте шестнадцати лет) и одной из дочерей Антиоха. Царевну звали Клеопатрой. Обычным именем цариц и царевен из династии Селевка было Лаодика, но его уже носила старшая дочь Антиоха, которая была замужем за братом – наследником селевкидского царства. Ввиду той знаменитой связи между именем Клеопатры и Египтом, которую позднее установит история, вопрос, откуда получила его дочь Антиоха III, впервые принеся его в династию Птолемеев, довольно интересен. Клеопатра (что значит «имеющая прославленного отца») – прекрасное греческое имя, которое носили несколько героинь эллинской мифологии. До сих пор оно не встречалось в державе Селевкидов. Но в греческом мире столетием раньше была знаменитая Клеопатра, сестра Александра Великого, чьей руки добивался не один македонский полководец, желавший получить наследие Александра, – возможно, что в какой-то момент даже сам Птолемей Сотер. По всей вероятности, именно связь имени с родом великого Александра привела македонского царя, который унаследовал большую часть азиатской империи Александра, к мысли наречь им одну из своих дочерей.

Хотя по языку, образованию и манерам Клеопатра конечно же была македонкой и гречанкой, в ее жилах текла не только македонская кровь. Ее мать была дочерью царя Митридата Понтийского, то есть происходила из одной из знатных персидских династий, бывших

великими владыками в Малой Азии при прежней персидской империи, подобно норманнским баронам в Англии, и создавших в дни смуты после смерти Александра собственные царства в этом регионе. Следовательно, Клеопатра от матери имела большую долю персидской крови, а со стороны отца ее прапрапрабабушкой была персидская царевна Апама. В династии Птолемея до сих пор текла чисто македонская кровь, но начиная со следующего поколения в ней появилась примесь персидской крови, которая уменьшалась не так быстро, как обычно, из-за браков между сестрами и братьями.

В скрепленном браке договоре между Антиохом и Птолемеем по большей части, очевидно, речь шла о приданом, которое Клеопатра должна была принести Египту. У нас уже нет возможности узнать условия этого соглашения. В следующем поколении оно привело к возникновению разногласий между двумя династиями, и если его считали спорным люди, у которых были все необходимые документы, то современным ученым, в распоряжении которых нет источников по данной теме, бессмысленно строить догадки в полной темноте. Мы можем довольно уверенно сказать, что Келесирия каким-то образом фигурировала в договоре, так как в сочинении Полибия содержится подтверждение того, что утверждал александрийский двор в следующем поколении: Антиох якобы согласился уступить Келесирию в качестве доли приданого^[536]. Антиох IV отрицал какое-либо соглашение подобного рода, и действительно, было бы совсем невероятно, если бы Антиох III после всех своих мытарств, заполучив территорию, которой его предки помогали целое столетие, шесть лет спустя согласился отдать ее назад! Кроме того, достоверно известно, что Птолемей после бракосочетания никогда не осуществлял никакой власти в Келесии; и Селевкиды правили там без помех. Однако александрийский двор должен был иметь какие-то причины для этого голословного заявления. Вполне могло быть так, что Антиох согласился отписать дочери, когда она станет египетской царицей, доходы, получаемые его правительством с Келесии или с отдельных ее районов, и нечто подобное может лежать в основе утверждения Иосифа Флавия, что доходы с Келесии «делились между двумя властелинами». Однако неясно, кого Иосиф подразумевал под «двумя властелинами»: Птолемея и Антиоха или Птолемея и Клеопатру, и весь этот отрывок из труда Иосифа (Arch. XII, § 160 и дальше) так

перемешан с немыслимыми выдумками, что его фразе о доходах провинции не стоит придавать большое значение.

Об истории Египта в оставшиеся годы правления Птолемея Епифана мало что известно. Главный вопрос внешней политики, который стоял перед александрийским двором в годы после бракосочетания, состоял в том, какую позицию следовало ему занять в борьбе между Антиохом и Римом. Видимо, Аристомен, который оставался главным советником молодого царя даже после того, как перестал быть регентом, желал привлечь Птолемея на сторону Селевкидов. Разве не в интересах великих македонских династий вместе встать против новой силы с Запада, которая стремится вторгнуться в мир, где они господствовали совместно в течение более ста лет? Казалось, было что-то недостойное в преемнике великих царей Египта, который раболепствовал перед иностранной республикой – и даже не греческой. С другой стороны, при александрийском дворе были влиятельные люди, так глубоко убежденные в том, что Рим вскоре станет сильнейшей державой мира, что выступали за дружбу с ним любой ценой. Кроме того, если бы Рим разгромил Антиоха, разве у Птолемея не появился бы шанс вернуть Келесирию? Поступок молодого Птолемея, который так быстро после заключения союза с Антиохом использовал свое влияние против тестя, когда тот вел главную борьбу своей жизни, можно расценивать как предательство. Но своя рубашка ближе к телу. Можно представить себе, какие споры вызывал этот важнейший и актуальнейший вопрос в Александрии.

Аристомен начал надоедать Птолемею, уже достигшему совершеннолетия. Когда царь был ребенком, положение регента позволяло Аристомену управлять его поступками и держать на верном пути, и, может быть, старик недостаточно быстро изменил свое поведение, когда мальчик превратился в довольно жесткого и властного молодого мужчину. Нам известна история о том, как однажды царь заснул в своем кресле во время аудиенции с иностранными послами, и Аристомен позволил себе тронуть его за руку. Враги старого советника не упустили шанса. Они нашептали на ухо царю, что Аристомен принародно совершил ужасный акт неуважения к царской персоне. Возможно, Птолемей выслушал их с благосклонностью, потому что сам чувствовал: пора избавиться от

неустанного надсмотрщика. Царь приказал Аристомену выпить напиток из болиголова.

Место Аристомена занял его соперник Поликрат из Аргоса, который гордился принадлежностью к старинному роду, происходившему из одного из самых древних греческих городов. Так как именно Поликрат обучал туземных новобранцев, участвовавших в сражении при Рафии за двадцать шесть лет до того, он сам уже должен был состариться. Еще малолетним царь завоевал большое уважение в бытность свою правителем Кипра тем, что преданно и эффективно правил островом^[537]. Но в преклонном возрасте, как пишет Полибий, он стал богат, хвастлив, потакал своим прихотям и плотским удовольствиям. Пока Поликрат был министром, Птолемей мог не опасаться, что ему будут докучать моралистическими проповедями; Поликрат был весь сплошная лесть и елей. Его внешняя политика, противоположная политике Аристомена, отличалась чрезвычайным подобострастием перед Римом и враждебностью к державе Селевкидов. Весной 191 года до н. э., когда Антиох вторгся в Грецию, в Рим было отправлено посольство с хлебом и деньгами, но римляне отказались его принять. Они не желали быть чем-либо обязанными Птолемею, когда после войны будет заключаться мир. В следующем году (190 до н. э.), когда римляне выгнали Антиоха из Греции, Птолемей снова отправил к ним посольство, убеждая их нанести удар по Антиоху в Азии и предоставляя ресурсы Египта в их распоряжение. И снова Рим отклонил предложение. Когда в битве при Магнесии (190 до н. э.) римляне наконец сокрушили Антиоха, они отняли у Селевкидов все их малоазийские территории севернее Пергама, но ничего не дали Египту – даже Келесирию. Раболепство Поликрата принесло Птолемею позор и минимум выгоды.

Возможно, после этого у Поликрата появилась мысль о том, чтобы заставить Египет занять более активную позицию и после должной подготовки попытаться собственными силами вернуть Келесирию, отвоевав ее у ослабленного царства Селевкидов. В 186 году до н. э. старый Антиох Великий умер или погиб где-то за Тигром, а его сын Селевк IV Филопатор, казалось, был не способен или не расположен предпринимать какие-либо шаги. В следующем году (185 до н. э.), как нам известно, александрийский двор старался, хотя без особого успеха, наладить более тесные отношения с Ахейским союзом,

несомненно выполняя план по возобновлению активных действий в Восточном Средиземноморье. Примерно в то же время Аристоник, евнух при египетском дворе, отправился в Грецию, чтобы набрать там новых солдат. История знает некоторых людей, которым выпала эта несчастная доля, чей дух восторжествовал над физической немощью. Аристоник – один из них. Он, по словам Полибия, был человеком энергичным и способным в военных делах. Но мы впервые видим евнуха в роли влиятельного лица при птолемеевском дворе, и это зловещий знак. До сих пор выдающиеся личности, которых мы встречали при дворе или на службе у Птолемеев, хорошие или плохие, были свободными гражданами того или иного греческого города-государства. Евнух обязательно был рабом. Влияние дворцовых евнухов – общая черта восточных монархий, и та заметная роль, которую они отныне будут играть в истории Птолемеев, является признаком того, что греко-македонский двор в некоторых отношениях начинает перенимать восточные черты. Аристоник, как говорят, был синтрофом молодого царя^[538] – то есть осиротевшего царя воспитывали с евнухами, как часто бывает с молодыми царевичами в гаремах восточных дворцов. Вероятно, евнухи были не просто рабами, но варварами – греческого мальчика никогда не стали бы так увечить, – и, может быть, даже не урожденными египтянами^[539]. В современном Египте дворцовыми евнухами были негры, но так не могло быть при птолемеевском дворе, иначе античные авторы обязательно упомянули бы о таком примечательном факте. Вероятно, их или их родителей привозили работорговцы из того или иного азиатского региона или варварского племени на Дунае. Как бы то ни было, евнухи, которые стали пользоваться влиянием при египетском дворе, наверняка получили греческое образование. В основном их зовут по-гречески (Аристоник, Пофин, Ганимед).

Возмездие, которое обрушилось на мятежников в 197 году до н. э., не положило конец национальному восстанию. В Фиваиде египетское правительство только в 187–186 годах до н. э. избавилось от закрепившихся там местных (или египетских) вождей. Но так как в 187–186 годах до н. э. возобновились работы над храмом в Эдфу, это значит, что правительство к тому времени надежно взяло регион под свой контроль. В некоторых иероглифических и демотических надписях на храмовых стенах на острове Филэ, видимо, содержатся

свидетельства о подавлении эфиопских мятежников в двадцать первый год Епифана (185–184 до н. э.)^[540]. Вероятно, в том же году царь и царица Клеопатра вместе с их маленьким сыном, будущим Птолемеем Фило-метором, сделали в Филэ посвящение Асклепию – то есть египтянину Имхотепу. Вероятно, царская чета отправилась в Верхний Египет после установления порядка в стране.

В следующем году (184–183 до н. э., Полибий сообщает, что царю было двадцать пять) Поликрату, видимо, наконец-то удалось подавить восстание в Нижнем Египте. Местные вожди: Атинис, Паусирас, Хесуфос и Тробастус, – возможно, заявлявшие, что происходят от какого-то древнего фараона, стремились к установлению новой египетской династии после изгнания чужеземцев, поняли, что их дело проиграно, и явились в Саис, чтобы сдаться царю на условиях, которые Птолемей подтвердил своей клятвой. Вероломный и мстительный Птолемей Епифан, как только они оказались в его власти, нарушил слово. Египетских вождей привязали позади его колесницы, голыми протащили по улицам, истерзали и предали смерти. В военных операциях, которые увенчались триумфом, молодой царь не принимал личного участия. Не то чтобы он был слабохарактерным сластолюбцем, как его отец. Это был молодой мужчина, который больше всего любил развлечения на открытом воздухе, охоту и спортивные состязания – однажды он сшиб быка с ног и убил его ударом дротика. Он был истинным македонцем, но его физическая сила и храбрость имели некоторый налет грубой жестокости и бессердечия. Не праздность и не трусость мешали ему получить военный опыт; это была стратегия Поликрата, который предпочитал держать военные дела полностью в своих руках, а царю оставлять его спортивные развлечения. Возможно, если бы Птолемей Епифан прожил дольше, он бы успел возглавить армию, чтобы отобрать Келесирию у Селевкидов. Сразу же после расправы с предводителями национального восстания в Саисе Птолемей отправился в Навкратис, чтобы устроить смотр новым наемникам, доставленным из Греции Аристоником.

В папирусе, датированном 26 хойаха 22 года до н. э. (то есть 31 января 184 года до н. э.), содержатся фрагменты царского приказа главам полиции (*epistatai tōn phylakitōn*) относительно ареста и суда над подозрительными людьми^[541]. Цель приказа, видимо, состояла в

том, чтобы положить конец злоупотреблению служебным положением, которое нередко использовалось с целью решения личных конфликтов и шантажа (διαφορᾶς ἢ σεισμοῦ χάριν). Безусловно, подавление мятежников в стране неизбежно создавало условия, в которых подобные злоупотребления расцветали буйным цветом.

В последние годы правления царя союзное государство Ликия отдает почести одному из сановников птолемеевского двора, некоему Птолемею, сыну Птолемея, который занимает должность главного егеря (ἀρχικύνητος)^[542]. Возможно, это свидетельствует о том, что в тот момент египетский двор поддерживал ликийцев в их вражде с родосцами, в подчинение которым их после битвы при Магнесии отдали римляне при новой расстановке сил в Малой Азии. Это может быть связано с планами Александрии снова укрепить влияние Птолемеев в Леванте и даже начать новую войну с державой Селевкидов. Или это всего лишь продолжение старых дружественных отношений между ликийцами и Птолемеями. Сохранилось посвящение, сделанное несколькими годами раньше (после брака Птолемея в 193 году до н. э., до рождения его первенца) в ликийском городе Ксанфе от лица Птолемея и Клеопатры неким человеком, вероятно (доподлинно установить это невозможно, так как каменная плита разбита) ликийцем по материнской линии^[543] (в Ликии происхождение определялось по матери).

Если набор новых наемников в Греции по всем признакам предвещал новую войну, то возобновление в 183 году до н. э. попыток египетского правительства вступить в альянс с Ахейским союзом, видимо, означало претворение в жизнь каких-то далекоидущих планов. На этот раз попытка оказалась успешной. Антиримская партия Ахейского союза охотно встретила авансы Птолемея. Похоже, что и в Египте Поликрат отказался от политики безоговорочного раболепства перед Римом или постепенно терял руководство делами. Ахейский союз назначил послов для поездки в Египет, одним из которых был историк Полибий, тогда еще молодой человек. Но посольство так и не покинуло Грецию. Внезапно Птолемея Епифан умер в возрасте всего лишь двадцати восьми лет (в конце 181 года до н. э.).

Птолемея V, конечно, смог бы проявить силы и способности в иных делах, помимо спортивных развлечений, если бы прожил дольше. Интересно отметить, что он был первым царем династии, являвшимся

отпрыском от брака между братом и сестрой; он определенно был энергичнее своего отца. Новое поколение получило от сирийской Клеопатры свежую кровь. От их брака осталось трое детей – два сына и дочь, которую назвали в честь матери Клеопатрой. Это было сделано для того, чтобы мир узнал о том, что отныне в жилах царей из династии Птолемея течет и кровь Селевка.

В царствование Птолемея Епифана в государственной системе появились три примечательных нововведения. Одно заключалось в назначении новой эпонимной жрицы – жрицы Арсиной Филопатор, несчастной матери царя, которая с тех пор упоминалась в текстах вместе с канефорой Арсиной Филадельфии и афлорой Береники Эвергетиды. Новая жрица впервые появляется в 199–198 годах до н. э., еще до того анаклетерии мальчика-царя^[544].

Вторым нововведением стало усложнение придворной иерархии. При первых царях мы видим, что приближенные ко двору люди обычно называются «друзьями», также мы встречаем «телохранителей» (соматофилаксов), занимающих военные должности^[545]. Но начиная с правления Птолемея Епифана и дальше титулярная принадлежность к тому или иному из многочисленных классов и разрядов жалуется в качестве личного знака отличия чиновникам всего царства или иным людям, которых царь желал наградить. Самый высокий разряд – разряд «сородичей» (συγγενεῖς), которых царь называет «отцом» или «братом», подобно тому как монарх нашего времени обращается к равному себе, называя его «кузеном». Второй разряд – «командиры телохранителей» (ἀρχισωματοφύλακες); третий – «первые друзья» (πρῶτοι φίλοι). Затем четвертый – просто «друзья» (φίλοι). Пятый, нижний, разряд – «преемники» (διάδοχοι). Вероятно, этот титул первоначально означал, что его носители должны были «перенимать» место в разряде «друзей», как только открывалась вакансия. Позднее (с правления Эвергета II) мы видим, что количество разрядов увеличивается до семи за счет введения двух дополнительных – между «сородичами» и «командирами телохранителей» появляется категория «почетно связанных с родичами» (ὁμότιμοι τοῖς συγγενέσιν), аналогичный разряд возникает между «первыми друзьями» и «друзьями»^[546]. Если найти аналогию в современном государстве, то больше всего разряды соответствуют не знатным сословиям – так как титулы в

эллинистическом Египте присуждались за личные заслуги и не передавались по наследству, – а почетным орденам, таким как орден Подвязки, орден Бани и т. д. Рыцарь ордена Бани не больше распоряжается омовениями государя, чем птолемеевский «командир телохранителей» – охраной тела своего государя. Титулы в державе Птолемеев жаловались множеству людей, которые занимали разнообразные должности в государстве и выполняли настоящие обязанности: правителей номов, надзирателей над сбором налогов и т. д., – но титулы сами по себе не подразумевали никаких обязанностей. Вероятно, как и в наши дни, ко всем египетским орденам полагались разные внешние знаки отличия. Определенных сведений о системе, действовавшей в эллинистическом Египте, у нас нет, но мы находим довольно похожую систему орденов в царстве Селевкидов, и, насколько мы понимаем, в ней кавалеры ордена «первых друзей» носили пурпурное одеяние (точнее, красное или багряное, но не фиолетовое)^[547], а «сородичи» получали в дар от царя золотую брошь^[548]. Если попытаться представить себе пьесу, в которой реалистично описывался бы двор великой Клеопатры, то именно придворные в своих греческих хламидах и венках, офицеры в македонских накидках и высоких крепидах составляли бы красочный фон сцены, а не жившие за много веков до этого придворные фараона в древнеегипетских одеяниях.

На многие вопросы о системе титулов, принятой в эллинистическом Египте, мы не можем найти ясного ответа. Как уже говорилось, она появляется в документах начиная со времен Птолемея V, но мы не знаем, насколько это было нововведением. Возможно, новшеством стали не сами титулы, а то, что они начали указываться в официальной корреспонденции. Опять же титулы могли использоваться при дворе для именованя людей, которые действительно выполняли функции советников и командиров личной гвардии до Епифана, и нововведением могло быть то, что их формальные и фиктивные звания получили те, кто принадлежал к другим категориям и проживал в иных частях царства.

Еще один неясный вопрос, касающийся птолемеевской системы званий, – это ее происхождение. Возникла ли она в старом македонском царстве, где царей сопровождали «друзья» и «спутники»? Или заимствована из местных традиций Египта, сохранившихся в

памяти жрецов и писцов, так как титул «друг» (smīru) или «царский родич» (sūtenrekḥ) издавна жаловался лицам, занимавшим высокое положение на службе у фараона?^[549] Или, как думал Штрак, она пришла из селевкидского двора, когда Клеопатра Сирийская стала царицей Египта, а Селевкиды, в свою очередь, переняли ее от прежней Персидской империи?^[550] В общем, я думаю, что невозможно делать выводы на основании сходства званий и титулов, существовавших при разных дворах, ибо монархический режим сам по себе приводит к возникновению определенных должностей и званий, которые естественным образом в разных местах называются одними и теми же словами. У каждого царя есть личная гвардия и советники, и те, кто связан с ним личными узами, его доверенные лица, естественно, называются его «друзьями». На основании этих общих черт нельзя утверждать, что один двор заимствовал их у другого. Мало что свидетельствует в пользу мнения, что египетская система заимствована у Селевкидов. Нам практически ничего не известно о селевкидском дворе, и хотя, как уже говорилось выше, у нас действительно есть сведения о тамошних званиях, похожих на птолемеевские, они появляются уже после Антиоха III; кажется более вероятным, что два великих македонских двора в Сирии и Египте развивались одинаково по мере того, как менялась мировая обстановка, чем копировали друг друга.

Третий вопрос – почему это нововведение появилось при Епифане. Вилькен считает, что его целью было «крепче привязать к царю преданных людей после периода смуты»^[551]. Магаффи выдвинул теорию, согласно которой его целью было получение дохода, так как полагал, что двор *продавал* звания за деньги. Такой вывод он сделал из истории, рассказанной о Епифане Порфирием (в передаче Иеронима). Когда Птолемей обсуждал планы новой войны с Селевком IV, один из вельмож спросил его, откуда он возьмет на нее деньги, и Птолемей ответил, и эту фразу также приписывают Александру Македонскому, что его богатство – в его *друзьях*. В том виде, в каком историю передает Порфирий, она совсем не означает, что Птолемей собрал средства с продажи титулов, так как дальше в ней говорится следующее. Вельможи поняли царский ответ в том смысле, что царь намерен взять большие пожертвования на войну у приближенных ко двору богачей, и вследствие этого, когда о фразе стало известно,

вельможи составили заговор против царя и отравили его. В действительности нет никаких подтверждений гипотезы Магаффи.

По всей вероятности, египетский двор и правительство в конце правления Епифана действительно страдали от недостатка денег. Египет по-прежнему обладал несметными богатствами по сравнению с другими странами, и торговля между Средиземноморьем и Индийским океаном, проходившая через Александрию, должна была по-прежнему приносить большие доходы в царскую казну. Но доходы Птолемеев только что серьезно сократились из-за потери Келесирии и владений в Малой Азии и Фракии, а масштаб расходов, в том числе на строительство храмов и другие жертвования египетской религии, разумеется, был рассчитан в соответствии с предыдущим уровнем доходов. Пока финансовая система приспособлялась к новому положению вещей, Египет вполне мог иметь некоторые временные затруднения, особенно если в то же время ему пришлось готовиться к новой войне.

Третье новшество, относящееся к царствованию Епифана, безусловно, связано с духом национального восстания, витавшим в Верхнем Египте. Отныне правитель (стратег) Фиванского нома был приравнен к наместнику царя, и его власть простиралась на весь Верхний Египет. Человека, занимавшего этот пост, обычно называли эпи-стратегом – это звание, как известно, впервые упоминается в надписи, датированной последними годами жизни Епифана^[552], – однако оно использовалось не всегда: при Эвергете II Паос и Лохус всегда названы в письменных источниках просто «стратегами Фиваиды», хотя, по всей видимости, осуществляли полномочия эпистратегов. В текстах говорится о некоем человеке, жившем при Эвергете II, который называется стратегом-автократором Фиваиды^[553]. В правление Сотера II пост эпистратега занимал Фомм, носивший титул «сородич», хотя, судя по его имени, он явно египтянин.

Глава 9

Птолемей VI Филометор

(181–145 годы до н. э.)

Во второй раз за двадцать один год на египетском троне оказался ребенок. Это один из тех случаев, которые приводят в упадок великие династии. Старшему из двух сыновей Птолемея Епифана было всего пять или шесть лет, когда преждевременно скончался его отец ^[554]. Однако к счастью, на этот раз не честолюбивый вельможа, а царица-мать Клеопатра стала регентом и взяла на себя бразды правления. Как мы знаем, в македонских династиях женщины не уступали мужчинам. Положение Клеопатры при птолемеевском дворе, возможно, было трудным, когда официальная политика стала враждебной по отношению к Селевкидам; но если в Антиохии, выдавая ее замуж, надеялись, что в Александрии она будет действовать в пользу своих сородичей, их постигло большое разочарование, ибо Клеопатра, согласно источникам, скорее помнила, что была дочерью Антиоха Великого и сестрой Селевка IV.

Пока Клеопатра была царицей и регентшей, в Египте царило спокойствие. Она не порвала с Римом, но и не стремилась развязать войну с Сирией, план которой рассматривался в конце правления ее супруга. В Сирии в 175 году до н. э. произошли важные перемены. Селевк IV умер, и его сменил на троне его брат Антиох IV Епифан. До этого Антиох был заложником в Риме и теперь прибыл в Сирию с войском, одолженным у царя Пергама, убил малолетнего племянника, сына Селевка, и сел на селевкидский трон. Какие отношения сложились бы через несколько лет у этого странного персонажа с его сестрой, царицей-регентшей Египта, если бы Клеопатра прожила дольше, сказать нельзя; к несчастью, через четыре года – а возможно, и через два – Клеопатра, как и ее муж, умерла молодой.

Ее смерть наверняка была скоропостижной, иначе она обязательно приняла бы какие-то меры для того, чтобы новым регентом стал человек высокого положения и большого авторитета. Так получилось, что управление делами захватили Евлей и Леней, два ставленника

дворца, оба варварского происхождения и бывшие рабы. Евлей был евнухом, а судя по его имени, он мог быть уроженцем Хузестана; Леней происходил из Сирии. Юному Птолемею было около пятнадцати лет, когда умерла его мать, и новые регенты ускорили его официальное вступление в совершеннолетие. Вероятно, они боялись, что если он останется несовершеннолетним, то Рим найдет повод вмешаться. По крайней мере, на основании одной фразы в сомнительном документе считается, что анаклетерия молодого Птолемея состоялась в 172 году до н. э. и что его дядя Антиох воспользовался благоприятным случаем и прислал в Александрию некоего Аполлония, чтобы представлять селевкидский двор^[555].

С этим же связано посольство, присланное из Рима в 173 году, чтобы «возобновить дружбу с Птолемеем»^[556]. Нам не говорят, совершали ли над Птолемеем VI в Мемфисе египетские ритуалы как над фараоном, но, поскольку Птолемей V уже подал пример, можно не сомневаться, что для поздних царей династии это стало общепринятым обычаем. Во время анаклетерии или, возможно, раньше, во всяком случае до брака^[557], Птолемей VI получил прозвище, под которым известен, – Филометор. Он официально стал «Матерелюбивым Богом». В данном случае очевидна ссылка на первые годы его царствования под руководством Клеопатры. Согласно надписи, сделанной не позже 172 года до н. э., в этот год он уже был женат на своей сестре, маленькой Клеопатре (Клеопатре II)^[558]. Ему самому тогда было всего шестнадцать, а Клеопатре и того меньше. Теперь царской чете поклонялись совместно под именем «Матерелюбивых Богов» Филометоров.

Евлей и Леней все еще руководили государственной политикой и решили вернуться к плану нападения на Келесирию. Антиох Епифан увидел в их враждебных приготовлениях предлог для нанесения первого удара. Обе стороны отправили послов в Рим, чтобы представить свои мотивы перед сенатом, так как любое нарушение статус-кво на Востоке не могло не вызвать неодобрение и, может быть, даже вмешательство Рима. Но римляне в то время были заняты войной с Персеем Македонским, и державы Востока были предоставлены самим себе. В 170 году до н. э. Евлей и Леней, выступив в Александрии с хвастливыми речами, повели армию на Келесирию. Антиох встретил их, прежде чем они пересекли пустыню, и разбил

египетское войско. Затем какой-то неизвестной уловкой, которую Полибий считал позорной, Антиох захватил Пелусий, вошел в Египет и двинулся вверх по Нилу в Мемфис. Впервые после Александра Македонского было совершено вторжение в Египет из Палестины! Антиох Епифан, благодаря тогдашней египетской власти, одержал победу там, где Пердикка, Антигон и Антиох Великий потерпели неудачу! Молодой царь Птолемей по дурному, быть может, предательскому совету дворцового евнуха попытался сбежать по морю на священный остров Самофракия, оставив Клеопатру и младшего брата в Александрии; но его захватили войска Селевкидов и привезли пленником в лагерь дяди. Антиох отнесся к юноше с характерным для него притворным добродушием.

Иероним утверждает (вероятно, вслед за Порфирием), что Антиох был официально коронован египетскими жрецами как царь Египта. Это очень странное заявление. Такое действие было бы несовместимо с политикой Антиоха – не настраивать Рим против себя расширением подвластной ему территории, а также с позицией, которую он занял через несколько недель в беседе с греческими послами, а именно что он признает Птолемея Филометора царем Египта. Я думаю, можно сказать, что Антиох не мог всерьез думать о том, чтобы явиться миру в роли фараона, и что, возможно, его коронование в Мемфисе – вымысел. Но если учесть характер Антиоха, его порывистые, сумасбродные прихоти, его любовь ко всему зрелищному и эффектному, мне кажется вполне допустимым, что этот человек, который позднее в Антиохии любил изображать себя римским эдилом и, надев римское платье, судить споры на рынке, вполне был способен, оказавшись в Мемфисе в 170 году до н. э., велеть жрецам провести над ним древнюю церемонию венчания на царство – не в качестве выражения реальных политических намерений, а ради забавы. Утверждение Иеронима в некоторой степени подтверждается находкой монет с изображением Антиоха, изготовленных, скорее всего, в Египте.

Тем временем в Александрии произошел переворот. Народ и войска свергли Евлея и Ленея и призвали на трон юного брата Птолемея Филометора, тогда еще мальчика лет пятнадцати. Как бы его ни звали до того момента, начиная с этой поры он тоже стал Птолемеем, будучи царем. Позднее он прославится под прозвищем Эвергет, как и его

прадед; но пока, чтобы отличить его от Птолемея Филометора, он назывался просто Птолемеем Братом.

По собственной инициативе юного царя или в ответ на народный призыв Александрия перешла в оборону под руководством Комана и Киней, назначенных мальчиком двух новых министров. Это осложнило бы покорение города для Антиоха, хотя он и удерживал Мемфис и открытые пространства Дельты. Послы из Греции, находившиеся в тот момент в Александрии, отправились в лагерь Антиоха, чтобы попытаться выступить посредниками. Антиох заявил, что он поддерживает дружественные отношения с законным царем Египта Птолемеем Филометором, и все, что должна сделать Александрия, – это принять Птолемея назад. Когда в конце 169 года до н. э. Антиох со своей армией удалился из Египта, он оставил страну разделенной: Птолемей Филометор царил в Мемфисе, а Птолемей Брат – в Александрии. Антиох, очевидно, не собирался господствовать над Египтом; ему было достаточно ввергнуть страну в беспомощное состояние. Он лишь оставил гарнизон в Пелусии, чтобы держать дверь в Египет открытой, если он надумает вернуться.

Зимой 169/68 года до н. э. политика Антиоха потерпела крах. Между Александрией и Мемфисом состоялись переговоры; возможно, девочка-царица Клеопатра взяла в свои умелые руки задачу по примирению двух ее братьев. Они заключили соглашение о том, что будут совместно править в Александрии, а Клеопатра, как и раньше, останется женой Филометора. Это примирение вызвало новое вторжение Антиоха в Египет весной 168 года до н. э. Одновременно севевкидский флот овладел Кипром. На Кипре не обошлось без сражений, но в Египте Антиох, видимо, не встретил сопротивления. Филометор напрасно отправлял посольство к Антиоху, чтобы с благодарностью сообщить ему, что племяннику больше не требуется его присутствие с армией в Египте. Антиох снова явился в Мемфис и оттуда неторопливыми переходами двинулся на Александрию. Но теперь, после окончательного разгрома Персея в Пидне (в июне 168 года до н. э.), у Рима освободились руки, и он смог ответить на громкий крик о помощи, с которым к нему тщетно зывали из Александрии, пока продолжалась его война с Македонией. В Элевсине, на окраине Александрии, Антиох столкнулся с римским посольством во главе с Гаем Попиллием Лаэном, который объявил ему

волю сената – Антиох должен немедленно убраться из Египта. И тогда состоялась знаменитая сцена: Попиллий рисует жезлом круг на песке вокруг селевкидского царя и говорит ему, что он должен дать ответ, прежде чем шагнет из круга. Когда римские послы благополучно проводили Антиоха с его армией из Египта, они отправились на Кипр и заставили победоносный селевкидский флот удалиться с острова. Келесирия осталась во владении Селевкидов, но ненадолго. Новому противнику вскоре суждено было подняться внутри самой страны – еврейским националистами во главе с родом Хасмонеев, которые в течение нескольких следующих поколений завоюют для независимого еврейского государства большую часть провинции, столь долго бывшую предметом спора между двумя великими македонскими династиями.

В следующие пять лет в Египте правили два царя. Полибий сообщает, что оба брата «носили царские головные уборы и осуществляли власть»^[559]. Любопытно, что на монетах и папирусах осталось мало следов этого двоецарствия. На монетах того периода написано «Царь Птолемей» в единственном числе, только вместо одного орла, символа династии Птолемеев, два. До сих пор не обнаружено ни единого папируса или греческой надписи с официальной формулировкой, которой следовало бы ожидать: «В правление Птолемея, сына Птолемея и Клеопатры, Богов Епифанов, и Птолемея Брата, Богов Филометоров» и т. д. У нас есть письмо от одного чиновника другому, которое начинается словами: «Царю Птолемею здравствовать, а также царю Птолемею Брату, и царице и сестре Клеопатре, и детям...»^[560] Письмо датировано «6-м годом», и это значительно осложняет работу исследователей, так как 6-й год Филометора – это 176/75 год до н. э., то есть задолго до двоевластия. Вилькен высказывает теорию, что во время двоевластия Филометор дал согласие отсчитывать годы правления от восшествия на трон его брата. Поверить в это трудно, но тогда непонятно, как иначе можно объяснить эту дату^[561]. Судя по иероглифической надписи^[562], оба Птолемея вместе с Клеопатрой официально назывались Богами Филометорами^[563].

Пять лет двоевластия отнюдь не отличались согласием. Из трех зол, которые в конечном итоге привели к краху государство, созданное в Египте дальновидным полководцем Александра Великого, два

проявились еще до того, как Птолемей Филометор взошел на трон, — египетский национальный подъем и восстание против греческого господства, а также рост влияния бывших рабов и евнухов при дворе. Затем объявилось и третье зло — раздор внутри самой царской семьи, где братья и сестры постоянно соперничали из-за трона. В этих жалких междоусобицах истощилась мощь династии Птолемеев, так же как и сила династии Селевкидов после Антиоха Епифана. Птолемей II и Птолемей IV приняли меры, типичные для восточных монархий, чтобы избавиться от этих зол: они убили своих братьев. Если бы Филометор убил Птолемея Брата, династия Птолемеев еще могла бы сохранять единство в течение нескольких поколений. Судьба династии зависела от характера молодого человека, который в тот момент сидел на троне. Этот характер, по свидетельству его современника Полибия, позднейших историков и письменных фактов, был лучшим и наиболее привлекательным среди всех царей династии. В эпоху, когда насилие и жестокость были чудовищно обычными, Птолемей Филометор отличался мягкостью и человечностью. Он «не отнял жизни ни у кого из своих друзей (то есть людей, приближенных ко двору и состоящих на царской службе), каковы бы ни были против них обвинения; я думаю даже, что по вине его не умер ни единый александриец»^[564]. Как Филометор с присущей ему готовностью идти на компромисс сделал брата своим соправителем, так же он принял эгоистичные стремления брата с великодушием и прощением. Предполагать, что раз с высшей точки зрения доброта ценна сама по себе, поэтому она вознаграждается и как средство достижения суетных объектов желания, таких как укрепление династии, — это значит не разбираться в жизни. Доброта Филометора оказалась совершенно не способна изменить дурное сердце его брата, и тот остался жить, чтобы принести беды царству. Если бы Филометор его устранил, как Филопатор Мага, он мог бы потерять свою душу, но, скорее всего, приобрел бы спокойное царство для себя и династии Птолемеев.

Был в Средиземноморье и еще один фактор, из-за которого болезни, поразившие великие македонские династии, стали неизлечимы, — пагубное влияние Рима. Эта могущественная зловещая сила теперь всегда маячила вдали, готовая не дать восточным царствам оправиться от потерь, потому что Рим не был заинтересован в том, чтобы они оставались сильными, и поддерживал существовавшие в них

подрывные элементы, когда их почти удавалось преодолеть. Рим спас Египет от Антиоха, но он не желал видеть династию Птолемея сильной. Мы не знаем, смог ли бы потомок Птолемея Сотера, каким бы гением он ни был, снова превратить Египет в сильную и независимую державу при этих поразивших царство болезнях и гнетущем влиянии Рима.

В Александрии в годы двоевластия не прекращались беспорядки. Молодой Птолемей, которого народный порыв призвал на трон, был популярен, а Филометор – нет.

Один высокопоставленный и влиятельный придворный постарался извлечь из этой ситуации выгоду для своего честолюбия. Если он был чистокровным египтянином или метисом, как подразумевается^[565], то это был первый раз, когда мы встречаем египтянина, занимающего столь высокое положение при Птолемеях. По-гречески его звали Дионисием, по-египетски – Петосараписом. Он отличился во время войны с Антиохом, а военная доблесть могла обелить даже египтянина в глазах греко-македонского окружения. Дионисий воспользовался популярностью Птолемея Брата, чтобы расpalить толпу и натравить ее на царский дворец с намерением убить Филометора, который якобы задумал устранить младшего царя, как говорилось в объявлении, которое Дионисий велел читать на рынках. Дионисий надеялся отделаться от обоих царей. Но его план провалился, так как Филометор сначала предложил брату отречься от трона, а затем, когда тот объявил, что беспорядки разгорелись без его ведома, два царя вместе вышли перед народом в своем царском облачении (скорее всего, в македонских каусиях, хламидах и крепидах), являя собой картину братского согласия. Дионисий ускользнул, но вскоре о нем услышали на окраинах Элевсина, где он убедил около четырех тысяч недовольных солдат (возможно, из числа туземных новобранцев, хотя в тексте прямо об этом не сказано) примкнуть к нему. Филометор вышел против мятежников с преданными войсками и разгромил их. Дионисий, сбросив одежду, переплыл через канал и нашел убежище среди туземной толпы. Он имел большое влияние среди египтян и воспользовался им для подготовки нового мятежа^[566].

Фрагмент из труда Диодора здесь обрывается, и мы не знаем, что стало с Дионисием и египтянами, которые поднялись по его призыву. Но в другом фрагменте говорится о «новом мятеже в Фиваиде», и оно

могло быть связано с тем восстанием, которое поднял Дионисий. Птолемей, согласно источникам, «легко» подавил мятежи в остальных местностях, но отряды националистов сосредоточились в укрепленном Панополе (современный Ахмин), который был взят лишь после напряженной осады. Панополь, который находится по ту сторону Нила прямо напротив крупного греческого города Птолемаиды, был, как заметил Магаффи, очень странным выбором места для мятежников.

Филометор с победой вернулся в Александрию. Но даже если Брат и был невиновен в связях с восстанием Дионисия-Петосараписа, в конце концов он все-таки затеял мятеж против брата и добился успеха. Во второй половине 164 года до н. э. Филометор был вынужден бежать из Александрии^[567]. Пять нелегких лет двоевластия подошли к концу.

Филометор отправился в Рим. Диодор пишет^[568] о том, как, высадившись в италийской гавани, он побрел в Рим в одежде обычного путника и в сопровождении только евнуха и трех рабов. Другой молодой македонский царевич, двоюродный брат Филометора из династии Селевкидов Деметрий в то время находился в Риме в качестве заложника и встретил его примерно в двадцати милях от города с лошадью и царским одеянием. Но Птолемей объяснил Деметрию, что ему очень важно произвести нужное впечатление на сенат, и решительно протопал пешком весь остаток пути. В Риме (все так же ради драматического эффекта) он поселился в бедном квартале вместе с греческим маляром, которому когда-то оказал благодеяние в Александрии.

В ответ на патетическое обращение Филометора римский сенат постановил разделить царство Птолемеев на два. Это решение имело преимущества с точки зрения римлян. Филометор должен был получить Египет и Кипр, а Птолемей Брат – Киренаику. Насколько Рим был готов поддерживать это решение военной силой, мы не знаем. Сначала Филометор, как видно неуверенный в безопасности возвращения в Египет, отправился жить на Кипр. Но, увидев, что представляет собой единоличное правление Птолемея Брата, александрийцы за несколько месяцев сменили любовь на жгучую ненависть и призвали Филометора с Кипра. Римские послы, находившиеся тогда в Александрии, впоследствии говорили, что только их присутствие спасло Брата, когда толпа готова была разорвать его в клочья. Оба царя торжественно поклялись соблюдать новое

соглашение, и Брат отправился царствовать в Киренаику (в июле–августе 163 года до н. э.)^[569].

Филометор объявил амнистию за все преступления, совершенные вплоть до 19 эпифи 18-го года его правления (17 августа 163 года до н. э.)^[570] – обычно указы такого типа назывались филантропами. Отныне и до конца жизни он оставался единоличным правителем Египта. Однако в официальном протоколе появилось нововведение – изменилась датировочная формула. Вместо слов «В правление царя Птолемея и т. д.», теперь они гласили: «В правление царя Птолемея *и царицы Клеопатры*»^[571]. С тех пор царицы стали регулярно упоминаться в датировке вместе с супругами-царями. На этом основании мы не можем утверждать, что Клеопатра II имела больше настоящей власти в государстве, чем, например, Арсиноя Филадельфия. Скорее это расширение официальной формулировки было приведено в соответствие с фактическим положением дел, которое больше соответствовало египетской традиции, чем греческой, – независимому положению женщины перед законом и в обществе. Государство Птолемеев и в других отношениях стало больше ориентироваться на египетские традиции, а теперь и официальные формулировки стали приобретать не совсем греческий вид. Однако Клеопатра II, как мы знаем из источников, была волевой женщиной. Возможно, в 163 году, когда Птолемей Филометор вернулся домой с Кипра, «Сестра» была самой популярной среди трех детей Птолемея Епифана. Если так, то, может быть, именно поэтому Птолемей решил теснее связать себя с ней в глазах народа, вставив ее имя в официальные документы. В 153–152 годах до н. э. старший сын Филометора Птолемей Евпатор стал соправителем отца. Однако он умер примерно через три года (около 150 года до н. э.), хотя появляется в позднейших списках обожествленных царей, связанных с Александром в государственном культе^[572]. Его младший брат стал наследником египетского трона.

В папирусах и надписях содержится немного сведений о том, что происходило в Египте в оставшиеся годы правления Птолемея Филометора. В октябре 163 года до н. э. царь с царицей вместе отправились в путешествие вверх по Нилу. Согласно папирусам из мемфисского Серапеума, они посетили храм, располагавшийся возле древней столицы. Царь и царица еще раз побывали в Серапеуме в

октябре 158 года до н. э. В том же году, явно в ходе того же путешествия, они посетили остров Филэ^[573]. К храму в Эдфу в 177–176 годах были пристроены большие деревянные ворота, еще когда Филометор был ребенком, а за него в качестве регента правила его мать; война с Сирией и затем восстание в Верхнем Египте помешали продолжению работ, но они возобновились, как сказано в надписи, в 30 году до н. э. (150–149 до н. э.). Филопатор строил, восстанавливал или украшал египетские храмы и в других местах, но в надписях не указаны точные даты. В Антеополе (современный Кау-эль-Кебир) Птолемей и Клеопатра посвятили пронаос Антею (египетскому богу храма, чье имя неизвестно, но есть предположение, что по звучанию оно напоминало греческое имя Антей)^[574]. В Омби (современный Ком-Омбо) Филометор продолжил строительство храма Ароэрису-Аполлону (египетскому Хор-ур, «Хору старшему»), начатое его отцом.

Были также обнаружены остатки строительных работ, проведенных по приказу Филометора в египетских храмах в Диосполе Парва, Карнаке и Эсне. Кроме надписей, в которых упоминается имя царя или сказано о работах, выполненных по царскому приказу, в нашем распоряжении имеются греческие надписи, сделанные чиновниками в честь Птолемея Филометора и Клеопатры. В Омби гарнизон Омбиского нома (пехота и конница) построил святилище (σῆκος) и посвятил «от лица» царя, царицы и их детей «за оказанные ими милости»^[575].

На острове Эль-Хесса южнее Филэ найдены пьедесталы трех статуй – Филометора, Клеопатры и их сына^[576] (согласно греческим надписям), а в соседнем Асуане – пьедестал статуи Филометора^[577]. В обоих случаях имя посвятившего было стерто и на его месте вырезаны имена божеств – «Исида и Хор», хотя они не имеют смысла. Посвятил их, безусловно, какой-то чиновник, который, будучи сторонником Филометора, попал в опалу при Эвергете II.

Есть свидетельство, что птолемеевский двор к тому моменту перешел к наступательной политике на южной границе. Очевидно, наперекор эфиопским фараонам он попытался утвердиться на отрезке Нила от первых порогов вплоть до вторых (вади Хальфа). Часть пути от Асуана до Дерара была известна как Додекасхен, а этот более длинный отрезок назывался Триаконтасхен^[578] («Земля Тридцати

Аров»). Иероглифическая надпись на камнях у деревеньки Хартум^[579] гласит, что Тридцать Аров принадлежат Исиде с острова Филэ^[580], а в других надписях это же сказано о Двенадцати Арах. Нам известны два человека, которые возглавляли гарнизоны крупных египетских военных округов в этой местности. Один из них Боэт, сын Никострата, возможно кариец, который в 145–144 годах до н. э. был эпистратегом и стратегом Фиваиды со званием сородича^[581], видимо один из главных людей государства. В конце правления Филометора день рождения Боэта отмечался ежегодными празднествами на вышеупомянутом острове Сети (Эль-Хесса). Перед ним стояла задача основать два новых города в Триаконтасхене, которые получили названия Филометорида и Клеопатра^[582]. В других письменных источниках эти города не упоминаются, и где они находились, неизвестно. Вероятно, по мере упадка власти Птолемеев в последовавшие дни смуты они были заброшены и исчезли с лица земли. Боэт все еще был командиром при царе Эвергете в 136–135 годах до н. э.

Второй человек – Герод, сын Демофона из Пергама, комендант (фрурарх) гарнизона в Сиене (Асуан) и начальник укрепленного лагеря (геррофилакс)^[583], но в дальнейшем он командовал «Верхним Районом», как говорится в одной надписи, или «Додекасхеном», как указано в другой^[584]. Он носил придворный титул диадоха и военное звание гегемона «над людьми». Но, как ни странно, этот греческий офицер также занимал должность египетского жреца, он был «предсказателем» бога Хнубиса и архистолистом храмов Элефантины, на острове Абатон (Биггэ) и в Филэ, и к тому же, кажется, видным членом синода жрецов Хнума Небиеб и обожествленных царей династии Птолемеев, который собирался в храме на острове Сети (Эль-Хесса) для ежегодных празднеств в честь царского рода – любопытный пример того, как египетское правительство толкало своих чиновников на управление местными религиозными объединениями и подчиняло их своим целям.

Посвящение (на греческом языке), сделанное Геродом и другими жрецами, адресовано царю, царице, царским детям и местным богам, причем каждый из четырех упомянутых богов отождествлялся с греческим, хотя надпись во всех случаях называет и туземное имя. Так, упоминаются четыре бога: Амон^[585] – Хнубис, Гера – Сатет, Гестия –

Анукет, Дионис – Петемпаменти (Тот-который-находится-в-Аменти). Посвящение сделано «от лица» Боэта.

В Дебоде к святилищу, возведенному эфиопским царем Азехрамоном, были пристроены другие здания, и на одном из их пилонов видна надпись, гласящая, что пилон посвящен Исиде и почитавшимся в том же храме богам от имени Птолемея Филометора и его сестры-жены Клеопатры^[586].

В папирусах из Фиваиды времен Птолемея VI мы впервые находим упоминание об одном институте, который, как предполагает Буше-Леклерк, свидетельствует о попытках правительства ослабить в этом беспокойном регионе туземный элемент и укрепить греческий. До сих пор, как известно (с. 193), документы, регулировавшие законные операции между египтянами, составлялись демотическим письмом местными писцами. Так это осталось и впредь; однако в Фиваиде возникает категория профессиональных греческих нотариусов – агораномов, которые составляют юридические документы не только для греков, но и для египтян, если они решат обратиться к ним, а не к своим писцам. Далее (в конце 146 года до н. э.) правительство приняло закон, по которому действия, оформленные демотическим письмом, чтобы иметь законную силу, должны регистрироваться и подаваться в государственных бюро (архейонах или графейонах) вместе с его кратким изложением по-гречески. Кроме того, для заверенного агораномом документа не требовались дополнительные свидетели. Однако же если демотические документы представлялись в греческом суде, к ним обязательно должен был прилагаться заверенный греческий перевод. Поэтому каждый египтянин мог упростить дело и вдвое уменьшить расходы, с самого начала обратившись к агораному для составления документов по-гречески, и, если египтяне не были готовы платить за патриотизм из собственного кармана, местным писцам не угрожала опасность потерять работу^[587].

К периоду с 164 по 152 год до н. э. относится внушительный архив папирусов, найденных больше сотни лет назад на месте мемфисского Серапеума и в данное время разбросанных по разным музеям мира. Папирусы из Серапеума составляют одну из крупных групп источников эллинистического периода, и весь комплекс теперь выходит в хронологическом порядке под редакцией Вилькена в первом томе «Документов эллинистической эпохи». Пожалуй, они, как

никакой другой комплекс текстов, дают нам новое представление о древности, которое можем получить из папирусов, – картину жизни обычных мужчин и женщин того времени. История Древнего мира в передаче историков и литературных текстов состоит из одних деяний государственных деятелей, полководцев и царей; мы могли составить некоторое представление об этих выдающихся личностях, но огромная безымянная толпа оставалась темной массой, неразлично копошащейся на заднем плане. И теперь, благодаря папирусам, совсем неизвестные люди, чьи имена были забыты на две тысячи лет, внезапно оказались в луче света. Мы снова узнали их, познакомились с интересами, странностями, их настоящим почерком. Папирусы из Серапеума принадлежали некоему Птолемею, сыну македонца Главка (катека), который держал участок земли в деревне Психис Гераклеопольского нома. В октябре 172 года до н. э. или около того Птолемей стал катехом в Серапеуме. Вопрос, кто такие катехи, все еще является предметом ожесточенных споров. Ученым удалось прийти к общему мнению лишь о том, что Птолемей, будучи катехом, не мог выходить за храмовую территорию; некоторые исследователи считают, что он был банкротом, который нашел в храме убежище, или находился там в заключении, наказанный своими военачальниками, но Вилькен, как мне кажется, доказал, что это ограничение носило чисто религиозный характер. Птолемей был служителем Сераписа, и Серапис каким-то образом явил свою волю – через сон или внушенное пророчество, – согласно которой Птолемей, дабы угодить богу, должен был остаться в его храме. Обычно это считалось формой религиозного посвящения; в мемфисском Серапеуме были и другие катехи, греческие и египетские. Насколько нам известно, бог так и не освободил Птолемея. Когда документы заканчиваются в 152 году до н. э., Серапис все еще «крепко держит» его.

Большинство папирусов из Серапеума представляют собой черновики прошений к властям, жалоб и переписки по поводу дел, в которых Птолемей был заинтересован. При нем часто бывал младший брат Аполлоний, которого бог сам недолго «крепко держал» летом 158 года до н. э. Аполлоний выполнял роль секретаря брата, и многие документы написаны его рукой. Молодой человек не был грамотеем, в его греческом тексте множество грамматических и орфографических ошибок. Мы уже видели, что в 157 году до н. э. Аполлоний получил

назначение в войска эпигонов в Мемфисе. В папирусах Птолемея говорится о множестве других дел. В 164 году до н. э. он обратился с петицией к двум царям, так как девочку Гераклею, которая нашла приют в Серапеуме и которую он удочерил, забрали у него и отдали в рабство в Мемфисе. В 163 году до н. э. он сначала обращался к стратегу нома, а потом к Филометору по поводу того, что храмовое начальство заточило его в келью, а потом несколько жрецов и несколько человек из «полицейского участка» в расположенном ниже Анубеуме ворвались в его келью и забрали его вещи под предлогом, что якобы искали оружие. В те дни еще была сильна вражда между греками и египтянами, обострившаяся из-за недавнего восстания Дионисия-Петосараписа. Во время восстания Птолемея избили египтяне в храме, «потому что он грек», а в 163 году до н. э. он снова подвергся нападению и избиению в собственной келье. Поэтому он опять обратился к стратегу. В 158 году до н. э. на Птолемея вновь напали и избили какие-то египтяне – палками, которыми погоняют ослов, как он возмущенно пишет, – из-за ссоры по поводу покупки тростника (для изготовления корзин?) у торговца при храме. За этим последовало новое обращение к стратегу. Самая большая группа текстов касается двух египетских девочек Тауэс и Таус – «близняшек», которые сейчас хорошо знакомы изучающим папирологию. Их отец (вероятно, египтянин) был другом Птолемея, и, когда их мать-египтянка ушла к греческому солдату, а отец, чтобы тот его не убил, сбежал в Гераклеополь и там умер, девочки нашли убежище у Птолемея в Серапеуме. В храме они получили должность жриц низшего ранга, и Птолемея взял на себя заботу об их содержании. Из царской казны им должно было выдаваться установленное довольствие в виде масла и хлеба, по установленному порядку, полагающийся им от царя как жрицам. Согласно принятой системе, масло выдавалось жрецам и жрицам на руки из царских сокровищниц; хлеб доставлялся храмовым властям, которые его и распределяли. Когда пришел срок, из-за халатности или нечестности чиновников и жрецов близняшки не смогли получить свое довольствие ни в том ни в другом виде, и за этим последовал целый поток петиций и ходатайств, составленных Птолемеем либо от имени близняшек (которые, как видно, не умели писать по-гречески), либо от собственного имени в их

защиту в адрес государственного финансового ведомства или царя и царицы, продолжавшийся с начала 163 до 161 года до н. э.

Самые любопытные из бумаг Птолемея – те, где он описывает свои сны и сны близняшек, которые, разумеется, считались пророческими, и очень человеческое письмо Аполлония к брату в момент гнева и разочарования: «Клянусь Сераписом, если б я не имел к тебе по-прежнему хоть немного уважения, ты больше никогда бы не увидел моего лица. Все, что ты говоришь, неправда, и, когда видения говорят тебе, что мы спасемся, мы только тонем еще глубже»^[588]. Интересно, что, как мы видим, эти греки, жившие в самом сердце Египта в египетском храме, все еще придерживались литературной традиции своего народа. Сидя на песке под египетским солнцем, они переписывали на листах папируса стихи греческих поэтов. В нашем распоряжении имеются сорок четыре стиха из Еврипида, написанные почерком, который не принадлежит ни одному из двух братьев, а другие стихи в том же папирусе написаны рукой Аполлония. На обратной стороне видны четыре столбца из Еврипида, выведенные почерком Птолемея, и две эпиграммы Посидиппа о Фаросском маяке и храме Арсинои Зефирской, которые иначе не сохранились бы до наших дней. По допущенным в них ошибкам видно, что переписчики не имели достаточного филологического образования; и тем не менее эти мужчины из сравнительно малокультурной семьи македонского солдата все же находили удовольствие в известных им отрывках греческой поэзии, пусть даже не слишком утонченное. Это дает нам многое понять о том, какую культуру сохраняли греки, разбросанные по восточным странам после смерти Александра Великого.

Египетские евреи, по всей видимости, пользовались благосклонностью двора Филометора и Клеопатры. В державе Селевкидов древний род первосвященников изгнали из Иерусалима, а на их место взяли тех, кто поклялся в покорности сирийскому царю. Представитель законного рода по имени Хония (которое греки переделали в Онию, оно было каким-то образом связано со словом «онос», «осел», которому, по тогдашнему поверью, поклонялись евреи) бежал в Египет. Видимо, его сопровождали многие сторонники, поскольку Птолемей выделил им полосу земли на восточном рукаве Нила, после того ставшую известной как «земля Онии»^[589]. Онии разрешили построить иудейский храм на месте заброшенного

египетского храма богини Баст в Леонто-поле, который более-менее походил на храм в Иерусалиме, и там отправлять свой культ, набрав духовенство из избранного племени. Сэр Флиндерс Питри помещал храм Онии на огромном искусственном холме Телль-эль-Йехудия, который, как он доказывает, был насыпан в II веке до н. э. Его остатки согласуются с утверждением Иосифа Флавия, что главное здание возведенного на холме храма возвышалось на 60 локтей. Храм имел те же пропорции, что и храм Соломона (в меньшем масштабе), и территория вокруг была устроена примерно так же, считает Питри, чтобы соответствовать плану участка вокруг иерусалимского храма^[590]. Богослужения продолжались там до тех пор, пока Веспасиан не закрыл храм. Хотя ортодоксальные раввины считали его не вполне законным, храм наверняка пользовался постоянной поддержкой части египетских евреев.

Хотя после возвращения с Кипра Филометор всю оставшуюся жизнь удерживал египетское царство вопреки всем махинациям брата, это удавалось ему с помощью либо военной силы, либо дипломатической ловкости в зависимости от того, чего требовал случай. Если бы Рим придерживался своего собственного решения, принятого в 163 году до н. э., то, поскольку Филометор охотно его выполнял, не осталось бы места для дальнейших споров, но в сенате были влиятельные люди, всегда готовые поддержать обращения от Птолемея Брата, чтобы нарушить это решение в его пользу. Теперь Птолемей Брат просил отдать ему Кипр вдобавок к Киренаике, и сенат, выслушивая его послов, не давал прекратиться распрям в царстве Птолемеев.

В 162 году до н. э. Птолемей Брат лично отправился в Рим, и, как ни старались послы Филометора убедить римлян, сенат все-таки постановил, что Брату следует отдать Кипр. Он покинул Рим с двумя сенатскими легатами, которым было поручено водворить его на остров в качестве царя, но без применения военной силы, так как в Риме надеялись, что Филометор добровольно подчинится их решению. Однако Филометор, выказав все возможные почести римскому легату, который прибыл к нему в Александрию, решительно не соглашался на новое предложение римлян. Брат возвратился в Киренаику, собрав по пути войско в тысячу критских наемников, и дожидался развития событий на побережье у границы Египта. Тогда Кирена и другие греческие города его царства восстали против него. Отправляясь в Рим

перед этим, он оставил наместником в Киренаике египтянина по имени Симпетесис, которого по-гречески звали Птолемей: «очередной признак, при этом странный, возрастающей силы туземного населения» (М.). Когда разразился мятеж, Симпетесис перешел на сторону восставших, так же как и ливийцы, светлокожие жители Киренаики. Поэтому вместо того, чтобы приобрести Кипр, Птолемей Брат обнаружил, что ему придется воевать за киренский престол. Филометор получил известие о недовольстве Рима тем, что он не выполнил решение сената; но теперь египетский царь, с которым имели дело римляне, стал взрослым мужчиной. Рим был не готов прибегнуть к силе – Филометор знал это и спокойно стоял на своем. Прошло восемь лет, и Рим так ничего и не предпринял. В 155 году до н. э. были раскрыты тайные переговоры правителя Кипра Архия с царем из династии Селевкидов Деметрием I, который тоже положил глаз на Кипр. Это был тот самый Деметрий, который в 164–163 годах до н. э. так дружески отнесся к Филометору в Риме, а в 162 году до н. э. бежал в Сирию, чтобы взойти на трон своих предков. В итоге пришлось укрепить оборону острова. В 154 году до н. э. Брат снова появился в Риме и показал испуганному сенату какие-то отметины на теле, по его словам, шрамы от ран, нанесенных ему подосланными убийцами на службе у Филометора. Рим обратился к своим союзникам в Восточном Средиземноморье, поручая им посадить Птолемея Брата на трон Кипра с помощью военной силы, но так как сам Рим ничего не сделал, то и союзники не торопились что-то предпринимать, и Филометор все так же хранил твердость и спокойствие, а Брат, высадившись на Кипре с войском, оказался предоставлен самому себе. Наконец для Филометора наступила пора начать военные действия, и он сделал это быстро, умело и эффективно. Захватчик был заперт в киприотском городе Лапифосе и принужден сдаться лично в руки Брата. Поведение Филометора в тот момент показало миру, что это был за человек. Он не только простил Брата, но и заключил с ним новый договор, по которому тот должен был мирно вернуться в Киренаику (которую он тем временем вернул под свою власть) и ежегодно получать от Египта оговоренное количество хлеба. Еще Филометор обещал выдать за него одну из своих дочерей, третью Клеопатру^[591]. То, как повел себя Брат после смерти Филометора, показывает, что он не испытывал особой благодарности. Но при жизни Филометора он

больше не мог претендовать на Кипр. Судя по тому, что его брак с юной Клеопатрой не состоялся, можно сделать вывод, что он пошел против старшего брата. Но Рим его больше не поддерживал. Филометор нашел мощного защитника в лице Марка Катона Старшего. До нашего времени сохранились фрагменты речи, которую Катон произнес в сенате, «*De Ptolemaeo rege optimo et beneficissimo*».

Молодой Евпатор, соправитель отца, правивший совместно с ним с 153–152 по 150 год до н. э., когда он, по всей видимости, умер в возрасте около двадцати лет, являлся, вероятно, наместником Кипра. Найденные на Делосе мраморные плиты были установлены вспомогательными войсками, которые союз критских городов прислал в 154 году до н. э. на Кипр на помощь Филометору. Первая поставлена в честь царя: «...простил за преступления, совершенные по всему царству... относиться к нему как к брату и другу, и царь, как показывают его прошлые поступки, будучи благочестивым и богобоязненным и самым великодушным среди людей, заключил дружбу и мир и, проявляя великий дух во всех своих делах, старался главным образом доставлять удовольствие римлянам. Поэтому, чтобы союзники царя Птолемея, которые сражались на Кипре и получили свою долю славы, могли показать, что питают уважение к прекрасным и незабвенным делам и не забывают милостей, которые дарованы их родным городам, и всегда проявляют благодарность к благодетелю за эти милости, постановляют, и да сопутствует в том удача: восхвалить царя Птолемея, и увенчать его золотым венцом, и установить два его бронзовых изображения, насколько возможно прекрасные, одно на Делосе, другое на Крите, в городе, указанном союзом»^[592].

Вторая плита^[593] поставлена в честь уроженца Коса Аглая, сына Феокла, который, по рассказам, пользовался большим уважением у царя «Птолемея-старшего» и был на его стороне во время кипрской кампании. Аглай был проксином критян в Александрии и на своем посту оказывал большие услуги тем, кто прибывал с острова в Египет. В вырезанном на этой плите тексте ясно говорится, что ее посвятили войска критян, посланные Критским союзом (τὸ κοινὸν τῶν Κρηταίων) в Александрию по договору, заключенному между союзом и Птолемеем Филометором.

Египет при Филометоре еще был способен собраться с силами и оказать влияние в том или ином месте греческого мира. В упомянутых

выше надписях говорится о милостях, которыми Птолемей щедро осыпал некоторые критские города. Кроме того, они свидетельствуют о том, что, хотя города Крита часто воевали друг с другом, Критский союз существовал в действительности и у Филометора был с ним союзный договор. Согласно надписи из Итана, жители острова получили военную помощь от Птолемея VI в войне с городом Пресом^[594].

После всех событий в Эгейском море все еще оставались следы прежнего господства Птолемеев: египетский гарнизон базировался на острове Фера, откуда происходят найденные археологами надписи той эпохи^[595]. Мы видим даже, что египетское войско с контингентом туземных египтян (махимов) в какой-то момент занимают Мефану на Пелопоннесе и действуют на Крите^[596]; также в нашем распоряжении имеется голова статуи с греческим лицом, но фараоновским головным убором, которая считается изображением Филометора из храма Исиды в Мефане^[597]. Нам известно, что конфедерация Кикладских островов еще существовала в 159 году до н. э. и что островитяне служили наемниками в морской пехоте на египетских кораблях^[598].

Как и отношения между Египтом и Сирией, вскоре после похода Филометора на Кипр ситуация странным образом переменилась. Деметрий I, сидевший на троне Селевкидов, показал себя царем весьма отважным, энергичным и решительным. Этого, не считая его недозволенного побега из Рима в 162 году до н. э., хватило, чтобы вызвать враждебность римского сената. К несчастью, он тревожил и царей соседних государств. Своими притязаниями на Кипр он сделал врагом египетского кузена. Поэтому, когда царь Пергама выставил нового претендента на селевкидский трон – привлекательного юношу, возможно низкого происхождения, который тем не менее выдавал себя за сына Антиоха IV (Епифана), и когда этот юноша побывал в Риме и, получив благословение сената, вернулся на Восток завоевывать Сирию, Птолемей послал из Египта армию под командованием Галеста, аристократа из холмистой области между Северной Грецией и Адриатикой, чтобы свергнуть Деметрия. Деметрий отступил перед коалицией, и юноша воцарился в Сирии (150 до н. э.). Он назвался именем Александра Великого, а сирийцы дали ему прозвище Валас. Затем произошло нечто необычайное. Филометор отдал в жены Александру Валасу свою дочь Клеопатру. Буше-Леклерк полагает, что

он сделал это против своей воли; по его мнению, Филометор сначала хотел вернуть себе Келесирию, но, когда Александр попросил руки его дочери, он посчитал нужным согласиться и прекратить споры об этом регионе. По существу, мы так мало знаем о событиях того времени, что не стоит и гадать, какие соображения двигали александрийским правительством.

За два года Александр Валас показал себя никчемной и развратной личностью, хотя и пользовался популярностью среди иудеев. В Киликии объявился претендент на трон получше – молодой Деметрий, сын Деметрия I. Ввиду грозящего сирийского вторжения с севера Филометор вошел в Келесирию с большим войском и прошел через Ашдод и Яффу к Птолемаиде (148 до н. э.). Письменные источники противоречат друг другу, и невозможно понять, то ли он отправился на помощь Александру, то ли против него – возможно, в то время он сам не разъяснял своих намерений^[599]. Во всяком случае, в Птолемаиде Александр Валас, по словам Филометора, покушался на его жизнь. Если не раньше, то с этих пор он стал врагом Александра. Каким-то образом вернув свою дочь, сирийскую царицу, он переслал ее «как если бы она была предметом мебели» (М.) к молодому Деметрию. Антиох изгнал Александра, который бежал в Киликию, и Птолемей Филометор прибыл в великий сирийский город, куда его предок Птолемей Эвергет вошел завоевателем почти сто лет назад. И тогда произошла поразительная сцена. Жители Антиохии, не желая иметь царем ни Валаса, ни сына Деметрия I, умоляли Птолемея править Сирийским царством, так же как и Египетским. Тот самый человек, который ребенком видел величайшее унижение Птолемеев от представителей династии Селевка – когда Антиох изображал из себя фараона в Мемфисе, – дожил до поры, когда его упрашивали прибавить к владениям Птолемеев все, что осталось от царства Селевкидов. Филометор, чувствуя тень Рима над миром, был слишком благоразумен для того, чтобы принять предложение. Он убедил антиохийцев позволить молодому Деметрию взойти на трон отцов. Конечно, он добился от Деметрия уступки в виде возвращения династии Птолемеев Келесирии. Вероятно, его войска уже заняли эту территорию, предмет бесконечных раздоров. И тогда из-за случайности все погрузилось в состояние неразберихи. Александр вернулся из Киликии с армией и вступил в бой с войсками Птолемея и

Деметрия на реке Энопаре. Он был полностью разбит и сбежал в соседнюю страну под защиту арабского шейха. Но во время боя Филометор упал с коня и получил серьезный перелом черепа. Через пять дней он умер на руках у врачей, которые пытались сгладить неровные края кости. Перед смертью он с удовлетворением увидел голову своего покойного зятя, присланную ему арабским шейхом (июнь (?) 145 года до н. э.)^[600]. Это был тридцать шестой год его правления и сорок первый или сорок второй год его жизни.

Полибий сообщает, что Птолемей Филометор сочетал доброту и великодушие с умом и храбростью в опасностях и на поле боя (στάσις ἰκανῶς καὶ γενναῖον ἐν τοῖς κινδύνοις ὑπάρχοντα)^[601], но, когда дела шли гладко, он часто выказывал вялость и бездействие, «весьма египетские» качества. Юстин красочно живописует его портрет, представляя его тучным и праздным чудовищем. Это совершенно несовместимо с тем, что известно о действиях Филометора. Но можно понять, каким образом слова Полибия о Филометоре – а Полибий имел возможность писать с полным знанием – могли дать основания для карикатуры Юстина. Допустим, что Птолемей Филометор был толст – а толстые, добродушные люди обязательно бывают чересчур беспечны, когда ничто не зовет их к действию. Однако поступки Филометора показывают, что он умел проявлять решительность в важных делах. Его дипломатические отношения с Римом были решительны и отважны, но при этом искусны и любезны. Он лично принял участие в нескольких войнах и все довел до успешного конца – борьбу с местными повстанцами в Египте, войны с братом на Кипре и с Александром Валасом. И даже если он был толст, свою смертельную рану он получил сидя верхом на коне и сражаясь среди воинов на поле боя, как старинные македонские полководцы, потомком которых он был.

Глава 10

Птолемей VII Эвергет II (145–116 годы до н. э.)

Когда в Палестине Филометора постигла скоропостижная смерть, Клеопатра II осталась царицей в Египте вместе с сыном, юным Птолемеем, который в последний год или годы жизни Филометора занимал вместе с отцом трон как соправитель. Однако не было никакой надежды сохранить египетский трон для ребенка, когда его выдавший виды дядя Птолемей Брат только и дожидался у себя в Кирене, когда ему представится первая же благоприятная возможность захватить наследство. По отрывочным фрагментам из сочинений античных историков нельзя составить сколько-нибудь последовательную картину событий, которые привели Птолемея Брата на трон. Египет в тот момент имел недостаточное количество войск, так как большая часть египетской армии отправилась с Филометором в Сирию, и вскоре после смерти царя это войско прекратило существование как организованная единица. Мальчик-царь Деметрий II, представитель династии Селевкидов, или те, кто осуществлял власть от его имени, не упустил шанса уничтожить это орудие египетской защиты и господства. Они добились того, что воины Филометора поступили на службу к Селевкидам или как можно быстрее убрались в Египет. От завоеваний Филометора в Сирии ничего не осталось. Теперь, без сомнения, Селевкиды снова овладели Келесирией; африканские слоны Птолемея остались в руках селевкидского царя. Жители Александрии, очевидно, разделились на две партии – приверженцев Клеопатры и ее сына и сторонников Птолемея Брата, стремившихся вернуть его в Египет. Евреи поддерживали Клеопатру. Находившимися в распоряжении Клеопатры войсками командовали два офицера, евреи по национальности, Ония и Досифей. Это не сделало ее более популярной в Александрии. В Кирену прибыло посольство, чтобы призвать Брата вернуться и занять египетский трон. Римский аристократ Луций Минуций Терм, давнишний сторонник Брата, в те дни находился в Александрии, и наверняка не случайно. Нам

неизвестно, имели ли место серьезные сражения между войсками Онии, введенными в Александрию, и силами Брата. По словам Юстина, Брат воцарился «без борьбы» (*sine certamine*). Он принял имя Эвергет, связанное с его прославленным предком Птолемеем III. По соглашению, Клеопатра, вдова Филометора, должна была стать женой своего младшего брата. Она не могла согласиться на это, не оговорив сперва будущее положение своего сына, – очевидно, он должен был остаться соправителем. Как бы то ни было, Эвергет II упростил дело, приказав умертвить племянника, – он был «убит на руках матери на свадебном пиру», пишет Юстин, но возможно, что это всего лишь эффектное преувеличение ради красного словца, что вполне в стиле Юстина^[602].

Эвергет имел большой зуб на евреев, поддержавших Филометора и Клеопатру. Иосиф Флавий рассказывает историю об Эвергете после его возвращения в Александрию, которая согласно Третьей книги Маккавейской относится к Птолемею IV. Царь приказал затоптать толпу евреев слонами, но те напали на царских людей. Прекратить борьбу с евреями, по словам Иосифа, Эвергета убедило заступничество его любовницы, которая в одном тексте называется Итакой, а в другом Ириной. Александрийские евреи ежегодно отмечали праздник в память о своем избавлении.

Картуши Птолемея VII Эвергета II

Все наши древние письменные источники изображают Эвергета II чудовищем отвратительной наружности, беспощадным в своей мстительности. Как известно, он был чрезвычайно тучен, отчего в Александрии его прозвали Фискон («Пузо»). Посидоний, чей учитель Панетий видел Эвергета в Александрии, подтверждает его патологическую полноту^[603]. Юстин добавляет, что он любил носить одеяния из прозрачной ткани, сквозь которую просвечивало его распухшее тело во всем его уродстве, еще более отталкивающим, чем если оно было бы обнажено^[604]. Наши источники также рассказывают, как кровожадно он преследовал всех, кого подозревал в неверности, – о казнях, изгнаниях, повсеместных конфискациях, даже резне александрийцев, которую устроили его наемники.

Вероятно, он был особенно безжалостен с александрийской интеллигенцией. Многие из ее представителей были приверженцами Филометора, и Эвергет считал их своими врагами. Многие ученые и художники, связанные с Музеем, рассеялись по греческим землям, либо сбежав, либо оказавшись в изгнании, и дали начало ренессансу в тех местах, куда пришли, – так утверждал историк, живший в царстве Птолемеев, Менекл из Барки. Это не значит, что Эвергет II был враждебен греческой культуре как таковой. Он сам стремился занять

место среди греческих авторов и оставил после себя книгу воспоминаний, в которой среди прочего описывает чудачества своего дяди Антиоха Епифана.

Но больше всего вопросов с точки зрения психологии вызывает поведение не Эвергета, а Клеопатры. Да, трудно поверить в то, что она согласилась сожительствовать с братом после убийства собственного сына. Однако наши античные авторы (Диодор, Ливий, Юстин) определенно заявляют, что Клеопатра родила Эвергету сына (144 до н. э.). Можно, конечно, сказать, что она была вынуждена жить с Эвергетом из страха, но, если вспомнить, каковы были македонские царевны, это сразу кажется неправдоподобным. Скорее ею двигало желание остаться царицей любой ценой. В дочери Клеопатры, царицы Сирии (Клеопатры Теи), любовь к власти, кажется, победила естественную склонность: она подготовила убийство мужа Деметрия II, убила одного из сыновей и попыталась уничтожить другого, когда они стояли на пути ее честолюбивых планов. Возможно, ее мать, египетскую царицу, на этот поступок тоже сподвигла любовь к власти. Она не убивала сына, но сожительствовала с его убийцей.

Эвергет, воцарившись в Александрии, год спустя в Мемфисе венчался на царство как фараон по египетским обрядам. Именно во время празднества коронации родился сын Эвергета и Клеопатры II и был назван (или получил прозвище) Мемфисским в память об этом совпадении. В одном папирусе упоминается указ о прощении долгов (φιλόανθρωπα), объявленный царем примерно в то же время^[605] с целью приободрить владельцев собственности, так как из-за смуты недавних лет титулы стали ненадежными и требовалась мера, чтобы усмирить беспорядки. Празднества в Александрии в честь новорожденного принца омрачились убийством множества киренцев, прибывших в египетскую столицу в 145 году, вместе с Эвергетом. Их обвинили в том, что они неуважительно отзывались о царской наложнице Ирине^[606].

За год или два отношения в царском дворце стали натянутыми. У Клеопатры II, кроме убитого сына, было две дочери от Филометора, обеих звали Клеопатрами. Одна была царицей Сирии, которую мы только что упоминали, другая (Клеопатра III) еще жила во дворце, когда ее мать вышла замуж за Эвергета. Эвергет изнасиловал племянницу и через некоторое время публично взял ее в жены.

Папирус, в котором юная Клеопатра III впервые появляется в роли царицы, относится к 141–140 годам до н. э., но бракосочетание могло состояться на год-два раньше. Мы не знаем, развелся ли Эвергет с Клеопатрой II официально. Она по-прежнему была царицей, но с тех пор стала называться в текстах «царицей Клеопатрой Сестрой», тогда как Клеопатра III была «царицей Клеопатрой Супругой»^[607]. Все трое официально считались совместными правителями Египта. Клеопатра Сестра пользовалась в Египте престижем и властью, и оттого младшему брату, даже будучи царем, было небезопасно открыто ее унижать; однако очевидно, что отношения между Эвергетом и его сестрой стали какими угодно, только не простыми. Через дворец и все царство пробежала трещина, поскольку у Клеопатры Сестры были свои сторонники, так же как у царя и Клеопатры Супруги. Между 145 и 118 годами до н. э. иногда обе Клеопатры упоминались вместе с царем в официальных документах, порой в них появлялась одна только «Клеопатра Сестра», а иногда только «Клеопатра Супруга»^[608]. Маловероятно, что эта разница в протоколе точно отражает менявшиеся поминутно отношения трех правителей друг с другом; гораздо вероятнее, что это происходило из-за того, что писцы, работавшие в отдаленных от Александрии районах, при том ненормальном положении дел просто не знали, как правильно писать.

В некий момент в течение этих лет в Александрию с визитом наведлся Сципион Эмилиан со своим другом Панетием Родосским – его «стоическим капелланом» (М.)^[609]. Мы знаем об этом от ученика Панетия Посидония. Визит дал позднейшим авторам возможность эффектно показать контраст между великим римским аристократом в своей республиканской простоте и достоинстве и египетским царем, грудой разбухшей плоти в его непристойном прозрачном платье, который, пыхтя и отдуваясь, пешком провожал своего влиятельного гостя с корабля во дворец^[610]. «Александрийцы кое-чем мне обязаны, – шепнул Сципион Панетию, – они увидели, как ходит их царь!» Сенат поручил Сципиону «проинспектировать» царства Восточного Средиземноморья. Практичные и жесткие римляне, стремившиеся к власти, но презиравшие восточную показную пышность, хотели уточнить, какие именно реальные силы и ресурсы может нильская страна предоставить своему хозяину. Проницательным, ничего не упускающим взглядом римского фермера-

политика Сципион осмотрел расположение великого города, его гавани и гигантский маяк. Он поднялся по Нилу до самого Мемфиса и обозрел богатые поля с бесчисленными деревнями и городками – землю, которую удачно выбрал первый Птолемей как основание для своей силы, страну, которая при эффективном управлении могла однажды стать значительным подспорьем – кто знает? – для другого хозяина.

Очевидно, что в Александрии постоянно бурлил протест против Птолемея Эвергета. Царские наемники с трудом сдерживали бывших приверженцев Филометора, желавших послужить его Сестре, которая была их царицей больше двадцати прошедших лет. Афаманский царевич Галест, полководец Филометора, бежавший в Грецию, продолжал подогревать беспорядки из-за моря. Даже наемники в Александрии стали слишком требовательны, и мы слышим, что однажды мятежа удалось избежать, только когда капитан по имени Гиеракс, находившийся на службе Эвергета, выдал им жалованье из собственного кармана. «Раз за разом, – пишет Полибий, – Эвергет натравлял свои войска на александрийцев и устраивал резню».

В 131–130 годах до н. э. беспорядки в Александрии, усугубленные расколом между царем и его сестрой, дошли до наивысшей точки. Возбужденная толпа попыталась поджечь царский дворец, и Эвергет бежал в Грецию, взяв с собой Клеопатру III, детей от нее и сына от Клеопатры II, мальчика шести-семи лет по прозвищу Мемфисец. Клеопатра II осталась в Египте единоличной правительницей, хотя из папирусов следует, что Эвергета продолжали признавать царем в большинстве районов Египта за пределами Александрии. Возможно, ссора между братом и сестрой перешла в открытую войну еще за некоторое время до бегства царя. Видимо, в отдельных частях страны Клеопатру II стали признавать единоличной правительницей под именем Клеопатра Филометор Сотера еще в 39-й год Эвергета (132–131 до н. э.)^[611], и она начала заново отсчитывать годы своего царствования. Установлено, что греки в Омби стирали из надписей, сделанных в 136–135 годах, имена Эвергета и Клеопатры III, чтобы Клеопатра II представлялась единственной царицей^[612]. О последовавших за бегством царя событиях рассказывает Юстин, и, хотя его преувеличения и недобросовестность в изложении фактов снижают ценность его труда как исторического источника, ввиду

отсутствия более достоверных сведений нам приходится принимать его рассказ на веру. Вот что сообщает Юстин. На Кипре Эвергет собирал армию наемников, чтобы вести войну с сестрой в Египте. Незаконный сын царя в то время жил в Кирене. (Возможно, он был там наместником.) В Александрии хотели призвать его и посадить на трон (поженив с Клеопатрой II, как полагает Буше-Леклерк. Поистине, в смысле династических браков для того мира, кажется, не было ничего невозможного). Эвергет помешал этому плану осуществиться, вызвав молодого человека к себе на Кипр, а затем убив его. Это привело в бешенство народ Александрии, и там начали сносить статуи Эвергета. (Можно посчитать, что это довольно безобидный поступок после того, как они пытались сжечь Эвергета живьем во дворце, и гораздо удивительнее то, что его изваяния продолжали стоять нетронутыми после его изгнания, чем то, что их начали сносить теперь.) Эвергет считал, что Клеопатра II подстрекала народ разрушать статуи, и в отместку убил собственного сына от нее, мальчика Мемфисца, расчленил его тело и по кускам отправил в ящике в Александрию в подарок на день рождения матери.

Одни районы Египта подчинялись царю, другие – Клеопатре II. Эти годы называются в папирусах временем амиксии, «прекращения общих сношений». Найдено письмо греческого солдата Эсфалада, датированное 23 хоиаха 40 года до н. э. (15 января 130 года до н. э.), где он писал из Верхнего Египта, что вскоре отправляется с отрядом верных Эвергету войск на город Гермонтис, который удерживали силы Клеопатры II^[613]. По его словам, пришли известия, что в следующем месяце Паос собирается привести «довольно воинов, чтобы сокрушить жителей Гермонтиса, и поступит с ним, как поступают с мятежниками». Упомянутый Паос был стратегом Фиваиды и, судя по имени, египтянином – очередной пример туземца, занимавшего высокое положение. До нашего времени сохранилась надпись, сделанная критским офицером Сотерихом, которого Паос послал управлять каменоломнями в холмах и охранять караванный путь между Коптосом и побережьем, по которому к Нилу доставляли грузы с благовониями из Южной Аравии и Индии^[614].

В 129 году до н. э.^[615] Эвергету удалось вернуть Александрию военной силой. В нашем распоряжении имеется надпись, сделанная жившими в Александрии римскими торговцами, с их благодарностью

Лоху, сыну Каллимеда, который тогда командовал армией Эвергета^[616]. В 129–128 годах до н. э. Эвергет уже владел Фаюмом, так как поселил там местных клерухов^[617]. Военные действия между силами Эвергета и его сестры, кажется, еще продолжались в Фиваиде, так как, согласно папирусу, датированному 9 января 127 года до н. э., жрецы государственного культа в то время находились «в лагере царя»^[618]. Но, вероятно, Клеопатра II еще раньше покинула Египет и искала убежища у своего зятя Деметрия II в Антиохии.

Много событий произошло в Сирии после гибели Филометора в 145 году до н. э. В 140–139 годах до н. э. Деметрий возглавил поход на Восток с целью отобрать Иран у парфян, но сам был взят в плен и десять лет был пленником парфянского царя. За это время его гораздо более способный брат Антиох VII (Сидет) воцарился в Сирии и взял в жены Клеопатру Тею (дочь Птолемея Филометора). В 130 году до н. э. Антиох VII, в свою очередь, вторгся в Иран и, добившись блестящего успеха, пал в 129 году до н. э. на поле боя. Затем Деметрий бежал и снова водворился в Антиохии в качестве царя. Но Клеопатра Тея не радовалась возвращению бывшего мужа, который, будучи в плену, женился на парфянской царевне Родогуне. Когда Клеопатра II Египетская прибыла ко двору Селевкидов, ее дочь Клеопатра Тея, быть может, уже находилась во враждебных отношениях с Деметрием, как это было три года спустя в Птолемаиде (Акко). Клеопатра II побуждала Деметрия напасть на Египет. Если бы ему удалось выгнать Эвергета, то взятая в Египте добыча могла бы с лихвой восстановить его шаткое положение. Но Деметрий, перенявший некоторые восточные привычки за десять лет парфянского плена, бородатый, как варвар, был совсем непопулярен в Антиохии, и к тому времени, как он со своим войском достиг границ Египта, его собственное царство взбунтовалось против него. Мятежники вступили в переговоры с Птолемеем Эвергетом и призывали его использовать могущество Египта, чтобы поместить на сирийский трон вместо Деметрия какого-нибудь царевича, принадлежавшего к династии Селевкидов. Эвергет цинично ответил на их просьбу тем, что отправил в Сирию в качестве египетского претендента одного молодого человека, сына египетского торговца, возможно этнического египтянина^[619], который выдал себя за сына покойного самозванца Александра Валаса, и позднее, будучи царем Сирии, сам принял имя Александр. На языке местных сирийцев

жители Антиохии прозвали его «Забина», «купленный». Однако антиохийцы все же предпочитали Александра Деметрию, и Эвергету удалось успешно парализовать своего врага из династии Селевкидов. Деметрий продолжал владеть частью страны в районе Ливана, пока не был разгромлен силами Александра у Дамаска. Он пытался найти убежище в Птолемаиде, но Клеопатра Тея закрыла дверь перед его носом. Он бежал в Тир и там был убит (126–125 до н. э.), как считалось, по приказу жены.

Надежды, которые возлагала Клеопатра II на зятя, пошли прахом. Похоже что в 124 году до н. э. ^[620] она согласилась примириться с братом и возвратилась в Александрию, чтобы снова стать «царицей Клеопатрой Сестрой» рядом с дочерью «царицей Клеопатрой Супругой». Ее другая дочь Клеопатра Тея осталась в Сирии защищать права династии Селевкидов от самозванцев. Очевидно, что теперь, когда Деметрий погиб, для Эвергета было более естественно поддержать племянницу, а не Александра Забину.

Клеопатра Тея, убив одного из сыновей от Селевка V, который оказался недостаточно послушным, сделала себя со-правительницей другого своего отпрыска Антиоха VIII по прозвищу Грип (Крючконосый) и сама воссела на трон. Эвергет прислал в Сирию Трифену, одну из дочерей от Клеопатры III, в жены молодому Антиоху. Без поддержки Египта Александр Забина быстро обессилел. В 123 году до н. э. он попал в руки Антиоха VIII и был казнен. Два года спустя Клеопатра Тея попыталась отравить царя и собственного сына, и Антиох принудил ее саму выпить роковую чашу. Это произошло через двадцать девять лет после того, как дочь Птолемея Филометора девочкой привезли в Сирию в качестве невесты Александра Валаса. Таков был ее конец. В источниках ничего не сказано о действиях Эвергета в Сирии после свержения Александра Забины. Вероятно, он довольствовался тем, что его дочь Трифена находилась там в качестве царицы.

Официальное примирение Клеопатры II с Эвергетом не означало, что страна тут же вернулась к миру и обычному бюрократическому распорядку. Сражения, которые шли во многих районах между сторонниками двух партий, ввергли страну в состояние насилия и раздора (амиксии), которому нельзя было так быстро положить конец. В одном папирусе говорится о мелкой войне между расположенными в

Фиваиде городами Крокодилополем (около Гебелена) и Гермонтисом в 123 году до н. э.^[621] Из папируса^[622], найденного в окрестностях Птолемаиды, ясно, что состояние амиксии сохранялось там уже в 122–121 годах до н. э. Наконец, в 118 году до н. э. от имени трех правителей вышел указ с целью нормализации обстановки во всем царстве. В нашем распоряжении оказался пространный папирус из Тебтуниса, содержащий его текст и опубликованный под редакцией Гренфелла и Ханта в 1902 году. Это один из главных источников, позволяющих судить о системе египетской бюрократии. Прейзигке считал^[623], что он представляет своего рода компромисс между царем и Клеопатрой II, в котором Эвергет пошел на значительные уступки. Тогдашняя смута в основном происходила из-за того, что во время амиксии оба враждующих правителя даровали милости своим приверженцам, которые, разумеется, не признавала противная сторона. Поэтому многие из тех, кто фактически владел землей, в том числе египетские храмы, которые, перейдя на ту или иную сторону, получили в дар землю и привилегии от Эвергета или Клеопатры, находились в шатком положении. Цель указа состояла в том, чтобы забыть прошлое и признать фактические владения законными. Таким образом, Клеопатра должна была согласиться с дарами, которые Эвергет пожаловал ее врагам, но и Эвергету в той же мере пришлось признать дары, которые Клеопатра пожаловала его противникам, и (как утверждает Прейзигке) пообещать оставить их в покое. Документ представляет такую важность, что здесь не помешает коротко рассмотреть несколько его разделов.

1. Объявляется амнистия за все преступления, совершенные в государстве до 9-го числа месяца фармути 52 года (28 марта 188 года до н. э.), за исключением убийств и ограблений храмов.

2. Лицам, принявшим участие в грабежах и впоследствии бежавшим, позволено вернуться в свои дома к прежней жизни; то, что осталось от их имущества, не будет конфисковано.

3. Долги по налогам прощаются тем царским земледельцам, которые получили участки по наследственной аренде.

4. Прощаются долги стратегов государству, возникшие в связи с принятием должности^[624].

5. В Александрии:

а) сборщики пошлин не должны забирать под видом контрабанды товары, когда-либо доставленные из эксересиса в город^[625]; вся контрабанда, захваченная в эксересисе, должна доставляться в контору диойкета;

б) сборщики пошлин не должны ничего изымать у пеших путников, идущих из Александрии во внутренние районы страны, кроме законных сборов. (Вероятно, это значит, что товары, груженные на ослов или верблюдов, подлежат проверке сборщиками пошлин, но товары, переносимые на голове, спине или в руках бедняками, которые только и ходили пешком, имеют право свободного перемещения. Однако пешие путники были обязаны платить сборы за перевозку на пароме и т. п.);

в) товары, ввозимые через *xenikon emporion*, запрещается забирать под видом контрабанды у ворот (ведущих из гавани в город).

6. а) Все, кто во время смуты фактически получил землю в пользование по распоряжению, не отвечающему законным нормам, могут узаконить свое право: сначала вернуть землю правителю, заплатить годовую ренту натурой и снова получить землю от правителя через обычное пожалование. К ним не будет предъявлено никаких обвинений за годы до текущего 52 года;

б) узаконивается пользование клерами, которые были неправомочно заняты туземными египтянами.

7. Упомянутые в предыдущем пункте клерухи освобождаются от некоторых повинностей (литургий).

8. Подтверждается право храмов на их фактические доходы; земель, которой распоряжаются сами храмы (то есть *ge anhieromene*), они и впредь будут распоряжаться без постороннего вмешательства. (На деле таким образом царь обязуется, что его агенты не будут вмешиваться в управление земель.)

9. Задолженности храмов по налогам прощаются.

10. Расходы на похороны священных быков будут оплачиваться из царской казны.

11. Купленные у государства должности жрецов подтверждаются храмам.

12. Привилегия асиии подтверждается тем храмам, которые ею владеют.

13. Различные неправомочные меры, к которым прибегали сборщики государственных налогов натурой, будут проверены.

14. Те, кто вновь засадит виноградники и сады, оставшиеся в небрежении, будут пользоваться землей без уплаты налогов в течение пяти лет и с уплатой особо низких налогов в течение последующих трех лет. На сельскохозяйственных землях, прилегающих к Александрии, отсрочка составит еще три года сверх того.

15. Дома и земли, купленные у царской казны (ἐκ τοῦ βασιλικοῦ), останутся в законном владении у покупателей. (По мнению Прейзигке, смысл этого пункта в том, что Эвергет и Клеопатра соглашаются взаимно признать финансовые операции друг друга.)

Следующие строки (102–113) слишком отрывочны, чтобы найти в них какой-то смысл. Дальше следует:

16. Владельцы сожженных или иным образом уничтоженных домов могут вновь построить их в прежнем виде (то есть без особого разрешения, которое нужно было получить у государства на любое новое строительство. – *Авт.*). Храмы также могут быть перестроены. (Безусловно, имеются в виду мелкие храмы, возведенные частным образом или деревенскими общинами. Как видно, противники не пощадили религиозных зданий друг друга. – *Авт.*) Однако их высота ограничивается 10 локтями (около 15 футов). Эта уступка не касается Панополя. (Панополь, видимо, был центром особых беспорядков. Гренфелл и Хант предполагают, что фрагмент из Диодора, где говорится о Панополе как об оплоте национального движения при Филометоре, неправильно датирован и что на самом деле осада имела место лишь незадолго до 188 года до н. э. В. Мартен (*Les Epistratèges*. P. 49) относит ее к 130 году до н. э. Однако кажется правдоподобным, что место, которое когда-то было центром национального восстания (при Филометоре), по-прежнему оставалось удобным оплотом для мятежников. Оговорка, запрещающая Панополю строить храмы выше 15 футов, вероятно, была скорее мерой безопасности, чем наказанием. Каменные здания такой высоты можно использовать для уличных боев. – *Авт.*)

17. Занятые на царской службе как земледельцы или рабочие защищены от взысканий со стороны чиновников (стратегов, экономов, полицейских и т. д.).

18. Стратеги и другие высокопоставленные чиновники не должны забирать и возделывать хорошую землю, которую уже возделывают царские земледельцы как часть *gē basilikē*.

19. Некоторые категории населения не обязаны пускать на постой клерухов. Эти категории включают: 1) греков, служащих в армии; 2) жрецов; 3) царских земледельцев; 4) тех, кто занимается определенными ремеслами по купленным у государства разрешениям, – ткачей шерсти, портных, свинопасов, гусепасов, производителей масла и пива, пасечников. Если кто-либо из указанных категорий владеет другим домом, помимо того, в котором проживает, в нем можно селить клерухов, но при условии, что будет занято не больше указанного дома.

20. Стратеги и другие высокопоставленные чиновники не должны принуждать кого-либо работать на них без соответствующей платы.

21. Этот пункт освобождает «полицейских», или охранников посевов, по всей стране от каких-либо обвинений, предъявленных им за какие-то прошлые нарушения, но точный смысл неясен.

22. Прощаются наказания тем, кто нарушил закон в отношении монополии на масло.

23. Прощаются наказания за непоставку хвороста и тростника для ремонта насыпей.

24. Прощаются наказания тем, кто не возделывал своих участков согласно закону вплоть до 51 года до н. э. Начиная с 52 года закон снова входит в силу.

25. Прощаются наказания тем, кто рубил деревья на своих участках без государственного разрешения.

26. В этом пункте определяются соответствующие полномочия греческих и туземных судей, о которых говорилось на с. 194.

27. Царских земледельцев и ремесленников, работающих в царских интересах, запрещается арестовывать за долги. Могут быть описаны их продукты, но не орудия, необходимые им для работы.

28. Ткачей запрещается принуждать к работе на чиновников без соответствующего вознаграждения.

29. Чиновники не имеют права отнимать лодки для собственных нужд.

30. Чиновники не имеют права помещать кого-либо в тюрьму из-за личной вражды или из-за долгов; если же они имеют обвинения

против какого-либо лица, они должны подать на него иск в установленной форме в соответствующий суд^[626].

Такой указ издали три правителя в 118 году до н. э. В одном из документов по делу Гермия упоминается указ об амнистии (филантропе), по которому прощались долги, возникшие до 19 тота 53 года^[627], то есть спустя пять месяцев после дня, указанного в этом декрете. Вероятно, указ в деле Гермия был издан дополнительно для продления отсрочки.

Этот указ – главный аргумент тех, кто хочет доказать, что нарисованный историками портрет Эвергета II неверен. Какую мудрую заботу о людском благополучии, какие превосходные реформы, какое стремление к справедливости между греками и египтянами видим мы здесь вместо того чудовища, которого изображает нам литературная традиция! Я не могу не думать, что этот аргумент страдает известной наивностью. Вспомните, в какое время выходит указ: все царство пришло в упадок из-за нескольких лет гражданской войны, поля опустели, дома во многих местах разрушены, бурлят опасные волнения, египтяне готовы восстать против греков. Все сказалось бы на царских доходах самым непосредственным образом. Египет был для своего царя частным имением, и хаос в стране означал для него ограничения и неудобства. Даже самый узколобый и себялюбивый землевладелец понял бы, что нужно что-то сделать, чтобы поправить ситуацию, что нужно пойти на уступки людям, доведенным до грани безумия государственными взысканиями, египтянам, измученным своей политической зависимостью. Примечательно, что указ особо защищает тех крестьян и ремесленников, которые работали на царя. Однако даже если предположить, что меры, принятые Эвергетом II в этом критическом положении, свидетельствуют о его необычайной хозяйственной дальновидности, они ни в коей мере не доказывают, что он был не способен совершить преступления, о которых писали историки. Конечно же наивно думать, что плохой человек непременно должен быть глуп. Указ 118 года до н. э. был составлен мудрым человеком, и, возможно, честь его сочинения принадлежит Птолемею VII. Но и в этом нельзя быть уверенным. Если указ представляет собой компромисс между Эвергетом и Клеопатрой, неизвестно, какую роль в его создании сыграла Сестра. Кроме того, его авторство могло не принадлежать ни одному из правителей. Возможно, его написал какой-

нибудь диойкет или другой высокопоставленный советник царя. Царские рескрипты составлялись не самим царем, а когда страна находилась в таком отчаянном положении, как тогда, царь, готовый подписать любой документ, который ему предложат, мог полностью довериться совету важных чиновников при условии, что документ гарантирует ему личную безопасность и доходы.

Кроме того, я не вижу в источнике ничего такого, что дало бы основание поддержать предположение Магаффи и некоторых других современных ученых о том, что политика Эвергета II отличалась явным проегипетским уклоном. Эвергет действительно строил и украшал египетские храмы, как и его предшественники, и среди тех, которые еще можно видеть, пожалуй, здания, приписанные Эвергету, весьма заметны. В надписи в великом храме в Эдфу, который все рос, пока сменялись цари, помимо прочего, содержится описание значительных добавлений, сделанных седьмым Птолемеем. В его двадцать восьмой год (142 до н. э.), через девяносто пять лет после того, как первый Эвергет заложил первый камень в фундамент храма, состоялось официальное освящение храма. Но сам Магаффи признавал, что это «мало что доказывает». Также верно, что в надписях, найденных в некоторых других египетских храмах, сказано, как царь творил добро и исправлял зло. Асуанская стела упоминает филантропу, изданную Эвергетом II и Клеопатрой III (Супругой), в пользу храма Хнума Небиеб в Элефantine^[628]. В Филэ найден небольшой храм, посвященный им богине Хатор^[629]. В КомОмбо^[630], в Мединет-Абу, в Дейр-эль-Медине, в Эль-Кабе сохранились развалины храмов египетских богов, свидетельствующие о том, что Эвергет II строил и восстанавливал их. Но то, что от его религиозных сооружений осталось несколько больше следов (может быть, случайно), чем от храмов его предшественников, едва ли доказывает, что он проводил более проегипетскую политику, чем они. В нашем распоряжении имеется петиция жрецов храма Исида, находившегося на острове Филэ, адресованная Эвергету II и двум царицам в последние десять лет его правления, где они жалуются, что обязанность принимать царских чиновников и военачальников, которые посещали Филэ или проезжали через него по пути на юг, легла на их плечи тяжким бременем; а также у нас есть рескрипт монарха, датированный 118–117 годами до н. э., где он приказывает стратегу

нома впредь избавить от нее жрецов^[631]. Но это свидетельствует только о том, что александрийский двор при случае был готов положить конец злоупотреблениям, которые могли вызвать раздражение у влиятельной корпорации египетских жрецов. В Александрию наверняка прошения от частных лиц и ассоциаций стекались постоянным потоком со всего царства, и естественно, что сохранились именно те из них, которые получили царский ответ. Все цари династии понимали, что для государства полезно не раздражать туземных подданных в той мере, в какой это не противоречит реализации иных возможных целей.

В указе 118 года до н. э. содержатся положения, которые должны были защитить египтян или некоторые их категории от притеснений со стороны царских чиновников и обеспечить египетским жрецам возможность пользоваться полученными привилегиями. Но такие положения вполне могли быть продиктованы необходимостью как-то примирить местных жителей с вновь установленным порядком, а не какой-то систематической политикой в пользу египтян. Верно, что со времен Филопатора местный элемент в Египте постепенно набирал силу и прокладывал себе дорогу к высоким бюрократическим должностям. Но это сравнительное возвышение египтян, по всей видимости, объясняется естественными процессами, а не сознательной политикой царей. Конечно, по мере того, как возрастало влияние туземцев, все более настоятельной становилась необходимость умиротворять их, устранять злоупотребления, которые вызывали сильнейший гнев, расширять привилегии храмов и так далее. Но я не вижу никаких причин ни для заявления Магаффи, писавшего, будто политика Эвергета II, направленная на слияние греков с туземцами, была разумной и милосердной^[632]; или для того, чтобы считать правильным мнение о том, что он вообще проводил такую политику.

Конечно, любовь Юстина к красному словцу в ущерб правде толкает современного читателя к тому, чтобы согласиться с противоположным мнением. Однако есть ли хоть одна причина отрицать, что в Александрии после возвращения Эвергета в 145 году до н. э. царил террор? Одно из прозвищ Эвергета – Какергат^[633]. Его не называли бы так без всяких оснований. Магаффи считал приписанные ему преступления слишком чудовищными, чтобы можно было в них поверить. Но, может быть, современный автор склонен судить, на что

способна человеческая натура, по людям, которых видит в нынешнем западном обществе. В других условиях человеческая натура может принять такую форму, в которой моральные запреты, такие важные для нас, перестают существовать. Я хочу спросить любого, кому хорошо известно, что происходило во дворцах индийских раджей вплоть до недавних времен, найдет ли он что-нибудь невероятное в историях о Птолемеях VII? Или, быть может, лучше провести параллель с княжескими дворами Индии XV и XVI веков. Мы видим, как высокий уровень литературной и художественной культуры, острый ум и практическая хватка идут рука об руку с нравственным уродством, вполне сравнимым с тем, о котором рассказывают, говоря о династии Птолемеев. Если Эвергет II был умелым хозяйственником – а он вполне мог им быть, насколько мы можем судить, – нужно представить его себе как человека, похожего на итальянского правителя эпохи Возрождения. Когда мы изучаем время правления поздних Птолемеев и Клеопатр, нам следует иметь в виду страшный разврат и кровожадность, которую живописуют такие елизаветинские драматурги, как Вебстер и Турнер, изображая жизнь этих кругов в современной им Италии. Рассказ о том, как Эвергет разрубает на куски собственного сына и посылает их матери в качестве подарка на день рождения, очень напоминает сюжет елизаветинской пьесы. И действительно, Спинелло, итальянский драматург эпохи Возрождения, считал, что эта тема прекрасно подходит для его пера, и вставил ее в пьесу «Клеопатра», которую опубликовал и посвятил епископу в 1540 году. Чтобы судить о том, что было возможно, а что нет в Александрии II и I веков до н. э., нам надо освободить разум от наслоений Лондона, Оксфорда и Дублина XX века^[634].

В отношении Нижней Нубии Эвергет, как видно, придерживался политики брата и считал ее частью своего царства. В Дебоде найден наос из красного гранита, поставленный в храме от имени Эвергета, и еще один от имени Клеопатры^[635]. В храме в Пселхисе (Дакка) Эвергет добавил пронаос, на котором по-гречески написано: «От лица царя Птолемея и царицы Клеопатры Сестры, Богов Благодетелей, и их детей, величайшему богу Гермесу, который также есть Паотпнуфис, и богам, почитающимся с ним в храме. Год 35-й»^[636]. В нашем распоряжении имеется надпись пергамского Герода из Додекасахена, который еще командовал там в первые годы Эвергета: «От лица царя

Птолемея и царицы Клеопатры Сестры, Богов Благодетелей, и их детей»^[637]. Но теперь Герод уже получил повышение из диадохов в архисоматофилаки и стал называть себя не «Пергамским», а «Береникским», то есть он, вероятно, принадлежал к дему Птолемаиды, названному в честь Береники. Члены ассоциация, с которой был связан Герод, носят название базилистов. В их списке большинство имен греческие, но встречаются и египетские.

Между возвращением Клеопатры II и смертью Эвергета, скончавшегося 11-го числа месяца пайни 54 года^[638] (28 июня 116 года до н. э.) в возрасте около шестидесяти пяти лет, прошло восемь лет. Неясно, пережила ли Клеопатра II брата; в демотическом папирусе, датированном октябрём 116 года до н. э., дважды упоминается «царица Клеопатра», но, может быть, писец случайно написал его два раза. Эвергет, самый злобный из всех Птолемеев, прожил дольше всех своих предшественников, начиная с Птолемея II, и мирно умер после тринадцати лет правления, в течение которых он непрерывно владел всем, чего желал, ради чего он плел интриги и убивал.

Глава 11

Птолемей VIII Сотер II и Птолемей IX Александр I (116–80 годы до н. э.)

Птолемей VII Эвергет II оставил после себя Клеопатру III, племянницу, на которой был женат, двух сыновей, Птолемея и Птолемея Александра, и трех дочерей, Клеопатру Трифену, царицу Сирии, вторую Клеопатру, которая вышла замуж за своего брата старшего Птолемея (Клеопатра IV) и Клеопатру Селену. Кроме того, у него был внебрачный сын Птолемей Апион, скорее всего от наложницы Ирины. После смерти Эвергета было обнародовано его странное завещание, которое показало, что старый царь больше заботился о том, как отблагодарить некоторых людей, ставших ему дорогими из-за его страстей, чем о том, чтобы сохранить целостность великого достояния династии Птолемеев. Он снова разрушил единство царства, завещав Киренаику Птолемею Апиону, который наверняка уже правил там в качестве наместника, а египетский трон – Клеопатре III, дав ей право стать соправительницей любого из сыновей по ее выбору. Клеопатра III, которая во время замужества за собственным дядей официально называлась Эвергетида^[639], а теперь как мать – Тея Филометор Сотер; возможно, александрийцы прозвали ее Кокка^[640], – наконец выходит на первый план. Нам известно лишь то, что, пока была жива ее мать, она боролась с ней за любовь своего ужасного дяди; теперь же третьей Клеопатре предстояло играть главную роль.

Старший сын Эвергета и Клеопатры III, молодой человек около двадцати пяти лет, скорее всего, жил на Кипре, когда умер его отец^[641]. Это был младший Александр, которого Клеопатра хотела сделать царем – или потому, что больше любила, или потому, что, по ее мнению, на троне он будет не так успешно отстаивать свою волю вопреки ей. Однако в вопросах преемственности на троне в старой Македонии решающее слово было за армией, и александрийцы, которые называли себя македонцами, хотели владеть этим правом и в

Египте. Оказалось, что желание Клеопатры сделать царем Александра столкнулось с яростным сопротивлением народа, и ей пришлось уступить. Царем стал старший Птолемей под именем Птолемей Филометор Со-тер. Он был назначен соправителем матери, чье имя ставилось перед его в официальных документах^[642]. С тех пор как Эвергет II принял эпитет своего предка Птолемея III, фантазия птолемеевского двора в сочинении эпитетов, судя по всему, иссякла. Отныне цари и царицы династии Птолемеев в разных сочетаниях использовали только эпитеты, уже употребленные предыдущими царями. Стоило только Эвергету II снова принять уже использованное именование, кто-нибудь обязательно должен был вскоре присвоить эпитет великого основателя династии. Восьмой Птолемей – второй Сотер. В народе его прозвали «Лахир», «Бараний Горох»; видимо, мы уже никогда не узнаем, в чем суть этой александрийской шутки.

Сначала молодой человек был не в силах сопротивляться матери. Он даже не смог воспротивиться, когда она забрала у него его сестру-жену Клеопатру IV, к которой, по словам Юстина, он был очень привязан, и заставила жениться на младшей сестре Клеопатре Селене. В тексте, вырезанном на стеле из Асуана, сказано, что во второй год его правления (с 20 сентября 116 по 19 сентября 115 года до н. э.) Птолемей с матерью посетил Верхний Египет, в августе они побывали на Элефантине и на эфиопской границе. Супруга царя в источнике не упоминается^[643]; если Клеопатра IV или Селена путешествовали с Птолемеем, то, насколько видно по сохранившемуся фрагменту надписи, их просто проигнорировали. Эпистратегом Фиваиды в то время был египтянин Фомм, который упоминается в папирусах 111 года до н. э., а значит, тогда он еще занимал эту должность^[644].

Царица-мать сочла благоразумным увезти младшего сына Александра из Египта. Он стал наместником на Кипре и, хотя официально именовался лишь стратегом острова, кажется, в конце концов начал считать себя царем: позднее он отсчитывал годы правления начиная с четвертого года брата Сотера II (114–113 до н. э.), когда он предположительно стал править на Кипре. Бывшая супруга-царица Клеопатра IV показала, что вполне заслужила место в ряду цариц, носивших это знаменитое имя. Она с такой же готовностью шла против матери, с какой Клеопатра III вытеснила Клеопатру II. Она отправилась на Кипр, чтобы набрать собственную армию из

находившихся там войск. Наши источники не дают нам возможности ответить на вопросы о том, какую роль сыграл в этом Александр, намеревалась ли Клеопатра (как думает Буше-Леклерк) выйти за него замуж и остаться на Кипре соперницей своей матери, поддерживал ли Александр ее, пока мать снова не приструнила его. Так или иначе, Клеопатра IV не осталась на Кипре. Она удалилась со своей армией в Сирию, чтобы предложить руку и войско Антиоху IX по прозвищу Кизикен (Кизикский), который изгнал из Сирии двоюродного брата Антиоха VIII (Грипа), мужа Трифены, старшей сестры Клеопатры. Борьба между двумя кузенами из династии Селевкидов превратилась в войну двух сестер – представительниц династии Птолемеев. Клеопатра находилась в Антиохии, когда Грип взял город, и она бежала в храм Аполлона в Дафне. Грип, как сказано в источниках, хотел пощадить невестку, но Трифена была неумолима. Клеопатре отрубили руки, которыми она цеплялась за алтарь, и она умерла, призывая проклятия на голову сестры (112 до н. э.). Год спустя Трифену захватил Кизикен и убил, принеся ее в жертву духу своей жены (111 до н. э.)^[645].

Надпись из Пафоса представляет собой копию письма, датированную месяцем горпием 203 года селевкидской эры (август 109 года до н. э.), от «царя Антиоха» к «царю Птолемею Александру», в котором сообщается, что он освободил Селевкию-в-Пиерии^[646]. В то время Птолемей Александр, по другим данным, еще правил на Кипре. Какой «царь Антиох» был автором письма, неясно. Большинство современных исследователей (включая Диттенбергера) считают, что это был Антиох Грип; Буше-Леклерк предпочитает Кизикена. Оба они в то время боролись за сирийское наследство, и неясно, кто из них владел Селевкией^[647].

В папирусе 112 года до н. э. говорится о визите римского сенатора Луция Меммия, который посетил Египет как турист, чтобы посмотреть на достопримечательности^[648]. Папирус составлен из распоряжений неизвестного начальника – возможно, как считает Вилькен, диойкета – фаюмскому чиновнику по поводу того, какой прием он должен оказать Меммию, когда тот приедет посмотреть на Лабиринт, озеро и священных крокодилов. Так принимали великих сановников государства. Должно быть готово все, что нужно, для его развлечения, в том числе корм для крокодилов. Случайный луч света выхватил для

нас то подобострастие, с которым в царстве Птолемеев относились к римским аристократам из соображений дипломатии.

Время шло, судя по некоторым сведениям, Сотеру II удалось занять более прочную позицию в противостоянии с матерью. В папирусе 6-го года (112–111 до н. э.)^[649] царица-супруга (Селена) сменяет царицу-мать.

После 110 года до н. э. головной убор Исиды исчезает с киренских монет, а двойной рог – с египетских. В десятый год Сотера (с осени 108 по осень 107 года до н. э.) Клеопатра снова попыталась прийти к власти с помощью государственного переворота. Она обвинила Сотера в покушении на нее, и ей удалось так сыграть на эмоциях александрийской черни, что Сотер бежал за море. Клеопатра вызвала с Кипра Птолемея Александра, чтобы тот занял место Сотера в Египте. Жена Сотера Селена и двое его сыновей остались в Египте в руках Клеопатры. Клеопатра и ее второй сын в официальном протоколе назывались так же, как в ее совместном правлении со старшим сыном: «царица Клеопатра и Птолемеи-сын, зовущийся Александр, Матерелюбивые Боги, Спасители» (Филометоры Сотеры).

Клеопатра не собиралась отпускать «Бараньего Гороха». Она послала на Кипр войско, чтобы схватить его, но Сотер нашел убежище в Селевкии-в-Пиерии. Оттуда он вернулся на Кипр и надежно укрепился. Видимо, присланные из Египта войска не хотели сражаться со старшим Птолемеем, и Клеопатре пришлось смириться и смотреть, как ненавистный сын, которого она была не в силах низложить, правит в зависимом владении ее царства.

Однако соперничество между матерью и сыном разразилось в Сирии. В этой беспокойной стране сложилась как никогда запутанная ситуация: Антиох Грип царил в Дамаске; Антиох Кизикенский – в Северной Сирии; Палестина, за которую так долго дрались династии Селевка и Птолемея, теперь почти целиком перешла к иудейскому царю Александру Янаю; греческие и филистимские города на побережье, насколько могли, сохраняли независимость, примыкая к тому или иному из правителей-соперников. Дело запуталось еще больше, когда Сотер бросился в Палестину с Кипра, а Клеопатра III из Египта: Сотер как союзник Кизикена, а Клеопатра – Грипа и иудейского царя. Клеопатра, по примеру ее дяди Филометора и матери Клеопатры II, больше полагалась на еврейский элемент в Египте, и ее

армией, которая вошла в Палестину, командовали два еврейских полководца Хелкия и Анания, сыновья первосвященника Онии, построившего храм в Леонтополе. Клеопатра Селена, бывшая жена Сотера, по приказу матери отправилась занять место Трифены, своей покойной сестры, в качестве жены Антиоха Гrippa. На случай непредвиденной ситуации Клеопатра оставила своих «внуков» и часть казны в святилище Асклепия на Косе. Одним из этих внуков был, видимо, юный Птолемей Александр, сын Александра I; кем были остальные, мы не знаем (Буше-Леклерк полагает, что это дети Сотера и Селены). О превратностях войны в Палестине говорить излишне; для династии Птолемеев она кончилась ничем; около 102 года до н. э. Сотер вернулся на Кипр, а Клеопатра – в Египет. Какое-то время, кажется, Клеопатра обдумывала свержение Александра Яная и возврат Келесирии после всех этих лет; но Анания предостерег ее, сказав, что эта попытка сделает всех евреев ее врагами, и она не посмела так рисковать.

Клеопатра не много прожила после своей напрасной войны в Палестине. Она умерла между 16 сентября и 31 октября 101 года до н. э. [\[650\]](#), чуть-чуть не дожив до шестидесяти лет.

Греческая историческая традиция (Юстин, Павсаний, Афинея) допускает, что Александр приказал убить свою мать, и Юстин повествует, как александрийский народ тоже вознегодовал и призвал Сотера. Но так как изгнание Александра произошло лишь двенадцатью годами позже, то Юстин (или Трог, которого он сокращает) опять увлекается драматическим эффектом в ущерб фактам. Действительно ли Клеопатра III умерла по приказу сына, остается неясным.

Картуши Птолемея Александра I

Имя царицы-матери исчезает из датировочных формул, и отныне имя Птолемея Александра сочетается с именем царицы-супруги Береники III, дочери его брата Птолемея Сотера. Она называется «царица Береника, Братолюбивая Богиня» (Филадельфия), хотя Александр и Береника вместе именуются «Матерелюбивыми Богами» (Филометорами). Первым из сохранившихся до нашего времени источников, в котором появляется имя Береники, стал папирус, датированный 31 октября 101 года до н. э. Если матерью Береники была Клеопатра IV, в 101 году до н. э. ей могло быть девятнадцать или двадцать лет; если же, с другой стороны, ее матерью была Селена, ей не могло быть больше тринадцати. В какой-то более поздний момент Береника родила Птолемею Александру детей, царская чета посетила Верхний Египет и оставила запись о том, какие почести они воздали Исиде в великом храме на острове Филэ^[651].

Нам ничего не известно о правлении Птолемея Александра в Египте после смерти матери (101–89 до н. э.). В нашем распоряжении имеются четыре греческие надписи из Фаюма, относящиеся к этим годам^[652]. В двух из них говорится о пожаловании храму египетского бога-крокодила Себека (Себекэн-паи, «Себек-на-Острове», что в греческой транскрипции звучало «Сохнопеос») ежегодного

приношения зерна от чиновников (с греческими именами), связанных со сбором налогов зерном в одной из единиц нома («Гераклидская мери-да»). Они датируются 97–96 годами до н. э. и ноябрем 95 года до н. э. соответственно. В двух других увековечивается дар Себеку от греков, связанных с каким-то местным гимнасием, в виде места собраний или тренировочной площадки (топ), которой владела их группа (гересис). Учащиеся (эфебы) гимнасия того года были организованы в эти группы, которые назывались по именам их предводителей, и сохраняли братские узы даже в ином мире. Здесь эфебы одного года – 113/12 года до н. э. – посвящают свой топ 27 марта 98 года до н. э. Другое посвящение относится к 3 апреля 95 года н. э.

В 96 году до н. э. произошло событие, ознаменовавшее начало нового этапа в распаде царства Птолемеев. Царивший в Киренаике Птолемей Апион умер и завещал свое царство римскому народу. Это был первый кусочек наследия Птолемеев, проглоченный Римом. Римляне не стали тут же брать власть в регионе в свои руки. Они позволили пяти греческим городам Киренаики кое-как управлять собственными делами по своему усмотрению в течение одного сезона. Рим лишь потребовал для себя царские владения и долю налога на лекарственное растение сильфий – главный продукт, производившийся в стране. Затем в 74 году до н. э. Киренаика стала римской провинцией. Квестор пропретор сменил в Кирене наследника великого македонского рода, который правил там в течение двухсот двадцати шести лет. Птолемеи, которые еще властвовали в Египте, получили в лице Рима неудобного соседа, находящегося всего в 500 милях от Александрии.

К 89 году до н. э. Птолемей Александр стал чрезвычайно непопулярен в Александрии. Нам рассказывают, что, подобно своему отцу, он был чудовищно тучен – в трезвом виде он мог ходить только с сопровождающими, которые поддерживали его с обеих сторон, хотя в опьянении с необычайной живостью предавался неприличным пляскам^[653]. Армия обратилась против него. Он бежал в Сирию и в этой до сих пор растревоженной стране собрал войско наемников, с которыми вновь вошел в Александрию. Чтобы заплатить этому новому войску, он вынес из Семы золотой саркофаг своего тезки великого Александра^[654] – возмутительное деяние, совершенное с расчетом

вызвать ярость александрийцев. Почти сразу же Александра снова изгнали, и на этот раз он вместе с царицей Береникой и дочерью бежал в Ликию. Во время попытки переправиться оттуда на Кипр его захватил в море александрийский флотоводец Херей, и он был убит или погиб в схватке (88 до н. э.)^[655].

Во второй раз «Бараний Горох» вернулся с Кипра, чтобы стать царем в Египте, и Египет с Кипром снова объединились под властью одного человека. Птолемею Сотеру II тогда было около пятидесяти четырех, и у него не осталось живых законных детей, кроме царицы Береники Филадельфии^[656], которая вернулась из Ликийи, чтобы стать соправительницей отца на троне. Когда начался этот новый период его правления, ее титул был добавлен к тому, который носил он. Раньше его вместе с матерью называли Богами Филометорами Сотерами; теперь они с дочерью стали богами Филадельфами Филометорами Сотерами^[657], а «Бараний Горох» сам по себе был «Великим Богом, Матерелюбивым, Братолюбивым Спасителем». Даже если бы он снова захотел жениться, то в династии Птолемеев не нашлось бы царевны, которую он мог бы взять себе в жены. Дочь его брата Александра, помимо того что была еще ребенком, к тому же являлась внучкой Сотера, и, хотя брак отца и дочери был вполне обычным делом в Персии (и поэтому можно предположить, что брак деда и внучки тоже был широко распространен), эллинистические династии так и не усвоили этот вид инцеста, в отличие от браков между сестрами и братьями. Сестра и бывшая жена Сотера Селена все еще жила в Сирии. В 96 году до н. э. ее второй муж Антиох Грип погиб, и Селена стала женой его соперника Антиоха Кизикена. Год спустя Кизикена убили, и Селена перешла к четвертому мужу (если это по-прежнему была все та же Селена, как утверждают античные авторы) Антиоху Евсеу, сыну Кизикена от предыдущей жены и, следовательно, пасынку Селены. Мы читаем, что от Евсева у Селены родилось два сына около 90 года до н. э., один из которых прославился под именем Антиоха Азиатского^[658]. Мы ни разу не слышим о ее желании вернуться к брату в Египет или о стремлении Сотера вернуть ее.

Восемь лет, в течение которых Сотер правил Египтом после возвращения, были беспокойными годами и в стране, и за ее границами. Египетский национализм снова вспыхнул. Еще до его возвращения, пока в Александрии правил Александр, поднялись новые

туземные вожди, которые надеялись выгнать греков и дать начало новой династии фараонов. Древний город Фивы, оплот национального движения, который положил конец власти гиксосов много веков назад, снова стал центром восстания.

Найдено несколько писем, проливших свет на сложившуюся обстановку. Их автор – Платон, предположительно эпистратег Фиваиды. Фиваида в целом была охвачена мятежом, но город Патирис стоял за Птолемея. Комендант города – коренной египтянин Нехтирис, как и Паос в 130 году, служил Птолемею против своих соотечественников. Первое письмо написано 28 марта 88 года до н. э., когда о возвращении Сотера еще не было известно в Фиваиде; Платон датирует письмо по годам Александра.

«Платон жителям Патириса, здравствовать. Выступив из Латополя, чтобы разрешить ситуацию к наибольшей пользе государства, я счел наилучшим дать вам знать об этом и призвать вас хранить отвагу и присоединиться к Нехтирису, вашему командиру, пока не прибуду я сам, что постараюсь сделать как можно быстрее. Прощайте. Год 36, 16 фаменота»^[659].

В тот же день Платон пишет Нехтирису^[660]: «Платон Нехтирису, приветствия. Я выступил из Латополя, чтобы разрешить ситуацию к наибольшей пользе государства, и написал жителям, прося их присоединиться к тебе. Ты хорошо сделаешь, если удержишь город и возьмешь командование. Те, кто не желает подчиняться тебе... пока я не прибуду к тебе, что я постараюсь сделать как можно быстрее».

Следующее письмо написано два дня спустя^[661]; от него остался только фрагмент, но, кажется, это распоряжение Платона Нехтирису по поводу продовольствия для защитников Патириса, которым они должны себя обеспечить.

Четвертое письмо^[662] адресовано «Жрецам и другим в Патирисе», оно такое же отрывочное и без даты, но, если принять предположительные исправления Вилькена в «Архиве», оно очень напоминает первое.

Наконец, пятое письмо^[663] написано через семь месяцев после первого (1 ноября 88 до н. э.), в нем говорится, что город еще держится. Возвращение Сотера – по его годам Платон указывает дату – внесло некоторые изменения в обстановку.

«Платон, жрецам и другим в Патирисе, приветствия. Филоксен, мой брат, сообщает мне в письме, которое доставил Орс, что Величайший Бог Царь Сотер приехал в Мемфис и что Гиеракс назначен во главе весьма большого войска покорять Фиваиду. Я решил передать эти вести вам, чтобы они поддержали вашу храбрость. 30 год, 19 фаофи».

Вилькен сообщает, что русский ученый Крюгер обещает обнародовать интересные сведения о Платоне, полученные из еще неопубликованных петроградских папирусов.

По словам Павсания, на то, чтобы подавить восстание, ушло три года, и Фивы понесли ужасную кару, так что от них осталась только тень, город развалин^[664]. В надписи^[665], сделанной жрецами и народом Фив спустя примерно сорок с лишним лет в честь некоего Каллимаха, сказано, что праздники фиванских богов отмечались достойно «со времен, когда дед Каллимаха»... сделал что? Остаток фразы отколот. Франц высказал предположение, что утерянный глагол – «умер». Магаффи считал, что там содержится какой-то намек на услуги, которые дед оказал Фивам, когда они оказались в руках Сотера и понесли наказание в 85 году до н. э., и что впоследствии «привилегии города пострадали меньше, чем полагают наши источники»^[666] – но эта теория построена на шатком основании.

Восстановлением, расширением и строительством египетских сооружений Сотер, вероятно, занимался в первой половине своего правления (116–107 до н. э.). «Возможно, самое интересное из того, что он нам оставил, – это подземная часть (фундамент и крипта) великого храма в Дендере (Тентира), который в действительности возведен на месте древней постройки и по старому плану, однако тот облик, в каком мы его видим, целиком обязан щедрости поздних Птолемеев и римлян... Полное восстановление этого храма на месте прежнего было гораздо более масштабным предприятием, чем строительство одного пилон или ворот, а это значит, что у правительства были и средства, и свободное время на возведение подобного сооружения. В то же время Сотер (как и его отец) дополнил фараоновский храм в Медамуте, располагавшийся в нескольких милях севернее Карнака, и перестроил пилон Тахарки у небольшого храма в Мединет-Абу на противоположном берегу... В Эль-Кабе этот царь завершил работу над каменным храмом, начатую Фисконом (Пузом, то есть Эвергетом II. – *Авт.*); и, как все его предшественники вплоть до

самого Птолемея III, он продолжал работы в Эдфу. Однако ему осталось только закончить работу на прилегающей территории. В частности, Сотеру II приписывается сооружение большого переднего двора с тридцатью двумя колоннами по периметру и высокой внешней стеной (которую закончил Птолемей Александр). Этот двор подробно описан в надписях. Его размеры: 155 на 138 футов, окружающая стена 341/2 фута в высоту на 81/2 фута в толщину – поистине великолепная работа для одного из выродившихся и опустившихся Птолемеев!^[667] Он добавил надписи и украсил великий храм на острове Филэ и даже в далеком Талмисе (Калабша в Нубии)^[668], также следы его деятельности мы находим в великом оазисе Карга» (М.)^[669].

Нужно отметить, что около 100 года до н. э. Эфиопия, объединенная со времен Эргамена под единой властью, видимо, снова разделилась на два царства с двумя столицами – в Напате и Мероэ – и объединилась лишь около 22 года до н. э., а в это время династия Птолемеев в Египте уже уступила место Риму^[670].

Примерно в то же время произошло столкновение между великими державами, и позиция царя Египта состояла в том, чтобы не рисковать и играть наверняка: не примыкать ни к одной из сторон, пока исход колоссальной борьбы не станет ясен. В начале правления второго Сотера возникла новая и опасная сила в лице понтийского царя Митридата Евпатора (троюродного брата Сотера, так как мать Митридата была дочерью Антиоха Епифана). Вполне возможно, что государственные мужи в Александрии сомневались тогда, какая из держав: Рим или царство Митридата – станет доминировать на Ближнем Востоке. В 88 году до н. э. – в год возвращения Сотера – Митридат разбил римского генерала в Малой Азии, захватил римскую провинцию в Азии и перебросил войско в Грецию, где Афины выступили против Рима. В ходе военных действий Митридат занял Кос и захватил египетские сокровища, перевезенные туда около четырнадцати лет назад Клеопатрой III, а вместе с ними и молодого Птолемея Александра, сына Птолемея Александра I от его первой жены^[671]. Этот мальчик был единственным оставшимся на свете законным отпрыском династии Птолемея мужского пола, не считая Сотера II, – если только дети Трифены и Селены в Сирии не претендовали на то, чтобы представлять династию Птолемеев по материнской линии, как они представляли династию Селевка по

отцовской. Единственный наследник египетского трона попал в руки понтийского царя, и это не могло не вызывать озабоченность в Александрии. Даже когда римские армии, способные отбросить Митридата, вошли в Восточное Средиземноморье, для Египта было опасно принимать чью-то сторону, поскольку Рим в то время разделился на враждующие партии, и римская аристократия, возглавлявшая эти армии, враждовала с республиканской партией, которая в 87 году до н. э. снова взяла власть в Риме под предводительством Мария. Зимой 87/6 года до н. э., пока Сулла осаждал Афины, его посланник Луций Лукулл явился в Александрию. Сотер оказал выдающемуся римскому аристократу царский прием, но уклонился от предоставления ему какой-либо существенной помощи, разве что дал несколько кораблей, чтобы те сопровождали его на обратном пути до Кипра. Лукулл со своей стороны отклонил все подарки царя, кроме одного великолепного изумруда. На нем был выгравирован царский портрет, и Лукулл, когда царь сказал ему об этом, счел благоразумным не отказываться от дара, опасаясь, что Сотер, униженный таким пренебрежением, прикажет убить его на море, – такое мнение сформировалось у Лукулла о характере «Бараньего Гороха». Но в Афинах об этом Птолемею всегда отзывались хорошо, ведь он прислал им щедрую помощь, чтобы восстановить город после страшных разрушений, которые тот потерпел от Суллы. Статуи Птолемея Сотера II и Береники Павсаний видел двести лет спустя при входе в Одеон^[672].

Птолемей Сотер II, человек довольно слабый, способный пойти на жестокость^[673], но без неистовых амбиций, умер в 80 году до н. э. в возрасте около шестидесяти двух лет.

Глава 12

Береника III, Птолемей X Александр II, Птолемей XI (Авлет) (80–51 годы до н. э.)

Смерть отца сделала царицу Беренику, женщину не первой молодости, единоличной правительницей Египта. Ее современник Цицерон утверждает, что александрийцы очень ее любили. Вероятно, если бы дело касалось только александрийцев и египтян, они не возражали бы против того, чтобы она продолжала править в качестве царицы без какого-либо соправителя-царя, хотя даже царица Клеопатра III была вынуждена стать соправительницей одного из своих сыновей. Единственным представителем царской династии мужского пола был, как мы уже видели, молодой Птолемей Александр. Он уже освободился из плена Митридата. Прожив некоторое время при понтийском дворе, где царь, его кузен, дал юноше образование, подобающее эллинистическому царевичу, он бежал в лагерь Суллы и вместе с ним отправился в Рим. Когда Сотер II умер (80 до н. э.), Сулла был диктатором и хозяином римских владений. Сулла, безусловно считая полезным посадить на египетский трон собственного протеже, отправил Птолемея Александра в Александрию, поддержав его всем авторитетом Рима. Стороны договорились, что Птолемей X (Александр II) женится на своей престарелой овдовевшей кузине царице Беренике. Едва ли она, будучи женой мальчика, отказалась бы от власти, к которой привыкла за двадцать лет. В течение трех недель молодой человек понял, что его положение невыносимо, и принял решение, очевидное любому молодому царю, способному разобраться, что к чему, – убить Беренику. Но он просчитался. Александрийцы очень разгневались, когда их таким образом лишили царицы. Они так разозлились, что тут же выволокли молодого Птолемея из дворца, притащили в Гимнасий и там убили. Но тогда они оказались в затруднительной ситуации. Законных наследников Птолемея, сына Лага, помимо Селены и селевкидских царевичей, в которых текла

кровь Птолемеев, не осталось. Оказавшись в столь неприглядном положении, александрийцы вспомнили о двух молодых людях, сыновьях покойного царя Сотера II от наложницы. Важно было посадить кого-нибудь на трон до того, как вмешается Рим. Одного из них сделали царем Египта, другого – царем Кипра. Так и получилось, что в александрийском дворце стал править Птолемей, известный как «Незаконнорожденный» (Ноф), хотя официальными эпитетами Птолемея XI было «Отцелюбивый Брато- (или Сестро-)любивый Бог» (Филопатор Филадельф). Позднее к ним прибавилось прозвище «молодой Дионис». Впервые оно встречается в 64–63 годах до н. э. ^[674] В народе же его чаще всего звали «Флейтист» (Авлет). Кем была его мать, неизвестно. Как царская любовница, она, по всей вероятности, была красивой и образованной женщиной из греческого города. Маловероятно, что в ней текла египетская кровь. Магаффи предполагал (хотя и без каких-либо доказательств), что «киренская Ирина» ^[675], любовница Эвергета II, была «знатной дамой из старой греческой аристократии в этой самой аристократической из эллинских колоний». Мы ничего не знаем о любовнице Сотера II. Она вполне могла быть танцовщицей плебейского происхождения, хотя то, что александрийцы посадили ее сына на опустевший трон, возможно, более понятно, если, несмотря на отсутствие законного брака с царем, она была женщиной из хорошего греческого рода.

Цицерон сообщает, что Птолемей XI был «мальчиком в Сирии» ^[676], когда его внезапно вызвали, чтобы посадить на египетский трон. Что могло привести сына или сыновей Сотера II в Сирию, большая часть которой была оккупирована царем Армении Тиграном? Тигран был союзником Митридата, и, возможно, не только Птолемея Александра отослали в детстве на Кос из соображений безопасности, но и незаконных детей Сотера II, и что там их захватил Митридат в 88 году до н. э. ^[677] Если предположить, что два сына Сотера, как и Александр, воспитывались между 88 и 80 годами до н. э. при понтийском дворе, это могло бы объяснить непонятное заявление Аппиана ^[678], что две дочери Митридата – Митридатида и Нисса – были обручены с царями Египта и Сирии. Довольно трудно определить, когда это могло случиться. Буше-Леклерк предположил, что это произошло между тем временем, когда Птолемей Незаконнорожденный был посажен на египетский трон в 80 году до н. э., и его браком с Клеопатрой

Трифеной. Когда Буше-Леклерк писал историю Птолемеев, первое известное упоминание о Клеопатре Трифене содержалось в демотическом папирусе от мая 78 года до н. э.^[679], и поэтому тогда можно было допустить, что Митридат в течение двух лет изучал обстановку, сложившуюся при александрийском дворе, планируя заключение династического союза. Теперь же известно, что Птолемей XI уже был женат на Клеопатре Трифене в январе 79 года до н. э., и, скорее всего, их брак был заключен сразу же после его восшествия на трон. Таким образом, он не мог планировать женитьбу на понтийской царевне. Но если Птолемей XI и его брат выросли при понтийском дворе вместе с царскими детьми, то вполне целесообразно предположить, что Митридат после смерти Сотера II не хотел смотреть, как римский протеже Александр II усаживается на египетский трон, и ухватился за возможность отправить молодых людей в Египет и сделать их царями назло Риму. И конечно же перед тем как отпустить их, он мог попытаться привязать их к своим интересам, устроив брак между двумя Птолемеями и двумя своими дочерьми^[680]. Если молодые люди отправились из Понта в Египет через Сирию, то это объяснило бы фразу Цицерона, что Птолемей XI находился в Сирии, когда Александр II был убит.

Согласно демотическому папирусу от января 79 года до н. э., царь Египта во втором году своего правления уже был женат. Жена в тексте названа «царица Клеопатра по прозвищу Трифена», а царская чета вместе зовется «Боги Филопаторы Филадельфы»^[681]. Кем была эта Клеопатра Трифена (Клеопатра V), нам не говорят. Наиболее вероятная гипотеза состоит в том, что она являлась сестрой Птолемея^[682], представительницей новой незаконной ветви династии Птолемея, начало которой положил брак между братом и сестрой, заключенный по обычаю вымершей законной ветви. Она также могла быть дочерью Птолемея Александра I. Пусть даже незаконнорожденная, как Птолемей X, она в любом случае должна была быть рождена гречанкой.

моей просьбе снова просмотрел египетский оригинал, и ниже следует перевод (за основу взят сделанный Бругшем) в соответствии с замечаниями мистера Глэнвилла о том, как следует читать иероглифы.

«В 25 год 21 фаофи, в правление царя, господина земли, Птолемея, Бога Спасителя, завоевателя, был день, когда я родился. Я жил 13 лет при своем отце. Вышло повеление от царя, господина земли, Отцелюбивого, Сестролюбивого Бога, нового Осириса, сына Солнца, Господина Венцов, Птолемея, что мне будет пожалован высокий сан жреца в Мемфисе, а мне тогда было 14 лет. Я водрузил змеиный венец на голову царя^[684] в тот день, когда он овладел Верхним Египтом и Нижним Египтом, и совершил все обычные ритуалы в залах, предназначенных для Тридцатилетних празднеств. Я был главой всех тайных служб. Я отдавал приказы об освящении Хора (обожещенного царя. – *Авт.*) во время рождения бога [Солнца] (то есть в весеннее равноденствие. – *Авт.*) в Золотом Доме. Я отправился в место жительства царей ионийских (греческих царей. – *Авт.*), что находится на берегу Великого моря к западу от Ракотиса. Царь Верхнего и Нижнего Египта, господин двух миров, Отцелюбивый Сестролюбивый Бог, новый Осирис, венчался в своем царском дворце. Он отправился в храм Исида, госпожи Ят-уджат. Он принес ей многие и щедрые жертвы. Отправившись в своей колеснице из храма Исида, царь приказал остановить ее. Он водрузил на мою голову прекрасный венок из золота и разнообразные ювелирные украшения, кроме только царской пекторали, которая была у него на груди. Меня называли пророком, и он разослал царский рескрипт по столицам всех номов, который гласил: «Я назначил верховного жреца Мемфиса Пшерениптаха быть моим пророком». И мне доставляли из храмов Верхнего Египта и Нижнего Египта ежегодный доход на мое содержание.

Царь прибыл в Мемфис в день празднества. Он прошел вверх и вниз на своем корабле, чтобы увидеть обе стороны города. Причалив в квартале города под названием Анхтауи, он сразу же пошел в храм в сопровождении вельмож, жен и царских детей со всеми вещами, приготовленными для празднества; сев на корабль, он поплыл вверх, чтобы отпраздновать торжество в честь всех богов, живущих в Мемфисе, согласно величию доброй воли в сердце господина земли, и белая корона была на его голове.

Я был великим человеком, богатый всевозможными богатствами, вследствие чего я владел изрядным гаремом. Я прожил сорок три года, не имея ребенка мужского пола. В этом деле великий прославленный бог, Имхотеп, сына Птаха, был милостив ко мне. Мне был дарован ребенок мужского пола, которого называли Имхотепом и дали прозвище Петубаст. Та-имхотеп, дочь отца бога, пророка Хора, господина Летополя, Ха-хапи, была его матерью.

В правление величества царевны, госпожи земли, Клеопатры и сына ее Цезаря, в 11 год 15 фаменота, был день, когда я отправился на небеса. Меня принесли на некрополь и там совершили надо мной все обычные ритуалы для правильной мумификации. Положили в гробницу в 12 год 30 тота. Всего годов моей жизни было сорок девять».

Помимо совершения египетского ритуала венчания в александрийском дворце, в надписи упоминаются и другие любопытные события. Исследователи отмечали: передача верховному жрецу Мемфиса доходов от храмов Верхнего и Нижнего Египта, по всей видимости, означает, что по крайней мере в данном случае он стоит над всем египетским духовенством, о чем, насколько мне известно, других свидетельств нет. Авлет, как сказано в источнике, отправился в мемфисский храм со своими «женами». У Птолемея была только одна законная жена, и Магаффи объяснял множественное число слова тем, что под ним подразумевались только наложницы, и, значит, у Авлета, видимо, еще не было законной жены в 76 году до н. э. Теперь мы знаем, что Авлет женился на Клеопатре Трифене сразу же после восшествия на трон. Поэтому множественное число – это просто дань традиционному египетскому слогу, и оно может быть тем уместнее, что Авлета, скорее всего, сопровождали придворные дамы, которых египтяне вряд ли смогли бы отличить от официальной «жены». Странно, что в описании Авлет носит белую корону в Мемфисе. Это корона Верхнего Египта, а в столице Нижнего Египта можно было ожидать, что царь, если он хотел предстать в виде фараона, увенчает свою голову красной короной. Однако в тексте стоит иероглифическая идеограмма – изображение высокой белой короны.

Такое впечатление, что свойственная этому великому роду верховных жрецов приземленность достигла в Пшерениптахе кульминации. Хотя по закону о египетском духовенстве жрецам

полагалось иметь только одну жену, Пшерениптах похваляется своим «изрядным гаремом». Среди текстов о египетских жрецах больше подобных примеров не встречается, и это дает нам представление о том, во что превратился глава египетского священства в дни Птолемея Авлета. Пожалуй, молодой человек был подходящим собутыльником для своего царя. В надписи, найденной в гробнице его жены, которую, как кажется, сочинил сам Пшерени-птах, мертвая женщина советует ему с того света по-прежнему искать удовольствий, прежде чем им наступит конец в прахе и тьме.

«О брат, муж, дядя, жрец Птаха, не прекращай пить, есть, пьянеть, предаваться плотским удовольствиям, наполнять день радостью, следовать сердцу днем и ночью; пусть ни страдание, ни горе не входят к тебе в сердце. Каковы годы, сколько ни было бы их, которые человек живет на земле? Западная земля – земля сна и глубокой тьмы, место, чьи обитатели лежат неподвижно. Они спят в виде мумий и не просыпаются, чтобы увидеть братьев; они не видят ни их отца, ни матери; их сердце забывает жен и детей. Земля дает пресную воду тем, кто на ней, но для меня вода грязна. Вода течет для всякого человека, который на земле, а для меня она грязна, даже вода, что под рукой. Я уже не знаю, где нахожусь, с тех пор как я в этой великой тьме. Дай мне выпить проточной воды, говоря мне: «Не уноси свой сосуд для возлияний от воды». Положи меня лицом к северному ветру у края воды, и пусть прохлада облегчит боль моего сердца»^[685].

Вступление на престол Птолемея Незаконнорожденного означало осложнение отношений между Александрией и Римом. Рим отказался признать нового царя. Там извлекли на свет документ, якобы последнюю волю убитого Александра, где, подобно Атталу III в Пергаме и Птолемею Апиону в Кирене, он завещал царство римскому народу^[686]. В 75 году до н. э. в Риме объявились и другие претенденты на египетский трон. Это были два юных сына Клеопатры Селены Антиох XIII (Азиатский) и его брат, который бежал от Тиграна в Киликию. Старая царица Селена действительно была единственной законной наследницей династии Птолемеев, которая еще оставалась в живых, и ее сыновья могли надеяться, что Рим поддержит их претензии. Однако Рим на это не пошел. Лучше было иметь в Александрии незаконнорожденного царя, которого Рим не признал и мог сместить под благовидным предлогом в любой подходящий

момент, чем правителя, который мог заявить права на объединение царств Селевкидов и Птолемеев под одним скипетром. Мальчики ничего не добились в Риме, не помог даже великолепный светильник, подаренный ими Юпитеру Капитолийскому, а на обратном пути через Сицилию их ограбил Веррес. Тем не менее Флейтист оказался в весьма неудобной ситуации.

В тогдашнем Риме при помощи подкупа можно было добиться чего угодно. Значит, если Птолемей Авлет оставался бы у власти, значительная доля египетских доходов перешла бы в руки многих римских аристократов и государственных деятелей. Рим, даже если под его нажимом Египет и не стал бы официально провинцией республики, все же держал бы его в состоянии слабости и бесчестия. А Птолемей Авлет не обладал ни одним из личных качеств, которые позволили бы человеку даже в таком опасном положении сохранить нравственное достоинство. Прозвище Птолемея XI – Неос Дионис свидетельствует о том, что, подобно своему презренному предку Птолемею IV, имя которого – Филопатор – он носил, царь предавался религиозным оргиям. Умение играть на флейте не мешает серьезным интересам, вспомним хотя бы Фридриха Великого, но у Птолемея XI, кажется, напрочь отсутствовали серьезные интересы, а регулярная игра на флейте в древности справедливо считалась позорным занятием для царя. Великие римляне, принимавшие взятки от этого субъекта, презирали его, так же как современные европейцы презирают распущенного и расточительного восточного владыку, чьи деньги они с удовольствием тратят.

В Риме в умах членов республиканской партии витала идея аннексировать Египет: она отразилась, в частности, в сделанном в 65 году до н. э. предложении цензора Красса, в аграрном законе, выдвинутом трибуном Руллом в декабре 64 года до н. э., против которого Цицерон, бывший тогда консулом, выступил в 63 году до н. э. с речью, сохранившейся до наших дней. Партия аристократов сопротивлялась всем мерам, которые могли бы отдать египетские богатства в руки их противников, и делалось это вовсе не из-за заботы о свободе Египта. Именно тогда Помпей сокрушал Митридата и Тиграна, завоеывая для Рима понтийские владения в Малой Азии и прежние владения династии Селевка в Сирии, большую часть которых Тигран на несколько лет присоединил к своему царству. В 64 году до

н. э. Помпей сделал Сирию римской провинцией. Царица Селена к тому времени уже умерла. В 69 году до н. э. Тигран, в чьи руки она попала, предал ее смерти в Селевкии-на-Евфрате – так закончилась законная ветвь династии Птолемеев, если только не считать, что она продолжилась в селевкидских царевичах, сыновьях и внуках Селены и Трифены.

Птолемей Авлет отправил на помощь Помпею войско из восьми тысяч всадников, чтобы Рим подчинил себе Палестину. Александрийцы, еще помнившие время, когда Палестина была владением Птолемеев, выказали неудовольствие, опасное для их недостойного царя. Если восстание не разразилось сразу же, то, вероятно, только из страха спровоцировать Рим на аннексию Египта. Диодор Сицилийский, который посетил Египет около 60 года до н. э., замечает, что приезжих из Италии принимали с преувеличенным вниманием, так как постоянно боялись, что любой «инцидент» (как мы сказали бы сейчас) может вызвать войну с Римом^[687]. Однако, несмотря на этот страх, Диодор стал свидетелем одного происшествия. Он увидел, как толпа расправилась с римлянином, который убил кошку, – религиозный пыл туземных египтян возобладал над всеми остальными соображениями.

Диодор рассказывает, что во время его визита население Александрии, согласно официальной переписи, насчитывало более 300 тысяч свободных граждан и что ежегодный доход царя от египетских владений составлял больше 6 тысяч талантов^[688].

Трудно сказать, насколько далеко Диодор заходил в своих исследованиях. Как он признается сам, он повторяет то, что узнал у жрецов о древних фараонах и религии Египта. И несколько фактов, которые он отмечает, действительно кажутся его собственными наблюдениями: например, что во времена Диодора жрецы, присматривавшие за священными животными, тратили по 100 талантов на их погребение, что вдоль берегов расставляли силки, куда по ночам падали куропатки, что в разгар лета из-за разлива страна становилась похожей на архипелаг, где городки и деревни поднимались над водой, как острова, что египтяне пользовались сакиями (как их современники) для орошения полей – изобретением грека Архимеда^[689], как утверждает Диодор. Но большая часть его рассказа переписана из более ранних сочинений: описание ужасов,

происходивших на нубийских золотых рудниках, – из труда Агафархида, остальное в основном из работы Гекатея Абдерского. «Даже его утверждения о пирамидах довольно подозрительны. Он описывает надписи на пирамидах и другие детали, которые нельзя проверить, и, таким образом, является очередным примером весьма предосудительной манеры греческих историков, которые, как правило, передавали информацию, полученную из вторых рук, как если бы они наблюдали это собственными глазами» (М.). Сэр. Ф. Питри указывает, что египетская монархия, как ее описывает Диодор (вслед за Гекатеем), вероятно, представляет собой историческую систему в том виде, в каком она оставалась до последних династий фараонов, причем власть Птолемеев рассматривалась как временная узурпация.

В 59 году до н. э. одним из консулов был Юлий Цезарь, вождь республиканской партии. Считается, что присоединение Египта к Риму входило в его политическую программу. Однако Птолемею удалось, заплатив огромную сумму в 6 тысяч талантов^[690], купить поддержку Цезаря. Несмотря на сопротивление аристократов, Цезарь провел закон, по которому Птолемей Авлет наконец был признан царем Египта и, согласно новому договору, «союзником и другом римского народа»^[691]. Однако в договоре ничего не говорилось о Кипре, где с 80 года до н. э. правил другой Птолемей, брат Авлета. В 58 году до н. э. трибун Клодий, сторонник Цезаря, провел закон, по которому Кипр становился римской провинцией, и Марку Катону было поручено отправиться на остров и принудить царя передать свое государство Риму. Единственное обвинение против правителя Кипра, которое смог найти Рим для оправдания этого самовольного акта грабежа, состояло в том, что кипрский царь был очень богат, но недостаточно щедро распоряжался своими богатствами. В обмен на царство Катон предложил царю назначить его властью Рима верховным жрецом храма Афродиты в Пафосе. Но Птолемей Кипрский предпочел совершить самоубийство. Его сокровища – доспехи, мебель, ювелирные украшения, ткани – честный римский стоик добросовестно доставил в Рим. Потеряв Кирену и Кипр, незаконнорожденный Птолемей остался владыкой одного только Египта.

Потеря Кипра навлекла народную ярость на голову Авлета, который и пальцем не пошевелил, чтобы спасти брата. Сумма, потраченная на

подкуп, была настолько велика, что Египту грозило увеличение налогового бремени и снижение стоимости металлических денег. В 58 году до н. э. Авлет отправился в Рим с жалобой на александрийцев, которые были на грани восстания, и мольбой оказать ему поддержку римскими военными силами. Именно в этот исторический момент Катон, в котором грубость циника сочеталась с жестокостью римлянина, намеренно принял царя Египта, сидя на стульчаке и опорожняя кишечник. Римский военачальник в те дни мог безнаказанно нанести любое оскорбление левантийскому правителю вроде Авлета.

Любопытно, что Авлет оставил свою семью в Египте^[692]. Неясно, была ли еще жива его жена Клеопатра Трифена, а также являлась ли та Клеопатра Трифена, которую александрийцы, по словам Порфирия, признали соправительницей вместе с Береникой (IV), дочерью Авлета, после его отъезда, супругой Авлета или, как утверждает Порфирий, его старшей дочерью, полной тезкой своей матери. Так или иначе, Клеопатра Трифена, соправительница Береники, умерла через год и оставила юную Беренику единоличной царицей в Александрии^[693]. В надписи в Эдфу говорится, что строительство великого храма, которое вели столько царей из династии Птолемеев с 237 года до н. э., наконец-то было окончено в 25-й год Птолемея XI, когда 1 хоиаха (5 декабря 57 года до н. э.) у входного пилона были поставлены обшитые бронзой кедровые двери. На пилоне начертаны имена – «Птолемей, юный Осирис, с сестрой, царицей Клеопатрой Трифеной». Как известно, царя тогда уже не было в стране, но строители храма в Эдфу могли еще считать его законным правителем и приписывать возведение этого сооружения ему. В тексте не подразумевается, что царь лично присутствовал при освящении дверей, и поэтому из упоминания его в этой связи нельзя сделать вывод о том, что надпись не имеет отношения к действительности и что такое свидетельство, как упоминание в ней еще живой царицы Клеопатры Трифены, ничего не стоит. Ее имя действительно исчезает из папирусов после 7 августа 69 года до н. э. Однако если она умерла тогда (а большинство немецких ученых, видимо, считает это установленным фактом), трудно понять, почему жрецы храма в Эдфу еще не знали о кончине царицы через одиннадцать с половиной лет! Кроме того, придется предположить, что все дети Авлета, родившиеся после 69 года до н. э., появились на

свет либо вне брака, либо от жены, чье имя не появляется на памятниках. Если же, с другой стороны, Клеопатра Трифена дожила до 57 года до н. э., непонятно, почему ее имя исчезает из папирусов после 69 года до н. э. Помимо смерти, у этого явления могли быть и другие причины. Например, она могла поссориться с царем, так как поддерживала александрийцев и, может быть, своего второго брата на Кипре, полагая, что Авлет бездумно разбазаривает великое наследие Птолемеев, и сторонникам царя было дано понять, что ради его удовольствия имя царицы больше не должно фигурировать в официальных документах. Если так, то это объяснило бы, почему Трифена осталась в Александрии, когда Авлет бежал в Рим, и почему александрийцы признали ее своей правительницей, как только он уехал, – если предположить, что она и есть та Клеопатра Трифена, о которой говорил Порфирий.

С 58 до конца 57 года до н. э. Птолемей Авлет жил в Риме или на вилле Помпея в албанских холмах, неустанно подкупая сенаторов, раздавая обещания и устраивая убийства послов, присылаемых в Рим из Александрии. Так как Птолемей был отрезан от доходов царства, ему приходилось постоянно брать в долг, обещая расплатиться в будущем, и таким образом он задолжал огромную сумму римскому финансисту Рабирию Постуму. В 57 году до н. э. было решено, что Рим должен восстановить царя Египта на престоле, но в вопрос, кого следует сделать командиром, вмешалась сложная политическая борьба, которую вели между собой партии, существовавшие в то время в Римской республике. В конце 57 года до н. э. Птолемей счел благоразумным оставить Италию и спустя некоторое время поселился в Эфесе при храме Артемиды. Он возложил надежды на проконсула Сирии Авла Габиния, которому обещал 10 тысяч талантов, если Габиний восстановит его при помощи сил, которые имелись в его распоряжении. Габиний был сторонником Помпея, а Помпей и сам одно время желал вернуть престол царю Египта.

Тем временем александрийцы пытались помешать возвращению Авлета, подыскав молодой царице супруга. Сначала они подумали о двух царевичах из династии Селевкидов – сыне Селены и Филиппе, внуке Антиоха Грипа и Трифены. Но первый из них, который, вероятно, был младшим из двух юношей, в 75 году до н. э. отправившихся в Рим претендовать на египетское наследство, умер во

время переговоров, а второму Габиний запретил отвечать на призыв александрийцев. Тогда они нашли третьего человека, который звался Селевком и утверждал, что каким-то образом связан с царской династией, возможно, был незаконным отпрыском кого-то из селевкидских царей. Явившись в Александрию, он оказался человеком такой вульгарной внешности и поведения, что александрийцы прозвали его «Кибиосакт», «торговец соленой рыбой», и Береника, проведя несколько дней с таким мужем, не нашла ничего лучшего, кроме как велеть его задушить. В конце концов подходящий претендент нашелся в лице грека Архелая. Его отец, тоже Архелай, был одним из главных военачальников Митридата и перешел к римлянам еще до последней Митридатовой войны. Младший Архелай утверждал, что на самом деле он сын самого Митридата (и таким образом имеет отдаленное кровное родство с Птолемеями). Помпей дал ему достойный пост верховного жреца храма Великой Матери в понтийском Комане. Зимой 56/5 года до н. э. Архелай прибыл в Египет, женился на Беренике и, став царем, занял трон Птолемеев.

Весной 55 года до н. э. Габиний вторгся в Египет, захватив с собой Птолемея Авлета. Его конницей командовал молодой Марк Антоний. Архелай пытался выступить против него, но александрийские войска подняли мятеж, и он пал на поле боя. Римская армия восстановила Птолемея Авлета в Александрии, причем царские войска, которым было приказано сопротивляться римлянам, в конце концов стали действовать вместе с ними^[694].

Одним из первых дел Птолемея после возвращения стало убийство его дочери Береники, узурпировавшей его трон. У него оставалось еще четверо детей: старшая девочка четырнадцати лет Клеопатра, вторая дочь Арсиноя младше ее на один–четыре года и два сына, которых мы знаем только по династическому имени Птолемеи, тогда им было шесть лет и четыре года соответственно. Потом люди говорили, что юная Клеопатра уже тогда, при первой встрече, произвела впечатление на молодого командира римской конницы Марка Антония.

Военная интервенция проконсула Сирии, который вышел за пределы своих полномочий, стала, в свою очередь, ключевым вопросом политической борьбы в самом Риме. В конце концов Габинию присудили уплатить штраф в 10 тысяч талантов, и он, став банкротом, отправился в изгнание (54 до н. э.). Он оставил в Египте

многочисленное римское войско, чтобы обеспечить Авлету положение на троне. Теперь все римляне, у которых Авлет занимал деньги, пока жил за границей, стали докучать несчастному царю требованиями расплатиться. Главным кредитором был Рабирий Постум, и, чтобы рассчитаться с ним, Авлет был вынужден сделать его диойкетом, то есть главой всей финансовой администрации царства. Ввиду безграничных возможностей для наживы за счет бедных обитателей страны на Ниле, которые давал Рабирию этот пост, он охотно согласился, хотя для этого ему пришлось обменять римскую тогу на гиматий греческого чиновника, потерпев позор в глазах соотечественников. Даже в случае прямой аннексии Египет оказался бы не в худшем положении, чем сейчас, с римской оккупационной армией и диойкетом-римлянином, который прибрал к рукам богатства страны. Еще до конца года народное восстание изгнало Рабирия из Александрии, но лишь после того, как он изрядно обогатился и поместил нажитое в надежное место за морем. Враждебно настроенная по отношению к нему партия в Риме отдала его под суд. Цицерон защищал Рабирия, и его речь сохранилась до наших дней. Однако мы не знаем, каким был вынесенный ему приговор.

Авлет недолго прожил после возвращения на престол. Он умер весной или в начале лета 51 года до н. э. в возрасте всего сорока четырех или сорока пяти лет, оставив о себе позорную память и у греков, и у римлян. В их описаниях мы видим дегенерата, который притворяется юным Дионисом, прикрывает свои дебоши пышными зрелищами, заимствованными из греческой поэзии и греческого искусства, переезжает с места на место в заморских странах, паразитирует на римлянах, безжалостных хозяевах мира. Но если бы мы судили о нем по египетским памятникам, то увидели бы человека, подобного царям древности. На стенах храма на острове Филэ можно найти и бесстыдную надпись одного из его приверженцев-греков, который вырезал «Трифон, любовник юного Диониса»^[695], и рядом с ней колоссальную фигуру самого царя в виде фараона, который в лучах египетского солнца повергает на землю врагов, – древний мотив, уходящий к самым первым памятникам фараонам в долине Нила.

«Крипты великого храма в Дендере, не законченные Лафиром (Сотер II. – *Авт.*) и Александром, были достроены Авлетом; в Коптосе он установил алтарь Хему, Исиде и Хеху; не один раз написал он свое

имя в храмах Карнака (Фив); установил обшитые бронзой ворота у великого пилона в Эдфу; расширил храм Филометора в Ком-Омбо и поставил свое имя на старых сооружениях на островах Филэ и Биггэ; по существу, его деятельность в этих храмах по большей части ограничилась поверхностными работами, отделкой старых построек. Такое впечатление, что он хотел прослыть храмостроителем, не беря на себя никаких существенных расходов» (М.).

В храме Дебода в Додекасхене есть наос, построенный для Авлета.

Глава 13

Клеопатра VI, Птолемей XII, Птолемей XIII, Птолемей XIV

(51–30 годы до н. э.)

После смерти Птолемея в 51 году до н. э. Клеопатра VI, старшая из его оставшихся в живых дочерей, стала египетской царицей. На Клеопатре VI династии, основанной в Египте дальновидным македонским полководцем почти за триста лет до того, было суждено закончиться. Когда Клеопатра взошла на трон, казалось, что династия Птолемея находится на грани вымирания. Зависимые страны: Келесирия, Кирена, Кипр – утеряны; достоинство царского дома никогда еще не падало так низко: царь – лакей у римлян, Египет – почти римская провинция. Казалось, что через несколько лет династия Птолемеев иссякнет, подобно селевкидской. Но судьба решила так, что фортуна потомков Птолемея, прежде чем изменить им, напоследок сверкнула ярко и удивительно. Люди запомнят правление последней царицы лучше, чем какое-либо другое. Когда казалось, что все потеряно, наследники династии Птолемеев внезапно приобрели владения, простершиеся не только на утраченные земли предков, но и на обширные территории, которые и не снились Птолемею I, Птолемею II или Птолемею III. Эти цари, будучи мужчинами, в своей власти полагались на силу оружия; но теперь, когда военные силы Египта выглядели жалкими рядом с войсками Рима, египетская царица привнесла в борьбу силу совсем иного рода – чары пленительной женщины. Рим обладал огромным могуществом, и ни один царь Египта не мог даже надеяться, что ему удастся спасти гибнущее царство собственными силами, но царица Египта, обладая могуществом иного порядка, могла поистине превратить силу Рима в орудие своих стремлений. Ни в один другой момент истории влечение, которое женщина внушает мужчине, не становилось столь очевидно решающей силой на политическом и военном поле и не использовалось женщиной на фоне столкновений великих армий

настолько сознательно для того, чтобы осуществить ее собственные имперские амбиции. И Клеопатра очень близко подошла к окончательному успеху.

Последняя из целой вереницы Клеопатр, Береник и Арсиной, сыгравших роль в истории, она имела семейное сходство с другими царицами и царевнами македонской крови – для нее была характерна та же не по годам развитая мужская целеустремленность, жажда власти, безжалостность в убийстве. Но нужно помнить, что Клеопатра VI, возможно, обладала и такими качествами, которых те, другие, не имели. Вероятно, она была лишь наполовину македонкой; другую половину она, похоже, унаследовала от бабки, любовницы Птолемея Сотера II, которая, как говорилось выше, скорее всего, была красивой и образованной дамой полусвета и гречанкой^[696]. Если македонская кровь Клеопатры придала ей мужскую энергию и холодную жестокость, то кровь ее греческой бабки могла придать ей не только внешнее очарование, которое разжигало кровь в мужчинах, но и острый ум, покорявший их интеллект. Она обладала разнообразными способностями, которых можно ожидать от куртизанки, выбранной в фаворитки царя, и поражала современников, как нам рассказывают, способностью овладевать чужими языками (что греки делали очень редко) – не только египетским, языком ее туземных подданных, но и арамейским, древнееврейским, арабским, персидским, эфиопским, сомалийским. По словам Плутарха, она не отличалась исключительной красотой, но была чрезвычайно интересна, жива и привлекательна и умела оживить свою речь сладострастием, если нужно было очаровать грубого, властного римлянина.

Клеопатра стала царицей Египта в возрасте семнадцати или восемнадцати лет. По обычаю династии и согласно завещанию Птолемея Авлета, ее соправителем и царем (Птолемей XII) стал старший из трех братьев, тогда еще мальчик девяти–десяти лет. Вероятно, вместе они назывались «Отцелюбивыми Богами» (Филопаторами), хотя ни во время правления Клеопатры совместно с Птолемеем XII, ни позднее, когда она царствовала вместе с младшим братом Птолемеем XIII, на египетских монетах не появились ни другой профиль, ни имя, кроме изображения и имени царицы Κλεοπάτρας Βασιλίσσης, а на египетских надгробных надписях, сделанных во время царствования Клеопатры совместно с ее младшим

братом (годы правления Клеопатры 5, 6 и 7-й), год правления царя-мальчика не упоминается^[697]. Вся полнота власти во дворце принадлежала евнуху Пофину^[698], трофею (кормильцу) юного царя греку Феодоту Хиосскому, который обучал его риторике, и главнокомандующему Ахиллу по прозвищу Египтянин^[699], то есть, вероятно, человеку египетского или смешанного, греко-египетского происхождения. Оставленная Габинием оккупационная армия, состоявшая в основном из галлов и германцев, еще стояла лагерем у Александрии. Эти иностранные войска были не прочь навсегда поселиться на земле Египта, жениться на местных жительницах, туземных египтянках или потомках первых поселенцев – македонцев, греков, фракийцев, азиатов, – создав новую категорию катеков. Когда проконсул Сирии Марк Бибул послал двух своих сыновей в Египет, чтобы призвать армию Габиния вернуться в Сирию, воины тут же их убили. Средиземноморский мир в целом был на грани нового потрясения – гражданской войны между Помпеем и Юлием Цезарем. В 49 году до н. э. сын Помпея Гней Помпей-младший объявился в Александрии, чтобы просить у Египта корабли, войска и деньги. Восточные владыки и народы в грядущей войне в основном держались великого Помпея, и дети Птолемея Авлета, которого вернул на престол человек Помпея Габиний, имели перед Помпеем особые обязательства. Молодой Помпей сумел получить у Египта эскадру примерно в пятьдесят кораблей, запас продовольствия и пятьсот человек «габинийцев». До сих пор молодая царица Египта еще не испытывала силу своих глаз на римлянине столь высокого положения, как сын Помпея. Впоследствии говорили, что отношения между ними были не просто дипломатическими и что женщина, которая могла внести имена Цезаря и Антония в список своих любовников, вполне могла бы вписать туда и великое имя одного из рода Помпеев. Сейчас у нас нет никакой возможности отделить факты от сплетен.

В самом Египте после смерти Авлета, скорее всего, снова вспыхнули туземные мятежи. Среди войн, в которых участвовали царские войска, противостоявшие легионам Цезаря в 49 году до н. э., Цезарь упоминает «войны с египтянами»^[700]. Конечно, войны могли случаться и раньше, еще при жизни Авлета, но Цезарь пишет о них после убийства сыновей Бибула, и он наверняка перечисляет события в хронологическом порядке. В источниках ничего не говорится о

волнениях в Верхнем Египте во время правления Авлета, и если там царило спокойствие, то, вероятно, лишь благодаря тому, что власть в регионе находилась в руках правителя, в котором, исходя из наших отрывочных сведений, мы можем предположить человека чрезвычайно уважаемого и влиятельного – эпистратега Каллимаха. Первое имеющееся у нас упоминание о нем на этом посту относится к июлю 78 года до н. э.^[701] (1 эпифи 3 года), а последнее – к февралю 51 года до н. э.^[702], следовательно, он должен был править Фиваидой практически все то время, пока Авлет сидел на троне. Помимо других титулов и званий, он зовется «начальником Красного и Индийского моря» – то есть он руководил аравийской и индийской торговлей и приморскими стоянками на дальнем юге. Если его можно отождествить (как представляется вероятным) с отцом эписмата Каллимаха, то в начале правления Клеопатры он был повышен до эпистолога в Александрии.

Клеопатра набиралась опыта и честолюбия и наконец перестала подчиняться дворцовой клике – Пофину, Феодоту и Ахиллу. Они обвинили ее в том, что она хочет изгнать брата, и народ поднялся против нее. Но после того, как эта девушка двадцати одного года сбежала из города, она принялась собирать армию, подобно своей предшественнице Клеопатре IV в 113 году до н. э. Скорее всего, она набрала воинов среди арабских племен за восточной границей, и некоторое время спустя выступила на Египет. Клика собрала войско и вместе с мальчиком-царем преградила ей путь у Пелусия.

Пока в Египте назревала династическая война, исход великой гражданской войны в Риме между Помпеем и Цезарем решился в битве при Фарсале. Помпей бежал в Египет, надеясь, что старые узы, которые связывали его с царской семьей, обеспечат ему там убежище. Он направился не в Александрию, а в лагерь юного царя на побережье у Пелусия. Тогда произошла ужасная измена: когда Помпея перевозили в лодке с корабля на берег, его убил офицер – «габиниец» Септимий по приказу дворцовой клики – Ахилл лично присутствовал при убийстве, чтобы наблюдать за ним, – прямо на глазах мальчика Птолемея, который с берега смотрел на злодеяние, облаченный в свою пурпурную хламиду (сентябрь 48 года до н. э.).

Убийством Помпея дворцовая клика, разумеется, надеялась продемонстрировать тогдашнему победителю, что они отреклись от

всех связей с его врагами, и таким образом не дать ему повода вторгнуться в Египет как оплот сенаторской партии. Однако через несколько дней после убийства у Пелусия Цезарь, следовавший по пятам за беглецом, прибыл с эскадрой к Александрии. Феодот Хиосский принес голову Помпея Цезарю на корабль, но это не заставило того уплыть прочь. Цезарь решил войти в Александрию с теми небольшими силами, которые были на его кораблях, – 3200 воинами и 800 всадниками. Он высадился, прошел по улицам со знаками отличия римского консула, с ликторами, шагавшими впереди, и водворился во дворце Птолемеев. Как ни странно, Магаффи находил что-то необычное в том, «что население Александрии, привыкшее к царской пышности, обиделось на это проявление силы». Как будто не имело никакого значения, что силу на этот раз проявил римский захватчик! Вскоре некоторые инциденты: уличные драки, убийства отдельных солдат из войска Цезаря – показали, что у александрийцев скверный характер.

Царя и царицы не было в городе, так как они находились в своих лагерях, разбитых у границы, готовясь выступить друг против друга. Цезарь, как представитель Рима, потребовал от них распустить армии и подчиниться его суду. Авлет в своем завещании просил римский народ позаботиться, чтобы его воля была исполнена. В ответ на требование Цезаря Пофин вернулся в Александрию с молодым Птолемеем, но не распустил царскую армию. Он оставил ее под Пелусием во главе с Ахиллом. Клеопатре предстояло выполнить трудную задачу – добраться до Цезаря от границы, так чтобы в пути ее не убили дворцовые головорезы. Именно по этой причине приверженец Клеопатры сицилиец Аполлодор переправил ее в Александрию на лодке и тайком пронес во дворец, завернутую в ковер. Внезапно возникнуть из ковра на глазах у Цезаря было для очаровательной египетской царицы также замечательным способом с самого начала задать их отношениям веселый, непринужденный тон.

Теперь у Цезаря в руках были и царь, и царица, а вскоре его отношения с царицей превратятся в любовные. Он публично примирил Птолемея с сестрой; они снова стали соправителями, согласно воле отца. Однако александрийцы, подзуживаемые Пофином, все так же неприязненно относились к чужаку, и некоторое время спустя царская армия двинулась на город, так как Ахилл действовал заодно с

Пофином. Это войско насчитывало около 20 тысяч воинов, опытных в бою и по большей части знакомых с римской дисциплиной, а командовали ими римские офицеры. Кроме войск Габиния (в основном галлов и германцев, как говорилось выше), в армию входило большое количество беженцев и беглых рабов из Италии и с Запада, а также множество разбойников и пиратов из Малой Азии и Сирии – остатки крупного пиратского флота, разбитого Помпеем. Из двух придворных, отправленных на переговоры, один был убит по приказу Ахилла, другой едва остался жив. Для Цезаря это означало новую войну – Александрийскую, как ее потом называли, – в которой ему пришлось биться в уличном лабиринте левантйского города во главе войска, сильно уступавшего противнику в числе. Другие его легионы в то время шли в Египет через Сирию, но тем временем он оказался в затруднительном положении. Забаррикадовавшись с небольшой армией в городском квартале, примыкавшем к Большой гавани, он мог сдерживать продвижение вражеских солдат, но не мог вернуться с воинами на корабли, так чтобы не отдаться полностью на милость противника. Он сжег александрийский флот, оставленный в гавани без защиты, и тем открыл для себя путь сообщения по морю. Как раз тогда и загорелось несколько складов с зерном и папирусными свитками (вероятно, это были «книги», подготовленные для вывоза из Александрии), расположенных у гавани, и погибло множество бесценных сочинений – 40 тысяч, по словам Ливия. Похоже, этот пожар и дал начало легенде, распространившейся через несколько поколений, что великая Александрийская библиотека была сожжена^[703]. Цезарь также бросил отряд на остров Фарос, чтобы не дать противнику преградить проход между гаванью и морем.

Царский дворец вместе с царем, царицей и двумя младшими детьми Птолемея Авлета оставался в руках Цезаря. Царица, разумеется, была всецело на стороне своего великого возлюбленного, но ее младшая сестра Арсиноя, тогда девочка примерно пятнадцати лет, имела собственное честолюбие и волю, которую мы привыкли видеть в македонских царевнах. Она бежала из дворца с евнухом по имени Ганимед, который воспитывал ее, и заняла место представителя царской династии при армии Ахилла (конец осени? 48 года до н. э.). Вскоре за этой переменой обстановки последовала другая: устранение двух человек, которые за несколько месяцев до того обладали

верховой властью в Египте и подстроили убийство Помпея. В армии нападающих между Ахиллом и Ганимедом возникла зависть, и по приказу Арсиной Ахилла казнили. Примерно в то же время во дворце Цезарь казнил Пофина, обвиненного в сношениях с врагом, — очевидно, от имени Клеопатры.

Армия нападающих, теперь уже под командованием Ганимеда, сильно теснила немногочисленных воинов Цезаря. В какой-то момент казалось, римлян удалось оставить без пресной воды, которая доставлялась по водопроводу из озера Мареотиды, но Цезарь приказал выкопать колодцы. Пытаясь овладеть дамбой, соединяющей Фарос с материком, Цезарь потерял четыреста легионеров и едва спасся сам, доплыв до корабля. Тогда александрийцы вступили в переговоры и пообещали, что, если Цезарь пришлет к ним юного царя, они откажутся от Арсиной и подчинятся приказам Птолемея. Цезарь посчитал разумным отпустить тринадцатилетнего мальчика, хотя у него и не было уверенности в обещаниях Птолемея. Как только мальчик присоединился к александрийской армии, он возглавил ее в борьбе против римских захватчиков.

Наконец подкрепление, которого ждал Цезарь, достигло Египта. Им командовал человек смешанного греко-галльского происхождения, Митридат Пергамский, преданный сторонник Цезаря. Вместе с ними шел контингент еврейских воинов в количестве 3 тысяч человек под началом идумея Антипатра. Митридат вышел из Палестины, пересек пустыню, штурмовал Пелусий, двинулся по восточному рукаву Нила в Мемфис, а оттуда вниз по западному рукаву на Александрию. Александрийская армия пыталась перехватить его, прежде чем он соединится с легионами Цезаря, но последний, двигаясь форсированным маршем вокруг озера Мареотида, приближался слишком быстро и объединенными силами атаковал александрийские позиции на реке. На второй день они были взяты, и большая часть александрийской армии — галлы, германцы, азиаты, римляне, италийцы, некоторые египетские греки и коренные египтяне — нашла свою смерть. Когда резня окончилась, мальчика-царя нигде не смогли отыскать. Говорили, что лодка, на которой он пытался спастись по реке, была переполнена беглецами и утонула.

Цезарь вернулся в Александрию хозяином положения (январь 47 года до н. э.). Хотя Клеопатру ненавидели подданные — во всяком

случае, египетские греки и македонцы, – потому что она отдалась римлянину, им пришлось быть свидетелями того, как непобедимый Цезарь возводит ее на трон. Ее официальный супруг, мальчик Птолемей XII, исчез, и Цезарь заменил его младшим братом Клеопатры Птолемеем XIII, которому тогда было около двенадцати лет. В текстах они назывались Богами Филопаторами. Предположительно, этот эпитет носил старший брат, соправитель Клеопатры, а затем его принял и младший^[704]. Арсиною отправили в Рим, чтобы некоторое время спустя царица из великой македонской династии в цепях прошла за триумфальной колесницей Цезаря. Самому Цезарю не хотелось уезжать из Египта с его теплой зимой и покидать Клеопатру, хотя сенаторские армии еще находились в походе в заморских землях и положение в мире требовало его немедленного отъезда. Вместе с Клеопатрой он совершил путешествие по Нилу до самой эфиопской границы на великолепном увеселительном корабле. Так эти двое, одна из которых представляла неотразимую силу Македонии, а другой могущество Рима, вместе как влюбленная пара посетили грандиозные монументы древних фиванских царей – храмы, где толпа одетых в белое туземных жрецов все еще совершала древние обряды. Лишь в апреле Цезарь отплыл из Александрии в Сирию. Он оставил в Египте три легиона под началом Руфина, чтобы укрепить Клеопатру на троне. Возможно, именно тогда Цезарь передал Кипр под власть Птолемеев. Во всяком случае, когда Цезарь погиб в 44 году, Кипр снова был владением Лагидов.

23 пайни (23 июня 47 года до н. э.) Клеопатра родила сына – по ее словам, от Цезаря. В глазах греков и македонцев, гордившихся династией Птолемея, признать его сыном Цезаря значило поставить на нем позорное клеймо незаконнорожденного и показать бесчестье царицы. Но Клеопатра без зазрения совести дала ребенку имя Цезаря. Александрийцы прозвали его Цезарионом (уменьшительное от Цезаря). Местное духовенство в Гермонтисе отметило рождение ребенка изображениями и иероглифическими надписями, которые еще можно видеть на стенах храма, где было провозглашено, что его истинный отец – бог Ра, принявший облик Цезаря^[705]. Для греческих подданных Клеопатру изобразили на монетах в виде Афродиты с младенцем Эротом. Когда мальчик стал подрастать, некоторые греки различали в его движениях характерные черты Юлия Цезаря.

Когда в 46 году до н. э. Цезарь вернулся в Рим победоносным диктатором римского мира, Клеопатра поселилась в его садах на противоположном берегу Тибра. Она привезла с собой из Египта брата Птолемея XIII и большую свиту. С высшим римским обществом, которое часто бывало в ее салоне, она общалась с царскими замашками, которые многих возмущали. Ее называли «царица» (*regina*), не добавляя имени. «Ненавижу царицу», – пишет Цицерон в одном из писем^[706], хотя она пообещала ему доставить из Александрии какие-то папирусы или другие редкости, которые могли быть интересны литератору. Цезарь признал сына. Он посвятил Клеопатре золотую статую в своем новом храме Венеры-Прародительницы, от которой, по преданию, и происходил род Юлиев.

В глазах римлян царица была просто любовницей, а не супругой диктатора, который все это время был женат на римлянке Кальпурнии, хотя у них и не было законных детей. Но Клеопатре в тот момент будущее наверняка представлялось в розовом цвете. Казалось, события быстро идут к грандиозному завершению, когда Юлий Цезарь, презиравший республиканские традиции, смело преобразит римский мир в монархию эллинистического типа и будет сам править ею как царь, возвысившись над ограниченным римским изоляционизмом, станет правителем, в котором все народы мира – итальянский, греческий, македонский, галльский, испанский, египетский, азиатский – признают общего повелителя. И что же могло послужить более очевидным знаком этого отказа от узкой римской традиции, знаком всеобщности новой монархии, чем брак с представительницей македонской империи из династии Птолемея? Клеопатре трехсотлетняя связь ее династии с Египтом тоже казалась только временной, этапом на пути к мировому трону. Она видела себя повелительницей империи, где Египет будет всего лишь одной провинцией. И маленький Цезарь, мальчик, в котором смешались македонская кровь Птолемея и римская Цезаря, будет наследником трона этой державы.

Но римские аристократы, которые тоже чувствовали, что близится развязка, смотрели на эту перспективу с тревогой и отвращением. Мысль о том, что они, римляне, будут подчиняться царице, которую они презрительно, хоть и не совсем верно, звали египтянкой, уязвляла их и приводила в ярость. А ведь это была только часть того, что, по их

подозрениям, планировал Цезарь. В Мартовские иды в 44 году до н. э. кинжалы Брута и его товарищей внезапно положили конец мечтам Клеопатры. Убийство Цезаря сделало ее положение в Риме чрезвычайно опасным. «Царица» сбежала примерно две недели спустя. Ей пришлось вернуться, пока это было возможно, в старое тесное царство на Ниле в надежде, что Египет даст ей безопасность среди надвигающихся потрясений римского мира, подобно тому как ее предок первый Птолемей безопасно переждал бедствия, последовавшие за смертью Александра.

Видимо, Клеопатра привезла с собой в Египет своего брата Птолемея XIII, так как один из оксиринхских папирусов от 26 июля 44 года по-прежнему датирован годами правления Клеопатры и Птолемея^[707]. Но вскоре после возвращения он умер^[708]. Порфирий сообщает, что Клеопатра подстроила его смерть, а Иосиф Флавий – что она его отравила, и это вполне вероятно, поскольку он был соперником маленького Цезаря. Согласно Диону Кассию^[709], Клеопатра вскоре после возвращения в Египет сделала сына соправителем, и в дендерском храме есть колоссальная статуя Клеопатры, изображенной в виде египетской богини Хатор, вместе с Цезарионом в одеянии древнего фараона. Один фаюмский грек примерно в то же время посвятил от имени царицы Клеопатры и царя Птолемея Цезаря «и их предков» (из династии Птолемеев и рода Юлиев? – *Авт.*) стелу египетскому богу-крокодилу, по его словам, «прадеду» юного царя^[710]. Надпись на хранящейся в Турине стеле гласит: «В царствование Клеопатры, богини Филопатор, и Птолемея, который также Цезарь, Филопатор, Филометор...» К сожалению, надпись повреждена, и дату можно восстановить только предположительно^[711].

Упомянутая стела проливает свет на внутреннюю обстановку Верхнего Египта в то время. Ее установили жрецы Амона-Ра-Сонтера в Фивах и другие высшие сановники города в честь Каллимаха, главного эпистата фиванского подразделения Патириесского нома. Согласно тексту, вырезанному на стеле, он отечески заботился о Фивах, «разрушенных из-за всевозможных прискорбных обстоятельств», – вероятно, намек на то, что сделал с Фивами Сотер II в 88 году до н. э., – и старался восстановить город. И затем опять, когда недавно Фивы постиг сначала голод, а год спустя чума, он приложил все силы, чтобы облегчить ужасные бедствия. Прежде всего

он позаботился о том, чтобы религиозные обряды совершались в египетских храмах должным образом. Из надписи можно сделать много разных выводов. Во-первых, чиновники Верхнего Египта действовали независимо от двора, чего не было раньше, – вследствие небрежения царской семьи и, возможно, длительного пребывания Клеопатры в Риме. Фиванцы на все лады восхваляли эпистратега мериды и ни словом не упоминают царицу, кроме как при датировке. К тому же можно понять, что Сотер II не до конца уничтожил древнюю египетскую столицу: Фивы, даже усмиренные и разрушенные, продолжали существовать.

Еще одна надпись, относящаяся к 11-му году Клеопатры, была найдена в Гераклеополе. Это декрет Клеопатры и Птолемея Цезаря, изданный в день, соответствующий 13 апреля 41 года до н. э. ^[712] Цель декрета состояла в том, чтобы обеспечить соблюдение привилегий, дарованных александрийцам, которые жили в Египте за пределами Александрии и занимались сельскохозяйственными работами. Туземные чиновники докучали александрийцам, требуя с них сборы и налоги, положенные к уплате обычными жителями страны, хотя александрийцы были от них освобождены. Делегация этих александрийцев лично явилась к царице 15 марта (в Мартовские иды! – эту годовщину Клеопатра не забудет), чтобы ходатайствовать о своем деле, и результатом было оглашение декрета месяц спустя. Он был адресован индивидуально стратегам нескольких номов, также его копию, записанную на греческом и египетском языках, было приказано повесить в столицах номов. Случайно до наших дней дошла плита с указом из Гераклеополя.

«Царица Клеопатра, богиня Филопатор, и царь Птолемей, также Цезарь, Бог Филопатор, Филометор, стратегу Гераклеопольского нома, приветствие. Пусть прилагаемый декрет с настоящим царским письмом будет написан греческими и туземными письменами и помещен на всеобщее обозрение в столице и главных городах нома, и пусть будет сделано остальное, согласно нашим приказам. Прощай. 11-й год. 13 десиоса, иначе 13 фармути.

Феону (диойкету? – *Авт.*). Так как жители Города, которые возделывают землю в Просопитском и Бубастисском номах, обратились к нам с ходатайством об аудиенции 15 фаменота против чиновников в десяти номах ^[713] и изложили, как они, против нашей

воли и приказов, неоднократно посланных согласно нашему решению к тем, кто стоит над управлением [диоикетам], чтобы никто не требовал от них ничего сверх главных царских сборов (τὰ γνήσια βασιλικά), пытаются действовать несправедливо и относят их к числу тех, с кого взимаются деревенские и местные сборы, которые их не касаются, то мы, будучи чрезвычайно возмущены и полагая верным издать всеобщий указ по поводу этого дела в целом^[714], постановили, что все жители Города, которые возделывают землю в стране, не должны подвергаться, как другие, взысканию стефанов и эпитаффов, таких, какие взимаются время от времени и в особых случаях в номах, а также не должно конфисковывать их товары для таких взысканий и требовать с них новых налогов, кроме единовременного главного сбора натурой или деньгами за зерновую землю и виноградники, которые в прошлом регулярно направлялись в царскую казну, и не должно принуждать их к последующей уплате под каким-либо предлогом. Да будет сделано по сказанному и выставлено на всеобщее обозрение, согласно закону».

Это последний известный нам указ, изданный монархом из династии Птолемеев.

Из Египта Клеопатра наблюдала за широкомасштабной борьбой, которая разыгралась в римском мире после смерти Цезаря. До тех пор пока Антоний и Октавиан, ратовавшие за дело покойного диктатора, не смогли успешно вмешаться в дела Восточного Средиземноморья, сенаторские войска в этом регионе под командованием Брута и Кассия имели превосходство на поле боя. Дело Цезаря на Востоке представлял вспыльчивый и неумелый Долабелла, и римские легионы, которые с весны 47 года до н. э. постоянно стояли гарнизоном в Египте, под началом Аллиена выступили, чтобы соединиться с ним в Азии, но в Сирии примкнули к другой стороне и вместо Долабеллы присоединились к Кассию. В июле 43 года до н. э. Долабелла совершил самоубийство в сирийской Лаодикее, чтобы не попасть в руки врага. Клеопатра не оказала помощь Долабелле, хотя душой она наверняка была на стороне защитников дела Цезаря, если позволяла своим чувствам не зависеть от политических соображений. Она упорно игнорировала просьбы Кассия отправить ему на подмогу египетский флот, который считался весьма внушительным. Когда Антоний и Октавиан наконец одержали победу на поле при Филиппах

(осенью 42 года до н. э.), царица Египта не сделала ничего, чтобы помочь победившей или проигравшей стороне. До тех пор пока исход противостояния не решился, ее политика бездействия казалась безопасной и благоразумной, но теперь ей угрожал гнев победителей, которые, возможно не без оснований, ожидали от нее большей заинтересованности в деле ее великого возлюбленного. Но у Клеопатры был свой способ вмешательства в мировые конфликты – заметить того, кто находился на пути к успеху, привязать его к себе и подчинить его собственным целям.

Победа при Филиппах сделала Марка Антония правителем восточной части римского мира. Через несколько месяцев после битвы в Эфесе его уже прославляли как воплощенного бога Диониса. Клеопатра не предпринимала никаких шагов, чтобы связаться с Антонием или оправдаться перед ним, пока он сам, спровоцированный ее молчанием, не послал к ней своего распутного друга Квинта Деллия^[715] с предложением встретиться с Антонием в Киликии.

Тогда Клеопатра отправилась в путь, чтобы завоевать Марка Антония силой своего оружия. Великолепный корабль плыл по реке Кидн, неся новую Афродиту в окружении маленьких купидонов, nereid и граций навстречу новому Дионису. Свита, как следует ожидать и как показывает Магаффи, была полностью греческой, а не египетской. В Тарсе Клеопатра одержала решительную победу, такую же, как Антоний с Октавианом одержали при Филиппах. Она снова стала любовницей самого влиятельного человека в мире – или, по крайней мере, одного из самых влиятельных. Антоний был готов использовать все свое могущество, чтобы способствовать реализации ее целей. Однако было бы ошибкой видеть в связи Антония и Клеопатры ту романтичность и рыцарство, которые у современных людей ассоциируются с любовью. В «этом жестком языческом мире», как следует из откровенной грубости, с какой сам Антоний рассказывает о своих отношениях с Клеопатрой в одном из писем к Октавиану^[716], все эти вещи не окружал такой преобразующий их ореол. Такое впечатление, что Антоний даже испытывал вульгарную гордость из-за того, что ему доставляла удовольствие настоящая царица; ведь его первая жена-римлянка была дочерью вольноотпущенника, тогдашняя жена-римлянка, ужасная Фульвия, имела плебейское происхождение, а в сонме его случайных любовниц

были одни актрисы и заурядные проститутки. Но он делал почти все, чего желала Клеопатра; и с ее точки зрения это было самое важное.

Он действительно потребовал от нее объяснений, почему она не оказала им никакой помощи до битвы при Филиппах. У Клеопатры была наготове чисто женская отговорка, безусловно подействовавшая гораздо эффективнее любого серьезного политического аргумента. На самом деле она пыталась прийти на помощь. Она лично отправилась в путь с египетским флотом, но разыгралось такое страшное ненастье, и она так ужасно разболелась^[717]. И после этого Антоний стал выполнять ее просьбы. Прежде всего, ей понадобилось убить нескольких человек, уничтожить или доставить ей сестру, Арсиною, которая, с тех пор как ее пленницей провели по римским улицам, нашла убежище в эфесском храме Артемиды, где ее и убили, чтобы утолить неугасимую ненависть Клеопатры; юношу в Араде, который заявлял, что он ее пропавший брат Птолемей XII; Серапиона, правителя Кипра, ставленника Птолемеев, за то, что он оказал помощь Кассию.

Антоний провел зиму 41/40 года до н. э. в Египте, где вместе с Клеопатрой предавался удовольствиям и буйному веселью, описанному Плутархом. Царица и ее любовник-римлянин, теперь одетый в греческое платье ради ее прихоти, образовали братство греческого типа – «Неподражаемых гуляк» (amimētobioi)^[718]. И все это время во внешнем мире происходили события, которые глубоко влияли на положение Антония: в Италии состоялась ссора между семьями Октавиана и Антония, его женой Фульвией и братом Луцием, которая привела к настоящей войне; в Сирии и Малой Азии началось вторжение парфян под предводительством римского перебежчика Лабиена. Весной 40 года до н. э. Антоний наконец оставил Египет и встретился с Фульвией в Афинах, но несколько недель спустя он избавился от этого затруднения в своей жизни, так как Фульвия умерла в Сикионе. Добравшись до Италии, Антоний восстановил дружбу с Октавианом, и согласие между собой они закрепили браком Антония с овдовевшей сестрой Октавиана Октавией. Восточные провинции были признаны особой сферой влияния Антония, но сам он оставался в Италии до конца 39 года до н. э., приводя в порядок дела через легатов, которым удалось отобрать Малую Азию и Сирию у парфян.

После отъезда Антония из Египта в 40 году до н. э. Клеопатра родила близнецов, мальчика и девочку, которых связали с божествами Солнца и Луны, детьми Латоны, также близнецами. Их назвали Александр Гелиос и Клеопатра Селена. Антоний уехал из Италии в конце 39 года до н. э., но только ради того, чтобы поселиться в Афинах вместе с Октавией. Он не ступил ногой в восточные провинции до 36 года до н. э., когда приехал в Сирию без супруги, чтобы лично повести оттуда великий поход на парфян. К тому времени им снова овладела страсть к Клеопатре. Кроме того, для похода ему нужны были египетские ресурсы. Он вызвал царицу в Сирию на встречу, и там их прежние отношения возобновились. У них родился еще один сын – Птолемей Филадельф. В Палестине, потерянном владении царства Птолемеев, теперь правил идумей Ирод, еврейский царь, и этот протеже Антония был для него слишком важным «вассалом», чтобы изгнать его на грани войны с парфянами даже ради Клеопатры. Но до поры до времени он мог утолить территориальные аппетиты Клеопатры, отдавая ей небольшие области то тут, то там в Азии и на островах. Лисаний, царек сирийского города Халкиды, расположенного у подножия Ливана, был казнен по обвинению Клеопатры, и она получила его царство. Также она получила часть финикийского побережья от устья Элевфера до Сидона, на которое когда-то тоже распространялось влияние Птолемеев, а еще богатые кедровой древесиной владения в Киликии и владения на Крите. Леса, раскинувшиеся возле Иерихона, представлявшие огромную коммерческую ценность, были переданы Клеопатре, а Ироду поручалось действовать в этом регионе в ее интересах.

Клеопатра сопровождала Антония в походе до самого Евфрата и потом вернулась в Египет через Сирию, посетив по пути свои новые владения. Ирод проводил ее до самой египетской границы. Эти двое смертельно ненавидели друг друга, но пока что были вынуждены сохранять внешние приличия. В Египте на монетах начали изображать профиль Антония – но, вероятно, не в качестве царя, хотя титул, которым он назывался в легенде, соответствовал его положению в римском мире: *αυτοκράτωρ τριῶν ἀνδρῶν* («самодержец, один из триумвиров»), а, как говорится в только что упомянутой надписи, в качестве «бога и благодетеля».

Парфянский поход Антония с треском провалился. Он вернул Сирию, но от его армии остались лишь обломки. Клеопатра встретила его измученные войска в новых финикийских владениях со всевозможными удобствами, и он вернулся с ней в Египет (в начале 35 года до н. э.). В 35 году до н. э. Антоний отправился из Египта во второй поход против парфян, и Клеопатра сопровождала его до Сирии. Тем временем Октавия двигалась из Рима с подкреплением и продовольствием для армии мужа и дошла уже до Афин, когда получила письмо от Антония с приказом не продолжать пути. Это был знак того, что египетская царица, ее соперница, каждый день находившаяся рядом с Антонием, имела большую власть над ним, чем отсутствующая супруга. Открытое пренебрежение Октавией не могло не привести к войне между Цезарем Октавианом и Антонием в ближайшем будущем. Из Сирии Антоний, вместо того чтобы продолжить восточный поход, опять вернулся с Клеопатрой в Египет. Мы не знаем, почему был отложен поход. Это могло произойти под влиянием Клеопатры или из каких-то военных соображений, связанных с переменой обстановки. В 34 году Антоний снова выступил в путь, но теперь уже не на парфянское царство, а на Армению. Он добился большего успеха, чем за два года до того, и вернулся в Александрию с богатой добычей и пленным царем Армении. До той поры все римские триумфы проходили, согласно древнему обычаю, по Священной дороге в Риме, но на этот раз римский правитель Востока, скандализировав всю римскую аристократию, провел триумфальную процессию по длинным, широким улицам Александрии под взором царицы Египта, высоко сидевшей на золотом троне и принимавшей почести, словно богиня. Через несколько дней в окрестностях Гимнасия состоялась еще более впечатляющая церемония. На серебряном помосте на двух золотых тронах восседали Антоний и Клеопатра. Клеопатра была одета богиней Исидой на египетский манер. Царские дети сидели на тронах чуть ниже – первым Птолемей Цезарь, соправитель матери, потом дети Антония Александр Гелиос в платье мидийского царя, Птолемей Филадельф в македонском царском облачении – каусии, хламиде, крепидах, – и Клеопатра Селена. Было объявлено, что отныне Клеопатра будет называться Царицей Царей, а маленький Цезарь, провозглашенный законным сыном Юлия Цезаря, Царем Царей.

Александра Гелиоса объявили Великим Царем Армении и всех восточных провинций империи Александра, которую в будущем, возможно, удастся забрать у парфян до самой Индии, Птолемея Филадельфа – царем Сирии и Малой Азии, маленькую Клеопатру – царицей Киренаики.

С тех пор Клеопатра больше прежнего стала изображать богиню. Недовольная эпитетом Тея Филопатор, который она приняла в самом начале по династическому обычаю, она стала именоваться Нея Исида, подобно Клеопатре III, или Тея Неотера (как написано в легендах к некоторым монетам конца ее царствования), что значит то же самое: древняя богиня, вернувшаяся на землю в облике современной женщины, или женщина, подобная древней богине. Клеопатра завела себе обычай появляться на официальных мероприятиях в наряде Исиды^[719].

После разочарования, которое постигло Клеопатру после убийства Юлия Цезаря – падения, когда она почти достигла высоты, – кажется невероятным, что той же самой женщине представился еще один такой же шанс. Однако десять лет спустя Клеопатра снова оказалась на расстоянии вытянутой руки от того, чтобы стать императрицей мира. Антоний возродил замысел Цезаря создать римско-эллинистическую монархию. Уже вся восточная часть империи Александра Македонского выделена в наследство сыновьям Клеопатры, живым представителям династии Птолемеев, и если в неминуемой борьбе между Антонием и Октавианом – молодым человеком, носившим имя Цезаря по закону, хотя он и не был, в отличие от Птолемея Цезаря, настоящим сыном от плоти и крови великого Юлия, – если Антоний, имея в распоряжении все ресурсы Востока, выйдет из этой борьбы победителем, то западная часть Римской империи объединится с восточной под скипетром Антония и Клеопатры.

Считается, что Клеопатра выбрала себе клятву в такой формулировке: «Это так же верно, как то, что однажды я буду судить в римском Капитолии». И если объединенная Римская держава достигнет того, что задумал Юлий Цезарь и чего не достиг Антоний в 36 году до н. э., то есть сокрушит парфян и завоюет для эллинов утраченные восточные провинции державы Александра Македонского, тогда государство, над которым будет царить дочь Птолемея, отодвинет

свои границы дальше владений Александра, от Индии и Центральной Азии до Британии и Атлантического океана.

Но для начала нужно было встретить и уничтожить Цезаря Октавиана. В самом Риме симпатии народа разделились между двумя соперниками, и уличные мальчишки дрались между собой одни за Антония, другие за Цезаря. Зимой 33/32 года до н. э. Антоний и Клеопатра провели в Эфесе, который стал пунктом сосредоточения его армии. Оттуда в 32 году до н. э. она двинулась на Самос и Афины. Из Афин Антоний послал Октавии в Италию письмо о разводе. Пока у него оставалась законная жена, помимо Клеопатры, греко-римский мир мог считать Клеопатру только лишь его любовницей. Развод с Октавией должен был дать Клеопатре законное положение. В ответ Октавиан отобрал у весталок завещание Антония, которое те хранили, и огласил его распоряжения в пользу Клеопатры и ее детей, чтобы настроить римлян против соперника. После этого он официально объявил войну во имя Рима против царицы Египта^[720].

Множество выдающихся римлян встали на сторону Антония, и их можно было встретить среди окружения Антония и Клеопатры в Эфесе или Греции. Многие из них верили, что для успеха в предстоящей борьбе Антонию необходимо временно расстаться с Клеопатрой, и они открыто говорили, что хорошо было бы царице покинуть театр военных действий и вернуться в Египет. Такое мнение всегда приводило Клеопатру в ярость. Ее поведение в то время неоднократно заставляло отчаиваться друзей Антония, они переставали верить в успех его дела и переходили на сторону Октавиана. Удивительно, что такая умная женщина не проявила особой ловкости, чтобы расположить к себе тех людей, чью помощь было важно сохранить. Пожалуй, в тот момент ее рассудок поддался опьянению власти – ей не хватило рассудительности, чтобы выдержать стресс, связанный с таким ошеломительным успехом. Кроме того, нужно помнить, что постоянные пирушки с Антонием и его собутыльниками могли в конечном итоге притупить остроту ее ума и лишить сдержанности. Возможно, когда Гораций говорил о том, что ум Клеопатры в те дни был «спутан из-за мареотидского вина», он пользовался сведениями из первых рук. Эта тридцатисемилетняя левантийка, чья жизнь была наполнена безудержными излишествами, наверняка стала более грубой и не такой приятной для глаза, как та

очаровательная девушка двадцати одного года, которая завоевала сердце великого Юлия.

Решительный удар был нанесен в сентябре 31 года до н. э. – в морской битве при Акциуме. Во флоте Антония было шестьдесят быстроходных египетских галер, и царица находилась на борту одной из них. Целью Антония и его сил, сосредоточенных в Амбракийском заливе, был прорыв блокады, которую устроил им флот Цезаря, владевший морем у входа в залив. Битва велась в устье залива, египетские корабли стояли в резерве позади кораблей Антония. Вергилий позднее рассказывал о том, как царица созывала свои силы «систром своей родной земли», священной трещоткой, с которой обычно изображалась богиня Исида. Разразившаяся битва для него была борьбой между полуживотными богами Египта – шакалоголовым Анубисом и прочими – и благородными божествами Рима – Нептуном, Венерой и Минервой. Действительно, 2 сентября 31 года до н. э. в последний раз в истории Древний Египет, Египет, поклонявшийся Амону-Ра и Птаху, Осирису и Исиде, Анубису и Тоту, выступал на поле боя как суверенное государство. Его войска вела царица не египетской крови, а войска, что были на кораблях, как и вся египетская армия, в основном состояли из людей македонского и греческого происхождения, но большинство гребцов наверняка были туземными египтянами, да и египетские греки уже привыкли взывать к древним богам страны. Возможно, кличи, обращенные к Хору и Менту на туземном языке Египта, сотрясли воздух, когда шестьдесят кораблей выстроились в боевой порядок, – те звуки, которые раздавались перед тысячами битв на протяжении прошедших сорока веков, но больше уже никогда не прозвучат в сражениях человечества.

В разгар боя египетская эскадра прошла сквозь линию кораблей Антония, но, вместо того чтобы вступить в бой с врагом, ушла с попутным ветром на юг. Антоний на одном корабле немедленно оставил битву и последовал за ними. Согласно традиционному мнению, основанному на сведениях, содержащихся в сочинении Плутарха, это был акт чудовищной измены со стороны Клеопатры: она увидела, что ход сражения изменился не в пользу Антония, и вышла из борьбы за его интересы, пока у нее еще была надежда заключить перемирие с победителем на выгодных условиях, а со стороны Антония – проявление безрассудной страсти: увидев бегство

Клеопатры, от любви он позабыл обо всем на свете. Исходя из описания битвы, которое оставил Дион Кассий, современные авторы считают, что на самом деле ее уход был запланирован и заранее согласован между царицей и Антонием. Антоний понял, что положение его сухопутных войск безнадежно и что последний оставшийся у него шанс – это прорваться в открытое море с теми кораблями, которым это удастся, и вернуться в Египет для передышки и сбора новых сил.

Если Марк Антоний и питал эти надежды, события показали всю их несбыточность. Антоний и Клеопатра вошли в александрийскую гавань, украсив шестьдесят кораблей, как будто они одержали великую победу, чтобы обмануть народ, пока войска снова не овладеют городом. Они вернулись к прежним кутежам, но в ожидании неминуемого конца. Общество «Неподражаемых гуляк» превратилось в общество *Synapothanoumenoi*, «Тех, кто умрет вместе». Войска Антония в соседних странах – Киренаике, Сирии – перешли на сторону Октавиана. При дворе обсуждались безумные планы: высадиться с войском в Испании и поднять западные страны против Октавиана, найти убежище в глухих местах на юге, в Эфиопии, в далекой слоновьей стране, проплыв вверх по Красному морю.

Клеопатра даже приказала доставить несколько судов из Средиземноморья через Суэцкий перешеек, чтобы бежать по Красному морю, но римский правитель Сирии, который оставил Антония и перешел на сторону Октавиана, убедил набатеев Петры напасть на корабли, сжечь их и таким образом сорвать авантюрный план. Эта история случайно проливает свет на то, что канал, проложенный Птолемеем II и соединяющий Нил с Красным морем, был непроходим для крупных судов или поздние цари династии позволили ему прийти в негодность, возможно из-за того, как предполагает Магаффи, что путь вверх по Нилу в Коптос и оттуда по суше через пустыню в Беренику или Миос-Гормос считался более практичным и безопасным, чем водный путь по Красному морю.

В 30 году до н. э. Октавиан Август со своей армией вошел в Египет из Сирии. Пересечь границу, бывшую непроходимой преградой для Пердикки и Антигона, на этот раз не составило труда. У Антония не было надежного войска, чтобы защищать ее. Октавиан взял Пелусий; считается, что тамошний египетский комендант Селевк не оказал

большого сопротивления. Когда армия Октавиана встала у Александрии, царица, взяв некоторые сокровища и двух прислужниц – Хармион и Ираду^[721], которые занимались ее маникюром и прической, – заперлась в прочной гробнице где-то в Александрии и дала Антонию понять, что совершила самоубийство. Тогда Антоний бросился на меч, но не сумел убить себя, и Клеопатра со своими служанками втащила его, тяжело раненного, в гробницу. Конечно, мы никогда не узнаем о том, что произошло внутри, кроме того, что впоследствии решили рассказать Клеопатра и ее служанки. Ворвавшись в гробницу, римляне нашли мертвое тело Антония. Плутарх душещипательно описывает последние слова влюбленных, но нужно помнить, что шансы Клеопатры на заключение выгодного мира с Октавианом увеличились бы после того, как Антоний будет убран с дороги, и она, видимо, постаралась обманом вынудить его покончить с собой.

Октавиан победно вошел в Александрию 1 августа 30 года до н. э. Он вступил в переговоры с царицей, которая тогда уже вернулась из гробницы во дворец Птолемеев. Потом рассказывали, что сорокалетняя Клеопатра пыталась в третий раз повторить былой успех и пленить владыку римского мира, но ее попытка разбилась о холодное благоразумие молодого Октавиана Августа, хотя святым он не был. Однако вполне допустимо, что это было придумано позднее, когда о царице Клеопатре уже сложились легенды, где она традиционно представлялась великолепной блудницей. Точно можно сказать только одно: эти двое сошлись, словно два опытных актера, стараясь произвести впечатление друг на друга. Вполне вероятно, что Октавиан желал выставить прославленную царицу напоказ перед Римом, провести пленницей за своей триумфальной колесницей и что именно поэтому он хотел помешать ей совершить самоубийство. Ее конец навсегда окутан тайной. Известно только, что однажды Клеопатру обнаружили мертвой в царском одеянии – быть может, в том, которое она надевала в качестве Новой Исиды. За несколько недель в Риме разошлись слухи^[722] о том, что она приказала тайно доставить одну или двух гадюк^[723], которые ее и укусили. Согласно преданию, Ираду тоже нашли мертвой у ног госпожи, а Хармион была тогда при последнем издыхании. Змей никто не видел, но рассказывали, что на теле царицы найдены мелкие отметины, свидетельствовавшие о том,

как именно она умерла. Позднее ее личный врач Олимп обнародовал рассказ о ее последних днях, и история Клеопатры в том виде, в каком мы ее знаем, могла быть взята из его сочинения. Но нам неизвестно, для чего Олимп написал ее: чтобы рассказать правду, поразить читателей эффектной историей или угодить римлянам^[724].

Еще оставался жив семнадцатилетний юноша, носивший великие имена Цезаря и Птолемея, – наследник Птолемея, сына Лага, по матери и единственный признанный сын Юлия Цезаря. Он уже носил титул царя Египта Птолемея XIV. Перед смертью Клеопатра послала его с греческим наставником в Беренику на побережье Красного моря. Человек, носивший имя Цезаря по праву приемного сына, послал за ними и заманил назад в Александрию – возможно, из-за измены или глупости наставника, – и затем тут же предал своего ненужного кузена смерти. Так история Птолемеев, начавшаяся с единственного законного сына Александра Великого, убитого на тринадцатом году жизни, закончилась убийством единственного законного сына Юлия Цезаря на восемнадцатом году, и у них обоих, как мне кажется, есть далекий товарищ по несчастью, единственный законный сын Наполеона, третьего великого завоевателя, Орленок, который умер на двадцать втором году жизни, находясь практически в плену.

Троих детей Клеопатры от Антония – Александра Гелиоса, Клеопатру Селену и Птолемея Филадельфа – отправили в Италию, где они росли у Октавии, которая брала детей от всех жен Антония под свое крыло. Когда Клеопатра Селена выросла, она вышла замуж за нумидийского принца Юбу, который не только получил греческое образование, но и прославился в свое время как автор многочисленных сочинений, написанных на греческом языке, и человек широкой книжной эрудиции. Римляне сделали его царем Мавритании (Марокко), когда трон этой страны опустел, так что с 25 года до н. э. примерно до рождения Христа царица Клеопатра правила на противоположном от Египта конце североафриканского побережья. По словам Диона Кассия (LI.15.6), Октавиан «дал Александра и Птолемея Юбе и Клеопатре», и, вероятно, это означает, что Клеопатра взяла двух братьев с собой в Марокко^[725]. Сын Юбы и Клеопатры по имени Птолемей унаследовал трон Мавритании примерно в 23 году н. э., но пал жертвой ревности Калигулы в 40 году, потому что носил пурпурную мантию, которая оказалась более заметной, чем у самого

императора в римском амфитеатре. Калигула отправил его в изгнание и приказал убить по дороге. Последний известный истории царь Птолемей не оставил потомков. Хотя он был царем не Египта, а Марокко и нумидийцем по отцовской линии, его имя свидетельствовало о том, что через мать он был потомком македонского вождя, который за триста лет до его рождения затеял удивительное предприятие и основал греческое царство в полной чудес нильской стране. После того как Александра Гелиоса и Птолемея Филадельфа отдали Юбе и Клеопатре, мы больше о них ничего не слышим. Если они выросли и оставили потомков, то те затерялись в густом мраке. Вероятно, когда царь Птолемей пал убитым у дороги, генеалогическое древо Птолемеев уже не давало миру новых ветвей.

После убийства Птолемея Цезаря Октавианом Цезарем в 30 году до н. э. Египет стал провинцией Римской империи. Он, так сказать, вернулся в то состояние, в котором находился на протяжении нескольких лет в составе державы Александра Великого, состояние, из которого в предыдущие триста лет Птолемей I снова вывел его в ряд независимых государств – хотя и под властью чужеземных владык. Однако Египет кое в чем был не похож ни на одну другую провинцию, так как Октавиан, ставший после января 27 года до н. э. Октавианом Августом, сделал эту богатую страну своим личным имением и запретил кому-либо из сенаторов даже ногой ступить на египетскую землю без его особого разрешения. Место царей из династии Птолемеев заняли римские императоры, обычно пребывавшие далеко в Италии, хотя туземные египтяне еще триста лет продолжали изображать чужеземных правителей на стенах своих храмов в виде египетских фараонов, воздающих почести древним божествам страны.

Дополнения

С. 20 и дальше^[726]. Автор рецензии на книгу Виктора Эренберга (Alexander und Aegypten, Leipzig, 1926) в Journal of Hellenic Studies за 1926 год высказал мнение, что экспедиция Александра в Сиву была военной. Александр опасался, что ливийские племена нападут на Египет с запада и используют оазис для сосредоточения сил. Поэтому он лично отправился на разведку, а якобы религиозные намерения были прикрытием. Точно такую же теорию выдвигает анонимный корреспондент, написавший статью в «Таймс» за 7 января 1927 года. Вполне возможно, что автор газетного материала и рецензент – одно и то же лицо. В любом случае это мнение представляется мне не совсем удачным. Мистер Хогарт в письме в «Таймс» от 12 января указал, что оно «противоречит не только сведениям, содержащимся в сочинениях единомышленников на этот счет древних авторов, но и вероятности. Сива никогда не имела серьезного стратегического значения, и, насколько нам известно, Александр не оставил там гарнизона; также он не создал там пункта наблюдения или обороны».

Если Александр действительно руководствовался предложенным мотивом, то у Птолемея (на чьем рассказе основывается Арриан) не было причин о нем умалчивать. В сочинениях известных нам античных историков нет ни единого намека на то, что он руководствовался этим мотивом, и потому теория, предложенная рецензентом и анонимным автором статьи в «Таймс», не более чем пример распространенной слабости тех, кто занимается научной работой, – желания быть умнее всех, вычитывая между строк разнообразные вещи, которых там нет, особенно в тех случаях, когда людям античного мира приписываются мотивы, естественные для человека XX столетия. Современный человек, возможно, и не подумает отправиться в поход к оазису из-за религиозных фантазий, но это было очень в духе древнего грека и особенно Александра. Он, по всей видимости, хотел выступать в роли эпического героя (как это было в Трое), и мотив, который приписал ему современник Каллисфен, – совершить то же, что и его предок Персей в начале своего подвига, – гораздо более вероятен, чем якобы разумное

объяснение рецензента и анонима из «Таймс». Можно отметить, что утверждение последнего о том, что оракул Аммона перестал пользоваться уважением греков в IV веке, явно противоречит свидетельствам, как видно из статьи *Ammoneion* в энциклопедии Паули-Виссова. Платон в «Законах», 738В (написанных примерно за двадцать лет до визита Александра в оазис), пишет об оракулах Дельф, Додоны и Аммона как о трех главных святилищах, к которым современные ему греки естественным образом обратились бы за советом в делах, требующих божественного руководства. Более того, можно сказать, что, поскольку Александр был типичным древним греком, было бы странно, если бы он не посоветовался с оракулом Аммона, находясь так близко от него в Египте, перед началом столь грандиозного предприятия.

Стр. 73, 84, 157. Мистер У.У. Тарн ставит под вопрос правильность расчетов Эрнста Мейера в его *Untersuchungen zur Chronologie der ersten Ptolemäer* в *Classical Review*, XL (1926). S. 86. Мистер Тарн указывает, что нет других свидетельств совместного правления Эвергета с ноября 247 до января 245 года до н. э., на которые намекает Эрнст Мейер. По мнению мистера Тарна, Э. Мейер взял даты правления Птолемея II с опозданием на год и верна обычная датировка: Птолемей II стал соправителем в 285, а не в 284 году до н. э.; Птолемей I умер в 283, Арсиноя Филадельфия в 270, а Птолемей II в 246 году до н. э. Что касается аргументов, приведенных на с. 157, – что поклонение Богам Адельфам появляется еще до смерти Арсинои, – то они все равно были бы верны, если бы упомянутый источник (Hibeh, 99) относился к месяцу фаменоту или фармути 270 года до н. э., так как Арсиноя умерла в месяце пахон того же года; только интервал между появлением культа и смертью Арсинои сократился бы с тринадцати месяцев, предполагаемых Эрнстом Мейером, примерно до одного месяца.

Стр. 87. Мистер У.У. Тарн утверждает в *Journal of Hellenic Studies* XLIV (1924), p. 146, примеч. 29, что предлагаемая Ремом датировка милетской надписи не выдерживает критики. См. его следующее примечание в *Journal of Hellenic Studies* XLVI (1926), p. 158. Кроме того, ее независимо ставил под вопрос Ростаньи в *Poeti Alessandrini* от

1916 года. Я должен был обратить на это внимание, прежде чем писать с. 87. Мистер Тарн утверждает, что письмо Птолемея II в Милет, вероятно, относится к 275 году до н. э. Это осложняет дело с «сыном», упоминаемым в тексте. Птолемей II, который сам родился в 308 году до н. э., не мог, как верно отметил мистер Тарн, иметь достаточно взрослого сына в 275 году до н. э., хоть законного, хоть незаконного, который бы правил Милетом. Если «сын» был сыном Арсиной I, родившимся до Птолемея III, как я предложил на с. 88, то если брак Птолемея II с Арсиной, дочерью Лисимаха, состоялся еще в 290 году до н. э., когда будущему Птолемею II было восемнадцать, ему могло быть четырнадцать лет в 275 году до н. э. – определенно слишком мало, чтобы править Милетом, но, может быть, не слишком мало, чтобы отправиться туда в качестве наследника престола для посещения заморских владений под руководством Калликрата. Но относить брак Птолемея II и Арсиной I уже к 290 году до н. э. может быть рискованно. (Данные о возрасте Эвергета (с. 228, 244) основаны на гипотезе, что его родители поженились (как предполагает Буше-Леклерк) около 284 года до н. э.); если брак был заключен в 290 году до н. э. и Эвергет был вторым сыном, тогда Эвергету мог быть сорок один год при восшествии на престол в 247 году до н. э. и шестьдесят семь, когда он скончался в 221 году до н. э. – *Авт.*) Далее мистер Тарн, из-за слишком юного возраста отвергая ту возможность, что «сын» из надписи – отпрыск Птолемея II, предполагает, что он «может быть только сыном Лисимаха и Арсиной II», который, согласно гипотезе Белоха, был усыновлен Птолемеем II. Однако нужно помнить, что гипотеза строилась на нескольких столпах, одним из которых было предположение, что возможный сын Арсиной II, усыновленный Птолемеем II, – соправитель, упоминаемый в папирусах, датированных 266–258 годами до н. э., а другим – отождествление его с тельмесским «Птолемеем, сыном Лиси-маха». Два этих главных столпа опрокинуты. Я показал непреодолимые преграды, не позволяющие предположить, что соправитель был сыном Арсиной II, а мистер Тарн сам отрицает, что сын Арсиной II тождествен тельмесскому Птолемею. Таким образом, рискованная гипотеза об этом предполагаемом сыне Арсиной II, который был усыновлен Птолемеем II, по мнению мистера Тарна, может основываться лишь на одном факте: некто, названный «сыном» Птолемея II, упоминается в

единственном тексте, датированном 275 годом до н. э. Я не могу думать, что мистер Тарн, если только у него в голове уже не было гипотезы Белоха, решил бы соорудить ее на основании одного этого источника. Если мистер Тарн прав относительно даты письма в Милет, то «сын», безусловно, превращается в загадку, на которую я не способен предложить сколько-нибудь уверенный ответ. Мне все-таки представляется возможным, что это был сын Птолемея II и Арсинои II, который в ранней юности отправился с визитом по зависимым землям. Птолемей V официально вступил в совершеннолетие и венчался на царство в Мемфисе в возрасте всего лишь двенадцати лет.

Однако нужно отметить, что аргумент мистера Тарна в пользу ранней даты письма в Милет основывается на том допущении, что Калликрат отправился туда с «сыном», будучи навархом. Это допущение отнюдь не кажется мне заслуживающим доверия. Если Калликрат после 266 года до н. э. уже не был навархом флота в Эгейском море, как полагает мистер Тарн, то отставка с командного поста еще не означает, что он умер. Разумеется, он мог по-прежнему оставаться весьма авторитетным человеком при дворе Птолемея – именно тем, кому поручили бы заботу о престолонаследнике, если бы того послали объехать зависимые страны. В милетской надписи ничего не говорится о том, что в то время, когда Калликрат находился в Милете с сыном, он оставался навархом. То, что рассказ о верности милетян царю посылает «сын» не лично от своего имени, а вместе с Калликратом и другими «друзьями» из сопровождения, как мне кажется, скорее показывает, что он в то время был еще юн. Настоящим автором мог быть старый придворный, на попечении которого находился «сын», хотя с формальной точки зрения им считается «сын» вместе с Калликратом и прочими. Если Калликрат уже не был навархом в то время, то в конце концов датировка Рема может быть верной, а «сын» – молодым человеком двадцати с лишним лет.

С. 96. Новый свет на историю Киренаики в последние годы правления Птолемея II проливает надпись, опубликованная С. Ферри в *Abhandlungen der Königlich Akademie der Wissenschaften zu Berlin* за 1926 год. Виламовиц предполагает, что в надписи содержится эдикт (диаграмма) Птолемея II или Птолемея III, регулирующий государственное устройство Кирены после убийства Деметрия и

возвращения Киренаики под властью молодой царицы Береники в зависимое положение от Птолемеев. Странно, что Птолемей предстает не в роли *царя*, а в качестве пожизненного *стратега* Кирены с пятью товарищами, избранными на ограниченный срок. Количество граждан увеличилось с тысячи до десяти тысяч, гражданство предоставлялось на основании имущественного ценза. Те, кого Птолемей называет среди изгнанников (демократов?), нашедших убежище в Египте, должны были войти в новый гражданский коллектив при условии, что они владели необходимым количеством имущества. Также там действовали буле, состоявшее из 500 членов, и герусия из 101 члена. Все старейшины назначались Птолемеем; члены совета выбирались по жребию, и половина его состава переизбиралась каждый второй год. Итак, в Кирене, как в египетской Птолемаиде или Пергаме, функционировали полисные институты, в действительности контролируемые царем.

С. 101–228 главы IV и V. П. Жуге в своем труде *L'Impérialisme Macédonien et l'Hellénisation de l'Orient* (1926), в серии *L'Evolution de l'Humanité* делает примечательное добавление, связанное с рассматриваемым в этих главах вопросом. К сожалению, книга попала в мои руки слишком поздно, и я не мог воспользоваться ею при написании своей, однако я с радостью увидел, что мои выводы в основном соответствуют тем, к которым Жуге пришел в своем сочинении.

С. 135. Что касается «персов», то в добавление к списку литературы в моей сноске я хотел бы сослаться на две более ранние статьи А. Сегре в *Aegyptus* за 1922 год, с. 143 и дальше, и в *Rivista di Filologia* за 1924 год, с. 86 и дальше.

С. 140. По теме евреев в Египте недавно вышла книга (которой я сам не видел), и, как говорят, достойная: *Fuchs. Die Juden Aegyptens in ptolemäischer und römischer Zeit* (Vienna, 1924).

С. 215. Утверждение, что современные попытки выдрессировать африканских слонов провалились, должно быть, скорректировано на основании отчета капитана Кита Колдуэлла из кенийского

Департамента охотничьих ресурсов (краткая сводка в «Таймс» за 9 апреля 1927 года) об опытах, проделанных бельгийцами в конголезском Апи. Для начала семь погонщиков слонов из Индии обучили местных погонщиков из племени азанде. Видимо, они добились впечатляющих результатов. «По достижении достаточно взрослого возраста слоны работают охотно и хорошо и выказывают ум в том, как внимательно они обращаются с плугом на неподатливых землях. В отчетный период урожай с хлопковых плантаций в районе Апи на слонах доставлялся в Титуле... Средняя стоимость слона из Апи, по сообщениям, составляет 500 фунтов стерлингов. Капитан Колдуэлл убежден, что если бы было принято решение дрессировать слонов в Уганде, то были бы получены такие же результаты, как в Конго» («Таймс»). Слоны даже не пытаются размножаться в неволе. Возможно, это объясняет, почему Птолемеям приходилось непрерывно пополнять их поголовье, постоянно отправляя за ними экспедиции.

С. 270. Полный перевод на немецкий язык новой пифомской стелы с комментариями приводится в статье Шпигельберга в *Sitzungsberichte der bayerischen Akademie der Wissenschaften, Philosoph.-philolog. und histor. Klasse* за 1925 год (опубликовано отдельной брошюрой в Мюнхене в том же году). Так как в данной книге содержатся переводы аналогичных источников, а изучающему египтологию может быть непросто найти такой перевод, то мне представляется разумным привести его здесь:

«1-го числа месяца артемисия, а по египетскому календарю 1 фаофи, в 6-й год молодого Хора, могущественного, отец которого сделал так, что он проявился как царь, Господина уреев, того, чья сила велика, чье сердце благочестиво по отношению к богам, защитника людей, одолевшего врагов, который приносит счастье Египту, великолепно украшает храмы, твердо устанавливает законы, провозглашенные Тотом дважды великим, господина Тридцатилетних празднеств, равного Птаху Великому, Солнцеподобному Царю, Царю Верхней и Нижней страны, потомку Богов Благодетелей, кого одобрил Птах, того, кому Солнце дало победу, живому образу Амона, царю Птолемею [Птлумису], вечно живущему, возлюбленному Исидой, когда Птолемея, сын Эропа, был жрецом Александра и Богов Адельфов,

Богов Благодетелей, и <Рода?> дочь <Пиррона?> была канефорой Арсиной Филадельфии.

В этот день принят указ:

Верховные жрецы, предсказатели и жрецы, которые входят в святилища для облачения богов, писцы божественной книги (то есть «перьяносцы». – *Авт.*) и священные писцы, и другие жрецы, которые вместе явились к царю в Мемфис из храмов всего Египта, когда он вернулся в Египет, чтобы принести ему букеты и амулеты... и жертвоприношения, воскурения и возлияния, и совершить другие обряды, полагающиеся в таких случаях, собрались в храме Мемфиса и провозгласили:

Так как по своей милости царь Птолемей, сын Птолемея и царицы Арсиной^[727], Богов Благодетелей, осыпал дарами служение богам, ибо всегда заботился о том, чтобы им воздавались подобающие почести, то случилось то, что все боги и богини Египта вышли впереди него и направляли его в пути и защищали его, когда он отправился в землю ассирийцев и землю финикийцев. Они даровали ему откровения, и вещали о нем, и явили ему предсказание во сне, что он одолеет врагов и сами они не покинут его в час опасности, а будут стоять рядом и защищать его.

В 5-й год 1-го числа месяца пахона он выступил из Пелусия и сразился с Антиохом в городе, названном Рафия, у границы Египта к востоку от Вифлеема и Псинуфера (?). 10-го дня того же месяца он победил его величественно и благородно. Те враги, которые смогли приблизиться к нему в битве, погибли мертвыми перед ним подобно тому, как Хорсиесис расправился со своими недругами в старину. Он принудил Антиоха бросить венец и царский головной убор. После поражения Антиох бежал со своими спутниками – их было немного, тех, кто еще оставался с ним, – жалкий и полный сожаления. Большинство его воинов пережили тяжкие лишения. Он видел, как его избранные друзья гибнут в мучениях. Он страдал от голода и жажды. Все, что осталось после него, было взято как добыча. <Лишь находясь в опасности> он смог вернуть себе дом, мучительно скорбя сердцем. Затем царь захватил множество людей и всех слонов. Он захватил золото, серебро и другие драгоценные вещи, найденные в нескольких городах, которыми прежде владел Антиох и которые он захватил. Он приказал доставить всю добычу в Египет. Он прошел по другим

землям, бывшим в его царстве. Он вошел в тамошние храмы^[728]. Он совершил воскурения и возлияния, и все жители городов принимали его с радостью сердца, устраивая праздники и ожидая его прибытия, украсив венками святилища богов (в чьем сердце сила), и принося жертвы в виде воскурений и пищи. Многие велели сделать для него золотые венцы и решили установить в его честь царскую статую и построить храмы. Так шел царь, обожествляемый на своем пути. Что же до изображений богов в храмах, которые обезобразил Антиох^[729], то царь приказал сделать другие и установить вместо них. Он отдал для них много золота, серебра и драгоценных камней, а также чтобы заменить сосуды в храмах, которые забрали те люди. Он позаботился об их замене. Сокровища, которые раньше давались храмам и затем уменьшились, он приказал восстановить в прежнем размере. Услышав, что много вреда причинили изображениям египетских богов, он, чтобы ни в чем не было нужды из того, что подобает богам, издал великолепный указ всем землям вне Египта, где был господином, и приказал, чтобы никто больше не причинял им вреда, желая, чтобы все чужеземцы поняли, какую великую заботу о богах Египта он имеет у себя в сердце. Мумии священных животных, найденные (в Палестине), он приказал перевезти в Египет, устроить им пышное погребение и положить на покой в гробницах. Также и те, что были найдены испорченными, он приказал с почетом доставить в Египет и поместил их в храмы. Он ревностно заботился о божественных изображениях, увезенных из Египта в землю ассирийцев и землю финикийцев, когда мидяне опустошили египетские храмы. Он приказал их отыскать. Найденные, помимо тех, которые его отец вернул в Египет, он приказал доставить в Египет и установил празднество в их честь и совершил перед ними воскурения. Он приказал вернуть их в храмы, откуда их прежде вынесли.

Он укрепил лагерь, разбитый для его воинов, и жил там, пока было желание... <его противников> прийти и драться с ним. Когда они снова стали хороши^[730] (?), он отпустил воинов. Они разграбили их города. А так как те не могли защититься, они уничтожили их, чем он явственно показал всем людям, что божье могущество <совершило это> и что выгоднее было не биться против него. Он отправился из тех мест, овладев всеми тамошними городами за 21 день.

После измены (?), которую совершили командующие войск^[731], он заключил договор с Антиохом на два года и два месяца. Он вернулся в Египет на праздник Светильников в день рождения Хора (то есть 12 октября. – *Авт.*), в течение четырех месяцев. Жители Египта приветствовали его с радостью, потому что он защитил храмы от опасности и освободил всех людей, бывших в Египте. Они приняли его, как приличествует, с пышностью и великолепием, как подобало его героическим делам. Служители храмов ждали его у пристаней <на реке> со всем необходимым и прочим, что обычно требовалось для приема, с венками и празднествами, совершали воскурения, возлияния и принесли много даров. Он вошел в храмы и принес жертвы и отдал им множество доходов, помимо уже назначенных им раньше. Изображения богов, недостающие с давних времен среди находящихся во внутренних святилищах, а также нуждающиеся в починке, он восстановил в их прежнем виде. На это он отдал много золота и драгоценных камней и прочие необходимые вещи. Он приказал изготовить храмовую утварь из золота и серебра, хотя уже понес огромные расходы из-за военного похода, раздав своим воинам золотых венков на триста тысяч золотых монет. Он осыпал милостями жрецов, служителей храмов и всех жителей Египта в благодарность богам за то, что они исполнили все обещанное ему.

Поэтому <жрецы постановляют>, и да сопутствует в том удача:

В сердце своем жрецы египетских храмов решили: умножить больше прежнего почести, которые воздаются в храмах царю Птолемею, вечно живому, возлюбленному Исидой, и его сестре царице Арсиное, Богам Филопаторам, и почести, воздаваемые их родителями, Богам Эвергетам, и воздаваемые их прародителям, Богам Адельфам и Богам Сотерам.

Также пусть будет возведена царская статуя царю Птолемею, вечно живому, возлюбленному Исидой, и будет называться статуей «Птолемея, отмстителя за отца, того, чья победа прекрасна»^[732], и статуя его сестры Арсинои, Богини Филопатор, во всех храмах Египта в самом заметном месте храма, изготовив их по египетским обычаям.

Также они постановляют выставить в храме изображение местного бога и поместить его на столе для подношений, где стоит изображение царя, причем бог подает царю победоносный меч. Жрецы, которые в храмах, должны воздавать почести изображениям трижды в день и

установить перед ними храмовую утварь и совершать перед ними иные надлежащие обряды, какие совершаются в честь других богов в их праздники, во время процессий и в особые дни. Изображение царя на стеле, <помещенное выше надписи>, <должно быть его изображением верхом на коне>, одетого в кольчугу и царский венец. Он должен быть изображен поражающим царя, стоящего на коленях с длинным копьем в руке, как то копье, с которым победоносный царь сражался в битве.

Праздник с процессией надлежит отмечать во всех храмах Египта в честь царя Птолемея, вечно живого, возлюбленного Исидой, с 10-го дня месяца пахона, дня, в который царь победил врага, в течение пяти дней ежегодно, с ношением венков и совершением воскурений и возлияний и всего прочего, что полагается, и все это должно совершаться согласно этому прекрасному распоряжению...

Ковчеги Богов Филопаторов в эти дни надлежит выносить из храмов и подносить царю в храмах букеты цветов в вышеупомянутый...

Также в первые десять дней каждого месяца надлежит отмечать празднества в храмах с совершением воскурений и возлияний и <прочего, что полагается совершать в другие празднества> в этот день ежемесячно. Приготовленное для сожжения надлежит раздавать всем, кто служит в храме...»

(Дальше текст слишком отрывочен, и приводить его перевод здесь нецелесообразно.)

С. 312. Нужно заметить, что в указе синода египетских жрецов, собравшихся в Александрии в сентябре 186 года до н. э., говорится, что вождь национального движения Анхмахис был взят в плен греческим офицером 27 августа (*Set-he. Zeitschrift für ägypt. Sprache u. Altertumsurkunde* за 1917. S. 35ff).

С. 369. В связи с Клеопатрой III нужно сказать, что, помимо эпонимных жрецов александрийского государственного культа, было назначено еще несколько жриц ее культа. Они почти не присутствуют в имеющихся у нас греческих письменных источниках, потому что писцы, жившие после завершения правления Птолемея VI, стали употреблять укороченную формулу, опуская имена эпонимных жрецов, отправлявших в том или ином году культ в Александрии, так же как

это делалось в Птолемаиде (с. 22). Однако в демотическом тексте, датированном 112–111 годами до н. э., упоминаются четыре эпонимных жреца Клеопатры III. Что касается первых жрецов, то ее называют не личным именем, а «Исидой, великой матерью богов». Возможно, так ее стали называть потому, что Клеопатра была матерью двух царей – Сотера II и Александра I. Жрец имеет странное звание *hieros pōlos*, «священный жеребенок». Отто отмечает, что *pōlos* встречается в Греции как именование жрицы Деметры, и, возможно, именно поэтому александрийский жрец был назван так, поскольку греки часто отождествляли Исиду с Деметрой.

Что касается других трех жриц, то Клеопатра называется собственным именем и официальными эпитетами (Клеопатра Филометор Сотера), и ей служат жрицы, из которых первая называется стефанефорой, «носителем венков», вторая фирфорой, «носителем огня», а третья просто иереей, жрицей.

Однако в папирусах Рейнаха 9, 10, 14–16, 20 (112–108 до н. э.) встречается пятая жрица Клеопатры III, которая называется фосфора, «светоносная».

Возможно, процессия служителей государственного культа, с которой они шли по улицам Александрии, смотрелась еще более великолепно и зрелищно, когда вместе с канефорами Арсиной Филадельфии и афлофорами Береники Эвергетиды шествовали священный жеребенок Исиды в некоем причудливом одеянии согласно его титулу и четыре жрицы правящей царицы, каждая со своим символом: венком, пылающим факелом и другими. Когда династия Птолемеев столь прискорбным образом пришла в упадок, она еще могла легко пустить пыль в глаза этой пышностью. В старину к государственному культу лишь изредка, через довольно продолжительное время прибавлялись новые жрецы, и ни одна царица не имела больше одной жрицы. Теперь же у одной только Клеопатры III появились сразу пять жриц. Точно так же поздние царицы династии вместо одного эффектного прозвища носили два или три.

Список сокращений

Amherst – Grenfell and Hunt, The Amherst Papyri (London, 1901).

Annales – Annales du Service des Antiquités de l’Égypte (Cairo).

Archiv – Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete под редакцией U. Wilcken (Leipzig, Berlin).

Athen. Mitt. – Mitteilungen des deutschen archäologischen institutes – Athenische Abteilung (Berlin).

B.C.H. – École Française d’Athènes: Bulletin de Correspondance Hellénique (Paris).

B.G.U. – Berliner Griechische Urkunden (Ägyptische Urkunden aus den Königl. Museen zu Berlin).

Bouché-Leclercq – Bouché-Leclercq, Histoire des Lagides (Paris, 1903–1906).

Bull. Alex. – Bulletin de la Société archéologique d’Alexandrie.

Chrest. – Wilcken und Mitteis, Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde. T. I. Ч. 2. (Chrestomathie) (Leipzig, Berlin, 1912).

C.I.G. – Boeckh, Corpus Inscriptionum Graecarum.

Elephant. – O. Rubensohn, Elephantine-Papyri (Berlin, 1907).

F.H.G. – Carl Müller, Fragmenta Historicorum Graecorum (Paris, 1885).

Freiburg – Aly und Gelzer, Mitteilungen aus der Freiburger Papyrussammlung (Sitzungsberichte der Heidelberg. Akad. Der Wiss., 1914).

G.G.A. – Gottingische Gelehrte Anzeige.

Giessein – E. Kornemann und P. M. Meyer, Griechische Papyri im Museum des oberheissischen Geschichtsvereins zu Giessen (1910–1912).

Gradenvitz – G. Plaumann, Griechische Papyri der Sammlung Gradenwitz (Sitzungsberichte der heidelberg. Aka. Der Wiss., 1914).

Grenfell (I) – B. P. Grenfell, An Alexandrian Erotic Fragment and Other Greek Papyri (1896).

Grenfell (II) – Grenfell and Hunt, New Classical Fragments and Other Greek and Latin Papyri (1897).

Grundzüge – Wilcken und Mitteis, Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde, т. I, 1 часть (Grundzüge) (Leipzig, Berlin, 1912).

Gurob – J. Gilbert Smyly, Greek Papyri from Gurob (Royal Irish Academy, Cunningham Memoirs, № XII, Dublin, 1921).

Halensis – Dikaionmata, Auszüge aus alexandrinischen Gesetzen und Verordnungen, Graeca Halensis (Berlin, 1913).

Hamburg – P. M. Meyer, Griechische Papyruskunden der Hamburg, Stadtbibliothek (1911, 1913).

Hibeh – Grenfell and Hunt, The Hibeh Papyri (1906).

J.E.A. – Journal of Egyptian Archeology.

J.H.S. – Journal of Hellenic Studies.

Large Estate – Michael Rostovtzeff, A Large Estate in Egypt in the Third Century B.C. (Madison, USA, 1922).

Leiden – C. Leemans, Papyri Graeci Musei Antiquarii Publici Lugduno-Batavi (Leiden, 1833).

Lesquier – Les Institutions Militaires de l’Egypte sous les Lagides (Paris, 1911).

Lille – Jouget (и другие), Papyrus Grecs (Paris, 1907–1908).

London – F. G. Kenyon and H. I. Bell, Greek Papyri in the British Museum (1893 и т. д.).

Louvre – Brunet de Presle, Notices et Extraits des Manuscrits Grecs de la Bibliothèque Impériale (Paris, 1865).

Michel – Recueil d’Inscriptions Grecques (Paris, 1900).

O.G.I. – W. Dittenberger, Orientis Graeci Inscriptiones Selectae (Leipzig, 1905).

Ostr. – U. Wilcken, Griechische Ostraka aus Ägypten und Nubien (Leipzig, Berlin, 1899).

Otto – Walter Otto, Priester und Tempel im hellenistischen Ägypten (Leipzig, Berlin, т. I, 1905, т. 2, 1908).

Oxy – Grenfell and Hunt, The Oxyrhynchos papyri (Oxford, 1898 и т. д.).

Pauli-Wissowa – Realencyklopädie des klassischen Altertums, новое издание под редакцией G. Wissowa (Stuttgart, 1894 и т. д.).

Petrie – J. P. Mahaffy and J. G. Smyly, The Flinders Petrie Papyri (в Cunningham memoirs, Dublin, часть III, 1891, часть II, 1893, часть I, 1905).

Preisigke – F. Preisigke, Sammelbuch griechischer Urkunden aus Ägypten (Strassburg, 1913 и т. д.).

P.S.I. – Papiri Greci e Latini (Pubblicazioni della Società Italiana per la Ricerca dei papiri Greci e Latini in Egitto (Florence, 1912 и т. д.).

Pap. Reinach – Theodore Reinach, Papyrus Grecs et Démotiques (Paris, 1905).

Rev. d. Et. Gr. – Revue des Etudes Grecs.

Rylands – Hunt (and others), Catalogue of the Greek Papyri in the John Rylands Library, Manchester (1911, 1915).

Strack – Max. L. Strack, Die Dynastie der Ptolemäer (Berlin, 1897).

Tebtunis – Grenfell and Hunt, The Tebtunis Papyri (том I, 1902; том II, 1907).

Tor – A. Peyron, Papyri Graeci R. Taurinensis Musei Aegyptii (1826, 1827).

U. d. Pt. – U. Wilcken, Urkunde der Ptolemaerzeit (Berlin, Leipzig, 1922 и т. д.).

Witkowski – Epistulae Privatae Graecae quae in papyrus aetatis Lagidarum servantur, под редакцией S. Witkowski (Teubner, 1906).

Zeno Pap. – папирусы Зенона, опубликованные в C. C. Edgar, Annales. T. XVIII (1919) и в последующих томах.

— — — — — ЗАГАДКИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА — — — — —

ДИНАСТИЯ ПТОЛЕМЕЕВ

Эдвин Бивен

После смерти Александра Македонского
его империя была разделена между полководцами.

Египет достался Птолемею, впоследствии
прозванному Сотером — спасителем

Примечания

1

Οxy. I.12, столбец iv: Ὀλυμπιάδι ἑκατοστῇ δωδεκάτῃ . . . ταύτης κατὰ τὸ πρῶτον ἔτος Ἀλέξανδρος ὁ Φιλίππου Τύρον εἶλεν· καὶ Αἴγυπτον παρέλαβε ἑκουσίως αὐτὸν προδεξαμένων τῶν ἐγχωρίων διὰ τὸ πρὸς Πέρσας ἐχθρόν.

[Вернуться](#)

2

Πολυπραγμονῶν τι Ἀμύντας ἀποθνήσκει ὑπὸ τῶν ἐγχωρίων (*Arrrian*, II.13.3).

[Вернуться](#)

3

Hogarth D.G. Alexander in Egypt, J.E.A. II (1915). P. 55.

[Вернуться](#)

4

Там же.

[Вернуться](#)

5

Страбон. География. Кн. XVII. М., 1964.

[Вернуться](#)

6

Gaston Jondet. Les Ports submergés de l'ancienne Ile de Pharos (Mémoires présentés a l'Institut Egyptien, vol. IX, Cairo, 1916).

[Вернуться](#)

7

Les Ports antéhelléniques de la côte d'Alexandrie, et l'empire Crétois, Bull. De l'Institut français d'archéologie orientale (1919), т. XVI.

[Вернуться](#)

8

Сэр Флиндерс Питри пишет мне: «Затопленная гавань вполне может оказаться эллинистической. Там произошла большая осадка. Катакомба находится в 9 футах под водой, а она должна была располагаться намного выше уровня моря для защиты от сырости, скажем в 15 футах и выше. Однако и это еще не все; берег опустился еще на 20 футов, а потом поднялся, как Путеолы, до теперешнего уровня».

[Вернуться](#)

9

Breccia. Alexandria ad Aegyptum. P. 66, 67.

[Вернуться](#)

10

Витрувий называет его македонянином, но в вопросах местной истории Александрии «История» является более достоверным источником.

[Вернуться](#)

11

По одной версии (Арриан, Страбон), архитекторы собирались разметить линии, как обычно, светлым песком, но его не хватило, и тогда они взяли белой муки у воинов. Предзнаменование заключалось в том, что они неожиданно взяли муку. По другой версии той же истории (*Курций Руф*. История Александра Великого), архитекторы с самого начала решили размечать линии мукой; это было в обычае у македонцев при закладке городов (*Курций Руф*) – что, как мы видим, несовместимо с первым вариантом предания, – и знамение состояло в том, что слетелись птицы и склевали муку. В первом варианте птицы совсем не упоминаются.

[Вернуться](#)

12

Страбон, XVII. С. 814.

[Вернуться](#)

13

Киренец Феодор у Платона (*Политик*, 257B) называет Аммона «нашим богом».

[Вернуться](#)

14

В связи с поездкой Александра Магаффи создал одну несуществующую проблему. Он пишет: «Интереснее отметить, что ни в одном из источников не говорится об использовании верблюдов в этом походе» – и объясняет это странное умолчание гипотезой, согласно которой верблюды еще не были одомашнены в Египте. Он проглядел место у *Курция Руфа*, IV.7.12: «*Aqua etiam defecerat, quam utribus camelī vexerant*» («Не хватало уже и воды, которую везли в мехах верблюды»).

[Вернуться](#)

15

Масперо передает рассказ путешественника XIX века Бейла Сент-Джона, побывавшего в Сиве в 1847 году, о странном совпадении. Он и его спутники на какое-то время сбились с дороги в пустыне. «В этом напряженном состоянии мы увидели *двух воронов*, которые недолго покружили в воздухе, а потом полетели *на юго-запад*. Если бы мы жили в суеверный век, то сочли бы это достаточным указанием и последовали бы за нашими любезными проводниками, быть может, потомками тех птиц, которые в схожих обстоятельствах и, согласно преданию, очень близко от места, в которое мы прибыли, избавили Александра Великого от ужасов бездорожной пустыни. *Если бы мы вняли предзнаменованию, мы не ошиблись бы*; но мы не поддались советам фантазии и стали ждать возвращения Вахсы (проводника), который определенно исправил свою ошибку наилучшим способом» (Maspero. Adventures in the Libyan Desert, 1849. P. 69).

[Вернуться](#)

16

См.: C. D. Belgrave. Siwah (1923).

[Вернуться](#)

17

Сэр Флиндерс Питри пишет: «*Мафкат* – это *только* малахит; *мафкат нешау*, «несовершенный мафкат», – зеленый шпат; изумруд был неизвестен до греческих времен, так же как и «предок изумруда», или берилл».

[Вернуться](#)

18

Maspero. Etudes de Mythologie et d'Archéologie Egyptiennes. V. VI (1912). P. 271.

[Вернуться](#)

19

Страбон, XVII. С. 814.

[Вернуться](#)

20

Арриан, VI.19.4.

[Вернуться](#)

21

См.: W.W. Tarn in Journal of Hellenic Studies, XLI (1921). P. 2.

[Вернуться](#)

22

Ж.Е.А. II (1915). P. 38.

[Вернуться](#)

23

По-видимому, персы не считали (хотя Эсхил полагал, что считали) великого царя богом или сыном бога.

[Вернуться](#)

24

Арриан, III.2.7.

[Вернуться](#)

25

Можно усомниться в правоте Арриана, называющего номархами людей, чья власть простиралась над всем Нижним и Верхним Египтом. См.: *Holwein*. Musée Belge, XXVIII (1924). Р. 125 и дальше.

[Вернуться](#)

26

«В греческом тексте дается форма «Петисий», но в папирусах часто встречается более полный вариант, который переводится как «дар Исида» – по существу, это греческое имя Исидор. Имя Долоасп неизвестно мне как египетское и, вероятно, является персидским» (Флиндерс Питри).

[Вернуться](#)

27

Арриан, III.5. (Пер. с лат. М.Е. Сергеевко.)

[Вернуться](#)

28

Демосфен. Против Дионисодора.

[Вернуться](#)

29

Перевод с древнегреческого Г.А. Тароняна.

[Вернуться](#)

30

W.W. Tarn. Journal of Hellenic Studies XLI (1921). P. 5. Эта статья важна для понимания того, какой пост занимал Пердикка.

[Вернуться](#)

31

Тарн считает, что утверждение взято у Клитарха и недостоверно.

[Вернуться](#)

32

То, что тело было сначала оставлено в Мемфисе, подтверждается фрагментом надписи, вырезанной на куске паросского мрамора (*Athen. Mitt.*, XXII (1897). P. 187).

[Вернуться](#)

33

XVIII. P. 28.

[Вернуться](#)

34

XVII. P. 794.

[Вернуться](#)

35

Два документа (*O. Rubensohn. Elephantine-Papyri*, 2 Berlin, 1907; *Grenfell and Hunt. The Hibeh Papyri*, 84a, 1906) могут датироваться 301–300 гг. до н. э.; остается неясным, означает ли «пятый год» пятый

год правления Птолемея или пятый год после того, как Менелай стал жрецом. См.: *H. I. Bel. Archiv*, VII (1923). P. 27–29, ср.: Plaumann, Pauly-Wissowa, статья *Hiereis*.

[Вернуться](#)

36

От *ptolemos* – эпической формы слова «война», *polemos*.

[Вернуться](#)

37

В папирусе из Эль-Хибы, также относящемся к тому времени, мы видим обычную форму *Lagos*.

[Вернуться](#)

38

Цари из династии Птолемеев обычно не назывались Лагидами в древности, хотя наименование Лагид встречается в поэме Феокрита. В наши дни у французских ученых принято называть их *les Lagides*, Лагиды.

[Вернуться](#)

39

Арриан. События после Александра, I.5; *Дексипп*. F.H.G. III. С. 668.

[Вернуться](#)

40

Надпись на куске паросского мрамора относит завоевание Сирии и Финикии к 319–318 годам до н. э.

[Вернуться](#)

41

Agatharchides. F.H.G. III. P. 196.

[Вернуться](#)

42

Магаффи утверждает, что Птолемей занял Кипр в 320 году до н. э., но, кажется, это ничем не подтверждено.

[Вернуться](#)

43

Буше-Леклерк, как мы видели, считает, что именно в том походе Птолемей захватил Иерусалим в субботний день.

[Вернуться](#)

44

См.: *Bouché-Leclercq*. I. P. 58, note.

[Вернуться](#)

45

В феврале 308 года до н. э. царица Береника родила на Косе сына (будущего Птолемея II). *Ernst Meyer*. Untersuchungen z. Chronol. d. Erst. Ptol. (1925). S. 65.

[Вернуться](#)

46

См. разбор дат и критику мнения Белоха в: *W.W. Tarn*. Antigonos Gonatas. P. 449 и дальше.

[Вернуться](#)

47

Магаффи скептически отнесся к прочтению, предложенному Ревийю, и, возможно, справедливо. Однако в данном случае его вариант, по всей видимости, был принят.

[Вернуться](#)

48

Rubensohn. Elephant. P. 22, 23.

[Вернуться](#)

49

В основе данного перевода лежит перевод, который дает Магаффи в своей «Истории», с изменениями согласно французскому варианту, приведенному Буше-Леклерком. Перевод Магаффи местами невразумителен, отчасти из-за опечаток. Также см.: *Wilcken. Zeitschr. f. äg. Spr. XXXV. S. 81ff.*

[Вернуться](#)

50

Хабабаш – фараон IV века, вставший во главе египтян в борьбе против персов.

[Вернуться](#)

51

Elephant. 1–4.

[Вернуться](#)

52

Исократ. Бусирис, 12.

[Вернуться](#)

53

«Ветер, который так упорно дует с моря вверх по долине Нила в сторону далекой Нубии, обычно называется северным, но на самом деле это северо-западный ветер, как я могу удостоверить на основании внимательного наблюдения в течение двух сезонов. Следовательно, он дул прямо на берег на пути вдоль побережья от Газы до Пелусия». (М.)

[Вернуться](#)

54

«Этот редко посещаемый участок Пелусия был описан Гревиллом Честером в отчете Фонда исследования Палестины за 1880 год, с. 149. Там есть два телля, или холма, которые местные называют Золотой холм и Серебряный холм, потому что в них найдено было множество монет. Теперь их окружает соленое болото, через которое не может пройти ни один верблюд и которое мистер Честер преодолел с большим трудом, временами проваливаясь в грязь по колено. Видимо, здесь, как и в Александрии, море наступило на берег и превратило нижний уровень города в болото. Но, должно быть, его всегда было легко защитить каналами и плотинами, а также стенами».

[Вернуться](#)

55

Диодор, XXI. 5.

[Вернуться](#)

56

Плутарх (Деметрий, 31) сообщает, что Агафокл, сын Лисимаха, уже был женат на «дочери» Птолемея в 300 году до н. э. Павсаний (I.10.3) утверждает, что жену Агафокла звали Лисандрой. По мнению Евсевия (I.232), Лисандра, дочь Птолемея, вышла замуж за Александра, сына Кассандра (умершего в 293 году до н. э.). Если все это правда, то мы вынуждены предположить, что у Птолемея было две дочери по имени Лисандра. Если же придерживаться версии с одной Лисандрой, то мы должны предположить, что она вышла за Агафокла после смерти Александра, и в таком случае придется отвергнуть утверждение Плутарха как ложное.

[Вернуться](#)

57

Плутарх. Деметрий, 32.

[Вернуться](#)

58

Евсевий. Хроника, II.118.

[Вернуться](#)

59

Иосский декрет, В.С.Н. XXVII (1903), с. 394 и дальше.

[Вернуться](#)

60

Rehm. Das Delphinion in Milet. S. 306, 307.

[Вернуться](#)

61

τοὺς μὲν ἄλόντας στρατιώτας ἀποστείλας εἰς Αἴγυπτον προσέταξεν ἐπὶ τὰς ναυαρχίας διελεῖν, согласно расшифровке рукописи, *Диодор*, XIX.85.4, Весселинг (примеру которого последовал Диндорф в издании Тейбнера) изменил ναυαρχίας на νομαρχίας, что, как полагают, означает то же самое, что и νομούς. *Номархии* – деления нома в Фаюме, но если в оригинале стояло это слово, то маловероятно, что его заменило бы более странное в этом контексте слово – *навархии*. С другой стороны, трудно сказать, что такое могли быть эти ναυαρχίαι. Магаффи (и вслед за ним Буше-Леклерк) полагает, что это «морская оборона», а Буше-Леклерк объясняет их как «номы Дельты». Могло ли это греческое слово иметь такой смысл? Сомнительно.

[Вернуться](#)

62

Диодор, XX.47.

[Вернуться](#)

63

Вторая жизнь Птаха. *Budge. The Gods of the Egyptians*, II. P. 350. Согласно описанию египетской религии, с которым ознакомился Диодор (через Гекатея), «душа Осириса переселялась в быка; и потому каждый раз при освящении быка до сего дня дух Осириса входит в одного быка за другим на вечные века». Безусловно, именно этот отрывок натолкнул Мильтона на то, чтобы назвать быка просто Осирисом:

Не виден был Осирис
В мемфисских рощах и зарослях,
С громким мычанием топтавший неполицную траву.

[Вернуться](#)

64

Сэр Ф. Питри ставит под вопрос мнение Вилькена относительно закрытия коридоров: «Если все коридоры закрывались сразу же после погребения, как объяснить множество частных стел, вставленных в стены? Создается впечатление, что все залы закрывались, но коридоры были открыты для молящихся».

[Вернуться](#)

65

U. d. Pt. № 1.

[Вернуться](#)

66

History IV.83.

[Вернуться](#)

67

Вилькен. U. d. Pt., I. P. 401.

[Вернуться](#)

68

O.G.I. 16.

[Вернуться](#)

69

Archiv, VI. P. 394.

[Вернуться](#)

70

G. Lafaye. Histoire du Culte des Divinités d'Alexandrie hors de l'Egypte (1884); A. Rusch, De Sarapide et Iside in Graecia cultis (Berlin, 1906).

[Вернуться](#)

71

J. Toutain. Les Cultes Païens dans l'Empire Romain, II. P. 31 и дальше.

[Вернуться](#)

72

Эсхил. Просительницы, 980 и дальше.

[Вернуться](#)

73

Возможно, в Александрии существовал культ Александра, отличный от государственного культа Александра с эпонимными жрецами. См.: *Plaumann. Archiv, VI. P. 77ff.*

[Вернуться](#)

74

Диодор, XX.100.4.

[Вернуться](#)

75

Павсаний, I.8.6.

[Вернуться](#)

76

Michel, № 373.

[Вернуться](#)

77

Rubensohn. Archiv, V (1913). P. 156.

[Вернуться](#)

78

См. с. 53.

[Вернуться](#)

79

Комментатор Феокрита (XVII.61) сообщает, что Береника была единокровной сестрой Птолемея, дочерью Лага от другой жены, Антигоны, племянницы Антипатра. Буше-Леклерк утверждает, что все это более поздний вымысел, придуманный, чтобы связать женитьбу брата и сестры с основателем династии и обеспечить Беренике благородное происхождение. Так как ее первый муж Филипп был, как утверждает Павсаний в I.7.1, «совершенно неизвестным человеком плебейского происхождения», маловероятно, что сама Береника приходилась внучатой племянницей Антипатру.

[Вернуться](#)

80

Я не понимаю, почему Магаффи считал «таким невероятным», что любовницей Птолемея Таис была знаменитая Таис Афинская.

[Вернуться](#)

81

См. с. 43.

[Вернуться](#)

82

Летронн предположил, что Таис могла быть египтянкой, так как ее имя может представлять собою египетское Та-Исис («Та-Которая-Принадлежит-Исиде»). Сложно делать выводы, основываясь на таких фонетических совпадениях. О Таис говорится, что она определенно была афинянкой; если б она была египтянкой, едва ли этот факт остался бы незамеченным.

[Вернуться](#)

83

Теория Штрака, которую перенял и Магаффи, что у представителей династии Птолемеев было «правило», согласно которому наследник трона должен быть «рожден в пурпуре», и что сын Эвридики был сочтен негодным именно по этой причине, – это чистая выдумка, никак не подтвержденная в древних текстах.

[Вернуться](#)

84

Дата смерти Береники точно неизвестна, но тот факт, что она не упомянута в посвящении Никанора и Никандра (O.G.I. 21), свидетельствует, что в то время ее уже не было в живых.

[Вернуться](#)

85

См.: *Bouché-Leclercq*. I. P. 99, примечание 2; *Ernst Meyer*. Untersuchungen. S. 16. Аттическая надпись, процитированная Магаффи, ничего не доказывает.

[Вернуться](#)

86

Дата этого бракосочетания точно неизвестна. Буше-Леклерк предполагает, что оно состоялось сразу же после того, как молодой Птолемей был провозглашен царем.

[Вернуться](#)

87

Определенно он был еще жив в сентябре 283 года до н. э. (Elephant. 4) и, возможно, умер в июне или июле 282 года до н. э. См.: *Ernest Meyer*. Untersuchungen z. Chronologie d. erst. Ptol (1925). S. 16 и 67. (Но см. «Дополнения». С. 431.)

[Вернуться](#)

88

Можно предположить: в династии Птолемея от отца к сыну передавалось только одно династическое имя потому, что имя Лаг было недостаточно почетным. Иначе для Птолемея было бы естественно дать сыну и наследнику имя своего отца, как это сделали Селевк и Деметрий.

[Вернуться](#)

89

ξανθοκόμας (Феокрит. XVII.103).

[Вернуться](#)

90

Страбон, XVII. С. 789; Элиан. Пестрые рассказы, IV.15.

[Вернуться](#)

91

Edgar. Zeno Pap., 70, Ann. XXII (1922). P. 222f.; cf. p. 231.

[Вернуться](#)

92

History. P. 75.

[Вернуться](#)

93

Плутарх (*О воспитании детей*) пишет, что Птолемей бросил поэта в тюрьму, где тот тужил много лет. Суземиль полагает, что сначала он попал в тюрьму, а потом бежал. Это мнение подтверждается тем фактом, что Патрокл, видимо, стал главнокомандующим флотом лишь через некоторое время после смерти Арсинои.

[Вернуться](#)

94

Доказательство того, что Арсиною звали Филадельфией еще при жизни, содержится в надписях, в которых встречается формула Ὑπὲρ Ἀρσινόης φιλαδέλφου (O.G.I. I. S. 648; *Wilcken. Archiv*, III. S. 318). Буше-Леклерк (IV, с. 313) оспаривает этот вывод на том основании, что, хотя от лица мертвых посвящения не делались, Арсиноя в качестве богини не считалась мертвой. Но как можно вообразить себе посвящение от лица божества?

[Вернуться](#)

95

Схолии к Феокриту, XVII.128.

[Вернуться](#)

96

Sidney Smith. Babylonian Historical Texts (1924). P. 152.

[Вернуться](#)

97

Polyaen. IV.15.

[Вернуться](#)

98

См.: *W.W. Tarn*. J.H.S. XI (1911). P. 251ff.

[Вернуться](#)

99

Bouché-Leclercq. IV. P. 308.

[Вернуться](#)

100

P.S.I. 495 (ср.: *Archiv*, VI. P. 399).

[Вернуться](#)

101

Rehm. Das Delphinion in Milet. S. 263.

[Вернуться](#)

102

O.G.I. 35.

[Вернуться](#)

103

Zeno Pap., № 67, 68.

[Вернуться](#)

104

O.G.I. 45.

[Вернуться](#)

105

Сэр Флиндерс Питри недавно получил закладную табличку с двумя картушами «Сат Амон» («Дочь Амона») и «Арсиноя» на оборотной стороне картушей с Филадельфом. Он считает, что это могут быть картуши Арсинои I.

[Вернуться](#)

106

Ernst Meyer. Untersuchungen. S. 64, 65. (Bur see s. 386.)

[Вернуться](#)

107

Демотический папирус, в котором впервые упоминается соправитель, вероятно, был составлен 26 января 266 года до н. э. В папирусе 100 из Эль-Хибы, написанном на полтора месяца раньше, о нем ничего не сказано. См.: *Bouché-Leclercq*. IV. P. 310.

[Вернуться](#)

108

Сэр Флиндерс Питри пишет: «Почему Арсиноя II не могла в сорок иметь ребенка? Разве не может быть Эвергет ее сыном, как он заявляет, — несмотря на схолиаста?» Мне представляется, что раз комментатор, по всей видимости, пользовался текстами, хранившимися в Александрийском музее, то нельзя столь легкомысленно отвергнуть подобное недвусмысленное утверждение, касающееся выдающегося факта истории династии Птолемеев.

[Вернуться](#)

109

Michel, 130.

[Вернуться](#)

110

Ferguson. Hellenistic Athens. P. 177.

[Вернуться](#)

111

Edgar. Zeno Pap., № 36, Ann. XIX (1919). P. 34, 35.

[Вернуться](#)

112

Das Delphinion in Milet. S. 263. Но см. «Дополнения». С. 432.

[Вернуться](#)

113

Gött. Gelehrt. Anz. for 1916. S. 458. Marieluise Fritze, Der ersten Ptolemäer und Griechenland (Halle, 1917).

[Вернуться](#)

114

«Totis Babylonis atque Orientis viribus dimicavit» (Jerome on Daniel, XI).

[Вернуться](#)

115

Афиней, XIII.593В.

[Вернуться](#)

116

Haoussoullier, Milet. P. 83.

[Вернуться](#)

117

Иероним. Толкования на пророка Даниила. XI.

[Вернуться](#)

118

Edgar. Zeno Pap., № 42, Ann. XIX (1920). P. 91 и дальше.

[Вернуться](#)

119

H.I. Bell. Archiv, VII (1923). P. 20, 26.

[Вернуться](#)

120

Zeno Pap., 13.

[Вернуться](#)

121

Gressmann. Sitzungsab. d. Akad. d. Wiss. (Berlin), 1921. S. 663ff.

[Вернуться](#)

122

Zeno Pap., 3.

[Вернуться](#)

123

Zeno Pap., 84.

[Вернуться](#)

124

См. «Дополнения», с. 434.

[Вернуться](#)

125

См. дискуссию о датах в *Tarn. Antigonos*. P. 449ff.

[Вернуться](#)

126

А в детстве, я помню прекрасно,
И в девичестве духом тверда ты была.
Иль забыла, на что ты пошла ради свадьбы с царем?
Кто решительней был иль отважнее?

Каллимах в переводе Катутла. LXVI.25ff. (Рус. перевод О. Славянки.)

[Вернуться](#)

127

См.: *G. Elliot Smith. The Ancient Egyptians. Ch. V.*

[Вернуться](#)

128

Диодор, I.37; ср. III.36.

[Вернуться](#)

129

Царь Мероэ Йесруваман (280–265 до н. э.) в какой-то момент обладал достаточным могуществом, чтобы воздвигнуть свои памятники в храме Напаты. См.: *Reisner. J.E.A. IX (1923). P. 65.*

[Вернуться](#)

130

Плиний. Естественная история. VI, § 194.

[Вернуться](#)

131

Sachau. Aramäische Papyrus und Ostraka, 1911. Папирус 47 (по-гречески).

[Вернуться](#)

132

Ernst Meyer. Untersuch. S. 33. (Но см. с. 386.)

[Вернуться](#)

133

В.С.Н. VI (1882). P. 117.

[Вернуться](#)

134

Сэр Ф. Питри предполагает, что имя может быть финикийским Ва'al-yishthag («Баал умиротворен») или иберийским (Bilistages, имя илергетского вождя, Liv. XXXVI.10).

[Вернуться](#)

135

Об Эроте. 9.

[Вернуться](#)

136

Павсаний, V.8.11.

[Вернуться](#)

137

Афиней, XIII. 596E.

[Вернуться](#)

138

Edgar. Zeno Pap., № 46; см. *Wilcken. Archiv*, VI. S. 453.

[Вернуться](#)

139

Афиней, XII 536E.

[Вернуться](#)

140

Египетские титулы, которые, как утверждает Магаффи (*History. P.* 162), еще использовались в 108 году до н. э., а именно «писец двойного дома» и т. д., относятся к членам жреческого рода. Они не свидетельствуют о наличии высшей светской знати.

[Вернуться](#)

141

Das Delphinion in Milet. Bd. 264. Имя Тахос носил египетский царь IV века, но Гонгил – не египетское имя, а грекам иногда давали имена иностранных правителей (например, был греческий тиран по имени

Псамметих), так что мы не можем делать далеко идущих выводов из предположений Рема.

[Вернуться](#)

142

Lefebvre. Le Tombeau de Pétosiris (Cairo, 1924).

[Вернуться](#)

143

Op. cit. P. 33.

[Вернуться](#)

144

Wilcken. Archiv, V (1913). P. 410–416. Cp. Archiv, VI. P. 389.

[Вернуться](#)

145

Птолемайос, катох, живший в II веке до н. э., всегда называл себя македонцем, Makedōn, но египтяне напали на него, «потому что он грек», Hellēn.

[Вернуться](#)

146

Wilcken. Chrest. I.136.

[Вернуться](#)

147

В рассказе о происхождении евреев (*Иосиф Флавий*. Против Апиона. I, § 105).

[Вернуться](#)

148

Сэр Ф. Питри проводит параллель с голландцами на Яве. Он утверждает, что у них нет расовых предрассудков.

[Вернуться](#)

149

Otto. I. P. 2; note.

[Вернуться](#)

150

Tebtunis. I.247.

[Вернуться](#)

151

Wilcken. Chrest., I, № 51.

[Вернуться](#)

152

Elephant. P. 9, 13.

[Вернуться](#)

153

Wilcken. U. d. Pt. I. S. 452.

[Вернуться](#)

154

O.G.I. № 111.

[Вернуться](#)

155

Египтяне эллинистической эпохи произносили его имя таким образом, что в греческой транскрипции оно превратилось в Имутес.

[Вернуться](#)

156

P.D. Scott-Moncrieff. J.H.S. XXIX (1909). P. 79 и дальше.

[Вернуться](#)

157

По поводу отношения греков к египтянам в целом см.: *Wilcken*. Hellenen und Barbaren (Neue Jahrbücher für d. klass. Alt., 1906). S. 468 и дальше; *H.J. Bell*. Hellenic Culture in Egypt. J.E.A. VIII (1922). P. 139 и дальше; *Jouget*. Les Lagides et les Indigènes Egyptiens, Revue Belge de Philologie et d'Histoire (1923). P. 433 и дальше. См. также статью *J.G. Milne*. Graeco-Egyptian Religion, в Hastings' Ency. of Rel. and Ethics.

[Вернуться](#)

158

Wilcken. Grundzüge. S. 96.

[Вернуться](#)

159

Otto. P. 125 и дальше; *Spiegelberg*. Cat. général d. Ant. Egypt., 1908.

[Вернуться](#)

160

F. Petrie. Naukratis I (1881). P. 8.

[Вернуться](#)

161

Edgar. Annales, XXII (1922). P. 6.

[Вернуться](#)

162

H.I. Bell. Archiv, VII. P. 22 и дальше.

[Вернуться](#)

163

Halensis. I ll.91–97; *Partsch*. Archiv, VI. P. 47.

[Вернуться](#)

164

Цезарь. Александрийская война.

[Вернуться](#)

165

Поход Александра, III.1.

[Вернуться](#)

166

Бреччия локализовал ее в восточной части Канопской улицы, на северо-востоке от современного квартала Ком-эль-Дик.

[Вернуться](#)

167

Отождествлен с холмом, который сейчас называется Ком-эль-Дик.

[Вернуться](#)

168

Breccia. Alexandria ad Aegyptum (1914). P. 68.

[Вернуться](#)

169

Preisigke. Archiv, V. P. 306–308; *Wilcken. Chrest.*, № 260.

[Вернуться](#)

170

Breccia. Alexandria ad Aegyptum (1914). P. 107, 108.

[Вернуться](#)

171

То, что культ Деметры, введенный Птолемеем в Александрии, был скопирован с элевсинских мистерий, небезосновательно подвергнуто сомнению в Otto, II, с. 265, примеч. 1. Это мнение опровергается в

Оксиринхском папирусе XIII № 1612 – в отрывке речи, где автор (видимо, писавший в Александрии) приводит элевсинские мистерии как пример культа, который было бы неблагочестиво отправлять где бы то ни было, кроме Аттики. Схолиаст, писавший комментарии к одному из гимнов Каллимаха (гимн 6), утверждает только то, что Птолемей скопировал некоторые черты аттического ритуала, такие как ношение корзин (kalathos) в процессии. См.: *Deubner. Sitzungsab. d. Heidelberger Akad. d. Wiss. for 191, Abhandlung 17. P. 10.*

[Вернуться](#)

172

Lumbroso. Archiv, V. P. 400.

[Вернуться](#)

173

Против Флакка, § 78.

[Вернуться](#)

174

Chrest., № 25. Конечно, даже если мы согласимся, что в источнике речь идет об Александрии, из этого не следует, что количество фил и демонов на всем протяжении эллинистической эпохи оставалось неизменным: ровно пять и шестьдесят соответственно.

[Вернуться](#)

175

F.H.G. III. P. 164. Fragment 21.

[Вернуться](#)

176

Westermann, Vit. script. graec. min. P. 50.

[Вернуться](#)

177

См. С. 148, примеч. 1.

[Вернуться](#)

178

О филах и демах в Александрии и Птолемаиде см.: *Kenyon. Archiv*, II. P. 70 и дальше; *Breccia. Bull. de la Soc. Archéol. d'Alex.*, № 10 (1908). P. 169 и дальше; *Schubart. Archiv*, V. P. 82 и дальше.

[Вернуться](#)

179

Два человека, очевидно евреи, так как их юридическая сделка производится перед «архейоном (управлением) евреев», называют себя «македонцами» (B.G.U., № 1151. Ср. № 1132).

[Вернуться](#)

180

Кажется, именно такой смысл у слова πολιτικός в данном отрывке. Эта, по всей видимости, похвала в адрес туземного населения вызвала определенные трудности. Р. Кунце предположил исправить слово на πολύδικον, «судебный», и Лумброзо с этим согласился. Но следующая фраза οὐδ' αὐτὸ εὐκρινῶς πολιτικός подразумевает, что слово πολιτικός уже было использовано. В отрывке сопоставляется *военное* насилие и буйство, с одной стороны, и поведение, относящееся к дисциплинированной *гражданской* жизни, — с другой. Александрийские египтяне могли быть негодями и мошенниками, но они не нарушали городского порядка, они были «послушными»

негодьями со всеми достоинствами и недостатками городских беспризорников.

[Вернуться](#)

181

Klio (1910). P. 41ff.

[Вернуться](#)

182

Mitteis. Grundzüge, II. S. 27. Koschaker in Zeitsch. d. Savigny-Stiftung, XXVIII (1907). S. 254 и дальше. Статья, подробно рассказывающая об архидикастах римского Египта.

[Вернуться](#)

183

Archiv, V. P. 61–70.

[Вернуться](#)

184

B.G.U. V. IV, № 1098.

[Вернуться](#)

185

O.G.I. 136.

[Вернуться](#)

186

Я ставлю под сомнение возможность перевода, который дает Буше-Леклерк: «représente les traditions nationales» («представляет национальные традиции»).

[Вернуться](#)

187

То, что экзегет по служебному положению был также куратором (эпистатом) музея, как считал Моммзен, кажется, не подтверждается ни одним надежным свидетельством. Отдельный человек мог сочетать обе должности, как, например, Хрисерм при Птолемеи III (O.G.I. 104).

[Вернуться](#)

188

Archiv, III. P. 135.

[Вернуться](#)

189

Wilcken. Zum alexandrinischen Antisemitismus. Abh. der sächs. Ges. d. Wiss., phil.-hist. Kl. XXVII (1909).

[Вернуться](#)

190

τὰ ἐξ αἰῶνος αὐτῆς δίκαια (O.G.I. № 669, строка 62). О
протяженности Ἀλεξανδρέων χώρα, см. у Псевдо-Каллисфена, I.31.

[Вернуться](#)

191

Halensis, I.

[Вернуться](#)

192

Законы о налогах, столбцы 60, 61.

[Вернуться](#)

193

Что касается Птолемаиды в общем, см. монографию *Plaumann*.
Ptolemais in Oberägypten (Leipzig, 1910).

[Вернуться](#)

194

O.G.I. № 49.

[Вернуться](#)

195

Klio, X (1910). P. 54.

[Вернуться](#)

196

O.G.I. № 51 и 728.

[Вернуться](#)

197

Plaumann. P. 35.

[Вернуться](#)

198

Strack, 35.

[Вернуться](#)

199

P.S.I. 488.

[Вернуться](#)

200

Wilcken. Grundzüge. S. 18, 19; Chrest. 30; Archiv, VI. P. 397ff.

[Вернуться](#)

201

O.G.I. II.737.

[Вернуться](#)

202

Сэр Ф. Питри обращает внимание на большую долю фракийских и галльских имен в александрийских эпитафиях. Ср. его *Social Life in Ancient Egypt*. P. 197.

[Вернуться](#)

203

Терридат. Petrie, II.30 (правление Эвергета I); *Арсак*. Grenfell, I.12, l. 32 (148 до н. э.). Гарпал, сын Арсама (238 до н. э.); Нерутс, *L'ancienne Alex*. P. 114; Митродат, Smyly, Gurob 22.

[Вернуться](#)

204

Bull. Alex., № 19. P. 119.

[Вернуться](#)

205

Hamburg, 2; B.G.U. 1134.

[Вернуться](#)

206

F. Pringsheim in *Zeitsch. d. Savigny-Stiftung*. V. XLIV (1924). P. 396ff;
J. G. Tait in *Archiv*, VII (1924), 175f.

[Вернуться](#)

207

Wilcken. U. d. Pt., № 72.

[Вернуться](#)

208

Синагога в Атрибисе, O.G.I. № 96, ср. № 101; в Магдоле, Lille, II, № 35; в Схедии, O.G.I. II, № 726; в Ксенефирисе в Фаюме, Preisigke, № 5862; в Керкеосирисе (Tebtunis, № 86); Асилия дарована синагогам, O.G.I. № 129, Chrest., № 54; евреи в Псенирисе в Фаюме, Chrest., № 55; евреи платили налог на землю (то есть являлись земледельцами) или вносили деньги в царскую сокровищницу (то есть являлись откупщиками); *Wilcken*, Ostr. P. 523ff, cf. Chrest., № 261, где исправлено мнение, высказанное в Ostr.; еврей, который украл лошадь (прочтение имени Даноул ошибочно; автор папируса говорит: «чьего имени я не знаю», Chrest., № 57); воины-евреи в войске Птолемея; Breccia, Bull. Alex., 1902. P. 48 и дальше; Hibeh, № 96; Petrie, III № 21g, l. 12; чиновник, В.С.Н. XXVI (1902). P. 454; генерал, Archiv, I. P. 48 и дальше; еврейские надписи на храме Пана в Фиваиде, O.G.I. № 73, 74; самаритяне в Египте, см. *Schürer*, III. P. 24ff.

[Вернуться](#)

209

Однако евреи встречаются в Фивах около 200 года до н. э. и заключают сделки между собой на арамейском языке. An Aramaic Papyrus from Egypt, Proceedings of the Soc. of Bibl. Archeol. XXIX (1907). P. 260 и дальше.

[Вернуться](#)

210

О том, что у них были гражданские права, утверждается в: *Schürer*. III. P. 79, и *J. Juster*. Les Juifs dans l'Empire Romain; с другой стороны, см. *Wilcken*. Zum Alexandrinischen Antisemitismus, и *Bell H.I.* Jews and Christians in Egypt (British Museum, 1924). В последней монографии можно найти ссылки на литературу по данному вопросу для дальнейшего изучения.

[Вернуться](#)

211

Филон. Против Флакка, § 74.

[Вернуться](#)

212

Joseph Flavius. Arch. XIV, § 117.

[Вернуться](#)

213

Псевдо-Аристей, § 310.

[Вернуться](#)

214

Иосиф Флавий. Против Апиона, II, § 33 и дальше.

[Вернуться](#)

215

O.G.I. II, № 742. Другие упоминания синагог в Александрии: *Accordi. Stud. Scuola Pap. Milano*, III. P. 24; *Inscr. graec. ad res Roman. per-tin. I*, № 1077. О евреях в общем см.: *F. Petrie. Status of the Jews in Egypt* (1922); *Modona, in Aegyptus*, II. P. 253ff; III. P. 19ff.

[Вернуться](#)

216

Magd. 2, Chrest., № 101.

[Вернуться](#)

217

F. Petrie, III. P. 32.

[Вернуться](#)

218

O.G.I. 28.5.

[Вернуться](#)

219

Smyly. Gurob, № 22 (cf. Archiv, VII. P. 71, 72).

[Вернуться](#)

220

Lefebvre. Annales, XX (1920). P. 238 и дальше; XXI. P. 163. О возможных буддийских празднествах в Мемфисе см. с. 189.

[Вернуться](#)

221

Так он называется в Податном уставе Птолемея II (258 г. до н. э.).

[Вернуться](#)

222

См. комментарий в: Tebtunis, II. P. 398ff.

[Вернуться](#)

223

F. Petrie, II.IV (4).

[Вернуться](#)

224

F. Petrie, II.XIII (5).

[Вернуться](#)

225

Witkowski, № 6.

[Вернуться](#)

226

В примечании у Ростовцева (Large Estate. P. 18) говорится, что Феодор называется архитектором уже в 249–248 годах до н. э. Однако, так как считается доказанным, что Клеон еще был архитектором в 246 году до н. э., вероятно, мы должны предположить, как и предлагает Ростовцев, что Феодор на самом деле был лишь подчиненным инженером.

[Вернуться](#)

227

Даже в Афинах V века до н. э. в хозяйстве богатого человека, такого как Каллий, были рабы-евнухи (Платон, Протагор, 314C).

[Вернуться](#)

228

О том, насколько распространено заблуждение, согласно которому Клеопатра была египтянкой, а традиции птолемеевского двора были традициями фараонов, свидетельствует тот факт, что даже столь

широко образованный человек, как мистер Бернард Шоу, вполне разделяет это заблуждение в своем сочинении о Цезаре и Клеопатре. Это все равно как если бы драматург будущих веков изобразил британского вице-короля в Дели в виде индийского раджи или вывел бы на сцену президента Соединенных Штатов в виде вождя краснокожих с томагавком и перьями.

[Вернуться](#)

229

Сатир (F.H.G. III. P. 165) приводит официальную (сфабрикованную) родословную. Согласно ей, Птолемеи происходят от Геракла и Диониса через Арсиною, *мать* Птолемея I, чьи предки ответвились от предков старой династии македонских царей (по словам Диодора, VII.15). В какой точке генеалогические древа Птолемея и Александра Великого совпали, неясно, поскольку в тексте что-то пропущено. Поскольку царская династия происходила от Геракла, а Деянира, жена Геракла, была дочерью Диониса, то Птолемеи таким образом выводили свое собственное божественное происхождение.

[Вернуться](#)

230

Wilcken, U. d. Pt. I. P. 29; *W. Weber*, Die Ägyptisch-griech. Terrakolten; *Scott-Moncrieff*. J.H.S. XXIX (1909). P. 79–90.

[Вернуться](#)

231

Large Estate. P. 44.

[Вернуться](#)

232

Аналогичный обычай существовал в фараоновском Египте (см.: *F. Petrie. Ancient Egypt*, 1924. P. 119), а также в Древней Персии. Возможно, старый македонский двор перенял его у персов, но он легко мог возникнуть и независимо в любом монархическом государстве.

[Вернуться](#)

233

Аполлодор. Анналы, 1908. С. 236; *Helenus*, O.G.I. 256. Я не вижу оснований для утверждения Дейсмана, что звание синтрофа впоследствии стали получать и те, кто на самом деле не воспитывался при дворе.

[Вернуться](#)

234

Archiv. VI. P. 395.

[Вернуться](#)

235

В документах римского времени, в которых в этом отношении, безусловно, описаны реалии и эллинистической эпохи, «товарищи» называются οἱ ἐν τῷ Μουσείῳ σιτούμενοι ἀτελεῖς φιλόσοφοι (O.G.I. II.712,714; Оху. III.471).

[Вернуться](#)

236

Galen. XVII.I. P. 603.

[Вернуться](#)

237

Ф. Питри предполагает, что в библиотеке хранились греческие переводы множества рукописей, написанных на других языках (египетском, еврейском, пуническом), но ни у единого греческого автора не встречается указание на то, что он знал о таких переводах.

[Вернуться](#)

238

O.G.I. 172.

[Вернуться](#)

239

Halensis, строка 260 и дальше.

[Вернуться](#)

240

Афиней, V.196 и дальше.

[Вернуться](#)

241

Mahaffy. Greek Life and Thought. P. 216 и дальше; Empire of the Ptolemies, § 74.

[Вернуться](#)

242

Untersuchungen. P. 66 и дальше. Другие упоминания о празднестве: *Dittenberger*. Sylloge (3-е изд.), № 390 (первое введение, 278 до н. э.); P.S.I. IV, № 364; Freiburg, № 7 (250 до н. э.); папирус Зенона, № 54 (246 до н. э.); Halensis. I l. 263 (конец правления Птолемея II); Mitth. Arch.

Inst. XLIV (1919). P. 25 и дальше (242 до н. э.?); папирус Граденвица, № 6 (222 до н. э.).

[Вернуться](#)

243

Köhler. Inscr. Att. II, № 1367.

[Вернуться](#)

244

Hibeh, № 99 и 128. Арсиноя умерла в месяц пахон; папирусы относятся к 20-му числу македонского месяца даэсия, который в 270 году до н. э. соответствует концу мая – началу июня. См. *Ernst Meyer. Untersuchungen. S. 65.* (Но см. с. 432.)

[Вернуться](#)

245

Возможно, первый пример этой традиции в греческом мире – это Клеарх, тиран Гераклеи Понтийской (364–352 до н. э.), который заставил народ поклоняться себе как Зевсу.

[Вернуться](#)

246

Плиний, XXXVII, § 108; XXXVI, § 68. «Этот обелиск высотой 85 локтей был чудом в римскую эпоху. Я старался объяснить его непостижимое исчезновение гипотезой, что он пошел на изготовление сохранившейся до наших дней колонны, известной как колонна Птолемея» (М.).

[Вернуться](#)

247

Схолии к Феокриту. XVII.121. В нашем распоряжении нет источников, которые доказывали бы, что греки поклонялись Филотере, хотя ей и поклонялись в качестве египетского божества в храмах (Otto, I. P. 348). Но то, что греки тоже почитали ее, вероятно, следует из сообщения греческого схолиаста о ее обожествлении.

[Вернуться](#)

248

Посвящение Арсиное в Александрии; *Strack*, № 24. Статуя Арсиной в Александрии, возведенная Фестором, сыном Сатира; *Strack*, № 27.

[Вернуться](#)

249

Построено главнокомандующим флота Калликратом. Короткое стихотворение Посидиппа с упоминанием о нем было найдено в одном из папирусов Серапеума (*H. Weil. Un papyrus inédit. S. 30, 31*).

[Вернуться](#)

250

Strack, № 25.

[Вернуться](#)

251

Petrie, I, № 21; III, № 1.

[Вернуться](#)

252

Otto. I. P. 349; II. P. 334.

[Вернуться](#)

253

Chrest., № 110.

[Вернуться](#)

254

P.S.I. IV, № 361, 4; ср.: Archiv, VI. P. 390.

[Вернуться](#)

255

Tebtunis, II. P. 407.

[Вернуться](#)

256

Rostovtzeff. A Large Estate in Egypt. P. 3. Очерк системы правления фараоновского Египта можно найти в: *F. Petrie*. Social Life in Ancient Egypt.

[Вернуться](#)

257

Rostovtzeff. Large Estate. P. 20.

[Вернуться](#)

258

В папирусе Зенона, 61 (5–6-й годы правления Птолемея III) сказано, что его дорея (дарованная земля) была конфискована.

[Вернуться](#)

259

Касательно рассматриваемого вопроса о том, были ли в стране туземные чиновники со званием диойкета, подчинявшиеся верховному диойкету, см.: *Wilcken. U. d. Pt. I. P. 162.*

[Вернуться](#)

260

До сих пор найдено лишь одно отдельное упоминание о гиподиойкете, относящееся к периоду до II века до н. э. (при Птолеме II), *Archiv, VI. P. 394.*

[Вернуться](#)

261

Bouché-Leclercq, III. P. 387.

[Вернуться](#)

262

«Некто убил свиней клеруха; некие торговцы провизией смошенничали с доставкой товаров; соарендаторы спорят о том, как делить поле; женщину ошпарили в общественной бане по халатности работника; на кого-то плюнула проститутка, потому что он отверг ее домогательства, и так далее и тому подобное» (*Bouché-Leclercq. IV. P. 199*). Петесис, главный бальзамировщик священных быков Аписа и Мневиса, страдает от разнообразных притеснений со стороны чиновников (99 до н. э.). Он шлет петицию в Александрию с просьбой, чтобы царский эпистолограф прислал ему рескрипт, который он мог бы приколоть на своем доме, приказывающий чиновникам оставить его в покое. Рескрипт послан 29 тот (15 октября); копии его переданы из одного бюро в другое; экземпляр, полученный эпистатом Анубеума, датируется 5 фаофи (29 октября) (*Leiden, Pap. G*).

[Вернуться](#)

263

На одном имеющемся у нас папирусе (Leiden, G.6), по-видимому, стоит оригинальная подпись Птолемея IX (Александра I). Если это действительно так, то это старейший из существующих царских автографов (Grundzüge, I. S. 7).

[Вернуться](#)

264

Плутарх. Следует ли старику участвовать в государственных делах, 11.

[Вернуться](#)

265

Wilcken, U. d. Pt., № 14.

[Вернуться](#)

266

XVII. P. 787.

[Вернуться](#)

267

См.: E. v. *Druffel*. Archiv, VI (1920). P. 33. Elephant., 7.6, 12; 17.17. Cp. Archiv, V. P. 215.

[Вернуться](#)

268

Иногда один стратег руководил двумя номами (*Hohlwein. Musée Belge*, XXVIII (1924), 125 и дальше).

[Вернуться](#)

269

Видимо, Фаюм когда-то составлял несколько номов, которые при Птолемах, когда он стал единым номом под властью одного стратега, стали отдельными номархиями (*Jouget. Rev. d'Et. Anc.* XXIV (1922). P. 340, 341).

[Вернуться](#)

270

Вилькен считает, что антиграфей занимал положение независимое и от эпимелета, и от эконома, будучи чиновником на службе в финансовом департаменте, к которому могли обратиться либо диойкет, либо эпимелет, чтобы получить информацию, когда требовалось обосновать оплату счетов. Сфера деятельности каждого антиграфей ограничивалась территориально, хотя она не всегда совпадала с номом (например, τὰ κατὰ Μέμφιν) (*U. d. Pt. I*. P. 196, 197).

[Вернуться](#)

271

Со временем штат чиновников, ведающих финансово-экономическими делами царства, вероятно, становился все более разветвленным. Во II веке до н. э. глава финансовой администрации нома, вероятно, назывался χο ἐπὶ τῶν προσόδων («надзиратель за доходами»), а подчинялись ему в Саисском номе два эпимелета, каждый в одной из единиц нома (*Louvre*, 63, VII); также вместо одного эконома в номе служили два – один занимался доходами в денежной форме, другой доходами в виде зерна.

[Вернуться](#)

272

О земледельцах и их наделах в фараоновском Египте см.: *F. Petrie. Ancient Egypt* (1925). P. 105.

[Вернуться](#)

273

Tebtunis, 5, l.10ff; cf. 32.

[Вернуться](#)

274

Bouché-Leclercq, III. P. 298.

[Вернуться](#)

275

О принудительном труде в эллинистическом Египте в целом см.: *F. Oertel. Die Liturgie* (1917).

[Вернуться](#)

276

Ростовцев считает вероятным, что «царская земля» преобладала в Нижнем Египте и Фаюме, а «священная земля» в Верхнем Египте; но это чистое предположение (*J.E.A. VI* (1920). P. 165).

[Вернуться](#)

277

Lumbroso. Archiv, V. P. 401.

[Вернуться](#)

278

Chrest., № 338.

[Вернуться](#)

279

Свинина была под запретом для коренных египтян, но греки и придворные, несомненно, употребляли ее в пищу.

[Вернуться](#)

280

См. *Bouché-Leclercq*. IV. P. 121 и дальше.

[Вернуться](#)

281

Wilcken. Schmoller's Jahrbuch, год 45 (1921). S. 93.

[Вернуться](#)

282

Müller. Geograph. Graec. Minores, I. S. 123ff. Обо всем, что касается добычи камня и руды в эллинистическом Египте, см.: *Fitzler*. Steinbrüche und Bergwerke im ptolemäischen und römischen Aegypten (Leipzig, 1910).

[Вернуться](#)

283

Оливковые деревья росли в Фаюме, но оливковое масло, кажется, не входило в монополию.

[Вернуться](#)

284

Hibeh, 80.

[Вернуться](#)

285

Приказ от одного чиновника другому о том, чтобы оговоренное количество зерна – возможно, отправленное из каких-то клеров, которые снова перешли к государству, – было погружено на борт kontōton basilikon, царской баржи, 265–264 годы до н. э. (Hibeh, 39). Подтверждение навклера, что он получил от правительственных агентов зерно и погрузил его на керкур (царскую шаланду), 251–250 годы до н. э. Ср.: Hibeh, 38.

[Вернуться](#)

286

Ф. Питри сравнивает ее с «зерновой рентой» в Уэльсе.

[Вернуться](#)

287

Chrest., 410, 411.

[Вернуться](#)

288

Chrest., 3.

[Вернуться](#)

289

Страбон, XVII, 793.

[Вернуться](#)

290

P.S.I. 628. Существует упоминание об особом чиновнике (при Птолемеи II), обязанностью которого было обеспечивать царю доход от торговли пряностями (ὁ ἐπὶ τῆς λιβανωτικῆς).

[Вернуться](#)

291

О южной торговле эллинистического Египта в целом см.: *Rostovtzeff*. Archiv, IV. P. 304ff. Также см.: *F. Petrie*. Social Life in Ancient Egypt. P. 159ff.

[Вернуться](#)

292

F. Petrie. Social Life in Ancient Egypt. P. 185ff.

[Вернуться](#)

293

O.G.I. I.132.

[Вернуться](#)

294

Плиний, VI, § 58.

[Вернуться](#)

295

XVIII 798.

[Вернуться](#)

296

II 118.

[Вернуться](#)

297

Отто (Pauly-Wissowa, статья Hippalos) в качестве предположения относит это событие примерно к 100 году до н. э.

[Вернуться](#)

298

Wilcken. Archiv, III. S. 320.

[Вернуться](#)

299

The Status of the Jews in Egypt. P. 33.

[Вернуться](#)

300

Zeno Pap. 73 and 75. Ср.: *Wilcken. Archiv*, VII. S. 293, 924.

[Вернуться](#)

301

Chrest., 161.

[Вернуться](#)

302

Chrest., 162.

[Вернуться](#)

303

О финансовой системе эллинистического Египта см.: *Rostovtzeff*, J.E.A. VI (1920); *Wilcken*. Alexander der Grosse und die hellenistische Wirtschaft, в: *Schmoller Jahrbuch* (Year 45, 1921).

[Вернуться](#)

304

См.: *F. Petrie*. Ancient Egypt, 1925. P. 45ff.

[Вернуться](#)

305

Так Парч объясняет это слово (*Archiv V* (1913). P. 455).

[Вернуться](#)

306

Аттический закон разрешал браки между детьми одного отца при условии, что у них были разные матери. Браки между детьми одной матери, даже от разных отцов, считались кровосмесительными.

[Вернуться](#)

307

Такое же выражение существовало у древних израильтян, см.: Песнь песней, 4:9: «Моя сестра, моя супруга».

[Вернуться](#)

308

См.: *Bouché-Leclercq*. IV. P. 86. Сама простагма не сохранилась; Ревийу сделал вывод о существовании такой простагмы на основании более поздних папирусов 219–218 годов до н. э.

[Вернуться](#)

309

Louvre, № 13. Это любопытный документ P.S.I. 64, в котором женщина по имени Таис в письменной форме обручается с мужчиной и обязуется жить с ним как «законная жена» (ὡς γυνήσῖα γαμετή).

[Вернуться](#)

310

Wilcken. U. d. Pt. I. S. 232. О египетском гражданском законодательстве при Птолемах см.: *Mitteis*, *Grundzüge*, II; *Partsch*, in *Abhand. d. sächs. Akad. d. Wiss., philolog.-hist. Klasse*. V. XXXII (1920).

[Вернуться](#)

311

Этот термин не ограничивается ходатайствами к царю. Обращения к хрематистам, которые представляли греков, тоже назывались энтевксисами, и в III веке до н. э. эти термины использовались не так строго и формально, как впоследствии (*Wilcken*. *Archiv*, VII. S. 81).

[Вернуться](#)

312

Полибий, XV.31.

[Вернуться](#)

313

Отдельный орган хрематистов обслуживает всю Фиваиду от Сиены до Панопольского нома включительно, но это еще не доказывает то, что в других областях Египта власть этого органа простиралась на несколько номов, хотя в некоторых случаях именно так и было. Существует надпись, сделанная тремя хрематистами, которые объезжали Просопитский и «другие предписанные номы» в 174–172 годах до н. э. (O.G.I. 106).

[Вернуться](#)

314

Bouché-Leclercq, IV. P. 214.

[Вернуться](#)

315

Tebtunis, I.34.

[Вернуться](#)

316

F. Petrie, III.28.

[Вернуться](#)

317

Zeno Pap. 33–35. Ср.: Wilcken. Archiv, VI (1920). S. 451.

[Вернуться](#)

318

Tebtunis, I.5.

[Вернуться](#)

319

Grenfell (I), 11.

[Вернуться](#)

320

Tebtunis, I.54.

[Вернуться](#)

321

Tebtunis, I.50.

[Вернуться](#)

322

F. Petrie, II.18 (1).

[Вернуться](#)

323

Grenfell (II), The Amherst Papyri (London, 1901), II.33.

[Вернуться](#)

324

F. Petrie, II.22; III.26.

[Вернуться](#)

325

F. Petrie, III.36.

[Вернуться](#)

326

Tebtunis, I.7.

[Вернуться](#)

327

В Мемфисе махерофоры, видимо, были организованы в ассоциацию, культовым божеством которой являлся Аполлон. Как считает Буше-Леклерк, это были идумеи, поклонявшиеся своему палестинскому богу под греческим именем (217–216 до н. э.).

[Вернуться](#)

328

Hibeh, I № 41, l. 18. Tebtunis, I, № 112, ll. 81, 86; № 116, I. 57; № 120, l. 128; № 121. Lille, I, № 25, ll. 45, 64.

[Вернуться](#)

329

Zeno Pap. 33.

[Вернуться](#)

330

B.G.U. 1250, l. 11ff.

[Вернуться](#)

331

Chrest., 448.

[Вернуться](#)

332

Louvre, 63, столбец I L. 20.

[Вернуться](#)

333

Основная книга о египетских военных силах эпохи эллинизма — *Lesquier. Les Institutions Militaires de l’Egypte sous les Lagides* (Paris, 1911). *Meyer Paul, Das Heerwesen der Ptolemäer und Römer in Aegypten* (1900) сейчас во многом устарела, хотя все еще может пригодиться в качестве справочной литературы.

[Вернуться](#)

334

См. с. 87.

[Вернуться](#)

335

Louvre, 63 (переиздание Petrie, III. P. 18 и дальше), столбец I L. 20; столбец VII L. 197; ср. столбец IV L. 105. *Lesquier, Rev. Philol.*, 1907. P. 297.

[Вернуться](#)

336

Tebtunis, I. P. 551ff.

[Вернуться](#)

337

Tebtunis, I, № 120 and 139.

[Вернуться](#)

338

Фракийские имена, Archiv, VI.385.

[Вернуться](#)

339

См. с. 137.

[Вернуться](#)

340

Пергамский грек относится к «фракийцам» и т. п. (*Petrie*, III.112ff).

[Вернуться](#)

341

Кроме Лекье, см. некоторые подчиненные звания συνταγματάρχης, τακτομισθος в: *H. I. Bell* in Archiv, VII (1923). P. 24.

[Вернуться](#)

342

Bull. Alex., IV (1902). P. 94; ср.: *Strack*. Archiv, II, № 7.

[Вернуться](#)

343

παντῆ κρηπίδες, παντῆ χλαμυδηφόροι ἄνδρες (Феокрыт 4).

[Вернуться](#)

344

Феокрыт. Идиллия XIV.

[Вернуться](#)

345

Герод, I.23 и дальше.

[Вернуться](#)

346

F. Petrie, III.20, столбец I.

[Вернуться](#)

347

См. статью Katoikoi, Oertel, Pauly-Wissowa.

[Вернуться](#)

348

Lille, I, № 39; ср.: Archiv, VII. P. 297.

[Вернуться](#)

349

Berlin Papyrus, № 11773; ср.: Wilcken in Archiv, VI. S. 367 и дальше.

[Вернуться](#)

350

Rylands, III. P. 150.

[Вернуться](#)

351

Lesquier. P. 224; cf. P. 232 из Берлинского папируса, еще неизданного.

[Вернуться](#)

352

Tebtunis, № 124 (около 118 года до н. э.); Pap. Reinach, 21.3 f. (конец II века до н. э.).

[Вернуться](#)

353

На основании B.G.U., 1226–1230 Вилькен высказывает предположение, что, когда клерух отсутствовал по причине действительной службы, его участок возделывали царские земледельцы, как если бы он составлял часть «царской земли» (Archiv, VII. P. 291; ср. также с. 297).

[Вернуться](#)

354

Афиней, V.203D. См. рассмотрение этой темы в: *Tarn. Antigonos Gonatas*. P. 454 и дальше.

[Вернуться](#)

355

Если *ναυαρχία* – правильное прочтение Диодора, XIX.85.4.

[Вернуться](#)

356

Klio, XV.376ff.

[Вернуться](#)

357

Louvre, 63, l. 22.

[Вернуться](#)

358

Plaumann. P. Gradenwitz. S. 44.

[Вернуться](#)

359

Hibeh, 110.

[Вернуться](#)

360

F. Petrie, II, № 20.

[Вернуться](#)

361

См.: *Rostovtzeff. Archiv*, IV. P. 301 и дальше; *Oertel. Die Liturgie*. P. 24; *Chrest.*, № 451, 452.

[Вернуться](#)

362

Это не была каста в строгом смысле, так как время от времени люди со стороны и даже греки допускались в их число, и дети жрецов не обязательно должны были становиться жрецами.

[Вернуться](#)

363

Ростовцев ставит это под вопрос, но см.: *Oertel. Die Liturgie*. P. 407.

[Вернуться](#)

364

Храмы на островах Филэ, Элефантина и Абатон, вторая половина II века до н. э. (O.G.I., № 111). Возможно, ежегодный доход верховного жреца в Мемфисе при Птолемея Авлете складывался из того, что поставляли храмы всего Египта (см. с. 388). Данный факт свидетельствует о том, что в каком-то смысле он являлся главой египетской «церкви». Но мы не знаем, насколько Пшерени-птах был обязан своим положением специальному указу царя, а в какой мере — традиционной религиозной системе.

[Вернуться](#)

365

Возможно, в них работали принадлежащие храмам рабыни (иеродулы). В современной Индии прикрепленные к индуистским

храмам священные проститутки (девадаси), часто предназначенные богу еще с раннего детства, – обычное явление.

[Вернуться](#)

366

Храмам разрешалось в течение двух месяцев в году производить кунжутное масло для своих нужд, но строго запрещалось продавать его.

[Вернуться](#)

367

Wilcken, U. d. Pt. I. S. 280.

[Вернуться](#)

368

Wilcken. Grundz. I. S. 111. Иногда один и тот же человек занимал посты верховного жреца и эпистата. *Oertel*. Die Liturgie. P. 44, вопрос о том, назначался ли эпистат царем.

[Вернуться](#)

369

Что происходило с зерном после того, как оно оказывалось в тесавре, по мнению Ростовцева, является «вопросом первостатейной важности», а согласно точке зрения Вилькена, вопросом по-прежнему сложным.

[Вернуться](#)

370

Wilcken. Ostr. I. S. 147ff, 194ff.

[Вернуться](#)

371

Диодор, I.84.

[Вернуться](#)

372

Otto. I. P. 381.

[Вернуться](#)

373

Krall. Sitzungsab., Vienna cv. (1884). P. 375, 376.

[Вернуться](#)

374

Надпись, датированная периодом эллинизма и сделанная жрецами Хмуну на острове Сехель, чтобы увековечить дар фараона 3-й династии (C. A. de l'Acad. des Inscr., 19 мая, 1893. P. 156).

[Вернуться](#)

375

Сэр Флиндерс Питри ставит вопрос о том, платил ли царь за строительство всех храмов, где он изображен и где ему отданы почести. Он считает, что часто жрецы оплачивали их сооружение из собственных доходов, а украшали стены царскими картушами и фигурами царя в виде божественного фараона, так как этого требовали отношения между священством и государством. Он указывает на то, что грандиозный храм в Эдфу был завершен в тот самый момент, когда Птолемею Авлету отчаянно не хватало денег.

[Вернуться](#)

376

O.G.I. № 761.

[Вернуться](#)

377

Chrest., № 70. Ср. O.G.I. II.736. По теме асии см.: *Lefebvre*. *Annales*, XIX. P. 38 и дальше; XX. P. 249, 250.

[Вернуться](#)

378

Strack. P. 158ff; *Otto*. I. P. 204ff.

[Вернуться](#)

379

S.I.G. 2905; Надпись в Британском музее 403, l. 135.

[Вернуться](#)

380

Титулом «великого царя», по-видимому, величали тех царей, которые завоевали Вавилонию, древнюю столицу азиатской империи.

[Вернуться](#)

381

Речь идет не об отце и матери Птолемея, а о родителях его предка Гилла, чьим отцом был Геракл, а матерью Деянира, дочь Диониса.

[Вернуться](#)

382

То есть, разумеется, Келесирию (Палестину), а не Сирию к северу от Ливана.

[Вернуться](#)

383

См. с. 213.

[Вернуться](#)

384

В армии Селевкидов были индийские слоны.

[Вернуться](#)

385

Имеется в виду убитая Береника Египетская, царица Сирии; «корень ее» – это род, из которого произошла династия Птолемея; «отрасль от корня ее» – отец Береники Птолемей II; тот, кто «восстанет от корня ее», – это ее брат Птолемей III.

[Вернуться](#)

386

«Царь северный» – царь Сирии Селевк II; его «укрепления» – какой-то укрепленный город селевкидского царства, возможно, Селевкия в Пиерии, или, может быть, обобщающий термин, который означает укрепленные города селевкидского царства вообще. В таком случае «их» означает такие укрепления во множественном числе.

[Вернуться](#)

387

Птолемей III.

[Вернуться](#)

388

Дан., 11: 7–9.

[Вернуться](#)

389

Юстин, XXVII.1, 5 и дальше.

[Вернуться](#)

390

VIII.50.

[Вернуться](#)

391

Надпись в Канопе, ll. 27–36; Athen., V.209B.

[Вернуться](#)

392

C.I.G. 2905, l. 155.

[Вернуться](#)

393

Очевидно, персидский аристократ на службе у Селевкидов.

[Вернуться](#)

394

Путь на корабле из Селевкии в Антиохию по Оронту проходит по необычайно красивой долине, знаменитой в Античности.

[Вернуться](#)

395

Изображения богов и т. п.

[Вернуться](#)

396

εἰς ὅλους τοὺς τόπους. Конечно, Олло знает, что в современном греческом языке слово ὅλοι используется вместо слова πάντες со значением «все», но едва ли это правдоподобно в документе такого рода.

[Вернуться](#)

397

Archiv, VII. P. 73; note 2.

[Вернуться](#)

398

Можно сравнить с обращением царицы Арсиной к войску перед битвой при Рафии (*Полибий*, V.83.3).

[Вернуться](#)

399

А.Г. Роос (Mnemosyne, Nov. Ser. LI, 1923 P. 262ff) совершенно прав, ставя под вопрос то, стал бы простой командир вообще говорить о царице словами ἡ ἀδελφή; и, соглашаясь с распространенной гипотезой, согласно которой царица является Береникой Сирийской, он предполагает, что автор – ее младший брат Лисимах. Но столбцы IV ll. 20–25, как мне кажется, доказывают, что автор – сам Птолемей, и убийство Береники Сирийской после описанной в папирусе ситуации, по-моему, все же невероятно даже для теории Рооса.

[Вернуться](#)

400

Полибий, V.88. (Пер. Ф.Г. Мищенко.)

[Вернуться](#)

401

A.J. Reinach. Rev. des Et. Gr., 1911 (S. 392).

[Вернуться](#)

402

Трог. Пролог, XXVIII.

[Вернуться](#)

403

Трог. Пролог, XXVII и XXX; *Евсевий*, I, с. 251, Schoene.

[Вернуться](#)

404

Spiegelberg. Catalogue Général du Mus. du Caire, Die demot. Denkmäler, I № 31110. Ср. *Ernst Meyer.* Untersuch. S. 56.

[Вернуться](#)

405

Πτολεμαίου νόσω τὸν βιὸν μεταλλάξαντος (*Πολιβιῦ*, II.71.3).

[Вернуться](#)

406

Юстин, XXIX.1.5.

[Вернуться](#)

407

αἰχμάλωτοι ἀπὸ τῆς Ἀσίας (*Petrie*, II. P. 99).

[Вернуться](#)

408

O.G.I. № 73, 74.

[Вернуться](#)

409

Bull. Alex. 4th fasc. (1902). P. 48ff.

[Вернуться](#)

410

Strack, G.G.A. за 1900, № 8. P. 648, и *Wilcken*, Ostr. I. P. 783, склонны думать, что начало реформы – заслуга египетских жрецов. Это верно, что астрономических знаний, которыми владели жрецы, даже если они были и менее научными, чем у греков, во всяком случае, хватило бы им, чтобы додуматься до високосного года. Скорее именно характерный для любого духовенства, и в первую очередь для египетских жрецов, консерватизм в отношении традиционных религиозных установлений, вероятно, заставил их принять реформу только лишь по царскому приказу, а не по собственной воле. Согласно тексту самого указа, зачинателями реформы были Боги Благодетели.

[Вернуться](#)

411

Hibeh, 89.

[Вернуться](#)

412

Ernst Meyer. Untersuch. z. Chron. S. 69.

[Вернуться](#)

413

6 марта 237 года до н. э.

[Вернуться](#)

414

Вероятно, храм Осириса, построенный Птолемеем III и Береникой, в котором они были σύνναοι. См. с. 254.

[Вернуться](#)

415

«Здесь без дополнительных указаний возобновлена форма множественного числа (царь и царица)» (М.).

[Вернуться](#)

416

«В соответствии с порядком слова, εὐσταθεύσαν – второе сказуемое, так что это могло означать «даровали, чтобы их царское величие было прочным», и, быть может, это указывает на то, что им угрожала и обратная возможность» (М.).

[Вернуться](#)

417

«Кролл (*Krall. Studien, etc.*, II.49) указывает, что иероглифический аналог слова γεγενημενους означает: [жрецы] «которых царь ввел в храмы», таким образом признается главенство царской власти» (М.).

[Вернуться](#)

418

Хотя титулом *басилевс* в эллинистическом Египте именовался только правящий царь, титул *басилисса* особой милостью давался принцессам, которые в привычном смысле слова не являлись царицами, например Филотере (*Dittenberger. O.G.I.*, № 35).

[Вернуться](#)

419

«Формулировка предложения приводит нас к мысли, что она умерла во младенчестве, но это, видимо, не так, поскольку сохранилась зеленая ваза с надписью θεων ευεργετων Βερενικης βασιλισσης αγαθης τυχης (Strack, № 48), которая относится к этой принцессе» (М.).

[Вернуться](#)

420

См. с. 254.

[Вернуться](#)

421

Египетская богиня Тафне.

[Вернуться](#)

422

Кикеллии упомянуты у *Епифания* (II, р. 482, *Dindorf*) как александрийский праздник, соответствующий римским сатурналиям.

[Вернуться](#)

423

«Мне представляется вероятным, что для девушек, входящих в возраст обожествленной принцессы, были установлены какие-то обязанности, по крайней мере, если я верно читаю папирус Гренфелла I. XVII L. 11:

ενηλικοι δε

[ημεις γενομεναι]τα καθηκοντα τελη θεαι Βερενικι κυρι

[αι παρθενων]εδωκαμεν εν τωι λ L и т. д.

Против этого, хотя и небезапелляционно, свидетельствует то, что в таком случае *κυρια* заменяется на *ανασσα*, термин, который стоит в декрете» (М.).

[Вернуться](#)

424

В двух наших текстах соответственно 1) *προωριμος*, 2) *προωτος*. И в том и в другом случае смысл неясен.

[Вернуться](#)

425

«Вознесут» — потому что храмы в Египте строятся на возвышенностях над полями.

[Вернуться](#)

426

Египетский язык, то есть демотическое письмо.

[Вернуться](#)

427

O.G.I. № 60.

[Вернуться](#)

428

То, что Птолемей и Береника не называют себя Богами Благодетелями, может свидетельствовать о том, что надпись относится к началу их правления.

[Вернуться](#)

429

«Его родители поженились в 246 году до н. э., сразу же после восшествия его отца на престол; но, учитывая внезапный отъезд в Сирию его отца, вероятно, Птолемей был зачат уже после его возвращения, скорее всего в третий год. Если бы его отец оставил юную жену беременной и сын родился бы в его отсутствие, то, по моему, поэма Каллимаха «Волосы Береники» должна была бы хоть как-то намекнуть на это. Поэтому я полагаю, что Филопатору было двадцать два, а не двадцать четыре, как считают историки» (М.). Однако эта аргументация не работает, если Береника навещала своего мужа, когда тот был на войне, как можно предположить по Гуробскому папирусу, если верна предложенная мною выше интерпретация.

[Вернуться](#)

430

Великий не было его официальным прозвищем, таким как прозвища его предшественников: Никатор, Сотер, Теос, Каллиник; это был измененный титул «великий царь», вместо просто «царь», полученный им после повторного завоевания Вавилонии и Востока.

[Вернуться](#)

431

Естественно предположить, что Сосибий был диойкетом, если бы на самом деле (при условии, что Эдгар прав) в пятый и последующие годы правления Филопатора должность диойкета не занимал другой человек – Феоген (Анналы, XX, с. 198). Возможно, власть Сосибия основывалась не на его официальном положении, а на сильном личном влиянии на царя; в таком случае диойкет наверняка был его ставленником.

[Вернуться](#)

432

Rev. Egypt. I. P. 134. Крайне маловероятно, что Сосибий, сын Диоскурида, названный жрецом того года, – кто-то иной, отличный от пресловутого Сосибия.

[Вернуться](#)

433

Человек, нанятый для этого убийства, носит в сохранившихся сочинениях Псевдо-Плутарха (*De prov. Alex. libell.*, ed. O. Crusius, № 13) имя Феог. Эдгар предполагает, что он тождественен Феогену, который, как считает исследователь, занимал пост диойкета в начале правления Филопатора (*Bull. Alex.* № 19. P. 117).

[Вернуться](#)

434

Strack, № 42.

[Вернуться](#)

435

Полибий, IV.19.8.

[Вернуться](#)

436

A.J. Reinach. Rev. Et. Gr., 1911. P. 400, надпись 217 года до н. э.

[Вернуться](#)

437

Страбон, X. С. 478.

[Вернуться](#)

438

Chrest., № 3.

[Вернуться](#)

439

Полибий, V.42.4.

[Вернуться](#)

440

У нас нет данных о смысле прозвища. Предположения см. в: *Bouché-Leclercq*, I.295, note 2.

[Вернуться](#)

441

Лукиан (Calumn. 2–4) называет художника Апеллесом. Действительно ли так его звали или Лукиан путает его со знаменитым Апеллесом времен Александра Великого, неясно.

[Вернуться](#)

442

Магаффи считал невероятным, что через три года после смерти Эвергета египетская армия могла оказаться в таком безнадежном состоянии, если только сам Эвергет в старости не распустил ее. Но по всей видимости, Египет еще содержал большую армию в первые годы правления Птолемея IV; и дело не столько в том, что не хватало людей, сколько в том, что при таком попустительстве дисциплина и

подготовка пришли в упадок; в этих условиях трех лет хватило бы для того, чтобы довести армию до полной негодности и дезорганизации. Вполне понятно, что александрийский двор, находившийся в критическом положении, решил увеличить размер войска за счет нового набора, а также заняться подготовкой уже имеющихся солдат.

[Вернуться](#)

443

Эта деталь содержится во Франкфуртском папирусе – ходатайстве воина к царю, где он говорит: «О царь, я поступил на военную службу в 3-й год в Пелусии, в 4-й год в Бубастисском номе, а в 5-й год в Сирии». (Человек, на которого он жалуется, тоже воин, добившийся в 217 году до н. э. назначения в Египет, чтобы не идти служить в Сирию, другими словами, уклонист – вероятно, свидетельство упадка боевого духа в армии, имевшего место после прихода к власти Филопатора.) *Lewald. Sitzungsab. d. Heidelberger Akad. d. Wiss.*, 1920, Abhandl. 14.

[Вернуться](#)

444

Найденная в Александрии надпись: «Царь Птолемей, сын царя Птолемея и царицы Береники, Богов Благодетелей, Евгодии (богиня доброго пути)», вероятно, была сделана царем перед началом похода (O.G.I. № 77).

[Вернуться](#)

445

Автор Третьей книги Маккавейской использовал мотив обращения Арсиной к воинам в своем сочинении, но Полибий (V.83.3) свидетельствует о том, что он основан на реальном факте.

[Вернуться](#)

446

Согласно новой Пифомской стеле, битва состоялась 10 пахона.

[Вернуться](#)

447

O.G.I. II, № 730.

[Вернуться](#)

448

Брак между братом и сестрой также не противоречил персидской морали, и Лаодика, жена Антиоха II (на четверть персиянка по крови), могла быть его полнокровной сестрой.

[Вернуться](#)

449

Против теории Магаффи выступает факт, что Агафоклея, во всяком случае позднее, должна была родить ребенка, так как она заявляла, что была кормилицей маленького царевича (*Полибий*, XV.31.13).

[Вернуться](#)

450

Она не упоминается в папирусе за предыдущий год (Gradenwitz., № 171; см.: *Lewald* в Zeitsch. d. Savigny-Stiftung. B. XLII (Rom. Abt.). S. 119).

[Вернуться](#)

451

Comptes Rendus de l'Acad. des Inscr., 1923. P. 376ff.

[Вернуться](#)

452

Chrest., № 109.

[Вернуться](#)

453

Spiegelberg. Cat. Général d. Musée du Caire, Die demot. Inschrift., 1904, № 31088.

[Вернуться](#)

454

Вилькен считает, что «Агафокл, сын Агафокла», эпонимный государственный жрец в 216–215 годах, был фаворитом Филопатора (Archiv, VII. S. 74).

[Вернуться](#)

455

Возможно, Диоген Лаэртский ошибочно сообщает имя Филопатора; скорее всего, Сфера пригласил в Египет Птолемей II или Птолемей III. См. *Susemihl*. Gesch. d. griech. Lit. I. P. 73, note 296.

[Вернуться](#)

456

Etym. Magnum, s.v. Γαλλος.

[Вернуться](#)

457

№ 11774, обратная сторона, опубликовано в: *Papyri und Ostraka d. Ptolemäerzeit*, Schubart and Kuhn (1922). См. комментарии Вилькена в: *Archiv*, VI. S. 413.

[Вернуться](#)

458

Возможно, в надписи (Bull. Alex., № 19. P. 126), где Посидоний и другие члены фиаса посвящают священную трапезную (гестиаторий) Филопатору, Арсиное и их малолетнему сыну, имеется в виду тот же фиас, что и в Берлинском папирусе.

[Вернуться](#)

459

До 25 фармути в 13-й год (то есть 6 июня 208 года). *Smyly. Gurob*, 12 (ср.: *Archiv*, VII. S. 71). *Ernst Meyer. Untersuch. z. Chron.* S. 43.

[Вернуться](#)

460

Athen. VII.276A.

[Вернуться](#)

461

Полибий, XIV.12. В недавно опубликованном папирусе, относящемся к III веку до н. э. (B.G.U. 1215), говорится о боях между филаками (охранявшими поля, виноградники и т. п.) и туземными египтянами.

[Вернуться](#)

462

δεινὴ γάρ τις ἢ περὶ τοὺς θυμοὺς ὡμότης γίνεται τῶν κατὰ τὴν Αἴγυπτον ἀνθρώπων (Πολύβιος, XV.33.10). Замечание в данном случае относится к греческому или смешанному александрийскому населению; но Полибий определенно имел в виду и египетских греков, и этнических египтян. Ювенал описывает, как в его время в схватках между соседними египетскими номами дерущиеся зубами рвали плоть павших и пожирали ее.

[Вернуться](#)

463

Eduard Meyer. Sitzungsberichte (Berlin), 1915. S. 287.

[Вернуться](#)

464

Wilcken. Hermes, XL (1905). S. 544ff.

[Вернуться](#)

465

O.G.I. № 83. «Справедливость» встречается в некоторых других надписях в качестве одного из имен Исиды. Возможно, Исида имеется в виду и здесь. Как мы уже знаем, Деметре и Коре в Александрии поклонялись в Элевсине.

[Вернуться](#)

466

Strack, № 55.

[Вернуться](#)

467

Mahaffy. Empire. P. 73; Strack, № 66.

[Вернуться](#)

468

O.G.I. № 89.

[Вернуться](#)

469

O.G.I. № 82.

[Вернуться](#)

470

Страбон, XVI. С. 773.

[Вернуться](#)

471

O.G.I. № 6 (рис. 43).

[Вернуться](#)

472

Meroitic Inscriptions. Part II. P. 24.

[Вернуться](#)

473

См.: *G.A. Reisner. The Meroitic Kingdom of Ethiopia. J.E.A., V. IX (1923). P. 34ff.*

[Вернуться](#)

474

Диодор, III.6. Страбон (XVII 823) рассказывает ту же историю, не упоминая имени царя. Он добавляет, что «иногда», когда жрецы хотели заменить царя, они приказывали ему совершить самоубийство.

[Вернуться](#)

475

Плиний, VI, § 183.

[Вернуться](#)

476

Гриффит пишет о «полуклассическом» киоске в Наге южнее Мероэ, но, по его мнению, он относится к римским временам (*Meroitic Inscriptions. Part I. P. 61*).

[Вернуться](#)

477

Roeder. Les Temples Immergés de la Nubie. T. I. P. 5.

[Вернуться](#)

478

Из иероглифической надписи на острове Сехель (у Асуана) следует, что царь Джосер III, представитель династии, принес Додекаскен в дар элѳантинскому богу Хнуму (см. с. 225). Зете уже отказался от мнения, которое он высказывает в статье «Додекаскен» энциклопедии

Паули-Виссова, что Додекасхен был просто отрезком пути от Асуана до Филэ.

[Вернуться](#)

479

Weigall. Report on the Antiquities of Lower Nubia (1907). P. 87. Последнюю Арсиною Вейгалл называет «Арсиноя IV, его дочь», но такой женщины, насколько известно, никогда не существовало. Может быть, это великая Арсиноя Филадельфия, неродная прабабка Филопатора?

[Вернуться](#)

480

O. Kern. Magnesia-on-Meander, № 23.

[Вернуться](#)

481

O.G.I. № 77.

[Вернуться](#)

482

O.G.I. № 81.

[Вернуться](#)

483

O.G.I. № 80.

[Вернуться](#)

484

V.106.6–8.

[Вернуться](#)

485

Strack, № 60.

[Вернуться](#)

486

Strack, № 59.

[Вернуться](#)

487

O.G.I. № 78.

[Вернуться](#)

488

O.G.I. № 79.

[Вернуться](#)

489

Strack, № 61.

[Вернуться](#)

490

O.G.I. № 75 и 84; Strack, № 65 и 67.

[Вернуться](#)

491

Полибий, IX.11a.1. Нерешенным остается вопрос о том, следует ли отождествлять это посольство с посольством Марка Аттила и Магия Ацилия, которое Тит Ливий (XXVII.4.10) относит к 210 году до н. э. Ливий делает одну явную ошибку, называя тогдашнюю царицу Клеопатрой. См.: *Holleaux*. Rome, la Grèce et les Monarchies Hellénistiques. P. 64ff.

[Вернуться](#)

492

Отдельные римляне могли служить у Птолемея IV, как это было при Птолемее II. В частности, в критском городе Итане сохранилась надпись командира египетского гарнизона, римлянина, со словами «Луций, сын Гая» (*A. J. Reinach*. Rev. des Et. Gr., 1911, с. 400; ср.: *Holleaux*. Archiv, VI (1920). P. 14).

[Вернуться](#)

493

Ernst Meyer. Untersuch. z. Chron. S. 39ww. Таким образом, утверждение Кэнона, что первый год Епифана соответствует 205–204 годам до н. э., представляется ошибочным. Теория Буше-Леклерка, согласно которой Филопатор на самом деле умер в 204 году до н. э., но его смерть держали в секрете целый год и дольше, кажется, опровергнута недавними расчетами Эрнста Мейера.

[Вернуться](#)

494

Αἱ περὶ τὸν Φιλοπάτορα ἱστορίαι в трех и более книгах; см.: Susemihl, *Gesch. d. gr. Lit. d. Alexandriener. Zeit.* I. S. 905.

[Вернуться](#)

495

Загадочная фраза Полибия (XV.25.13), кажется, означает, что, помимо того, посольству было поручено устроить брачный союз между представителями династий Птолемея и Антигона. Если так, то, по всей видимости, этот план претворить в жизнь не удалось. Подробности нам неизвестны.

[Вернуться](#)

496

O.G.I. № 217. Но см. дальнейшие исправления и анализ исторических условий в: *Wilhelm. Anzeiger of the Vienna Akademie d. Wissensch.*, 1920.

[Вернуться](#)

497

«Македонцы» – войска, набранные из солдат-колонистов (κληροῦχοι) в Египте, в отличие от наемников, имевших постоянные дома за морем.

[Вернуться](#)

498

Кажется, документальные свидетельства не подтверждают мнение Магаффи, что молодой Сосибий и Аристомен были соправителями, а Тлеподем занимал пост военного министра.

[Вернуться](#)

499

По всей видимости, Яффа в 200 году до н. э. еще чеканила монеты с головой Птолемея.

[Вернуться](#)

500

Юстин, XXX.3–5; *Валерий Максим*, VI.6.1; *Тацит*. *Анналы*, II.67.

[Вернуться](#)

501

Empire of the Ptolemies. P. 298 note.

[Вернуться](#)

502

γενόμενος κύριος τῶν ὅλων πραγμάτων, κάλλιστα καὶ σεμνότατα δοκεῖ
προστίῃναι τοῦ τε βασιλέως καὶ τῆς βασιλείας (XV.31.7).

[Вернуться](#)

503

О дате битвы при Панионе см.: *Holleaux*. *Klio*, VIII (1908). P. 267ff.

[Вернуться](#)

504

Вилькен считает, что впервые это совершил Птолемей IV
(*Grundzüge*. S. 21).

[Вернуться](#)

505

Weigall. Antiquities of Lower Nubia. P. 42.

[Вернуться](#)

506

Geog. Graec. Min. I. P. 119.

[Вернуться](#)

507

Рар. Тор. (I.5, l. 27) упоминает о передвижении египетских войск при Епифане из Фив в сторону верховьев Нила.

[Вернуться](#)

508

Perdrizet and Lefebvre. Les graffites grecs du Memnonion d'Abydos, № 32, 32 bis.

[Вернуться](#)

509

ἔδωκαν σφᾶς αὐτοὺς εἰς τὴν τοῦ βασιλέως πίστιν (*Полибий*, XXII.7.1).

[Вернуться](#)

510

Посвящения лояльных египтян (более-менее эллинизированных, так как надписи сделаны на греческом) от лица царя: Ахорис, сын Эриея, Исиде Мохиас в Техне (O.G.I. 94); Семенуфис, сын Фанея, богу

Семенуфису (O.G.I. 95); офицеры местной гвардии телохранителей «эпилекты-махимы о дворе» (O.G.I. II № 731).

[Вернуться](#)

511

E. v. Druffel. Archiv, VI (1920). P. 30–33.

[Вернуться](#)

512

То есть праздники хеб-сед.

[Вернуться](#)

513

Это бог Птах, главный бог Мемфиса, которого греки, как ни странно, отождествляли со своим Гефестом.

[Вернуться](#)

514

Египетский Ра.

[Вернуться](#)

515

«Это относится к торжественному частному визиту, который царь нанес во внутреннее святилище Птаха во время своей коронации» (М.).

[Вернуться](#)

516

Египетский Амон.

[Вернуться](#)

517

Перевод его картуша.

[Вернуться](#)

518

Повторение картуша.

[Вернуться](#)

519

Известно, что в демотической версии это облегчение выражено словами «дал им управлять», то есть снова отдал жрецам право собирать налоги.

[Вернуться](#)

520

«Народ» (ὁ λαός), должно быть, означает туземных египтян; «все остальные» – живших в стране македонцев, греков, азиатов и т. д.

[Вернуться](#)

521

«Жрецы, правдиво или ложно, имеют в виду, что ἀπόμοιρα была возвращена храмам. В папирусе Питри (II.XLVI), датированном вторым и четвертым годами правления Епифана, об этом налоге сказано, что он уплачивался Арсиное и богам Филометорам, так что заявление жрецов, вероятно, ложно; но см. Податной устав, с. 121, и примечание мистера Гренфелла» (M.).

[Вернуться](#)

522

«συλληψιν των εις την ναυτειαν также может означать право реквизировать все необходимое для флота. Но слово ναυτεια неизвестно в этом смысле, и демотическая версия, которая, как переводят, намекает на какую-то принудительную службу, не содержит его эквивалент» (М.). Едва ли самих жрецов принудительно вербовали на флот, но, безусловно, им было бы неудобно, если бы у них отбирали храмовых служителей, работников на храмовых землях и т. д.

[Вернуться](#)

523

«Из Податного устава (столбцы 98, 99) мы знаем, что существовал налог на продажу этой ткани» (М.).

[Вернуться](#)

524

«Я не изменил этой поистине великой египетской фразы, которая часто встречается в виде «великий великий» (М.).

[Вернуться](#)

525

«Из демотической версии, в которой (согласно Ревийу) глагол указан в будущем времени, можно сделать вывод, что нужно читать катапореυσομενους» (М.).

[Вернуться](#)

526

Внешние враги, нападающие на Египет с моря, едва ли могли быть кем-то иным, кроме войск Антиоха.

[Вернуться](#)

527

«То есть плотин; или возможно, что благодаря предотвращенному наводнению он поставил войска осаждать мятежников, которые надеялись, что разлив Нила заставит их снять осаду» (М.).

[Вернуться](#)

528

«Эта фраза довольно туманна, так как мы не знаем, что означает δειγματισμος. Говорят, что демотическая версия гласит: «дополнение за отрезы удержанной ткани», что имеет другой смысл, но Гесс (Budge, II.86) отрицает это» (М.).

[Вернуться](#)

529

«И в иероглифической, и в демотической версиях в этом месте упоминается хлеб, что любопытно, если, конечно, доверять прочтению Ревийу» (М.).

[Вернуться](#)

530

«В демотической версии «усилил» (М.). Храм Аруэриса-Аполлона в Омби был заложен при Епифане (*Letronne. Recueil*, I. P. 46).

[Вернуться](#)

531

«С сороковой строки и дальше трещина с правой стороны увеличивается и напоздаёт на текст, поэтому, чтобы заполнить предложение, приходится подставлять слова, которые не всегда ясны. Но никаких сомнений относительно общего смысла нет. Поэтому я не считал нужным каждый раз указывать пропуски в конце строк. Читатель может быть уверен в сути и смысле, а также в том, что ни одна современная идея не была привнесена в текст» (М.).

[Вернуться](#)

532

Эта дата установлена по дубликату иероглифического текста из Даманхура.

[Вернуться](#)

533

Liv. XXXIII.40.

[Вернуться](#)

534

Египетские чиновники собрали дань с Ликии в 201 году до н. э. (Tebtunis, I, № 8; Chrest., № 2).

[Вернуться](#)

535

По словам Иеронима, брак был устроен в седьмой год правления Птолемея Епифана, то есть в 196–195 годах до н. э., четыре или пять лет спустя после битвы при Панионе. Кажется, Иероним основывается на каком-то солидном источнике, поскольку утверждает, что селевкидским послом был некий Эвкл Родосский. «Пасхальная хроника» относит обручение ко времени консульства Пурпурея и Марцелла, то есть к 196 году до н. э.; в «Хронике» также говорится,

что это был седьмой год правления Птолемея, то есть царствование Птолемея отсчитывается от 203/02 года до н. э. Буше-Леклерк опровергает слова Иеронима на том основании, что заявление Антиоха несовместимо с формально заключенным миром, но несовместимо ли оно с лишь *формально* заключенным миром, который, как понимал Антиох, он мог нарушить на практике и не вызвать разрыва договора?

[Вернуться](#)

536

Полибий, XXVIII.20.9; *Аппиан*. Сирийская война, 5 (египетский грек Аппиан, естественно, озвучивает мнение александрийского двора).

[Вернуться](#)

537

Статуя Птолемея Епифана установлена на Кипре Поликратом (O.G.I. № 93).

[Вернуться](#)

538

См. с. 150.

[Вернуться](#)

539

Рабами в эллинистическом Египте обычно были иноземцы, а не местные жители. См.: *Bouché-Leclercq*. IV. P. 118 и дальше. Но рабы-египтяне встречаются в Александрии (*Schubart*. Archiv, V. P. 118).

[Вернуться](#)

540

Weigall. Antiquities of Lower Nubia. P. 48.

[Вернуться](#)

541

Preisigke. Sammelbuch, № 5675.

[Вернуться](#)

542

O.G.I. № 99.

[Вернуться](#)

543

O.G.I. № 91.

[Вернуться](#)

544

Об изменениях в государственном культе в Птолемаиде см. с. 132.

[Вернуться](#)

545

*В 8-й год Филопатора (Edgar, Bull., № 19 (1923). S. 116).
Архисоматофилакс в середине III века до н. э. (Grenfell (II), 14–16;
Petrie, III. P. 151ff).*

[Вернуться](#)

546

οἱ ἰσότιμοι τοῖς πρώτοις φίλοις (Wilcken. Archiv, VI, с. 372).

[Вернуться](#)

547

Первая книга Маккавейская, 10: 62–65.

[Вернуться](#)

548

Первая книга Маккавейская, 10: 89.

[Вернуться](#)

549

Подробное описание званий в фараоновском Египте см. в статьях сэра Ф. Питри в *Ancient Egypt* (1924. Ч. IV. Р. 109 и дальше).

[Вернуться](#)

550

Spiegel. Eranische Altertumsurkunde, III. S. 622ww.

[Вернуться](#)

551

Grundzüge. S. 7.

[Вернуться](#)

552

«Гиппал, один из первых друзей, эпистратег и жрец [в Птолемаиде] Птолемея Сотера и Птолемея Епифана Евхариста» (O.G.I., № 103).

[Вернуться](#)

553

O.G.I. № 147.

[Вернуться](#)

554

Теория Магаффи, что Птолемей Евпатор, о котором нам почти ничего не известно, тождественен старшему брату Птолемея Филоматора, являвшемуся соправителем отца, но рано умершему, несовместима с новыми данными. См.: *Bouché-Leclercq*, II. P. 56, note 2.

[Вернуться](#)

555

Вторая книга Маккавейская, 4: 21. Мы вынуждены предположить (а это далеко не ясно), что *πρωτοκλήσια* в этом тексте значит то же самое, что Полибий называет *ανακλητήρια*.

[Вернуться](#)

556

Ливий, XLII.6.

[Вернуться](#)

557

O.G.I. № 103, 105.

[Вернуться](#)

558

O.G.I. № 106. Уже θεοὶ φιλομήτορες в Grenfell and Hunt, The Amherst Papyri (London, 1901), 43 (= Chrest., № 105), 173 год до н. э.

[Вернуться](#)

559

XXIX.23.9.

[Вернуться](#)

560

Louvre, 634 (Strack. P. 34).

[Вернуться](#)

561

В теорию Штрака о том, что отдельные государственные ведомства были отданы в управление Брату и что в официальной переписке этих конкретных ведомств датировка считалась по годам Брата, а в других по годам Филометора, поверить еще сложнее, если участь, какую ужасную путаницу и неудобство повлекла бы за собой двойная система датировки.

[Вернуться](#)

562

Lepsius. Abhandlung. d. Berl. Akad., 1852. S. 467.

[Вернуться](#)

563

Однако в O.G.I. II № 734 Брат не включен в θεοὶ φιλομήτορες. Надпись на основании статуи в киренской Птолемаиде (O.G.I. № 124) гласит: «Царь Птолемей Филометор, брат царя Птолемея и царицы

Клеопатры, возведено городом». Упомянутая статуя обычно считается (Штрак, Магаффи, Буше-Леклерк) изображением Птолемея Брата, созданным во время двойного правления, и приводится в доказательство того, что брат отдельно также звался Богом Филометором, как и старший царь. Диттенбергер утверждает, что статуя наверняка (*certum est*) принадлежит Птолемею Филометору и возведена после его смерти и что Птолемей, соединенный с Клеопатрой, – это Эвергет II. Самым вероятным мне кажется, что «Бог Филометор» – это Птолемей Брат, но статуя возведена не во время двойного правления в Египте, а когда Брат был царем Кирены при жизни Филометора. Факт, что Птолемей Брат более-менее постоянно находился в разногласиях с царем Египта, как мне кажется, не исключает того, что его подданные в Птолемаиде могли изобразить его связь с царем Египта как принадлежность к блестящей династии Птолемеев.

[Вернуться](#)

564

Полибий, XXXIX.18.

[Вернуться](#)

565

Диодор (XXXI.15a) явно не утверждает, что Дионисий был урожденным египтянином, хотя в фразе πάντων Αἰγυπτίων προχὼν ἐν τοῖς κατὰ πόλεμον κινδύνοις, скорее всего, это подразумевается. Если в народе его греческое имя перевели на египетский язык (Дионисий – принадлежащий Дионису, Петосарапис – принадлежащий Серапису, который иногда отождествлялся с Дионисом), это само по себе не доказывает его египетского происхождения. Возможно, александрийские греки в шутку дали ему прозвище на местном языке.

[Вернуться](#)

566

Grenfell and Hunt. The Amherst Papyri (London, 1901), 30 (= Chrest., № 9), кажется, упоминается это восстание. Повстанцы в Фаюме заставили некоего Кондила уничтожить документ о купле-продаже, который он хранил от имени местного жреца.

[Вернуться](#)

567

Последние письменные источники перед изгнанием (Louvre, 63.1 и 3) датированы днем, который соответствует 23 октября 164 года до н. э.

[Вернуться](#)

568

Вероятно, он взял сведения у Полибия, который в то время был в Риме и, несомненно, видел там Филометора.

[Вернуться](#)

569

Wilcken, U. d. Pt. I. S. 188.

[Вернуться](#)

570

Louvre, № 63.

[Вернуться](#)

571

Самый ранний известный текст с новой формулировкой – демотический папирус 21-го года (161–160 до н. э.) (Strack. S. 33).

[Вернуться](#)

572

Надписи в честь Евпатора. См. статью Л. Парети, на которую я ссылаюсь на с. 348, примеч. 1 (O.G.I. 125, 126, 127).

[Вернуться](#)

573

Lepsius. Denkmäler, IV.23.

[Вернуться](#)

574

O.G.I. № 109.

[Вернуться](#)

575

O.G.I. № 114.

[Вернуться](#)

576

Strack. S. 37.

[Вернуться](#)

577

O.G.I. № 121, 122.

[Вернуться](#)

578

Птолемей-географ (IV.7, 10) помещает Триаконтасхен южнее вторых порогов, но, судя по другим свидетельствам, это неверно.

[Вернуться](#)

579

Примерно в 30 милях выше Филэ, не путать со столицей Судана.

[Вернуться](#)

580

Weigall. Antiquities of Lower Nubia. P. 67.

[Вернуться](#)

581

Preisigke. Sammelbuch, 4512. Собрание фрагментов папирусов, где упоминается Боэт, есть в: *Meyer. Giessen, № 36.* Означает ли эпитет «Хрисаор», прибавленный к имени Боэта, что он происходит из Хрисаора в Карию или что он был членом хрисаорского дема в Птолемаиде, точно неизвестно.

[Вернуться](#)

582

O.G.I. № 111.

[Вернуться](#)

583

Видимо, геррон – это нечто вроде оборонного сооружения, подобного тому, которое хорошо узнали англичане под именем зарива во время суданских войн во второй половине XIX века.

[Вернуться](#)

584

O.G.I. № 111; *Preisigke*. Sammelbuch, 1918.

[Вернуться](#)

585

Примечательно, что Амон здесь считается греческим богом. Бог Оазиса, вероятно, был настолько известен и почитаем в греческом мире, что стал считаться древним греческим богом.

[Вернуться](#)

586

O.G.I. № 107; см.: *Roeder*. P. 6.

[Вернуться](#)

587

Mitteis. Grundzüge, II. S. 58 и дальше.

[Вернуться](#)

588

U. d. Pt., № 70.

[Вернуться](#)

589

Иосиф Флавий. Архив, XIV, § 131.

[Вернуться](#)

590

См. полный отчет в Hyksos and Israelite Cities (British School of Archaeology in Egypt, 1906).

[Вернуться](#)

591

Обеих дочерей Филометора звали Клеопатрами. О том, какую дочь он обещал Брату – ту, которая впоследствии стала царицей Сирии (Клеопатра Тея), или ту, на которой Брат все-таки женился после смерти Филометора (Клеопатра III Египетская), имеющиеся в нашем распоряжении источники умалчивают.

[Вернуться](#)

592

O.G.I. № 116; дано в более полной форме у *Holleaux*. Archiv, VI (1920). P. 10, 11.

[Вернуться](#)

593

Опубликовано в: *Holleaux*. Archiv, VI. P. 9ff.

[Вернуться](#)

594

C.I.G. II Add. 2561b.

[Вернуться](#)

595

O.G.I. № 102, 110, 112; II № 735. Ср.: *Holleaux*. Archiv, VI (1920). P. 20.

[Вернуться](#)

596

O.G.I. № 102, 115.

[Вернуться](#)

597

J. P. Six in Athen. Mitt. X (1885). P. 212–222 (= рис. 50).

[Вернуться](#)

598

P. Hamburg, Inv. 333; ср.-Archiv, VI. P. 366.

[Вернуться](#)

599

Мнение, что сначала Филометор намеревался поддержать Александра, возможно, восходит к Полибию, и в таком случае заслуживает большего внимания, чем заявления автора Первой книги Маккавейской в отношении Валаса. См.: *Nussbaum*, Observ. в Fl. Josephi Antiquitates, Marburg, 1875, и *H. Volkmann* в Klio, XIX (1925). P. 408. С другой стороны, учитывая обстоятельства, большинство исследователей считают более вероятным, что Филометор имел несколько запасных планов и тем временем расставлял в городах сирийского побережья собственные гарнизоны, чтобы обеспечить свои последующие действия.

[Вернуться](#)

600

Демотический папирус из Гермонтиса от 21-го числа месяца пай-ни (15 июля 145 года до н. э.) еще датируется периодом правления Филометора. Возможно, к тому времени царь был уже мертв, но вести из Северной Сирии еще не достигли Верхнего Египта (*Spiegelberg. Dem. Pap. Strassb. n. 21*).

[Вернуться](#)

601

XXVIII.21.5.

[Вернуться](#)

602

Л. Парети отождествляет (и, как мне кажется, с большой долей вероятности) убитого мальчика с Неосом Филопатором, который появляется в поздних списках Птолемеев (*Ricerchi sui Tolomei Eupatore e Neo Filopatore*, в *Reale Accademia d. Scienze di Torino*, Ann. 1907–1908).

[Вернуться](#)

603

Athen., XII.549C.

[Вернуться](#)

604

Греческие мужчины не носили прозрачных одежд, но, кажется, так делали фараоны Нового царства. Может быть, Эвергет любил порой облачаться в одежду этих фараонов?

[Вернуться](#)

605

Tor, I. P. 9, 21.

[Вернуться](#)

606

Диодор, XXXIII.13.

[Вернуться](#)

607

Клеопатра могла даже родить Эвергету еще детей после его брака с ее дочерью. Кажется, O.G.I. № 130 и 144 доказывают, что она родила еще одного сына, кроме Мемфисца, хотя, возможно, второй отпрыск появился на свет в 143 году до н. э., еще до брака царя с Клеопатрой III. Сын Эвергета, который посвятил в Делосе статую Клеопатры III, «жены его отца и двоюродной сестры», мог быть сыном Клеопатры II (O.G.I. № 144), но едва ли Мемфисцем, который был убит в возрасте всего лишь четырнадцати лет.

[Вернуться](#)

608

Список см.: *Mahaffy*. History. P. 189.

[Вернуться](#)

609

Дата неточная; см. примеч. у *Bouché-Leclercq*, II. P. 68.

[Вернуться](#)

610

Сэр Флиндерс Питри считает вероятным, что Сципион намеренно устроил так, чтобы царь пешком вышел встретить его в гавани, и таким образом публично унизил его.

[Вернуться](#)

611

Bouché-Leclercq, IV. P. 323.

[Вернуться](#)

612

Wilcken. Archiv, V (1913). S. 411, 412.

[Вернуться](#)

613

В Фивах документы датируются правлением Эвергета до середины сентября 130 года до н. э. Видимо, примерно в начале октября в Фивах одержала победу партия Клеопатры II (Strack. S. 45, 46).

[Вернуться](#)

614

O.G.I. № 132 (в октябре 130). Конон (22 марта) утверждает, что вербовка осуществлялась «против приказов стратега Паоса» (*Wilcken*. Theb. Bank, № 8; Abhandlungen d. Akad. zu Berlin, за 1886).

[Вернуться](#)

615

Потому что по монетам видно, что правление Александра Забины в Сирии началось в 129–128 годах до н. э.

[Вернуться](#)

616

O.G.I. № 135. Буше-Леклерк считает вероятным, что этот Лох может быть отождествлен с Гегелохом, который, как говорят, командовал армией «старшего Птолемея» и разгромил силы александрийцев под командованием Марсия (*Диодор*, XXXIV.20). Лох был правителем (стратегом) Фиваиды с 127 по 124 год до н. э.

[Вернуться](#)

617

Tebtunis, I. P. 553 и дальше.

[Вернуться](#)

618

B.G.U. № 993.

[Вернуться](#)

619

Юстин называет его отца «египтянином». Обычно эти слова означают этнического египтянина, но под ними мог подразумеваться и египетский грек.

[Вернуться](#)

620

Дата неточная, но, во всяком случае, это было до указа, изданного совместно тремя правителями в 118 году до н. э. (Tebtunis, I.5). См.: *Preisigke. Archiv*, V. P. 302, 303.

[Вернуться](#)

621

Chrest., № 11.

[Вернуться](#)

622

P.S.I. III, № 171.

[Вернуться](#)

623

Archiv, V (1913). P. 301ff.

[Вернуться](#)

624

«Вероятно, все высокопоставленные чиновники должны были немало заплатить за свой пост» (*Grenfell and Hunt. Tebtunis, I. P. 33*).

[Вернуться](#)

625

См. с. 118.

[Вернуться](#)

626

Tebtunis, I, № 5.

[Вернуться](#)

627

Tor, I, столбец 7, ll. 13 и дальше; ср.: Tebtunis, № 124.

[Вернуться](#)

628

O.G.I. № 168. О Хнуме мы находим Хномо в O.G.I. 111.

[Вернуться](#)

629

Captain Lyons. Philae. P. 27.

[Вернуться](#)

630

См. рис. 61, History.

[Вернуться](#)

631

O.G.I. 137–139; см. II. P. 547, 548.

[Вернуться](#)

632

History. P. 205.

[Вернуться](#)

633

От корня *kakos*, что означает «плохой».

[Вернуться](#)

634

Мои сомнения относительно современных попыток реабилитировать Эвергета II подтверждаются разумными замечаниями в: *Jouget. Revue Belge* за 1923. P. 419 и дальше.

[Вернуться](#)

635

Roeder. Les Temples Immergés, I. P. 118.

[Вернуться](#)

636

O.G.I. № 131.

[Вернуться](#)

637

O.G.I. № 130.

[Вернуться](#)

638

Дата определена по надписи в храме Эдфу.

[Вернуться](#)

639

Иногда ее и позже называли Тея Эвергетиды, например в надписи, дата которой соответствует 7 августа 104 года до н. э. (O.G.I., № 175). Александр называется ὁ Κόκκης καὶ Παρείσακτος ἐπικλήθεις^ο Πτολεμαῖος, Κόκκης может быть формой именительного падежа

мужского рода, а не родительного падежа женского рода. В «Пасхальной хронике» (р. 347, Bonn) ясно говорится, что Птолемей Александр был сыном «Кокки», но, может быть, это лишь умозаключение из упомянутого отрывка Страбона. Что означало «Κόκκη» или «Κόκκης» на тогдашнем александрийском наречии, гадать бессмысленно.

[Вернуться](#)

640

«Возможно», потому что в отрывке из Страбона, где Птолемей

[Вернуться](#)

641

Павсаний, I.9.1.

[Вернуться](#)

642

Βασίλισσα Κλεοπάτρα καὶ βασιλεὺς Πτολεμαῖος, θεοὶ μεγάλοι
Φιλομητόρες καὶ Σωτῆρες (O.G.I., № 167).

[Вернуться](#)

643

O.G.I. 168; Буше-Леклерк явно ошибочно предположил, что Клеοπάτρα ἡ ἀδελφή из 1.23 – это Селена. На самом деле эта строка относится к Клеопатре II, жившей в правление предыдущего царя.

[Вернуться](#)

644

Tor, 5, 6, 7; London, II. P. 13. Фомм имел ранг «сородича».

[Вернуться](#)

645

Евсевий относит победу Грива над Кизикеном к 112–111 годам до н. э., а захват Трифены Кизикеном, по Юстину, XXXIX.3, 12, последовал «вскоре после этого» (*nes multo post*).

[Вернуться](#)

646

O.G.I. № 257.

[Вернуться](#)

647

Буше-Леклерк указывает, что, когда в 106 году до н. э. Сотер II приехал в Сирию как союзник Кизикена, он нашел убежище в Селевкии (*Histoire des Séleucides*. S. 603).

[Вернуться](#)

648

Tebtunis, № 33 = Chrest., № 3.

[Вернуться](#)

649

Letronne. Recueil. I. P. 60. Упомянутый папирус обозначен как Louvre LIII, но папирус под номером 53 в коллекции луврских папирусов Брюне де Преля, опубликованный в *Notices et Extraits*, XVIII (1865), явно не тот. Кажется, папируса, на который ссылается Летронн, в этой коллекции нет.

[Вернуться](#)

650

Grenfell II. № 132; *Tebtunis*, I. № 106.

[Вернуться](#)

651

O.G.I. № 180. Буше-Леклерк предполагает, что это было свадебное путешествие и что вследствие этого упоминание о царских *детях* – пустая формула. Но я не знаю другого примера, когда бы в подобной надписи было сказано о вымышленных детях; упоминать их, говоря о царе и царице – *молодоженах*, было бы немного слишком даже для вымысла (если только это не были дети Александра от первой жены, официально усыновленные Береникой).

[Вернуться](#)

652

O.G.I. № 176–179.

[Вернуться](#)

653

Посидоний, в *Athen*. XII.550B.

[Вернуться](#)

654

В дни Страбона золотой саркофаг заменили на стеклянный или хрустальный (XVII. С. 794).

[Вернуться](#)

655

Согласно надписи из Эдфу, он бежал «в землю Пунт», но это древнее название, которое означало чужеземную страну, вероятно, могли использовать в иероглифике для обозначения любой заморской земли.

[Вернуться](#)

656

Павсаний, I.9.3. По Юстину, у него было два сына от Селены (XXXIX.4.1); но если так, они должны были умереть в юности.

[Вернуться](#)

657

Ср. опубликованную надпись, *Annales* (1908). P. 240. Ὑπὲρ βασιλέως Πτολεμαίου τοῦ θεοῦ μεγάλου φιλομήτορος καὶ φιλαδελφοῦ καὶ σωτῆρος.

[Вернуться](#)

658

В моем House of Seleucus (II. P. 304) я выражаю сомнение в том, что Селена, которая вышла замуж за Антиоха Евсева, не была другой царевной помоложе, которая носила то же имя. Как пишет Буше-Леклерк (II, p. 106, примеч. 3), наши источники определенно утверждают, что это была та же самая Селена. Это я выяснил и сам, но наши источники так отрывочны и ненадежны (p. 335), и мне кажется, им нельзя доверять из-за неправдоподобия приведенных в них фактов. Буше-Леклерк полагает, что Селене в 95 году до н. э. было не больше тридцати пяти лет. Но для этого нужно проигнорировать мой довод о том, что ее детей от Антиоха называют *pueros* («мальчики») в 75 году до н. э. (*Цицерон. Verg. IV.26*), и, значит, они не могли родиться задолго до 90 года до н. э., когда Селене было по крайней мере сорок лет. Нужно помнить, что женщины на юге стареют быстрее. То, что Селена могла родить детей в возрасте более сорока лет, возможно, но крайне маловероятно. Видимо, Буше-Леклерк и сам чувствует некоторые

сомнения по поводу наших уважаемых источников, так как ставит вопросительный знак у своего примечания (Séleucides. P. 419). По-моему, проблема в предположении, что женой Антиоха Евсева была другая Селена, заключается не столько в скудости наших источников, сколько в том, откуда вообще взялась эта другая Селена. Она должна быть дочерью либо Птолемея Сотера, либо Птолемея Александра (если только таинственный Филопатор Неос не прожил достаточно долго, чтобы оставить дочь). Павсаний сообщает, что Береника была «единственным законным ребенком» Сотера. Нельзя безоговорочно полагаться на такое заявление Павсания; есть сведения, что у Сотера было два сына от Селены, и он мог иметь другую дочь, помимо Береники. У Александра был сын (Александр II) от первой жены, и у него вполне могла родиться еще и дочь.

[Вернуться](#)

659

London, 465. Текст с дальнейшими исправлениями опубликован Коллартом в *Recueil d'Etudes Egyptologiques* с посвящением Шампольону (Paris, 1922). P. 276.

[Вернуться](#)

660

Bouriant Papyrus, 40, опубликованный Коллартом в том же собрании, о котором говорилось в предыдущей сноске.

[Вернуться](#)

661

Bouriant Papyrus. 51; ср.: *Wilcken. Archiv. VII* 298ff.

[Вернуться](#)

662

Bilabel. Griech. Pap. (Heidelberg, 1923). S. 22, 23 и дальше.

[Вернуться](#)

663

Bouriant Papyrus. 55 = Chrest., № 12.

[Вернуться](#)

664

Павсаний. I.9.3.

[Вернуться](#)

665

O.G.I. № 194.

[Вернуться](#)

666

History. P. 246.

[Вернуться](#)

667

Безусловно, царю нужно было только отдать приказ. Двор наверняка спроектировали египетские жрецы и выполнили египетские рабочие. Поставить подпись под таким приказом, который составили для него министры, – с этим справится даже самый выродившийся и опустившийся царь. (См. также с. 226, примеч. 1.)

[Вернуться](#)

668

Это сомнительно. Готье приписывает строительство упомянутого сооружения Епифану, а не Сотеру II.

[Вернуться](#)

669

На то, что при Птолемеях Сотере II продолжалось исследование внутренних районов Африки, могут указывать слова Плиния, что до его правления некоторые эфиопские племена не знали огня (VI, § 188).

[Вернуться](#)

670

Reisner: The Meroitic Kingdom of Ethiopia, Journ. of Egypt. Arch. IX (1923).

[Вернуться](#)

671

Кем была эта первая жена, остается загадкой. Она должна была иметь царское происхождение, поскольку законность Александра II никогда не оспаривалась, и можно предположить, что это была царица из династии Птолемеев. Но откуда же могла взяться такая царица? Буше-Леклерк высказывает гипотезу, что Клеопатра IV была замужем за младшим братом Александром I между тем, когда она оставила Сотера, и тем, когда вышла за Антиоха Кизикена.

[Вернуться](#)

672

Павсаний, I.9.3.

[Вернуться](#)

673

Joseph. Arch. XIII, § 345; F.H.G. III. P. 721.

[Вернуться](#)

674

Oxyrhynchus, II, № 236b. В своем примечании к Prinz Joachim Ostraka, № 1, Прейзигке утверждает – видимо, по странной оплошности, – будто этот источник доказывает, что прозвище Неос Дионис восходит к самому началу правления царя. Однако в тексте нет никаких следов прозвища Неос Дионис.

[Вернуться](#)

675

Ни в одном из сочинений античных авторов не сказано, что она была из Кирены.

[Вернуться](#)

676

Фрагмент *De Rege Alexandrino*. Странно, что он жил в Сирии. Скорее можно было считать местом его пребывания Кипр, но в нашем распоряжении нет достоверных источников, позволяющих заменить *Syria* в тексте Цицерона на *Cypro*.

[Вернуться](#)

677

Если незаконные дети Сотера были среди «внуков», которых Клеопатра III отправила на Кос в 102 году до н. э., то Птолемей Авлет в 80 году до н. э. был уже не мальчиком. Тогда предположим, что Митридат все-таки захватил Авлета и его брата на Косе, либо 1) они были отправлены туда, чтобы позже присоединиться к Птолемею Александру, либо 2) Цицерон, должно быть, употребил слово *puer* риторически, говоря о молодом человеке старше двадцати двух лет.

[Вернуться](#)

678

Митридатова война, 111.

[Вернуться](#)

679

Pap. dem. Leid., 374, 374b; Revue Egypt. II.90.

[Вернуться](#)

680

Отрывок из сочинения Аппиана или из источника, которым он пользовался, может означать «две дочери, которые были обручены с царями Египта и Кипра, когда они еще росли вместе мальчиками и девочками». Хотя слово συντρεφόμενοι в нашем теперешнем тексте грамматически согласуется с αὐτῷ (то есть это сам Митридат), довольно странно использовать его, говоря об отце и детях. Обычно, как мы видели выше, им назывались дети из знатных семей, которые росли в эллинистических государствах вместе с царскими отпрысками.

[Вернуться](#)

681

Preisigke-Spiegelberg. Prinz Joachim Ostraka. № 1.

[Вернуться](#)

682

Она названа «сестрой» в демотическом папирусе, на который мы только что ссылались, но это ничего не доказывает.

[Вернуться](#)

683

См. с. 221, 227.

[Вернуться](#)

684

В обоих своих переводах Бругш отталкивался от того, что в египетском тексте здесь следует читать «будущего царя», и Отто (II, p. 302, примеч.) строит на этом свою теорию, что Пшерени-птах короновал сына Птолемея Авлета, а не самого Авлета. Но здесь вообще ничего не сказано о «будущем» царе. Знак, который Бругш принял за слово «будущий», имеет значение «приносить» и читается как «iu». В данном случае это не более чем фонетический индикатор слова «царь», которое следует за ним, а именно «uīsw» – но при этом в первом слоге произошла метатеза. На эту разгадку, как сообщил мне мистер Глэнвилл, ему указал доктор Алан Гардинер.

[Вернуться](#)

685

Maspéro. Journal Asiatique, VIIme sér. tom. XV (1880). P. 413.

[Вернуться](#)

686

Как замечает Буше-Леклерк, невероятно, чтобы юноша за девятнадцать тревожных дней своего правления успел подумать о завещании. Буше-Леклерк полагает, что, если завещание и было подлинным (а его подлинность оспаривалась даже в то время), Сулла наверняка силой вырвал его у Александра в Риме, прежде чем отправить юного Птолемея в Египет.

[Вернуться](#)

687

I.83.

[Вернуться](#)

688

Такого рода заявления не представляют почти никакого интереса, потому что мы не знаем, во-первых, каким было соотношение числа граждан и остального населения; во-вторых, входили ли в эти 300 тысяч женщины. Что же до 6 тысяч талантов, то мы не знаем, во-первых, какова их стоимость в пересчете на сегодняшние деньги, и, во-вторых, какие доходы были в них включены – и натурой, и деньгами или только деньгами. Цицерон, слова которого привел в своем сочинении Страбон (XVII. С. 797), утверждал, что ежегодный доход Авлета доходил до 12 с половиной тысяч талантов.

[Вернуться](#)

689

«Скорее всего, это правда, так как древние египтяне использовали только шадуф» (М.).

[Вернуться](#)

690

Вероятно, серебряных талантов, что эквивалентно почти половине годового дохода, если верно утверждение Цицерона (с. 393, сноска 1) и если в обоих случаях имеются в виду одни и те же таланты.

[Вернуться](#)

691

Вилькен предполагает, что в это время Птолемей Авлет издал указ об отсрочке платежа в пользу фаюмских колонистов – воинов конницы, экземпляр которого дошел до нашего времени в сильно испорченном виде (Archiv, VI. P. 405).

[Вернуться](#)

692

Буше-Леклерк высказывает мнение, что когда Птолемей покидал Египет, у него еще не было намерения просить военной помощи у римлян, чтобы восстановиться на троне, и он сделал это, только узнав, что в его отсутствие в Александрии сложилась угрожающая обстановка и ему уже небезопасно возвращаться без римской поддержки.

[Вернуться](#)

693

В таком запутанном деле, как семья Авлета, ни одна теория не может претендовать на большую достоверность, чем шаткое равновесие вероятностей. В целом точка зрения Буше-Леклерка, как она изложена в примечании (II, p. 145), кажется мне наиболее обоснованной. Он считал, что Клеопатра Трифена, соправительница Береники, – это ее мать, а не старшая сестра. Штехелин в своей статье в энциклопедии Паули-Виссова (Kleopatra V. Tryphaina, с. 749) категорически утверждает, что Буше-Леклерк ошибается, даже не пытаясь возразить на его доводы. Буше-Леклерк признает в примечании, что имя Клеопатры Трифены исчезает из папирусов начиная с 69 года до н. э. Если согласиться с мнением Буше-Леклерка, пишет Штехелин, то нужно предположить, что утверждение Порфирия ошибочно. Разумеется.

[Вернуться](#)

694

См.: *Bouché-Leclercq*. II. P. 179 note. «Ptolemaeum patrem in regnum reduxerant» (Caes. B. C. III.110.6).

[Вернуться](#)

695

C.I.G. 4926.

[Вернуться](#)

696

Очень маловероятно, что в венах Клеопатры VI текла хоть капля египетской крови. Кровь Селевкидов в ее жилах была македонской с толикой персидской, но не сирийской. Исходя из сомнительных предположений о том, что: 1) мать Птолемея Авлета была чистокровной гречанкой, 2) его жена Трифена была его родной сестрой, 3) Клеопатра была дочерью Трифены, – можно прийти к выводу, что в Клеопатре текло 32 части греческой крови, 21 часть македонской и 5 персидской.

[Вернуться](#)

697

Strack. P. 212.

[Вернуться](#)

698

Имя греческое; национальность неизвестна. См. с. 312.

[Вернуться](#)

699

Плутарх. Помпей, 77.

[Вернуться](#)

700

Записки о гражданской войне, III.110.6.

[Вернуться](#)

701

Klio, X (1910), p. 55.

[Вернуться](#)

702

O.G.I. 190.

[Вернуться](#)

703

См.: *Bouché-Leclercq*. II. P. 199, примеч. Бирт все-таки считает, что сама великая Библиотека была уничтожена в 46 году до н. э. (Kritik und Hermeneutik в: I. von Müller's Handbuch. S. 339.)

[Вернуться](#)

704

Сейчас это доказано в: Оху, XIV, № 1629.

[Вернуться](#)

705

Сэр Ф. Питри утверждает, что, с точки зрения египтян, не было ничего дурного в том, что их царица вышла за человека, который на

протяжении какого-то времени был фактическим правителем Египта.

[Вернуться](#)

706

К Аттику, XV.15.

[Вернуться](#)

707

Оху, XIV, № 1629.

[Вернуться](#)

708

Порфирий сообщает, что он умер в 4-й год правления (= 8-й год царствования Клеопатры), то есть в 45–44 гг. до н. э.

[Вернуться](#)

709

XLVII.31.5.

[Вернуться](#)

710

Annales (1908). P. 241.

[Вернуться](#)

711

Диттенбергер (O.G.I., № 194) согласен с предположением Франца, считавшего, что она была вырезана в «десятый год (правления

Клеопатры. – *Ред.*), который также является вторым годом (царствования Птолемея Цезаря), то есть в 43/42 году до н. э.». Но в более поздних источниках, датированных правлением матери и сына, 16-й год царствования Клеопатры (37–36 до н. э.) соответствует первому году, указанному в папирусе из другой серии, а надпись из Гераклеополя датирована просто 11-м годом. Штрак, который разделяет мнение, что серия с меньшими числами – это папирусы, датированные годами царствования *Птолемея Цезаря*, также предполагает, что Клеопатра, хотя она и сделала Птолемея Цезаря соправителем (*Mitherrscher*) в 44 году до н. э. вместо его покойного дяди, совместным царем (*Sammtherrscher*) он стал лишь после 36 года, с этого времени и отсчитываются годы его правления. По-моему, это несущественное различие. В статье, на которую ссылается Диттенбергер (*Journal des Savants*, 1842. Р. 717), Летронн не разделяет мнения, в поддержку которого Диттенбергер ее цитирует. Летронн считает, что серия с меньшими числами в датировке представляет собой годы правления *Марка Антония* в качестве царя Египта; но, вероятно, прав Штрак, утверждающий, что Антоний никогда не был египетским царем. Летронн предположил, что *годы правления Птолемея Цезаря (правившего совместно с матерью в 44 году до н. э.) не считались отдельно* и поэтому в отломанной части Туринской стелы *не было двойной датировки*. По словам Порфирия, в папирусах с двойной датировкой оба числа являются годами правления *Клеопатры*: первое представляет собой указание на годы ее правления в качестве царицы Египта, другое – в качестве царицы Халкиды в Сирии, которая перешла к ней в 36 году до н. э. Пожалуй, это правда. Двойные даты встречаются *только на монетах бейрутской чеканки*, но не на египетских, а в Сирии и Финикии годы Клеопатры вполне могли отсчитываться с того момента, когда началось ее правление в этих странах, а также от ее восшествия на египетский трон (*Svoronos*. Р. 469). Если упомянутый в Туринской стеле голод – это голод 44 и 43 годов до н. э., то Птолемей Цезарь, которому тогда исполнилось четыре года, уже должен был иметь статус царя. Буше-Леклерк в томе II пытается соединить точку зрения Летронна с мнением Порфирия, но в томе IV он сам от нее отказывается.

[Вернуться](#)

712

Опубликовано Лефевром в: *Mélanges Holleaux* (1913). Р. 103 и
далее.

[Вернуться](#)

713

Вероятно, номы Нижнего Египта.

[Вернуться](#)

714

Лефевр, применяя это правило к туземным чиновникам, переводит так: «*par haine et dessein d'assouvir en une fois sur eux leurs rancunes*»; но это не может быть верно, поскольку *μισοπονηρία* означает «праведное возмущение».

[Вернуться](#)

715

Ему адресована одна из наиболее известных од Горация (II.3). Поэт призывает его свободно предаваться удовольствиям жизни. «*Horace aurait pu mieux placer ses conseils*» (Bouché-Leclercq).

[Вернуться](#)

716

Suet. Aug. 69.

[Вернуться](#)

717

Аппиан, В. С. V.8.

[Вернуться](#)

718

В нашем распоряжении имеется надпись в честь «бога» Антония, сделанная членом этого братства (O.G.I., № 195).

[Вернуться](#)

719

Таким образом, это несколько оправдывает современных драматургов, представляющих Клеопатру в виде египтянки. Однако она надевала египетское платье только в официальных случаях, выступая в роли не женщины, а богини, которую в то время широко почитали и в греческих странах, и в Египте.

[Вернуться](#)

720

Некий римский офицер в Египте, вероятно префект фабров того года (32 до н. э.), посетил с несколькими друзьями-греками Филэ и оставил на стенах храма памятную надпись (O.G.I., № 196).

[Вернуться](#)

721

Имя Хармион, безусловно, греческое и происходит от χάρις, «радость». Но что насчет Ирады (или Ирас, Εἶρας)? Если Папе (Griech. Eigenname) прав, когда связывает его со словом εἶρος, «шерсть», и утверждает, что оно значит «шерстяная голова», то можно предположить, что Ирада была рабыней-негритянкой. Однако можно усомниться в том, что ее имя как-то связано со словом εἶρος или что, даже если это так, оно значит «шерстяная голова» или что это вообще

греческое слово. Возможно, это уменьшительная форма от Ирины, как Лукас от Лукана.

[Вернуться](#)

722

Гораций. Оды, I.37.

[Вернуться](#)

723

Вергилий. Энеида, VIII.697.

[Вернуться](#)

724

Профессор Нельдеке (Zeitschrift der deutschen morgenländ. Gesellsch., 1885. S. 349) утверждал, что официальная римская версия смерти Клеопатры невероятна по следующим причинам: 1) Клеопатра, как говорят, выбрала смерть от укуса гадюки, так как прежде она решила, что эта смерть – самая безболезненная, тогда как она сопровождается очень сильной болью, во всяком случае некоторое время. 2) Укус гадюки приводит к изменению цвета кожи, которое гораздо заметнее, чем несколько локальных пятнышек. 3) После однократного укуса с выбросом яда змее требуется значительное время, чтобы выработать яд для следующего укуса; поэтому если две служанки Клеопатры умерли вместе с ней от укуса гадюки, то нужно допустить, что в смерти всех трех участвовали по крайней мере три гадюки, хотя ни одной змеи не было найдено. Профессор Нельдеке приходит к выводу, что на самом деле Клеопатру убил Октавиан, и историю с гадюкой придумали римляне и пустили в народ как официальное объяснение ее смерти. Конечно, это не исключено; и в таком случае мы должны предположить, что, когда Олимп писал в книге, как Клеопатра склонялась к самоубийству и рассматривала разные варианты смерти, он говорил то, что хотело слышать римское правительство. Однако

возражения профессора Нольдеке против истории в целом несостоятельны. Относительно третьего пункта, хотя Гален (*De Ther. ad Pisonem*) утверждает, что Хармион и Ирада умерли от змеиного укуса, очевидцев не было, и рассказ Плутарха не противоречит предположению, что они приняли яд одновременно с тем, как царицу укусила змея. По первому и второму пунктам утверждения профессора Нольдеке противоречат фактам.

Профессор Сидни Смит, главный судебно-медицинский эксперт при правительстве Египта, любезно предоставил мне самые авторитетные сведения по этой теме. Главные ядовитые змеи Египта – это кобра (*Naja Naja*), рогатая гадюка (*Cerastes*) и обыкновенная гадюка (*Echis*). Укус гадюки обычно сопровождается сильной жгучей болью в месте прокола кожи с опухолью и небольшим кровотечением, но при укусе кобры болевые ощущения сравнительно слабы и рана почти не опухает. «По сути дела, при патологоанатомическом вскрытии трудно установить место укуса. Смерть может наступить в течение получаса в результате остановки дыхания, вызванной общим параличом». Кобра – самая распространенная среди ядовитых змей, и смертельный исход от ее укуса гораздо вероятнее, чем от укуса гадюки, где смертность составляет около 20 процентов». Единственная трудность, которую видит профессор Смит в истории Клеопатры, – это то, что, по его мнению, кобру едва ли можно было спрятать в корзинке с фигами.

Данная трудность не кажется мне непреодолимой, поскольку мы не знаем, насколько велика была корзина; я видел, как заклинатели змей носят кобр в корзинах весьма скромного размера. Из поэтических соображений было бы очень уместно предположить, что царица Египта выбрала кобру, змею фараонов, орудием своей смерти. В греческом языке кобра обычно называлась словом *ἀσπίδ* (аспид); *ἀσπίδ* у Никандра, кажется, означает кобру, и царский венец с коброй назывался по-гречески *ἀσπίδοειδής* (Канопский декрет). Слово *урей*, которым во многих современных книгах называется змея египетских фараонов, встречается только у Гореполлона (около 500 года н. э.), и у него оно приводится как греческая транскрипция египетского слова *иго* («царь» на коптском языке); оно не имеет отношения к греческому прилагательному *οὐραῖος* и не встречается ни у одного греческого или латинского автора. Гален сообщает, что в Александрии к груди преступников, которых хотели предать смерти самым милосердным

способом, прикладывали кобру и что он сам был свидетелем подобных казней: смерть наступала очень быстро (De theriaca ad Pisonem, 7).

[Вернуться](#)

725

Буше-Леклерк в примечании (II. С. 364), кажется, пропустил утверждение Диона; Р. де ла Бланшер не стал бы делать свои выводы единственно на сомнительных данных, полученных в ходе изучения каких-то монет.

[Вернуться](#)

726

Здесь и далее номера страниц соответствую печатному изданию книги.

[Вернуться](#)

727

Конечно, здесь должна быть Береника: писец невнимательно переписал формулировку, относящуюся к прошлому царствованию.

[Вернуться](#)

728

Как ни странно, подтверждается рассказ, содержащийся в Третьей книге Маккавейской, хотя я все же думаю, что Филопатор не предпринимал серьезных попыток, иначе мы слышали бы о них в Книге Даниила, гл. XI.

[Вернуться](#)

729

Антиох никогда не стал бы уродовать изображения древнегреческих богов. Если эта фраза жрецов не является традиционной формулой, приписывающей злодеяния врагу, то упомянутые изображения должны

быть статуями царей и цариц из династии Птолемеев, которые Антиох обнаружил в сирийских городах.

[Вернуться](#)

730

Смысл египетской фразы непонятен. Весь этот фрагмент очень туманный.

[Вернуться](#)

731

Шпигельберг понимает это в том смысле, что национальный мятеж египтян-командующих потребовал возвращения Филопатора в Египет.

[Вернуться](#)

732

Буквальный перевод греческого слова «каллиникос».

[Вернуться](#)